

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика*	Микробиология*
Агрохимия	Микроэлектроника*
Азия и Африка сегодня	Мировая экономика и международные отношения
Акустический журнал*	Молекулярная биология*
Алгебра и анализ	Наука в России
Астрономический вестник*	Научное приборостроение
Астрономический журнал*	Нейрохимия*
Биологические мембраны*	Неорганические материалы*
Биология внутренних вод*	Нефтехимия*
Биология моря*	Новая и новейшая история
Биоорганическая химия*	Общественные науки и современность
Биофизика*	Общество и экономика
Биохимия*	Океанология*
Ботанический журнал	Онтогенез*
Вестник РАН*	Оптика и спектроскопия*
Вестник древней истории	Палеонтологический журнал*
Вестник Южного научного центра	Паразитология
Водные ресурсы*	Петрология*
Вопросы истории естествознания и техники	Письма в Астрономический журнал*
Вопросы ихтиологии*	Письма в Журнал технической физики*
Вопросы философии	Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики*
Вопросы языкознания	Поверхность*
Восток	Почвоведение*
Вулканология и сейсмология*	Приборы и техника эксперимента*
Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)*	Прикладная биохимия и микробиология*
Генетика*	Прикладная математика и механика
Геология рудных месторождений*	Природа
Геомагнетизм и аэрономия*	Проблемы Дальнего Востока
Геоморфология	Проблемы машиностроения и надежности машин*
Геотектоника*	Проблемы передачи информации*
Геохимия*	Программирование*
Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология	Психологический журнал
Государство и право	Радиационная биология. Радиоз экология
Дефектоскопия*	Радиотехника и электроника*
Дискретная математика	Радиохимия*
Дифференциальные уравнения*	Расплавы
Доклады Академии наук*	Растительные ресурсы
Журнал аналитической химии*	Российская археология
Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова	Российская история
Журнал вычислительной математики и математической физики*	Российский иммунологический журнал
Журнал неорганической химии*	Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
Журнал общей биологии	Русская литература
Журнал общей химии*	Русская речь
Журнал органической химии*	Сенсорные системы
Журнал прикладной химии*	Славяноведение
Журнал технической физики*	Социологические исследования
Журнал физической химии*	Стратиграфия. Геологическая корреляция*
Журнал эволюционной биохимии и физиологии*	США. Канада. Экономика - политика - культура
Журнал экспериментальной и теоретической физики*	Теоретическая и математическая физика
Записки Российского минералогического общества	Теоретические основы химической технологии*
Земля и Вселенная	Теория вероятностей и ее применение
Зоологический журнал	Теплофизика высоких температур*
Известия РАН. Механика жидкости и газа*	Труды Математического института имени В.А. Стеклова*
Известия РАН. Механика твердого тела*	Успехи математических наук
Известия РАН. Серия биологическая*	Успехи современной биологии
Известия РАН. Серия географическая	Успехи физиологических наук
Известия РАН. Серия литературы и языка	Физика Земли*
Известия РАН. Серия математическая	Физика и техника полупроводников*
Известия РАН. Серия физическая*	Физика и химия стекла*
Известия РАН. Теория и системы управления*	Физика металлов и металловедение*
Известия РАН. Физика атмосферы и океана*	Физика плазмы*
Известия РАН. Энергетика	Физика твердого тела*
Известия русского географического общества	Физикохимия поверхности и защита материалов*
Исследование Земли из космоса	Физиология растений*
Кинетика и катализ*	Физиология человека*
Коллоидный журнал*	Функциональный анализ и его применение
Координационная химия*	Химическая физика*
Космические исследования*	Химия высоких энергий*
Кристаллография*	Химия твердого топлива*
Латинская Америка	Цитология*
Лесоведение	Человек
Лёд и Снег	Экология*
Литология и полезные ископаемые*	Экономика и математические методы
Математические заметки*	Электрохимия*
Математический сборник	Энергия, экономика, техника, экология
Математическое моделирование	Этнографическое обозрение
Микология и фитопатология	Энтомологическое обозрение*
	Ядерная физика*

* Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке

Номер 2

Апрель–Май–Июнь
2014

ISSN 0869-6063

ISSN 0869-6063 Российская археология, 2014, № 2

РОССИЙСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.naukaran.ru>

“Н А У К А”

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 2014

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

д.и.н. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, к.и.н. И.С. Каменецкий,
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, акад. РАН Н.А. Макаров,
акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,
д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. А.И. Шкурко, акад. РАН В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
к.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, к.и.н. Н.А. Кренке,
д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва

Издательство “Наука”

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2014

Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области <i>Иванова С.В.</i>	5
Сезонный хозяйственный цикл населения синташтинской культуры Южного Зауралья <i>Бачура О.П.</i>	21
Экипировка раннесарматского элитного воина (по материалам Филипповских могильников) <i>Яблонский Л.Т.</i>	27
Питание носителей традиций салтово-маяцкой культуры в Доно-Донецком междуречье по данным изотопного анализа <i>Добровольская М.В., Решетова И.К.</i>	39
Структура и внутренние связи округа золотоордынских городов Нижнего Поволжья <i>Недашковский Л.Ф.</i>	48
Останки животных в монгольских захоронениях XIII–XIV вв. могильника Окошки I (Юго-Восточное Забайкалье) <i>Харинский А.В., Номоконова Т.Ю., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н.</i>	62
Абсолютная генерализированная дендрохронологическая шкала бассейнов рек Шексна и Сухона (1085–2009 гг.) <i>Карпухин А.А., Мацковский В.В.</i>	76

Публикации

Новые энеолитические памятники на территории Нахчывана <i>Бахшалиев В.Б.</i>	88
Курган V в. до н.э. у с. Турия в Днепровской правобережной лесостепи <i>Могилев А.Д., Диденко С.В.</i>	96
Стеклянный кубок со сценой поединка гладиаторов из кочевнического погребения могильника Лебедевка V (Западный Казахстан) <i>Мошкова М.Г., Трейстер М.Ю.</i>	108
Новые находки круга выемчатых эмалей на Среднем Дону <i>Березуцкий В.Д., Золотарев П.М.</i>	120
Новые погребения Маяцкого селища <i>Сарапулкин В.А.</i>	127
Межэтнические контакты раннего Средневековья в Верхнем Понеманье <i>Витязь С.П.</i>	137
Коралленберге (Хвойное). Стратиграфия и хронология раннесредневекового поселения в Калининградской области <i>Кулаков В.И.</i>	142
Клад № 17 из Старой Рязани <i>Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В.</i>	153
Результаты дендрохронологической датировки Стадухинского острога <i>Жарников З.Ю., Визгалов Г.П., Князева Е.В., Коноваленко М.В., Мыглан В.С.</i>	164

Критика и библиография

Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника “Клады”). СПб., 2012 <i>Корневский С.Н.</i>	171
Казарян А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: формирование и развитие традиции. М., 2012–2013 <i>Беляев Л.А.</i>	177
Levandauskas, Vytautas. Lietuvos Mūro Istorija. Kaunas, 2012 <i>Беляев Л.А.</i>	179

Хроника

19 конгресс Международной ассоциации по истории стекла. Словения, 2012 <i>Лихтер Ю.А., Столярова Е.К.</i>	185
Международный симпозиум “Современные подходы к изучению древней керамики в археологии”. М., 2013 <i>Цетлин Ю.Б.</i>	187
Памяти Юрия Михайловича Лесмана <i>Белецкий С.В., Гайдуков П.Г.</i>	191
Список сокращений	192

Сдано в набор 31.01.2014 г.	Подписано в печать 01.04.2014 г.	Дата выхода в свет 27 кв.	Формат 60 × 88 ¹ / ₈
Офсетная печать	Усл.печ.л. 24.0 + цв. вкл.	Усл.кр.-отт. 9.7 тыс.	Уч.-изд.л. 25.6
	Тираж 396 экз.	Зак. 76	Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 2, 2014

Balkan-Carpathian variant of the Yamnaya culture-historical region <i>Ivanova S.V.</i>	5
Seasonal husbandry cycle of the population of the Sintashta culture of the Southern Trans-Urals <i>Bachura O.P.</i>	21
The equipment of an early Sarmatian elite warrior (on the materials from Filippovka burials) <i>Yablonskiy L.T.</i>	27
The nutrition of the tradition-bearers of the Saltovo-Mayaki archaeological culture in the Don-Donetsk interfluvium area based on the isotopic analysis data <i>Dobrovolskaya M.V., Reshetova I.K.</i>	39
The structure and internal relations of the peripheries of the Golden Horde cities of the Lower Volga region <i>Nedashkovskiy L.F.</i>	48
Animal carcasses in Mongolian graves of the 13 th –14 th cc. in the burial Okoshki 1 (the South-East Trans-Baikal) <i>Kharinsky A.V., Nomokonova T.Y., Kovychev E.V., Kradin N.N.</i>	62
An absolute generalized tree-ring chronology of the Sheksna and Sukhona river basins (1085–2009) <i>Karpukhin A.A., Matskovskiy V.V.</i>	76

Publications

New Chalcolithic sites on the territory of Nakhchivan <i>Bahshaliev V.B.</i>	88
The fifth century B.C. barrow, near the village Tur'ia, on the right-bank, forest-steppe region of Dnieper <i>Mogylov A.D., Didenko S.V.</i>	96
The glass goblet with the scene of a gladiators' battle from the nomadic burial of the barrow Lebedevka V (the Western Kazakhstan) <i>Moshkova M.G., Treister M.Y.</i>	108
New finds of the champléve enamel set in the Middle Don region <i>Berezutskiy V.D., Zolotarev P.M.</i>	120
New barrows of Mayaki ancient settlement <i>Sarapulkin V.A.</i>	127
Interethnic contacts in early Middle Ages in Upper Niemen region <i>Vityaz S.P.</i>	137
Korallenberge (Chvoynoye). Stratigraphy and chronology of the early middle-ages settlement in Kaliningrad region <i>Kulakov V.I.</i>	142
The hoard № 17 from Staraya Ryazan <i>Strikalov I.Y., Chernetsov A.V.</i>	153
The results of the tree-ring dating of the Stadukhino prison <i>Zharnikov Z.Y., Vizgalov G.P., Knyazeva E.V., Konovalenko M.V., Mygla V.S.</i>	164

Critics and Bibliography

Rezepkin A.D. Novosvobodnenskaya culture (on the basis of the materials from the burial “Klady”). SPb., 2012 <i>Korenevskiy S.N.</i>	171
Kazaryan A.Y. Church architecture in Transcaucasus in the VII c.: forming and developing the tradition. M., 2012–2013 <i>Belyaev L.A.</i>	177
Levandauskas, Vytautas. Lietuvos Mūro Istorija. Kaunas, 2012 <i>Belyaev L.A.</i>	179

Chronicles

The 19 th congress of the International association of the glass history. Slovenia, 2012 <i>Likhter Y.A., Stolyarova E.K.</i>	185
The International symposium “Modern approaches to the study of ancient ceramics in archaeology”. M., 2013 <i>Tsetlin Y.B.</i>	187
In Memory of Yu.M. Lesman <i>Beletskiy S.V., Gaidukov P.G.</i>	191
List of abbreviation	192

БАЛКАНО-КАРПАТСКИЙ ВАРИАНТ ЯМНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2014 г. С.В. Иванова

Институт археологии НАНУ, Киев (svi1956@gmail.com)

Ключевые слова: *Балкано-Карпатский регион, ямная КИО, буджакская культура.*

The article considers the sites of Balkan-Carpathian variant of Pit-Grave (Yamnaya) culture-historical area. It is suggested that its formation is connected to the expansion of the tribes of the Budjak culture of the North-West Black Sea region. The chronology, main characters of the communication with autochthonous inhabitants, the character of the contacts and the causes of migration are also specified in the article.

В Балкано-Карпатском регионе известно более 500 погребений, которые исследователи соотносят с ямной культурой: около 150 в Румынии, 280 в Болгарии, 70 в Венгрии и 12 в Сербии (рис. 1). Памятники эти достаточно неоднородны, их анализу в конкретных регионах были посвящены отдельные работы (Escedy, 1979; Панайотов, 1989; Николова, 2000) или разделы монографических исследований (Dumiroaia, 2000; Burtănescu, 2002; Harrison, Heyd, 2007). Можно заключить, что расширение ямной ойкумены, продвижение населения на Балканы и в Карпаты началось на раннем этапе ямной культуры, на рубеже IV–III тыс. до н.э.

Картографирование курганов и могильников демонстрирует расселение ямных племен вблизи металлургических зон; видимо, металл был основным “аттрактором”, определившим направления колонизации Балкано-Карпатского ареала и влиявшим на отношения пришлого и автохтонного населения. Сторонники теории Г. Чайлда – М. Гимбутас продолжают отождествлять продвижение на Балканы с разрушительным вторжением (Дергачев, 2000 и др.). Металлопроизводство предполагает освоение технологий, поэтому для получения определенных знаний, руды или готового металла ямные племена должны были выстроить мирные и долговременные отношения с местным населением, базирующиеся на обмене, а не захвате. Отметим ямное погребение на современном медном руднике Траяново (Панайотов, 1989).

Второй причиной продвижения на запад была, вероятно, необходимость в освоении новых пастбищ. Аридизация климата, несмотря на то, что часть исследователей видят лишь негативную сторону ее воздействия, на самом деле явилась положительным фактором для экономического развития населения степных культур. Последовавшее расширение степной зоны, формирование зон по-

лупустынь способствовали созданию экологической ниши, благоприятной для развития пастушеского подвижного животноводства. При переходе к бронзовому веку наблюдается резкое увеличение численности населения (по сравнению с энеолитической эпохой), создаются условия для “дальнедистанционных” перемещений: развитие колесного транспорта, формирование торговых путей на территории Центральной и Юго-Восточной Европы. Следствием возникновения новых климатических условий, новых потребностей (и возможностей) обществ и было продвижение племен буджакской культуры на запад.

Выделяется несколько регионов со своими характерными чертами.

Пруто-Карпатский регион (рис. 1, а; 2, 1–5)¹ в целом был освоен ямным населением, за исключением центральной части, где известны лишь единичные погребения: в центральной части румынской Молдовы обитали носители культуры шаровидных амфор. Окружение ямной культуры в Пруто-Карпатском регионе было достаточно пестрым. Видимо, в связи с такой этнокультурной ситуацией появляются синкретические типы погребений, где с элементами ямного погребального ритуала сочетаются бескурганый обряд захоронения и инвентарь, связанный с местными культурами (Burtănescu, 2002. Р. 484). Особенностью этого региона является тесная связь с Северо-Западным Причерноморьем, выразившаяся в присутствии керамики и артефактов, характерных для буджакской культуры².

¹ Отсутствие в ряде публикаций масштабов обусловило его отсутствие и в некоторых наших рисунках.

² Под последней автор, в отличие от других исследователей (Черняков, 1979), понимает не только поздние памятники: своеобразие региона проявляется уже на начальном этапе существования здесь ямного населения.

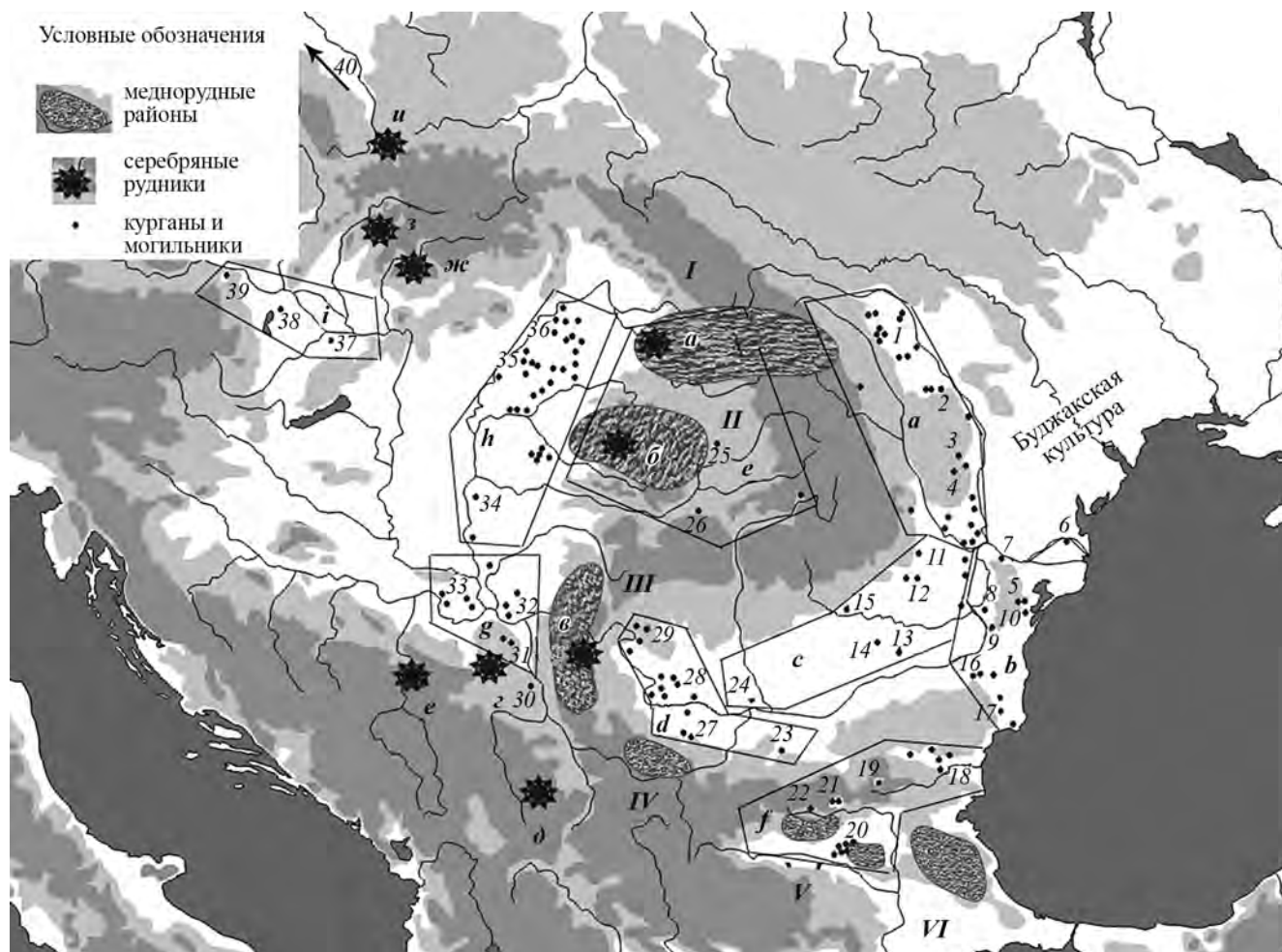

Рис. 1. Расположение меднорудных районов (по Е.Н. Черных, 1976), серебряных рудников и памятников Балкано-Карпатского варианта ямной КИО: *Меднорудные районы:* I – Северная часть Восточных Карпат (районы Бая-Маре, Родна, Бая-Борша, Южная Буковина); II – Западные Румынские горы (Апусени), рудные районы Металич и Бихор; III – группа месторождений Банат, Бор, Видин; IV – Врачанская группа; V – Верхнефракийская группа; VI – Странджа. *Современные серебряные рудники:* а – Байя-Сприе, Кавник; б – горы Апусени, Вереспаток (Абруд); в – группа месторождений Бор, Рудна Глава, Майданпек; г – Рудник; д – Ново-Брдо; е – Сребреница; жс – группа месторождений Шемниц, Пуканек, Нова Баня; з – Кремница; и – Олькуш; *Памятники, упоминаемые в работе:* 1 – Тырпешти; 2 – Валя Лупулуй; 3 – Главанешти; 4 – Лиешти; 5 – Байя Хаманджия; 6 – Килия Векь; 7 – Лункавица; 8 – Налбант; 9 – Михай Браву; 10 – Хыршова; 11 – Браилица; 12 – Смесени; 13 – Гурбанешти; 14 – Плоешти-Трияж; 15 – Аричешти-Рахтивань; 16 – Поручик Гешаново; 17 – Плачидол, Езерово; 18 – Мадара, Невша; 19 – Ямбол, Бояново; 20 – Траяново, Голяма Детелина; 21 – Нова Загора, Събрано; 22 – Стара Загора; 23 – Горан-Слатина; 24 – Зимнич; 25 – Байя Ливезиль; 26 – Байя де Криш; 27 – Раст Сика де Кымп; 28 – Тырнава, Кнежа, Хырлец; 29 – Вербица; 30 – Добрача; 31 – Рогойевац, Перлез; 32 – Батайника; 33 – Бор, Падей, Войка, Ябука, Панчево-Три Буки; 34 – Деваванья, Кетедьхаза; 35 – Шаретудвари-Орхалом, Балмазуйварош; 36 – Хайдюхалаш; 37 – Генью; 38 – Нойзидль-ам-Зее; 39 – Эсслинг; 40 – Бленкендорф (Саксония-Анхальт, вне карты). *Деление памятников по регионам:* а – Пруто-Карпатский регион, б – Добруджа, с – Мунтения и восточная Олтения, д – запад Нижнего Подунавья, е – Трансильвания, ф – северо-восточная Фракия, г – Банат, h – Альфельд, i – Верхнедунайский регион.

Курганы ямной культуры средних размеров, иногда были окружены кромлехами, рвами, фиксируются следы кострищ. Обычно в кургане находят 1–2 захоронения, изредка 5–10 могил (Главанешти Векь, Валя Лупулуй, Лиешти). В таких случаях погребения размещены по окружности кургана или в восточной части насыпи. Погребения индивидуальные, реже встречены коллективные захоронения и кенотафы; доминирует западная ориентировка.

Погребальные сооружения представлены прямоугольными и “подовальными” ямами, имеющими каменное или деревянное перекрытие. В обряде часто применялась посыпка охрой. Более половины погребений содержало скелеты, положенные скорченно на спине. В погребальном инвентаре преобладает керамика: горшки, чаши, амфоры, орнаментированные “буджакские банки”. Металлические артефакты представлены украшениями (спирали

Рис. 3. Погребения и инвентарь Балкано-Карпатского варианта ямной КИО Олтении и Мунтении: 1 – Раст Сика де Кымп 1/1; 2 – Браилица, п. 259; 3, 4 – Аричешти Рахичевани 1/1; 5 – Гурбанешти 2/9; 6–10 – Аричешти Рахичевани 1/3; 11, 12 – Браилица, п. 34; 13, 14 – Браилица, п. 144; 15 – Хыршова; 16 – Плоешти-Трияж 1/20; 17, 18 – Плоешти-Трияж, 1/15; 19 – Гурбанешти 2/4 (1, 5 – Зирра, 1960; 2, 11–14 – Harfuche, 2002; 3, 4, 6, 10 – Frînculeasa, 2007; 15–19 – Roman et al., 1992) (4 – серебро; 7, 8 – серебро (?); 9 – каолин; 10 – кремль; 11, 14–17, 19 – керамика).

из курганов отражает связи с культурами Эзеро и Езерово II, Коцофень (Николова, 2000. С. 434–437). В составе погребального инвентаря были найдены украшения: серебряные, медные и золотые спиральные подвески и кольца. Известны ожерелья из металлических бусин, из зубов животных и человека,

кости, горного хрусталя. Интерес представляет находка остатков деревянной повозки (рис. 2, 8).

Памятники Мунтении и восточной Олтении (рис. 1, с; 3; 4, 1–8), расположенные вдоль северного побережья Дуная, частично демонстрируют восприятие традиций местных культур (Frînculeasa,

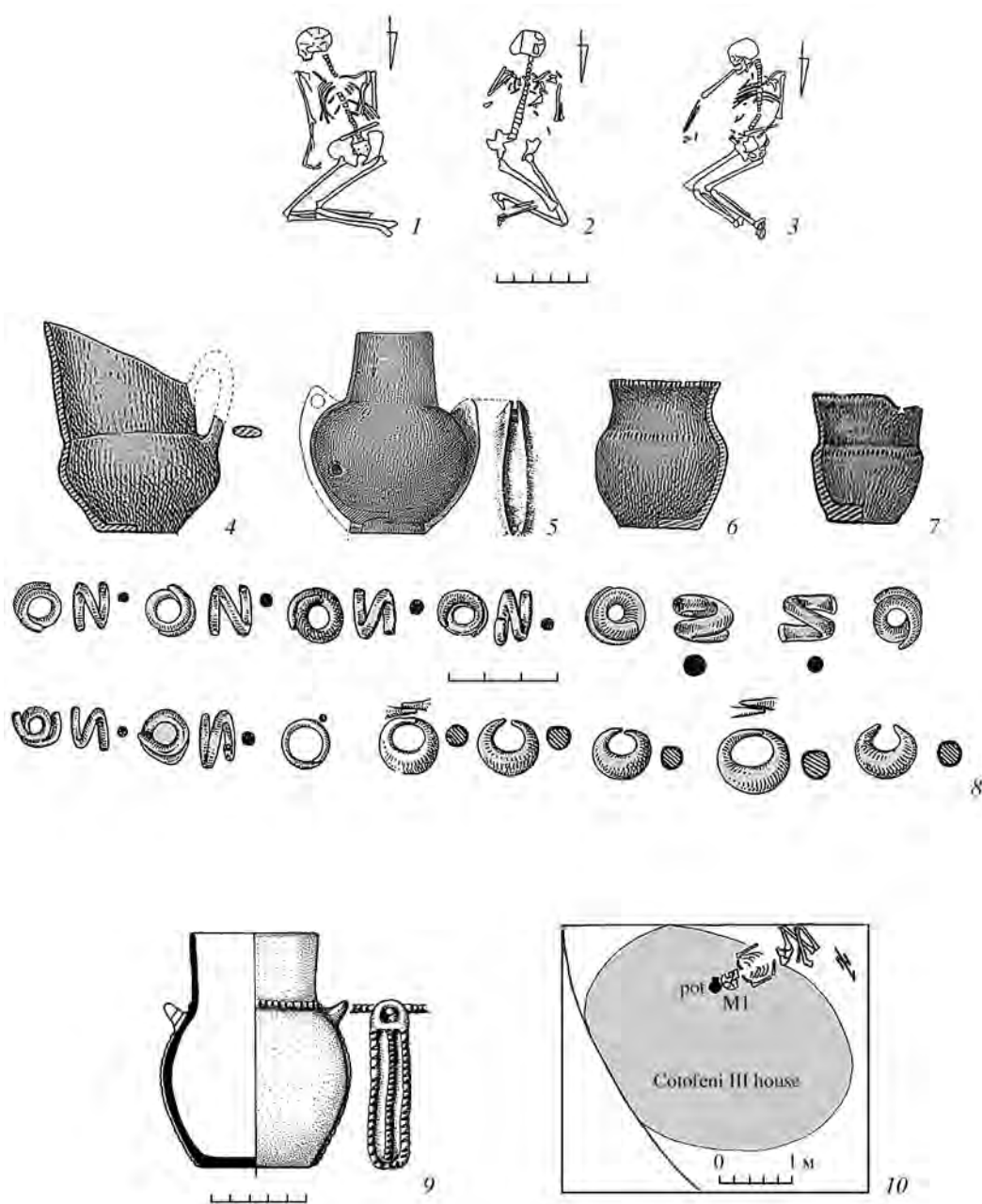

Рис. 4. Погребения и инвентарь Балкано-Карпатского варианта ямной культуры Мунтении и Трансильвании: 1 – Зимнича, погр. 21; 2 – Зимнича, погр. 29; 3, 4 – Зимнича, погр. 48; 5 – Зимнича, погр. 4; 6 – Зимнича, погр. 23; 7 – Зимнича, погр. 49; 8 – Зимнича, погр. 4, 9, 16, 20, 24; 9, 10 – Байя Ливезиль, п. 1 (1–8 – Alexandrescu, 1974; 9, 10 – Ciugudean, 2011) (4–7, 9 – керамика; 8 – серебро).

2007). Известны курганы (Аричешти-Рахтивань, Гурбанешти, Плоешти-Трияж, Смеень и др.) и грунтовые погребения (в поликультурных могильниках Зимнича (рис. 4, 1–3) и Браилица (рис. 3, 11–14). Погребения обычно совершены в прямоугольных, реже – в овальных ямах, преобладает скорченное на спине положение умершего. В могильнике Браилица скорченные на боку захоронения в овальных ямах отражают связь с культурой Чернавода II. Посыпка

охрой встречена лишь в подкурганных погребениях. В инвентаре – многочисленные сосуды: аскосы, горшки, кубки и сосуд с арковидными ручками, характерный для культуры Коцофень (рис. 4, 4–7). Представительна коллекция серебряных подвесок разного облика – спиральных и с несомкнутыми концами, известных как “тип Зимнича” (рис. 4, 8)

На западе Нижнего Подунавья ямные курганы находятся в ареале культуры Коцофень (рис. 1, d; 5),

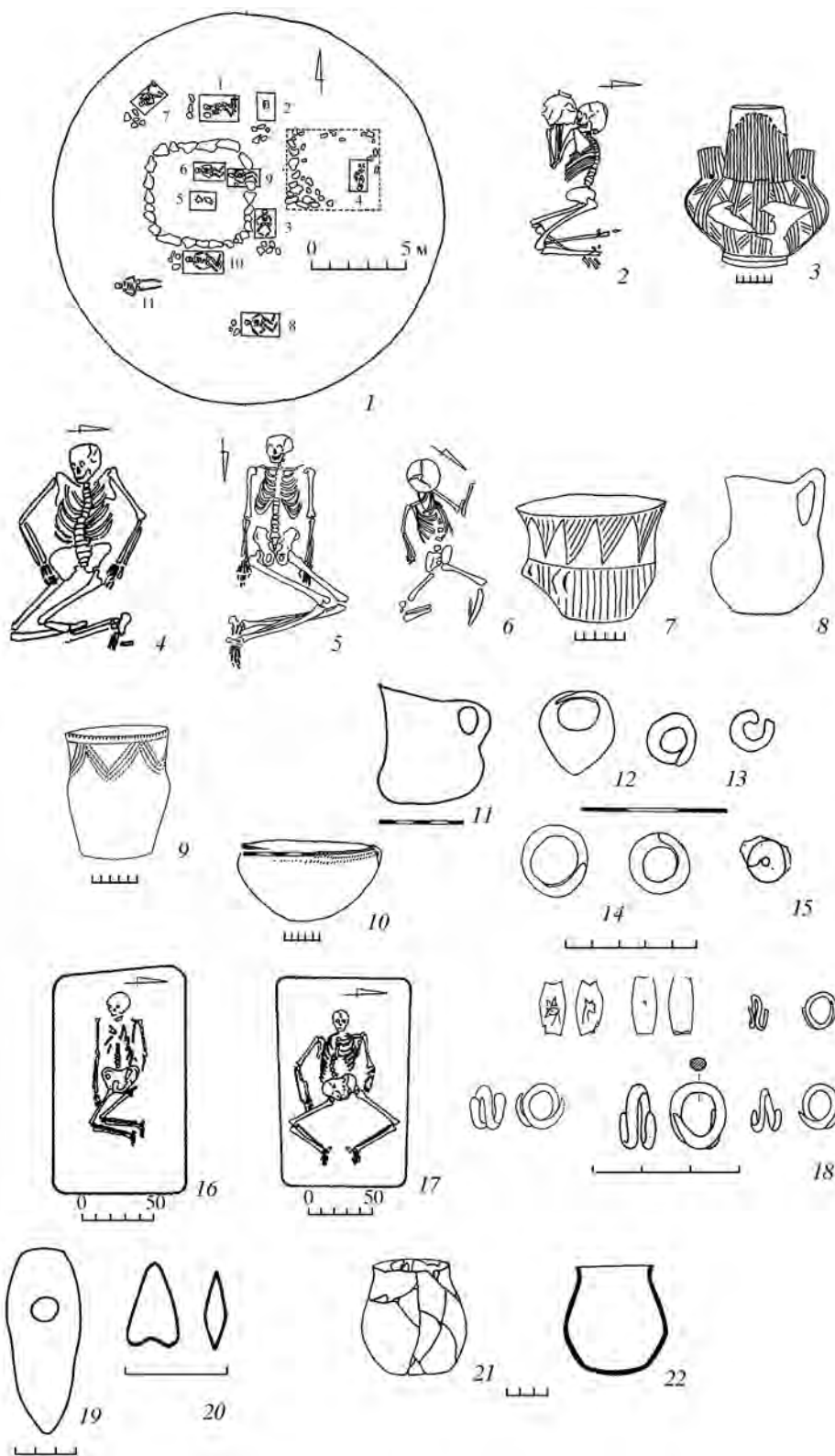

Рис. 5. Погребения и инвентарь Балкано-Карпатского варианта ямной культуры на западе Нижнего Подунавья: 1 – Тырнава, кург. 1, общий план; 2, 3 – Тырнава 1/1; 4 – Тырнава 1/6; 5 – Кнежа 1/1; 6 – Тырнава 1/7; 7, 8 – Тырнава 1/4; 9 – Тырнава 2/1; 10 – Тырнава 1/2; 11 – Тырнава 1/9; 12 – Тырнава 1/8; 13 – Тырнава 1/9; 14 – Тырнава 1/1; 15 – Тырнава 1/7; 16 – Горан-Слатина 7/4; 17 – Горан-Слатина 5/9; 18 – Горан-Слатина, разные компл.; 19 – Горан-Слатина 3/2; 20 – Горан-Слатина 8/2; 21 – Горан-Слатина 2/4; 22 – Горан-Слатина 3/7 (1–15 – Панайотов, 1989; 16–22 – Николова, 2000) (3, 7–11, 21, 22 – керамика; 12 – золото; 13 – медь; 14, 15 – серебро; 18 – золото и серебро; 19 – камень; 20 – кремь).

с чем связано появление в ямной среде новых обрядовых черт и инвентаря. Контакты ямной культуры и культуры Коцофень прослеживаются в могильниках Тырнава, Кнежа и Хырлец в Болгарии, Вербица др. в Олтении (Румыния). Высота курганов варьирует от 0.5 до 3.5 м, диаметр достигает 25 м; встречаются каменные ограды, окружающие захоронения. Преобладают погребения в прямоугольных ямах со скорченным на спине положением умершего, скелеты посыпаны охрой. В ряде случаев известна кремация, причем в одном стратиграфическом горизонте с ингумацией. В ямных погребениях найдена керамика культуры Коцофень периодов II–III (рис. 5, 7, 10, 11), остатки кремации размещались в сосудах ямной культуры (рис. 5, 9) и культуры Коцофень (рис. 5, 3). Помимо традиционных для ямной культуры спиральных подвесок (рис. 5, 13–15), здесь найдены уникальные подвески типа Леукас (рис. 5, 12). Этот достаточно редкий тип украшений известен, в основном, в Трансильвании и Северной Греции. Могильник Горан-Слатина, напротив, не связан с местными традициями, демонстрируя традиционные ямные черты обрядности и выделяясь богатством инвентаря (рис. 5, 16–22).

В Трансильвании (рис. 1, е; 4, 9, 10) раскопанных ямных курганов немного; они находятся в центральной и северной части области, в долине реки Муреш, близ гор Апусени. Предполагается их появление здесь на поздней стадии культуры Коцофень, т.е. в первой половине III тыс. до н.э. (Ciugudean, 2011. Р. 29). Все они продемонстрировали материалы, сопоставимые с ямной культурой: центральное погребение под курганной насыпью, деревянное перекрытие, скорченное на спине положение скелета, посыпка охрой. Отмечается влияние ямного погребального обряда на местные культуры (Ливезиль), которые наряду с кремацией начинают использовать ингумацию, возводить земляные насыпи взамен традиционных каменных (Ciugudean, 1996). С другой стороны, использование каменных покрытий в ямных курганах близ Апусени, порой – отсутствие могильных ям (положение скелета на уровне древнего горизонта), демонстрируют выраженную местную компоненту в погребальных обычаях ямного населения (Ciugudean, 2011. Р. 29). Изредка встречаются курганы на территории поселений. Инвентарь редок, чаще всего состоит из глиняной посуды, найденные здесь серебряные височные подвески и антропоморфные каменные стелы имеют аналогии в других регионах – Нижнем Подунавье и Степном Причерноморье. Происхождение антропоморфных стел и менгиров исследователи однозначно связывают с населением ямной культуры, продвижение которого в Трансильванию предполагается по р. Муреш и Сомеш (Ciugudean, 2011. Р. 29–30).

Северо-восточная Фракия (рис. 1, f; 6) является самым южным регионом в ареале ямной культуры на Балканах. Курганы достигают высоты до 3.5–4 м, порой встречаются каменные обкладки насыпи и стен погребальной камеры (Ямбол) (Iliev, 2011). В погребальном обряде использовалась посыпка охрой. Погребения чаще всего выполнены скорченно на спине, хотя известны захоронения в сильно скорченном положении на боку и вытянутые, что характерно для местных земледельческих культур. В грунтовом могильнике у города Стара Загора (культура Эзеро), как полагают, отразились и ямные традиции (Катинчаров, 1987; Nikolova, 1999. Р. 352). Здесь найдена керамика, отражающая связи ямных племен с культурами Коцофень и Эзеро, а также украшения в виде серебряных височных подвесок. Особо привлекает внимание упомянутое в начале статьи захоронение на территории современного медного рудника Траяново (рис. 6, 6, 7).

Сербия и Банат (рис. 1, g; 7, 23, 24). Предполагается, что ямное население проникло на территорию Сербии и Баната с Нижнего Подунавья и верховий Тисы (Srejšović, 1994). Курганы изучены, преимущественно, в Восточной и Северной Сербии; большинство имеют высоту 3–8, диаметр 35–40 м. Погребения имели деревянное перекрытие, умершие были уложены скорченно на спине или с наклоном на бок, в обряде использовалась охра. В Западной Сербии (курган Добрача) были выявлены черты местных культур (кремация, керамика культуры Ватин), в сочетании с ямными элементами (кромлех, каменная конструкция над центральной частью кремации (Tasic, 1995. Р. 72–74; Nikolova, 1999. Р. 385, 386). Отмечается также близость “степных” черт обряда этого памятника с курганами Рогойевац и Бор в Сербии (Bogdanović, 1996).

В Альфельде (рис. 1, h; 7, 14–22) зафиксировано более 3000 курганов (Escedy, 1979), но относить все неисследованные памятники к бронзовому веку (или средневековью), как это иногда делается в работах некоторых исследователей, некорректно. К анализу следует привлекать лишь раскопанные курганы. Высота ямных курганов – от 1 до 10, диаметр – 20–70 м. Преобладает западная ориентировка умерших, скорченное на спине положение скелета в прямоугольной (реже овальной) могильной яме, перекрытой деревом или циновкой (или без перекрытия); известны одиночные и коллективные погребения (рис. 7, 20–22). Тела погребенных покрыты охрой, охра встречена и в виде кусков. В исключительных случаях зафиксирована ритуальная раскраска черепа. В четырех захоронениях могильника Кетедьхаза были найдены остатки деревянных повозок (Escedy, 1979; Horváth, 2011). Керамика почти не встречается.

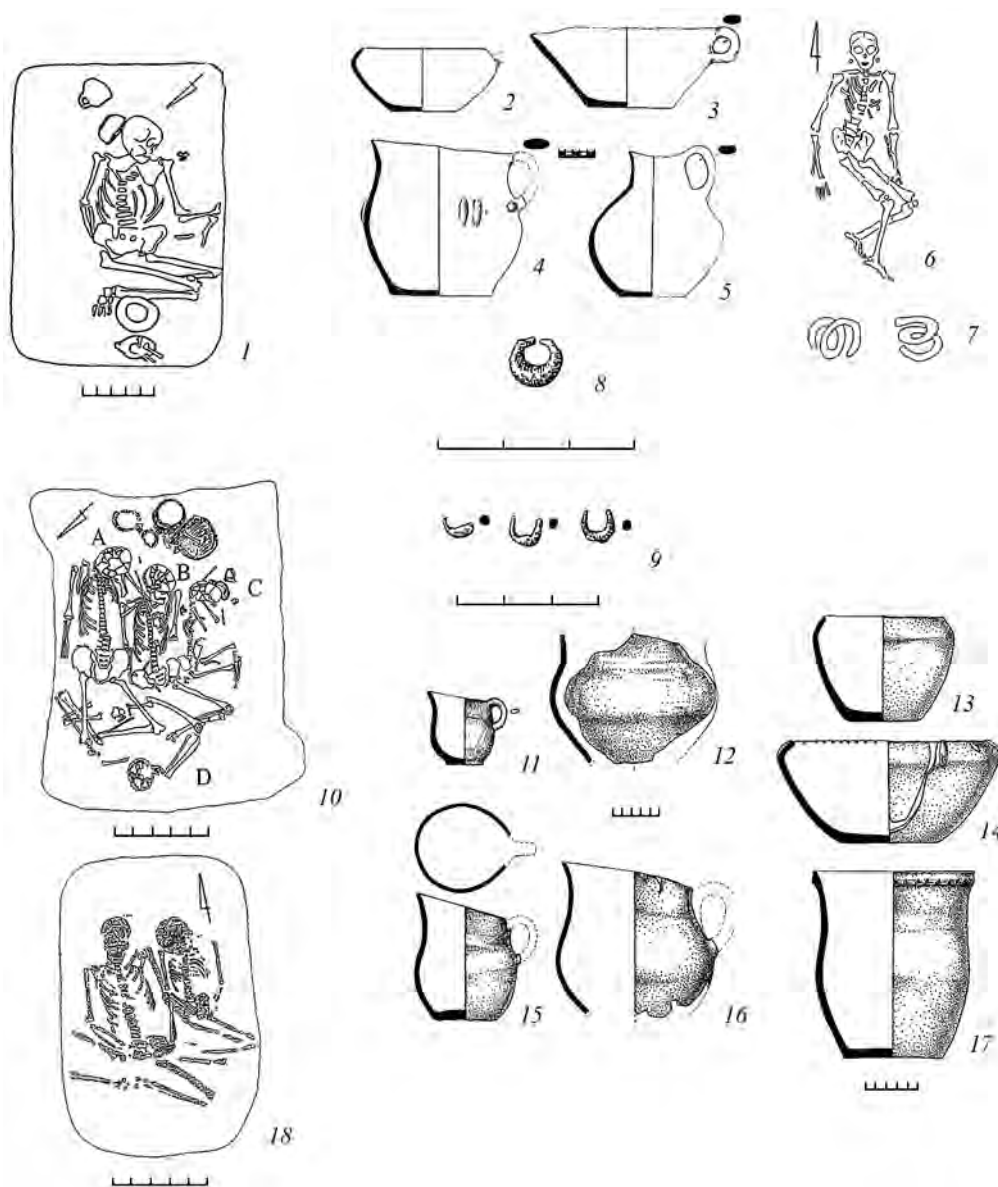

Рис. 6. Погребения и инвентарь Балкано-Карпатского варианта ямной культуры в северо-восточной Фракии: 1–5 – Голяма Детелина 2/24; 6, 7 – Траяново 1/1; 8 – Голяма Детелина 2/12; 9 – Голяма Детелина 2/30; 10–17 – Събрано погр.1; 18 – Бояново 1/17 (1–5, 8, 9 – Кънчев, 1995; 6, 7 – Панайотов, 1989; 10–17 – Христова, Узунов, 2012; 18 – Пиев, 2011) (2–5, 11–17 – керамика; 7–9 – серебро).

В погребальном инвентаре – бисер цилиндрической формы, изогнутые пластины из меди, ожерелье из зубов собаки; также известны астрагалы овец или коз. Антропоморфная стела сопоставима с найденными в Трансильвании, Добрудже, хотя, возможно, следует обратиться и к монументальной скульптуре Западной Европы. В целом, отмечается близость ямных памятников Альфельда – с одной стороны, и Олтении и Нижнего Подунавья – с другой. Антропологический тип ямного населения отличен от местного и в последующие эпохи не встречается, предполагается участие местного компонента

(женщины) в сложении ямной культуры Потисья (Zoffmann, 2000. P. 77).

Верхнедунайская группа (рис.1, i; 7, 1–13). Выделено несколько захоронений, в которых исследователи видят ямные черты; предполагается продвижение незначительных групп ямного населения на запад от Альфельда. Это погребения Генью (Gönyü) на границе Среднего и Верхнего Дуная, на западе Венгрии; Нойзидль-ам-Зее в восточной Австрии; Эсслинг близ Вены; Блекендорф в Германии (Саксония-Анхальт) (Harrison, Heyd, 2007). Первые

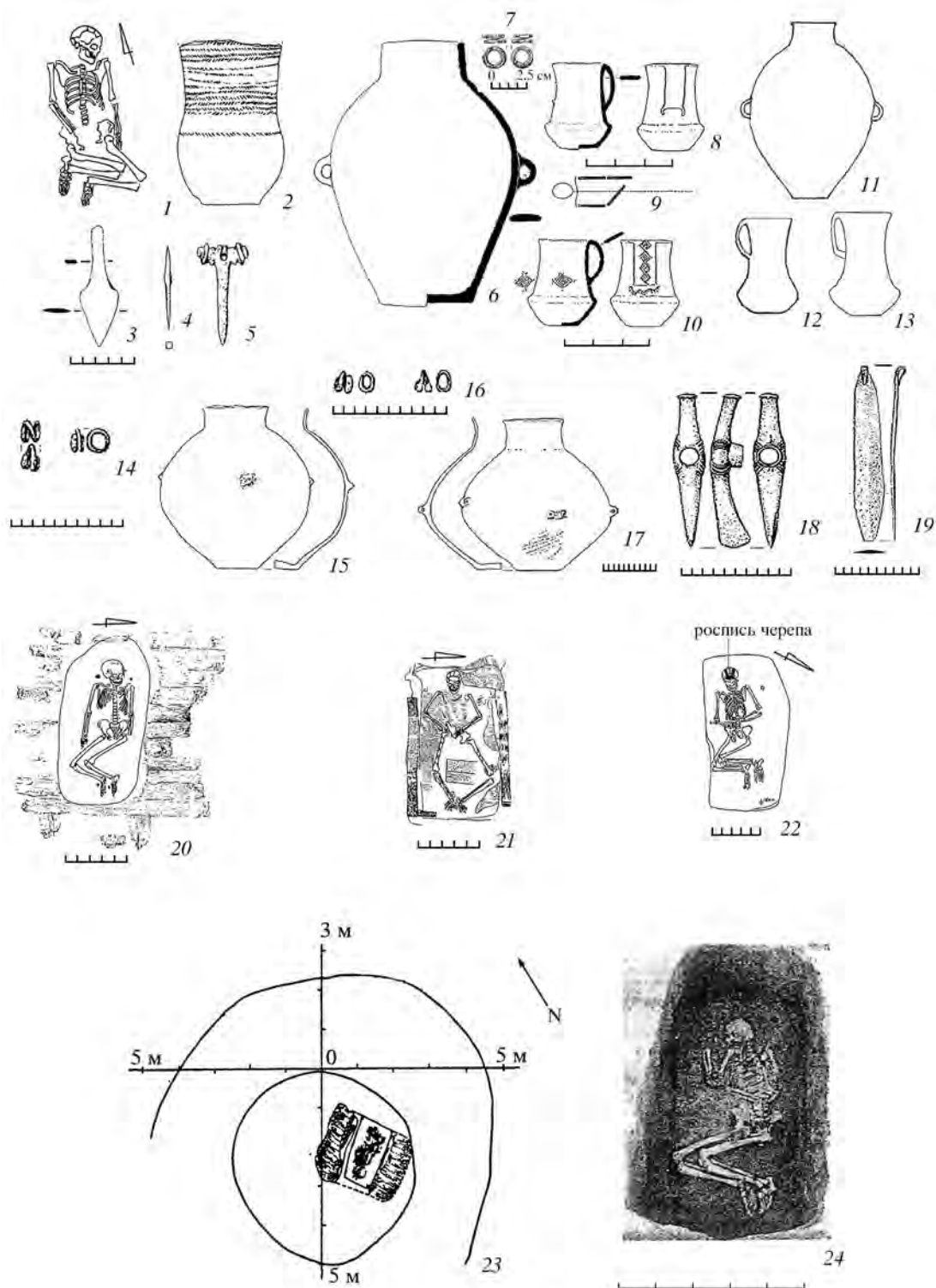

Рис. 7. Погребения и инвентарь Балкано-Карпатского варианта ямной культуры в Верхнем Подунавье, Альфельде и Банате: 1–5 – Блекендорф; 6–10 – Нойзильд-ам-Зее; 11–13 – Генью; 14, 15 – Шаретудвари, погр. 4; 16–19 – Шаретудвари, погр. 7, 7а; 20 – Кетедьхаза 3/1; 21 – Кетедьхаза 3/6; 22 – Деваванья 1/2; 23, 24 – Ябука 1/1 (1–13, 23, 24 – Harrison, Heyd, 2007, 14–19 – Dani, Nepper, 2006; 20, 21 – Escedy, 1979; 22 – Horvath, 2011) (2, 6, 8–13, 15, 17 – керамика; 3, 4, 18, 19 – медь; 5 – кость; 7 – золото; 14, 16 – золото, серебро).

три погребения расположены на Верхнем Дунае, продолжая “дунайский путь” ямных племен, последнее находится намного севернее. Как полагают, комплексы из Генью и Нойзидль-ам-Зее отражают сочетание ямных и вучедольских признаков, из которых ямными являются ингумация (на фоне принятой в культуре Вучедол кремации), центральное положение под насыпью, золотые спиральные подвески. В погребальном инвентаре Нойзидль-ам-Зее имеются кувшины, датируемые фазой Вучедол II, амфора, сопоставимая с посудой Мако-Косиги-Чака и Йевисовиче (Ruttkay, 2002. Р. 150). В Эсслинге был найден нож из мышьяковой бронзы, как полагают, маньчского типа. Имеющиеся даты укладываются в диапазон XXVIII–XXVI вв. до н.э.

Мы полагаем, что все комплексы западного ареала следует объединить в отдельный Балкано-Карпатский вариант ямной КИО, характерным признаком которого является синкретизм, слияние ямных и местных черт, что отразилось и в инвентаре, и в элементах погребальной обрядности³. Другой особенностью являются продолжительные взаимосвязи с исходной территорией. Это позволяет говорить не о вторжении или миграции как внезапном переселении, а о постепенной колонизации определенных регионов. Предполагается несколько путей продвижения ямного населения на запад: вдоль Дуная, через Трансильванию по долинам рек Сомеш и Муреш и вдоль северных отрогов Карпат.

Н.Я. Мерперт верно определил ту территорию, откуда происходило движение на запад – междуречье Буга и Дуная, т.е. Северо-Западное Причерноморье (Мерперт, 1982. С. 329). Заметная на фоне остальных территорий ямной КИО (Субботин, 2003) концентрация в буджакских погребениях Северо-Западного Причерноморья изделий из серебра и меди, импортная и подражательная керамика, освоение технологий металлообработки и использование металлов, происходящих из месторождений Фракии (металлургический очаг Эзеро) (Каменский, 1990. С. 247–248), позволяют предположить продвижение на запад именно буджакских племен. Кроме того, этот регион ямной КИО расположен ближе остальных к Балкано-Карпатскому ареалу.

Особенностью материальной культуры при расселении на новых территориях была утрата форм посуды, характерной для буджакской культуры, привнесение в погребальный ритуал балкано-карпатских и центральноевропейских черт и артефактов. Воспринимаются не только распространенные

в Подунавье скорченное на боку или вытянутое на спине положение скелета, но и бескуранный обряд захоронения (могильники Браилица и Зимнича в Мунтении). При этом сохраняются и “чистые” ямные черты. Влияние ямной культуры на автохтонное население проявилось, в основном, в погребальной обрядности, в меньшей степени – в керамике и других артефактах (ножи, серебряные украшения). Это свидетельствует об определенных интеграционных процессах и о формировании относительно стабильных взаимоотношений между ямным населением и культурами Карпато-Балканского ареала.

Если рассматривать собственно буджакский керамический комплекс, можно отметить, что на раннем этапе (первая половина III тыс. до н.э.) наиболее выраженными были связи с Балкано-Дунайским регионом. Можно отметить параллели с культурой Коцофень III, Эзеро В, Эзерово II, Чернавда II, с более мелкими культурными группами (Зимнича, Тырпешты, Алдешти). На позднем этапе (вторая половина III тыс. до н.э.) проявляются контакты с культурами Карпатской котловины – Глина III-Шнекенберг, Мако, Шомодьвар-Винковци, Ливезиль. На раннем и позднем этапах имели место взаимосвязи с культурой шаровидных амфор (КША) и культурами шнуровой керамики (КШК).

Рассмотрим контакты населения Балкано-Карпатского варианта ямной КИО. Отметим, что в большинстве случаев материальная культура позволяет реконструировать взаимосвязи в первой половине III тыс. до н.э. (культуры Баден, Коцофень, Чернавда II, Эзерово II, Эзеро, Вучедол, КША, КШК). Вторая половина III тыс. до н.э. связана со значительными культурными переменами как в Карпато-Подунавье, так и на центральноевропейских территориях. Они определялись, с одной стороны, упадком культуры Вучедол (2600/2500 BC) и формированием блока культур поствучедольского круга в центральноевропейском ареале (Мако-Косиги-Чака, Шомодьвар-Винковци и др.). С другой стороны, в Карпато-Подунавье формируется достаточно мощный культурный блок Глина III-Шнекенберг. С этим же периодом связано угасание культуры шаровидных амфор, хотя продолжается развитие блока культур шнуровой керамики.

Ямная культура – культуры Чернавда II, Эзерово II. Курганы ямной культуры Северной Добруджи (Михай Браву, Лункавица) и восточной Мунтении (Смеень) содержат керамику культуры Чернавда II. В двух грунтовых чернавдских захоронениях могильника Браилица найдены сосуды, в орнаментации которых прослеживаются параллели с кубками культур шнуровой керамики. Полагают, что их

³ Отметим, что в свое время И. Панайотов выделил нижнедунайский вариант ямной культуры (Панайотов, 1989), куда он включил памятники Болгарии.

распространение вдоль Дуная следует связывать с населением ямной культуры. Сходного облика кубок найден в погребении с кремацией могильника Тырнава, которое предположительно связывают с культурой Коцофень. Исследователи видят параллели между некоторыми сосудами из курганов ямной культуры в Южной Добрудже с культурой Езеро-во II, возможно, часть скорченных на боку погребений в ямных курганах также объясняется контактами двух групп населения (Николова, 2000. С. 444).

Ямная культура – культура Езеро. Археологические данные свидетельствуют о долговременном присутствии ямной культуры в северо-восточной Фракии, в ареале культуры Езеро, условным центром которой считают район г. Нова Загора. Для культуры Езеро известны поселения и слои теллей, погребальный обряд изучен недостаточно, по одному могильнику Стара Загора-Берекет (Езеро AI) и по погребениям на поселениях (скорченные на боку скелеты). Предполагается, что скорченное на спине захоронение, выявленное в Езеро XIII маркирует ямное население, а курганы с керамикой, характерной для культуры Езеро A–VI отражают наличие смешанного населения (Николова, 2000). Население ямной культуры могло проникать в ареал культуры Езеро и в результате сезонных перекочевок, обитая там в зимнее время (Nikolova, 2010). Очевидным является мирное сосуществование двух культур, приведшее, в конечном итоге, к определенной их интеграции. Шнуровой орнамент в культуре Езеро неизвестен в ранних слоях, а получил наибольшее распространение на втором этапе (Езеро, 1979). Существует предположение, что его появление свидетельствует о культурных контактах с Северным Причерноморьем (Катинчаров, 1987). В таком случае речь может идти о населении ямной КИО, скорее всего – буджакской культуры.

Ямная культура – культура Коцофень. В разных местах обитания взаимоотношения между носителями двух культур строятся по-разному. В одних случаях их контакты отсутствуют или сомнительны (могильники Горан-Слатина, Вербица), в других межкультурное взаимодействие ведет к появлению синкретичных памятников. На раннем этапе (конец РБВ I) сосуществование культур проходило без активного взаимодействия. Вторая фаза отражает ситуацию, когда традиционные элементы двух культур пребывают уже в нерасчлененном состоянии (Николова, 2000. С. 440). Могильник Тырнава свидетельствует об отсутствии враждебных отношений между носителями культуры Коцофень и ямной (Катинчаров, 1987). Сосуды Коцофень известны в ямных погр. 2 и 4 кург. 2 у с. Гурбанешти в Мунтепии (Rosetti, 1959). Примечательно появление кера-

мики культуры Коцофень в материалах ямных могильников других территорий: в северо-восточной Фракии (ареал Езеро), северо-восточной Болгарии и Южной Добрудже (ареал Езеро-во II – Чернавода II) (Панайотов 1989, с. 164). Х. Чугудян полагает, что в Трансильвании группы ямного населения приняли участие в трансформации форм погребальных сооружений культуры Коцофень. Именно с ямным влиянием он связывает наличие больших земляных насыпей близ поселений Шинкаи и Борта (Ciugudean, 2011, р. 29). Время контактов двух культур определяют по-разному: периодами Коцофень II (Włodarczak, 2010. S. 317), Коцофень II–III (Николова, 2000. С. 440), Коцофень III (Панайотов, 1989. С. 161–163). Угасание культуры Коцофень не связано с продвижением ямной культуры, а происходит независимо (Николова, 2000. С. 440, 441).

Ямная культура – Болераз – Баден. Вопрос о возможности контактов ямного населения и культурного блока Болераз – Баден однозначно не решен. Небольшое количество керамических находок в Альфельде затрудняет систематизацию и периодизацию ямных захоронений, их датирование и установление культурных связей. Н. Калиц считает, что ямная культура появляется здесь в период классического Бадена и бытует на протяжении всего времени существования баденской культуры (Kalicz, 1998. S. 172, 174). Известно достаточно много случаев, когда курганы ямной культуры были расположены в местах проживания населения культуры Баден, на территории поселений или могильников. По мнению И. Эчеде, население разных культур избегало друг друга из-за разных стилей жизни, но в некоторых случаях была возможна особая форма симбиоза, что проявилось в перекрывании поселений курганами (Ecsedy 1979. P. 15, 19, 39). Д. Энтони полагает, что такая ситуация может быть интерпретирована как показатель социальной иерархии двух культур и подчиненного положения населения культуры Баден (Anthony, 2007 P. 137, 138; 378, 379). Т. Хорват предположила, что курганы строились после оставления поселений, однако неизвестен хронологический интервал между двумя процессами. Возможно частичное сосуществование двух культур, но в своеобразной форме. Так, первое проникновение ямной культуры происходило в период обитания на Большой Венгерской равнине населения культуры Баден, при этом мигрантами были заняты “ничейные земли”. В дальнейшем, после исчезновения культуры Баден, ямная культура расселилась на ее землях (Horváth, 2011. P. 89, 90). Закрепившись на новой для себя территории Потисья, ямные племена использовали и в дальнейшем транзитные пути, что подтверждается археологически притоками нового населения из Причерно-

морья в Альфельд, памятниками со смешанными чертами на раннем этапе и типично ямными – на позднем (Тасич, 1987). Контакты ямного населения и культуры Баден подтверждены находками: на поселении позднего этапа Кошич-Барче в Словакии найдена керамика, происхождение которой связывают с ямной культурой (Vladar, 2008. S. 76–79).

Ямная культура – культура Глина III-Шнекенберг. П. Роман полагает, что с культурой Глина III-Шнекенберг следует связывать становление нового уровня доисторической металлургии, развитие торговых путей (Roman, 1986). Медь из Трансильванского очага, с которым было связано и население культуры Глина III-Шнекенберг, распространялась достаточно далеко и найдена в Верхнем Поднестровье, Попрутье, на Волини (Рындин, 1980. С. 35). В степном Причерноморье, в том числе и в Северо-Западном (Холмское 1/16, 1/21), известны единичные находки сосудов, которые можно связать с культурой Глина. Я. Махник предполагает продвижение носителей культуры Глина III-Шнекенберг из Валахии вдоль р. Прут на Буковину и в Буджакскую степь (Machnik, 1991. P. 40). Это подразумевает определенные связи населения двух культур. Тем не менее, проявления контактов на территории Карпатского региона отсутствуют: по-видимому, ямная культура занимала отдельные микрорегионы в ареале культуры Глина (Николова, 2000. С. 444).

Ямная культура – Мако-Косиги-Чака. Полагают, что инновации в этом культурном блоке происходят под влиянием ямной культуры (появляется обряд ингумации при традиционной кремации). В то же время керамика культуры Мако и типа Ливезиль представлены в захоронении с ямными чертами в Шаретудвари-Орхалом (Dani, Nepper, 2006); помещение богатого инвентаря в ямные могилы также связывают с влиянием этих культур (Horváth, 2011. P. 91). Происхождение распространенных в культуре Мако кувшинов связывают с балканскими культурами, но передаточной средой считают племена ямной культуры. Подтверждением этого тезиса является находка аналогичного кувшина в ямном погребении кургана Вербица в Олтении (Vollmann, 2009. S. 272). В степном Причерноморье, в ямном погребении известна находка крупного сосуда с асимметричными ручками культуры Мако (Rassamakin, Nikolova, 2008).

Ямная культура – Костолац – Вучедол. Курганы ямной культуры сосредоточены, в основном, на севере и северо-востоке Сербии. Примечательно, что курган Ябука находился на территории поселения культуры Костолац, курган Панчево-Три Буки в Воеводине располагался непосредственно на жилище этой же культуры. В насыпи кургана

Перлез была найдена керамика культуры Баден (Tasić, 1995). Эти комплексы напоминают ситуации размещения курганов на оставленных баденских поселениях в Альфельде, на поселении культурной группы Тырпешти в румынской Молдове, Трипольской культуры Майданецкое на Украине, и, видимо, не могут быть однозначно интерпретированы. Возможно, сооружением кургана не в открытой степи, а на жилой территории, закреплялось право на земли, ранее связанные с жителями того или иного поселка. Н. Тасич полагает, что именно появление ямных племен имело особое значение для всего последующего развития Центральных и Западных Балкан и послужило катализатором культурных трансформаций. Kontakтами с ямной культурой в области Славония-Срем он объясняет преобразование культуры Костолац в культуру Вучедол, которая появляется первоначально в этом ареале, а затем – северной части Боснии и Сербии. Во всех курганах наблюдается характерный обряд ямной культуры: скорченное положение скелета на растительной подстилке, посыпка охрой, деревянное перекрытие над могильной ямой, серебряные и золотые височные подвески в погребальном инвентаре. Под влиянием ямных племен в культуре Вучедол распространяется курганный обряд при традиционных трупосожжениях (Батайника и Войка), в дальнейшем появляется и ингумация, причем известны не только индивидуальные, но и парные и тройные погребения (Tasić, 1995).

Ямная культура – культуры ишуровой керамики (КШК) и культуры шаровидных амфор (КША). Уяснению роли “степного фактора” (ямной культуры) в формировании КШК, формам культурного взаимодействия уделялось достаточно много внимания в исследованиях различных авторов. Отмечают две возможные контактные зоны – Верхнее Поднестровье и Восточное Потисье, где ямное население соседствовало с восточнословацкой, моравской и нижнеавстрийской группами КШК. Предполагается, что в южных регионах КШК генезис курганного обряда, распространение индивидуальных погребений и некоторых других элементов материальной культуры (в частности, “овальных” амфор на фоне “тюрингских” сферического облика) связано с принятием новых идей из Карпатского бассейна и района Северных Балкан. В происходящих здесь трансформациях велика роль ямной культуры, которая была передаточной средой, обеспечившей распространение инноваций (Włodarczak, 2010. S. 305). П. Влодарчак выделяет синкретичное население (названное им “курганными группами”), возникшее на основе ямной культуры и местных карпатских культур и оставившее курганы с вучедольской и поствучедольской посудой, керамикой

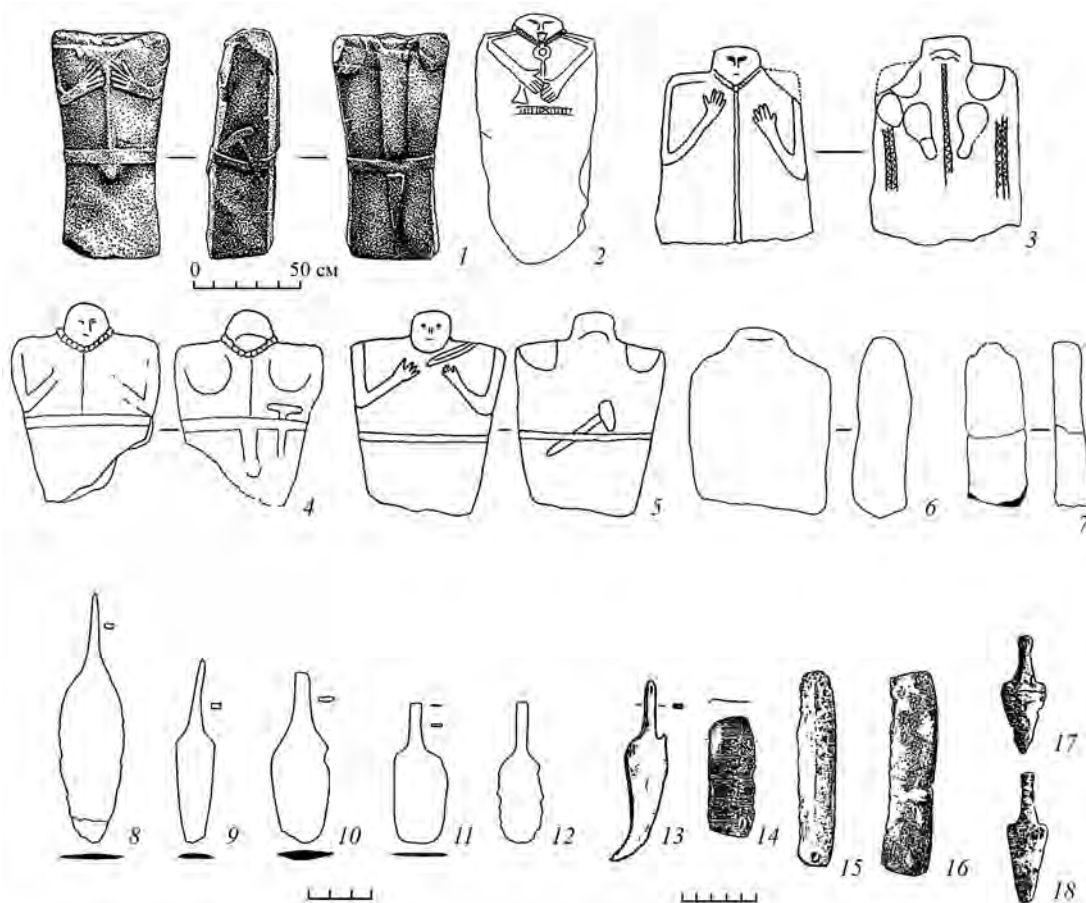

Рис. 8. Антропоморфные стелы и ножи ямного типа в Балкано-Карпатском регионе: 1 – Байя де Криш; 2, 7 – Езерово III; 3, 6 – Плачидол 2/1; 4 – Езерово II; 5 – Невша; 8 – Крачиунель (культурная принадлежность погр. не установлена); 9 – Баиль Херкуланэ (пещера, слой культуры Коцофень); 10 – Михай Витеазу (случайная находка, погр. уничтожено); 11 – Одайя Туркулуй (поселение, слой культуры Глина); 12 – Тырпешти (поселение культурной группы Тырпешти); 13 – Моркувки I, погр. 1; 14 – Павлов, погр. 4; 15 – Велешовице, погр. 77; 16 – Важаны-над-Литавой, погр. 1; 17 – Кружек, погр. 2; 18 – Велешовице I, погр. 1 (1 – Ciugudean, 2011; 2–7 – Панайотов, 1989; 8–12 – Băjenaru, Popescu, 2012; 13–18 – Włodarczak, 2010) (8–12 – ножи с территории Олтении и Мунтении; 13–18 – ножи из памятников моравской группы культуры шнуrowой керамики).

Мако-Косиги-Чака. При этом ни одна из групп КШК не проявляет такой тесной связи с ямной культурой, как моравская, которую датируют 2800/2700 – 2400 BC (Włodarczak, 2010. S. 310–315). Эти даты вполне сопоставимы с датировкой ямных погребений в Балкано-Карпатском регионе. В керамическом комплексе моравской группы редки амфоры и кубки, преобладают кувшины, керамика демонстрирует сходство с посудой, происходящей из “курганных групп” к югу от Карпат. Металлический топор из погребения Шаретудвари-Орхалом в Венгрии, где прослеживаются черты культур Мако и ямной (Dani, Nipper, 2006), сходен с каменными топорами моравской группы КШК (силезианский тип), которые, в свою очередь, близки более ранним формам топоров КШК. Имеются медные ножи ямного типа (изогнутые, или ножи-бритвы); они были

найжены в курганах КШК Моравии и Нижней Австрии и в погребении Мако-Косиги-Чака (рис. 8, 13–18). Предполагается как непосредственное их получение, так и посредством промежуточных культур (Włodarczak 2010. S. 311). Заметим, что ножи ямного типа найдены в различном культурном контексте на территории Олтении и Мунтении, возможно, маркируя продвижение ямного населения на запад (рис. 8, 8–12). Исследователи согласны с тем, что, несмотря на опосредованный характер воздействия, именно ямные племена внесли решающий вклад в формирование особенностей южного ареала КШК, по сравнению с центральным и северным (Włodarczak, 2010. S. 318).

В культуре шаровидных амфор отсутствуют выраженные следы контактов с ямным населением, хотя в буджакском керамическом комплексе имеется серия

Радиоуглеродные даты погребений Балкано-Карпатского варианта ямной КИО

Памятник	Лабораторный номер	BP	BC	Источник
Байя Хаманджия, погр. 1	Bln-29	4090±160	2880–2460	Черных и др., 2000
Байя Хаманджия, погр. 1	KN-38	4060±160	2880–2400	”
Байя Хаманджия, погр. 1	GrN-1995	4280±65	3020–2760	”
Плачилол, кург. 1	Bln-2501	4170±50	2880–2670	”
Плачидол, кург. 2 кострище 2	Bln-2504	4260±60	2930–2690	”
Поручик Гешаново, погр. 1	Bln-3301	4080±50	2860–2490	Görsdorf, Bojadžiev 1996
Поручик Гешаново, погр. 3	Bln-3302	4360±50	3080–2900	Görsdorf, Bojadžiev 1996
Поручик Гешаново, погр. 4	Bln-3303	4110±50	2860–2570	Görsdorf, Bojadžiev 1996
Събрано, погр. 1 скелет А	Ox A-23078	4395±28	3093–2920	Христова, Узунов, 2012
Събрано, погр. 1 скелет D	Ox A-22950	4394±28	3091–2921	Христова, Узунов, 2012
Шаретудвари-Орхалом, погр. 4	deb-7182	4135±60	2870–2620	Dani, Nepper 2006
Шаретудвари-Орхалом, погр. 9	deb-6871	4060±50	2840–2490	”
Шаретудвари-Орхалом, погр. 10	deb-6639	4350±40	3020–2900	”
Шаретудвари, погр. 12	deb-6869	4520±40	3350–3110	”
Хайдюнанаш, погр. 1	Poz-31637	4270 ± 40	2920 –2870	Horváth, 2011
Хайдюнанаш, погр. 2	Poz-31405	4210 ± 35	2890 –2860 2810– 2750 2720–2700	Horváth, 2011
Кетедьхаза	Bln-609	4265±80	3020–2690	Włodarczak, 2010
Падей	Bln-2219	4320±50	3020–2880	”
Нойзидль-ам-Зее, погр. 1	VERA -2213	4130±35	2860–2620	”
Нойзидль-ам-Зее, погр. 1	ETH -25186	4160±55	2880–2670	”
Блекендорф	KIA-162	4080±20	2840–2570	Harrison, Heyd, 2007

сосудов КША. Отмечают, что появление обряда посылки охрой в некоторых погребениях может быть связано с влиянием ямной культуры (Szmyt, 1999).

Выделены захоронения с ямными чертами в Средней Европе, на территории современных Чехии, Словакии, восточной Германии и Польши, однако там эти захоронения (около двух десятков) не составляют единой культурной группы и найдены в могильниках разных культур – КШК, культуры колоколовидных кубков, Нитра, унетицкой (Bátoga, 2006. S. 190. Obr. 134).

Таким образом, ямное население появилось в Балкано-Карпатском регионе достаточно рано, на рубеже IV–III тыс. до н.э. (табл. 1). Контакты с различным культурным окружением отразились в материальной культуре ямных памятников Балкано-Карпатского региона, в частичной трансформации погребального обряда в некоторых могильниках. Небольшой свод радиоуглеродных дат свидетельствует о существовании памятников раннего этапа (первая половина III тыс. до н.э.). Наиболее выраженные контакты также связаны с этим хронологическим периодом. Пока нет однозначного ответа на вопрос – существовали ли ямные анклавы здесь во второй половине III тыс. до н.э. или же были полностью ассимилированы местным населением. К тому же большая часть погребений безынвентарна, что не дает возможности

их хронологически дифференцировать; немногочисленные даты. Но связи буджакской культуры Северо-Западного Причерноморья с Балкано-Карпатским ареалом на протяжении всего III тыс. до н.э. могут в некоторой степени служить аргументом в пользу первого предположения.

Суммируя имеющиеся данные, можно отметить, что в Балкано-Карпатском ареале выделяются группы памятников, демонстрирующие, по всей вероятности, компактное проживание ямного населения в определенных ареалах местных культур (КША, Коцопень, Эзеро, Баден, Костолац-Вучедол и др.), возможно, с целью формирования необходимых контактов или на транзитных территориях. Скорее всего эти анклавы отражают длительное и стабильное проживание на новых территориях, так как кратковременные связи не оставили бы практически никаких следов. Такая структура исключает стихийность освоения территории и свидетельствует о целенаправленном расселении и длительном проживании на местах определенных групп населения, формировании разного рода связей (в том числе, в сфере обмена) и их стабильности. Несмотря на некоторые отличия в материальной культуре, имеется достаточно оснований объединить их в Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области.

По-видимому, население, продвинувшееся из Северо-Западного Причерноморья в Балкано-Карпатский ареал, построило мирные взаимоотношения со своими партнерами, органично вписавшись в контекст обществ Юго-Восточной Европы. По крайней мере, отсутствуют сведения о погребениях с наконечниками стрел в теле умерших, распространенных в различных регионах ямной КИО (лишь в захоронениях Северной Добруджи известны единичные находки оружия, но в качестве сопровождающего инвентаря). Все же предполагается вытеснение ямными племенами населения культуры Чернавода III на запад, вплоть до Сербии и Баната (Srejšović, 1976, 1994; Николова, 2000. С. 448, 449), культуры Глина III – в ареал культуры Коцофень (Schuster, 2000. S. 9–19). Мы полагаем, что правы те исследователи, которые учитывают роль населения ямной КИО в процессах, которые происходили в Балкано-Карпатском бассейне в эпоху ранней бронзы, включая возможные посреднические функции этого населения в передаче культурных влияний (Rassamakin, Nikolova, 2008. P. 69; Włodarczak, 2010).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дергачев В.А. Два этюда в защиту миграционной концепции // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 199–236.
- Езеро. Раннобронзовото селище при с. Езеро. София: Българска Академия на Науките, 1979. 547 с.
- Зирра В. Культура погребений с охрой в Закарпатских областях РНР // *Материалы и исследования юго-запада СССР и РНР* / Ред. Е.В. Кондураки, Т.С. Пассек, Г.Д. Смирнова. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1960. С. 97–128.
- Катинчаров Р. Ранний бронзовый век Фракии и его культурные связи и взаимоотношения с соседними областями // *Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Материалы научн. симпозиума* / Ред. К.Н. Пицхелаури, Е.Н. Черных. Тбилиси: Мецниереба, 1987. С. 168–175.
- Кънчев М. Надгробна Могила II (Голямата Могила) до село Голяма Детелина, община Раднево // *Марица-Изток. Археологически проучвания. Вып. 3. Раднево*, 1995. С. 49–74.
- Мерперт Н.Я. Энеолит юга СССР и евразийские степи // *Энеолит СССР. М.: АН СССР, 1982. (Археология СССР). С. 321–331.*
- Николова Л. Ямная культура на Балканах // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 423–458.
- Панайотов И. Ямната культура в Българските земи. София: Българска Академия на Науките, 1989. 191 с. (Раскопки и проучвания. Кн. XXI).
- Рындина Н.В. Металл в культурах шнуровой керамики Украинского Предкарпатья, Подолии и Волыни // *СА. 1980. № 3. С. 24–41.*
- Субботин Л.В. Орудия труда, оружие и украшения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Полис, 2003. 236 с.
- Тасич Н. Междоусобные связи Южнорусских степей и Подунавья в энеолите // *Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Материалы научн. симпозиума* / Ред. К.Н. Пицхелаури, Е.Н. Черных. Тбилиси: Мецниереба, 1987. С. 200–205.
- Христова Т., Узунов Ж. Коллективен гроб з трупополагане от ранната бронзова епоха при Събрано, Новозагорско // *Археология*. 2012. Кн. 1 (LIII). С. 62–68.
- Черных Е.Н. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М.: Наука, 1976. 302 с.
- Черных Е.Н., Авилова Л.А., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.: ИА РАН, 2000. 95 с.
- Черняков И.Т. Культурно-хронологическое своеобразие памятников эпохи бронзы Северо-Западного Причерноморья // *Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. конфер. 3–6 декабря 1979 г. Донецк: Донской ГУ. С. 8–10.*
- Alexandrescu A. La nécropole du Bronze ancienne de Zimnicea (départ. de Teleorman) // *Dacia. Serie nouă*. 1974. № 18. P. 79–94.
- Anthony D. The Horse, the Wheel and Language. How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes shaped the Modern World. Princeton – Oxford: Princeton University Press, 2007. 483 p.
- Băjenaru R., Popescu A.-D. Pumnalele de metal cu limbă la mâner din bronzul timpuriu și mijlociu din spațiul carpato-dunărean // *Un monument din Carpații Orientali cu reprezentări din preistorie și evul mediu. Brăila / Eds Sîrbu V., Matei S. Buzău: Editura Istros, 2012. P. 363–433.*
- Bátora J. Štúdie ku komunikácii medzi strednou a východnou Európou v dobe bronzovej. Bratislava: Petrus, 2006. 315 s.
- Bogdanović M. Dobrača, Umka, nekropolja bronzanog doba i naselje starijeg gvozdenog doba // *Glasnik Srpskog arheološkog društva*. 1996. № 12. S. 77–88.
- Burtănescu F. Epoca timpurie a bronzului între Carpați și Prut cu unele contribuții la problemele perioadei premergătoare epocii bronzului în Moldova. București: Vavila Edinf SRL, 2002. 591 p.
- Ciugudean H. Epoca timpurie a bronzului în centrul și sud-vestul Transilvaniei. București: Vavila Edinf SRL, 1996. 127 p.
- Ciugudean H. Mounds and Mountains: Burial Rituals in Early Bronze Age Transylvania // *Bronze Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin* / Eds Berecki S., Nemeth R., Rezi B. Târgu Mureș: Editura MEGA, 2011. P. 21–59.
- Dani J., Nepper I. Sarretudvari Órhalom tumulus grave from the beginning of the EBA in Eastern Hungary // *Communicationes archæologicæ Hungariæ* 2006. P. 29–63.

- Dumitroaia Gh.* Comunitati preistorice din Nord-Estul României. Piatra-Niamț: Muzeul de Istoria, 2000. 334 p.
- Ecsedy I.* The People of the Pit-grave Kurgans in Eastern Hungary. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979. 147 p.
- Frînculeasa A.* Contribuții privind mormintele jamnaja din muntenia. Cercetări arheologice la Ariceștii-Rahtivani – jud. Prahova // Tyragetia. Serie nouă. 2007. № 1. P. 181–193.
- Görsdorf J., Bojadžiev J.* Zur absoluten Chronologie der bulgarischen Urgeschichte. Berliner 14C-Datierungen von bulgarischen archäologischen Fundplätzen // EA. 1996. № 2. S. 105–173.
- Harrison R.J., Heyd V.* The Transformation of Europe in the Third Millennium BC: The Example of ‘Le Petit Chasseur I+III’ (Sion, Valais, Switzerland) // PZ. 2007. № 2. P. 129–214.
- Harțușche N.* Complexul arheologic Brăilița. București: Institutul Român de Tracologie, 2002. 316 p.
- Horváth T.* Hajdúnánás–Tedej–Lyukas-halom. An interdisciplinary survey of a typical kurgan from the Great Hungarian Plain region: a case study (The revision of the kurgans from the territory of Hungary) // BAR Intern. Ser. 2011. V. 2238. P. 71–131.
- Iliev I.* The Pit Grave Culture in the Lower Tundzha Valley // Studia Praehistorica. 2011. № 14. P. 381–398.
- Kalicz N.* Östliche Beziehungen während der Kupferzeit in Ungarn // Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe / Eds Hänsel B., Machnik J. München–Rahden/Westf., 1998. S. 163–177.
- Machnik J.* The earliest Bronze Age in the Carpathian Basin. Bradford: Bradford University, 1991. 209 p.
- Nikolova L.* The Balkans in Later Prehistory. Periodization, Chronology and Cultural Development in the Final Copper and Early Bronze Age (Fourth and Third Millennia BC). Oxford: Archaeopress, 1999. 442 p. (BAR Intern. Ser. V. 791).
- Nikolova L.* Malkata Momina Mogila (Bulgaria): Early Bronze Age // Examiner. 2010. № 12; <http://www.archeolog-home.com/pages/content/malkata-momina-mogila-bulgaria-early-bronze-age.html?version=desktop>
- Rassamakin Y.Ya., Nikolova A.V.* Carpathian Imports and Imitations in Context of Eneolithic and Bronze Age of the Black Sea Area // Import and Imitation in Archeology / Eds Bertemes F., Furtwängler A. Langenweibach: Beier and Beran, 2008. P. 51–88.
- Roman P.* Perioada timpurie a epocii bronzului pe teritoriul României // Studii și cercetări de istorie veche și arheologie. 1986. № 1. P. 29–55.
- Roman P., Dodd-Opritu A., János P.* Beiträge zur Problematik der schnurverzierten Keramik Südosteuropas. Mainz am Rhein: Verlag Philip von Zabern, 1992. S. 270.
- Rosetti D.V.* Movilele funerare de la Gurbănești // Materiale și cercetări arheologice. 1959. T. VI. P. 791–816.
- Ruttkay E.* Das endneolithische Hügelgrab Von Neusiedl am See, Burgenland // Budapest Régiségei. 2002. V. XXXVI. P. 145–170.
- Schuster C.* Zur Besiedlungen der West- und Mittelwälahei (Romänien) in der Frühbronzezeit // Reports of Prehistoric Research Projects. 2000. T. 4. S. 9–19.
- Srejović D.* Humke stepskih odlika na teritoriji Srbije // Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja. 1976. V. XIII. P. 117–130.
- Srejović D.* Kulture bakarnog i ranog bronzanog doba na tlu Srbije // Istorija srpskog naroda. V. I. / Ed. by Ćirković S. Beograd: Srpska književna zadruga, 1994; <http://www.rastko.rs/arheologija/srejovic/dsrejovic-eneolit.html>
- Szmyt M.* Between West and East. People of the Globular Amphora Culture in Eastern Europe 2960–2350 BC. Poznań: Adam Mickiewicz University, 1999. 349 p. (Baltic-Pontic Studies. V. 8.).
- Szmyt M., Chernyakov I.T.* Radiocarbon Chronology of “Ak-kiembetski Kurgan”. A Preliminary Report // Baltic-Pontic Studies. 1999. V. 7. P. 196–202.
- Tasić N.* Eneolithic cultures of Central and West Balkans. Belgrade: Draganić, 1995. 205 p.
- Vasilii I.* Cercetări arheologice în Delta Dunării. Mormintele cu ocră de la Chilia Veche // Peuce. 1995a. T. XI. P. 49–87.
- Vasilii I.* Mormintele cu ocră de la Luncavița Movila “Mocuța” // Peuce. 1995b. XI. P. 89–115.
- Vasilii I.* Cercetările arheologice de salvare de la Nalbant, jud. Tulcea // Peuce. Serie nouă. 2008. T. 6. P. 41–62.
- Vladar J.* K problematike kultúrnej príslušnosti keramiky so šnúrovou ornamentikou z Košic-Barce // Studia Historica Nitriensia. 2008. T. 14. S. 75–93.
- Vollmann D.* Der Makó-Kosihy-Čaka-Komplex und die früheste Nagyrév-Kultur an Donau und Theiß // Zeiten – Kulturen – Systeme / Eds Becker V., Lichardus J. Langenweibach: Beier & Beran, 2009. S. 271–288.
- Włodarczak P.* Dunajski szlak kultury grobów jamowych a problem genezy kultury ceramiki sznurowej // Mente et rutro: Studia archeologica Johanni Machnik viro doctissimo octogesimo vitae anno ab amicis, collegis et discipulis oblata / Eds Czopek S., Kadrow S. Rzeszów: Archaeologica Ressorviensis, 2010. S. 299–325.
- Zoffmann Z. K.* Anthropological sketch of the prehistoric population of the Carpathian Basin // Acta Biologica Szegediensis. 2000. V. 44. № 1–4. P. 75–79.

СЕЗОННЫЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЦИКЛ НАСЕЛЕНИЯ СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

© 2014 г. О.П. Бачура

*Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург
(olga@ipae.uran.ru)*

Ключевые слова: синташтинская культура, забой скота, динамика хозяйственной деятельности

The article is devoted to the reconstruction of the annual husbandry activities dynamics of the inhabitants of the fortified settlements of the Sintashta culture. The materials from 5 settlements are used in this article: Stepnoye, Ustye, Kamenny Ambar, Arkaim and Alandskoye. The reconstruction of the seasonal cycles is based on the data of the time of domestic animals death. The season of cattle death was identified with the help of the methods based on the studying of the annual layers in teeth (cement and dentin). It is shown that there was similar seasonal husbandry cycle at the studied settlements of Sintashta culture. The inhabitants were indwelling at the settlement mostly during cold seasons (from autumn to spring or the beginning of summer). At this period cattle was managed and herded not far from the settlements. During summer season the most part of the cattle was herded on areas distinct from the permanent settlements in order to preserve forage base for cold season. In summer there was probably only small part of the population and the others went away with herds. In summer season the number of inhabitants on the territory of Arkaim was bigger than on other territories.

Синташтинская культура относится к числу культур переходного периода от средней к поздней бронзе и датируется временем 3500 – 3600 радиоуглеродных лет назад или 3900 – 3800 калиброванных лет назад (Епимахов и др., 2005). Это первая и наиболее ранняя археологическая культура с доминированием производящего хозяйства в экономике на территории Южного Зауралья. Согласно традиционным представлениям, население синташтинской культуры проживало в укрепленных поселениях и вело оседлый образ жизни. Известно более 20 таких укрепленных поселений, которые образуют так называемую “Страну городов” (Зданович, Батанина, 2007). В немногочисленных работах, посвященных изучению хозяйственной деятельности населения этих укрепленных поселений, рассматриваются проблемы животноводства, охотничьей деятельности и наличия земледелия (Гайдученко, 2010; Епимахов 2010; Косинцев, 2000; Косинцев, 2006; Косинцев и др., 2010; Некрасов, Косинцев, 2011; Явшева, 2008). Вопросы внутригодовой динамики функционирования данных поселений затрагивались лишь в некоторых статьях (Гайдученко и др., 2011; Бачура, 2009; Бачура и др., 2011). Решение вопроса о сезонных хозяйственных циклах необходимо для полного понимания структуры экономики и социальной структуры населения синташтинской культуры. В частности, это позволяет выявить, постоянно или только в определенные периоды

(сезоны) в течение года население находилось на той или иной территории, а в последнем случае – насколько данное явление характерно для населения определенного поселения или для населения данной культуры в целом.

Существует несколько косвенных показателей функционирования того или иного памятника, как например, спорово-пыльцевой (наличие пыльцы растений, цветущих в определенные периоды времени), наличие скорлупы яиц или личинок каких-либо насекомых (связано с определенными сезонами размножения животных) и т.п. Эти методы применимы для закрытых систем, таких как погребения. Для поселений показателями сезонности функционирования могут служить свидетельства о земледелии, данные о видовом составе промысловых животных, добыча которых возможна только в определенные сезоны года и т.п. Наиболее надежным методом определения сезонов функционирования поселений (и погребений), на наш взгляд, являются сведения о времени гибели (забоя) животных, которых содержали или добывали люди в период проживания на данном поселении. Основой хозяйства населения синташтинской являлось скотоводство, а именно разведение крупного и мелкого рогатого скота (Косинцев, 2000; Косинцев, 2006; Косинцев и др., 2010). Охотничья деятельность населения эпохи бронзы была весьма разнообразной,

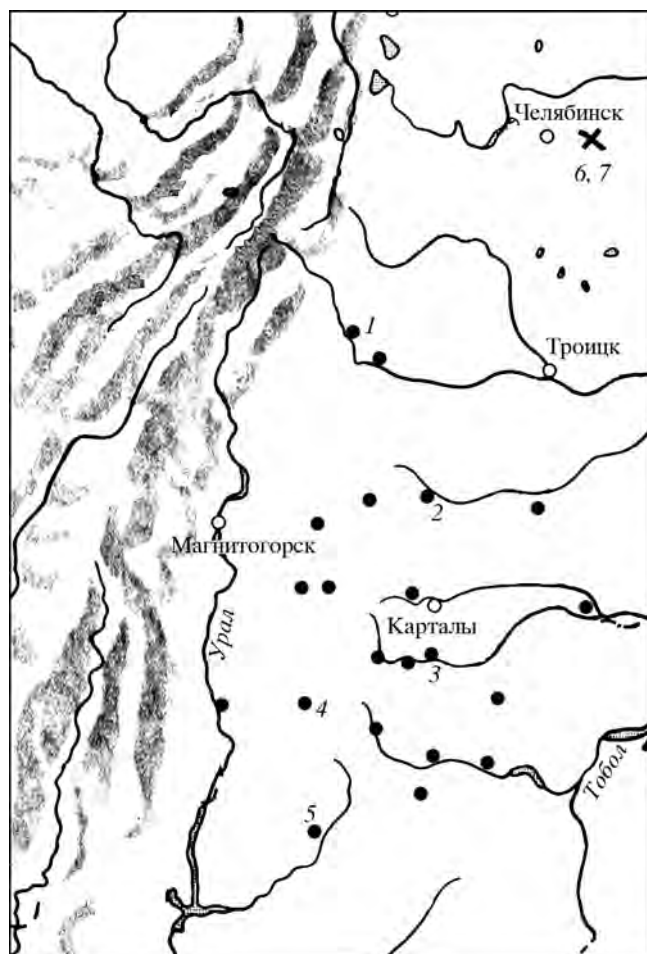

Рис. 1. Карта расположения поселений синташтинской культуры: 1 – Степное; 2 – Устье; 3 – Каменный Амбар; 4 – Аркаим; 5 – Аландское; 6 – Мочище I, 7 – Шибаво I (черный круг – укрепленные поселения синташтинской культуры; крест – поселения поздней бронзы, содержащие керамику синташтинской культуры).

однако не имела большого хозяйственного значения. Остатки диких животных в материалах раскопок на поселениях составляют менее 4% (Косинцев, 2000; Косинцев, 2006; Косинцев, Рассадников, Бачура и др., 2010; Гайдученко, Зданович, Малютина, 2010). Маловероятно, что рыболовство могло удовлетворить пищевые потребности населения, так как среди остатков определены только мелкие виды рыб (Гайдученко, 2010; Некрасов, Косинцев, 2011). Нет данных, подтверждающих наличие земледелия у населения укрепленных городов (Епимахов, 2010; Косинцев и др., 2010; Stobbe, Kalis, 2012). Таким образом, основу питания населения составляли продукты животноводства и, следовательно, периоды забоя скота на поселениях могут служить надежным показателем пребывания здесь населения.

В настоящее время выполнены работы по определению сезона забоя домашних животных из по-

селений, на которых были проведены масштабные раскопки: Степное, Аландское, Устье, Каменный Амбар (Ольгино) и Аркаим (Гайдученко, 1999; Гайдученко и др., 2011; Бачура, 2009; Бачура и др., 2011). Данные исследования позволяют охарактеризовать внутригодовую динамику проживания населения синташтинской культуры на территории Южного Зауралья на рубеже средней и поздней бронзы.

Цель данной работы – реконструировать внутригодовую динамику хозяйственной деятельности населения в синташтинский период на основании изучения сезонов гибели домашних животных.

В работе использованы материалы, обработанные автором, из трех укрепленных поселений: Устье, Каменный Амбар (Ольгино) и Аркаим (Бачура, 2009; Бачура и др., 2011), а также литературные данные по памятникам Аландское и Степное (Гайдученко и др., 2011) (рис. 1).

Укрепленное поселение Аркаим полностью относится к синташтинской культуре (Зданович, Батанин, 2007). Образцы для анализа были отобраны из материалов раскопок 1987 – 1991 годов (Бачура и др., 2011).

Укрепленное поселение Устье состоит из двух разнокультурных комплексов: синташтинского и петровского (Виноградов, 1995). Анализировались данные только из нижних слоев, относящихся к синташтинской культуре (Бачура, 2009).

На поселении Каменный Амбар выделяются два комплекса: синташтинско-петровский и срубно-алакульский (Косинцев и др., 2010). Анализировались материалы из слоя синташтинской культуры.

Данные из поселения Аландское приведены совместно для синташтинского и петровского комплексов (Гайдученко и др., 2011). Из поселения Степное приведены сведения для материалов синташтинской культуры (Гайдученко и др., 2011).

Сезон гибели особей крупного и мелкого скота определяли с помощью методики, которая основана на изучении годовых слоев в зубах (цементе и дентине) (Клевезаль, 1988). Это в настоящее время единственный метод, который позволяет определить сезон гибели (забоя) животных. К сожалению, в отечественной археозоологической литературе работы, где используется данный метод, встречаются крайне редко (Калиева и др., 1989; Кириллова и др., 2000; Гайдученко и др., 2011). В то же время в зарубежных археозоологических исследованиях этот метод применяется гораздо чаще (Liberman, 1994; Burke, 1995; Pike-Tay et al., 1999; Pike-Tay, Cosgrove, 2002; d’Errico, Vanhaeren, 2002; Wisniewski et al., 2012).

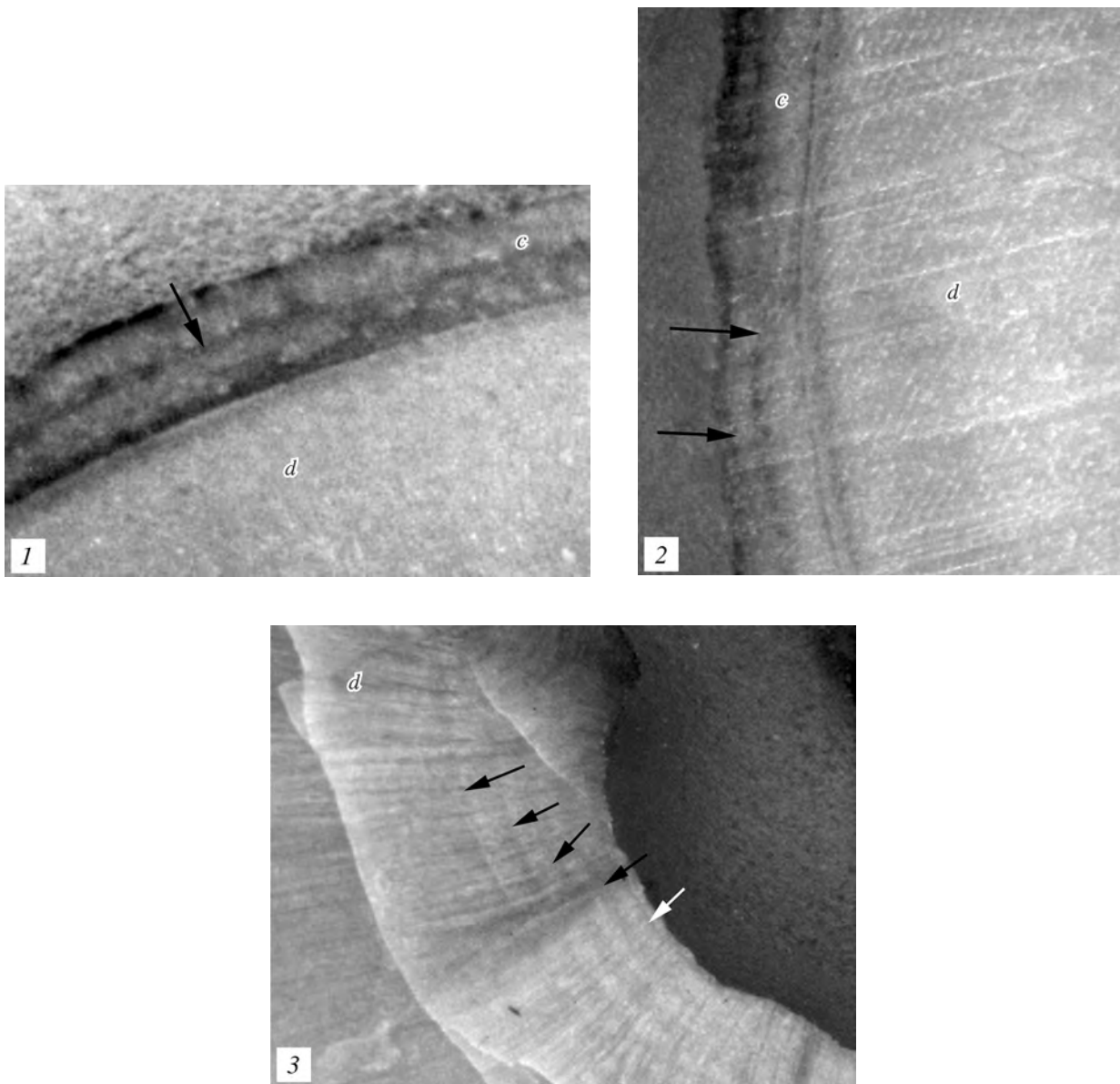

Рис. 2. Участки поперечных аншлифов зубов крупного рогатого скота из поселения Каменный Амбар: 1 – сезон гибели осень-зима, 2, 3 – сезон гибели весна (*c* – цемент, *d* – дентин; стрелки показывают зимние линии).

Данный метод основан на наличии в цементе и во вторичном дентине зубов животных зон активного роста (широкие линии) и зон замедления роста (узкие линии) (рис. 2). У большинства животных, в том числе у крупного и мелкого рогатого скота, активный рост продолжается с апреля по ноябрь, а замедление роста с декабря по март независимо от географической области распространения данного животного (Wall-Sheffler, Foley, 2008). Иными словами, широкая линия в зубе формируется в весенне-осенний период, а узкая линия в зимний период. О сезоне гибели животного можно судить на основании степени сформированности последней краевой линии цемента или дентина зуба (рис. 2).

Причем, поскольку существует индивидуальная изменчивость в формировании зон роста, время гибели возможно определить только до сезона (Клевезаль, 1988). Под сезонами в данном случае понимаются календарные сроки.

На основании анализа слоев в цементе зубов крупного и мелкого рогатого скота для каждого поселения получены следующие результаты (табл. 1).

На поселении Степное, самом северном поселении синташтинской культуры, согласно данным Л.Л. Гайдученко (Гайдученко и др., 2011), крупный рогатый скот забивали в течение осени и зимой, а мелкий рогатый скот забивали преимущественно весной. По данным этого же автора на поселении

Таблица 1. Сезоны забоя крупного и мелкого рогатого скота на укрепленных поселениях синташтинской культуры

Поселение	Количество зубов (особей)		
	Весна	Лето	Осень – зима
Крупный рогатый скот			
Степное	0	0	13
Аркаим	21	12	21
Устье	9	1	9
Каменный Амбар	17	0	6
Аландское	1	1	15
Мелкий рогатый скот			
Степное	3	0	0
Аркаим	8	3	14
Устье	7	0	17
Каменный Амбар	3	0	10
Аландское	3	1	16

Таблица 2. Сезоны забоя крупного рогатого скота в различных частях поселения Каменный Амбар

Местоположение на памятнике (2006–2009 гг.)	Сезон забоя	Количество особей
2006, в слое	Осень – зима	1
2006, в слое	Весна	5
2007, “зольник”	Весна	1
2007, постройка 2	Осень – зима	4
2007, постройка 2	Весна	4
2008, постройка 1	Весна	1
2009, жертвенник	Весна	6
2009, жертвенник	Осень – зима	1

Аландское, расположенном в южной части ареала синташтинской культуры, крупный и мелкий рогатый скот забивали преимущественно в течение осени и зимой, а отдельные особи были забиты весной и летом.

На поселениях, расположенных в центральной части ареала синташтинской культуры, выявлена несколько иная картина забоя скота. На поселениях Аркаим крупный и мелкий рогатый скот забивали в основном в течение весны или осени и зимой (Бачура и др., 2011). Крупный рогатый скот забивали в равной степени в оба эти сезона, тогда как мелкий рогатый скот осенью забивали больше, чем весной. В летние месяцы забивали небольшое количество скота. На поселении Устье крупный рогатый скот забивали с осени до начала лета (Бачура, 2009). Так же, как и на Аркаиме, на поселении Устье интенсивность забоя крупного рогатого скота в весенние и осенние месяцы была одинаковой. Мелкий рогатый скот забивали преимущественно осенью и зимой (Бачура, 2009).

На поселении Каменный Амбар крупный и мелкий рогатый скот забивали с осени до начала лета. Мелкий рогатый скот забивали преимущественно осенью. В летний период скот здесь не забивали. В отличие от других поселений крупный рогатый скот забивали здесь преимущественно в течение весны. Если рассматривать сезон забоя крупного рогатого скота отдельно по объектам, видно, что основное количество остатков от особей крупного рогатого скота, забитых весной, происходит из жертвенника и из материалов раскопок 2006 г. (табл. 2). Возможно, жертвоприношение совершали преимущественно весной. Большое количество особей крупного рогатого скота, забитых весной, в материалах 2006 г. сейчас сложно объяснить. В материалах 2007 г. из постройки 2 интенсивность забоя крупного рогатого скота одинакова весной и осенью. Скорее всего, на данном поселении интенсивность забоя крупного рогатого скота в течение года была такой же, как и на поселениях Аркаим и Устье.

Анализ полученных данных показывает, что, несмотря на небольшие выборки исследованных зубов, прослеживаются общие тенденции. На всех поселениях в летние периоды скот либо забивали гораздо меньше, чем в другие месяцы, либо не забивали совсем (рис. 3). Вероятно, это может служить показателем того, что летом большая часть населения уходила с территории поселений со стадами на летние пастбища. На поселении Аркаим доля забитых в летние месяцы особей крупного и мелкого скота существенно выше, чем на других поселениях. Возможно, населенность Аркаима в летние месяцы была выше, чем на других поселениях.

Наблюдаются различия в интенсивности забоя скота между поселениями. На поселениях Степное и Аландское скот забивали преимущественно осенью или зимой. Вероятно, часть населения этих городов уходила на летние пастбища еще весной. На других поселениях Аркаим, Каменный Амбар и Устье интенсивность забоя была почти одинаковой весной и осенью. Скорее всего, на этих поселениях основную часть стада домашних животных отгоняли на летние пастбища в начале лета.

Синташтинско-петровский период характеризуется высокой концентрацией населения в крупных поселенческих комплексах и соответственно концентрацией стад в непосредственно прилегающих к этим поселениям долинах. Вероятно, летние миграции со стадами в отдаленные районы были необходимы для сохранения кормовой базы для скота в холодное время года вблизи постоянных поселений. Так, например, для башкир конца

Рис. 3. Соотношение количества (%) крупного и мелкого рогатого скота, забитого в разные сезоны года: серый – доля особей, забитых весной; белый – забитых летом; черный – забитых осенью–зимой.

XIX – начала XX в. при оседлом образе жизни указывается наличие летних кочевков (Руденко, 1955). Встает вопрос, куда и как далеко от укрепленных поселений совершались летние кочевки? Известны два поселения: Шибаетово I и Мочище I, которые расположены примерно в 150 км к северу от основного ареала синташтинской культуры (рис. 1). На этих поселениях найдена керамика всех культур эпохи поздней бронзы, в том числе и синташтинской культуры (Васин и др., 2004; Григорьев и др. 2007; Нелин, 2004). Это самые северные находки синташтинской керамики. Остатки синташтинских жилищ здесь не найдены. В синташтинское время люди могли приходить сюда эпизодически, только в определенные периоды (сезоны) на короткое время, и не строить здесь постоянных жилищ. Возможно, находки синташтинской керамики на этих двух поселениях фиксируют летние кочевки населения со стадами из укрепленных поселений. В любом случае сейчас ответить на вопрос, куда и как далеко от укрепленных поселений совершало синташтинское население летние кочевки, не представляется возможным.

Таким образом, удалось показать, что на изученных поселениях синташтинской культуры был сходный сезонный цикл хозяйственной деятельности. Население проживало на территории поселений преимущественно в холодное время года (с осени до весны или начала лета). В этот период крупный и мелкий рогатый скот содержали и выпасали вблизи поселений. В летние месяцы значительную часть скота отгоняли в отдаленные от постоянных поселений районы, для того чтобы сохранить кормовую базу для холодных периодов года. В летний период на территории поселений оставалась, скорее всего, небольшая часть населения, а остальные уходили вместе со стадами. На территории Аркаима в летние месяцы численность населения была выше, чем на других поселениях.

Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 12-М-456-2024.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бачура О.П.* Определение сезона и возраста забоя животных по регистрирующим структурам из поселения Устье // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Ред. А.М. Таиров, Н.О. Иванова. Челябинск: Изд. центр ЮУр ГУ, 2009. С. 31–33.
- Бачура О.П., Зданович Г.Б., Косинцев П.А.* Сезон и возраст забоя домашних копытных по регистрирующим структурам из укрепленного поселения Аркаим // Экология древних и традиционных обществ: сб. докл. конф. / Ред. Н.П. Матвеева, А.Н. Багашев. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. С. 11–12.
- Васин Ю.В., Григорьев С.А., Петрова Л.Ю., Плешанов М.Л., Тидеман Е.В.* Поселение эпохи поздней бронзы Мочище I в Южном Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Матер. II регион. науч.-практич. конф. / Ред. О.Г. Пирогова. Челябинск: ООО “Рифей”, 2004. С. 33–35.
- Виноградов Н.Б.* Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа бронзового века в Южном Зауралье // Вестн. Челябинского ГУ. Сер. “История науки”. 1995. № 1. С. 16–26.
- Григорьев С.А., Тидеман Е.В., Петрова Л.Ю.* Стратиграфическая ситуация на поселении эпохи поздней бронзы Мочище I в Южном Зауралье // Изв. Челябинского науч. центра. 2007. Вып. 2 (36). С. 86–90.
- Гайдученко Л.Л.* Биологические остатки из укрепленных поселений “Страны городов” Южного Зауралья // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича / Ред. Д.Г. Зданович. Челябинск: Изд-во Челябинского ГУ, 2010. С. 96108.
- Гайдученко Л.Л., Зданович Г.Б., Малютин Т.С.* Особенности обеспечения мясной пищей населения укрепленного поселения Аландское на ранних этапах его обитания // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича / Ред. Д.Г. Зданович. Челябинск: Изд-во Челябинского ГУ, 2010. С. 109–117.
- Гайдученко Л.Л., Зданович Д.Г., Куприянова Е.В., Хэнкс Б.К.* Внутригодовая динамика населенности укрепленных поселений эпохи средней бронзы в

- Южном Зауралье // Экология древних и традиционных обществ: сб. докладов конференции / Ред. Н.П. Матвеева, А.Н. Багашев. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. С. 150–155.
- Епимахов А.В. О синташтинском земледелии (бронзовый век Южного Урала) // ВИАЭ. 2010. № 2. С. 36–41.
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.
- Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск: Крокус, 2007. 259 с.
- Калиева С.С., Гайдученко Л.Л., Логвин В.Н. К вопросу о сезонности поселения Кожай I // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Тез. докл. регион. науч. конф. / Ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1989. С. 129–132.
- Кириллова И.В., Гольева А.А., Клевезаль Г.А., Михайлов К.Е., Трунова Ю.Е., Шишлина Н.И. Комплексный метод определения сезона совершения погребений эпохи бронзы Калмыкии // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке / Ред. Н.И. Шишлина. Тр. ГИМ. Вып. 120. М.: ГИМ, 2000. С. 30–41.
- Клевезаль Г.А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М.: Наука, 1988. 285 с.
- Косинцев П.А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий. Тр. музея-заповедника Аркаим / Ред. С.Я. Зданович. Челябинск: Центр “Аркаим”, 2000. С. 17–44.
- Косинцев П.А. Животноводство и охота населения поселения “Устье” в синташтинское время // Пятые Берсовские чтения. Сб. науч. статей / Ред. В.М. Морозов. Екатеринбург: Квадрат, 2006. С. 203–205.
- Косинцев П.А., Рассадников А.Ю., Бачура О.П., Занина О.Г., Корона О.М. Историко-экологические исследования поселения Каменный Амбар // Андроновский мир / Ред. Н. П. Матвеева. Тюмень: Изд-во Тюменского ГУ, 2010. С. 55–68.
- Некрасов А.Е., Косинцев П.А. Рыболовство у населения укрепленного поселения поздней бронзы Каменный Амбар // Шестые Берсовские чтения: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / Ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 216–217.
- Нелин Д.В. Шибяево I: поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестн. Челябинского ГПУ. Челябинск: Изд-во Челябинского ГПУ, 2004. Сер. 1: Исторические науки. Вып. 2. С. 150–180.
- Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 376 с.
- Явшева Д.А. Животноводство и охота населения на поселении Устье I // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: сб. науч. тр. / Ред. С.Ф. Татауров. Омск: Изд-во Омского ГУ, 2008. С. 258–261.
- Burke A. Histological Observations of Cementum Growth in Horse Teeth and their Application to Archaeology // J Archaeol. Science. 1995. V. 22. P. 479–493.
- d’Errico F., Vanhaeren M. Criteria for Identifying Red Deer (*Cervus elaphus*) Age and Sex from Their Canines. Application to the Study of Upper Palaeolithic and Mesolithic Ornaments // J. Archaeol. Science. 2002. V. 29. P. 211–232.
- Liberman D. E. The biological basis for seasonal increments in dental cementum and their application to archaeological research // J. Archaeol. Science. 1994. V. 21. P. 525–539.
- Pike-Tay A., Valdes V.C., de Quiros F.B. Seasonal variations of the Middle-Upper Paleolithic transition at El Castillo, Cueva Morin and El Pendo (Cantabria, Spain) // J. Human Evolution. 1999. V. 36. № 3. P. 283–317.
- Pike-Tay A., Cosgrove R. From Reindeer to Wallaby: Recovering Patterns of Seasonality, Mobility, and Prey Selection in the Palaeolithic OldWorld // J. Archaeol. Method and Theory. 2002. V. 9. №. 2. P. 101–146.
- Stobbe A., Kalis A.J. Archaeobotanical Investigations in the Trans-Urals (Siberia): The Vegetation History // J. Ancient Studies. 2012. Vol. 3. P. 1007 – 1037.
- Wall-Scheffler C.M., Foley R.A. Digital Cementum luminance analysis (DCLA): a tool for the analysis of climatic and seasonal signals in dental cementum // Int. J. Osteoarchaeol. 2008. V. 18. P. 11–27.
- Wisniewski T., Mroczek P., Rodzik J., Zagorski P., Wilczynski J., Fisakova M. N. On the periphery of the Magdalenian World: An open-air site in Klementowice (Lublin Upland, Eastern Poland) // Quaternary Intern. 2012. V. 272–273. P. 308–321.

ЭКИПИРОВКА РАННЕСАРМАТСКОГО ЭЛИТНОГО ВОИНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ФИЛИППОВСКИХ МОГИЛЬНИКОВ)

© 2014 г. Л.Т. Яблонский

Институт археологии РАН, Москва (yablonsky.leonid@yandex.ru)

Ключевые слова: *могильники Филипповка 1 и Филипповка 2, ранние кочевники Южного Приуралья, раннесарматская культура, предметы вооружения, аксессуары воинского костюма.*

The article is devoted to the review of the military equipment items from elite burials of Filipovka 1 and 2. These items are divided into two categories: offensive and defensive armament. The categories are divided into classes and classes into types respectively. The elements of the warriors' costumes decoration are also considered in the article. All this allows reconstructing the image of an early Sarmatian warrior which reminds of that one fixed in warriors' sculptures of the Scythian period from the North Black Sea region and the North Caucasus.

Могильник Филипповка 1, расположенный в междуречье Урала и Илека, безусловно, относится к элитарным памятникам переходного времени от савроматского к раннесарматскому этапу культуры ранних кочевников Южного Приуралья (Яблонский, 2011а) и датируется концом V – третьей четвертью IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012).

Памятник исследовался в два этапа: сначала могильник раскапывался экспедицией уфимских археологов под руководством А.Х. Пшеничникова (Pshenichnikov, 2000; Пшеничнюк, 2001, 2013), а в 2004–2009 гг. – Приуральской экспедицией ИА РАН под руководством автора этой статьи (Yablonsky, 2010).

Могильник Филипповка 2 расположен в 11 км от могильника Филипповка 1 и представляет собой отдельный курганный комплекс, основанный в эпоху поздней бронзы. В начале раннего железного века насыпь центрального кургана эпохи бронзы была переиспользована для строительства нового “царского” кургана, к которому было приурочено несколько более мелких насыпей¹. Все они датируются в целом концом V – началом III в. до н.э. и, таким образом, синхронны в целом захоронениям в могильнике Филипповка 1 (Яблонский, 2013)².

В этой работе мы используем только материалы из раскопок Приуральской экспедиции ИА РАН.

В ходе исследования памятников в погребениях было найдено большое количество предметов вооружения, а также аксессуаров, которые помогают реконструировать воинский костюм. Некоторые из этих предметов находились в комплексе, в пределах индивидуальных захоронений, другие попадались в различных погребениях, иногда в единичных случаях. Но поскольку могильник Филипповка 1 датируется довольно узко (период функционирования не превышает одного столетия) и, безусловно, оставлен монокультурной группой кочевников (Яблонский, 2011б), мы можем рассматривать все предметы вооружения из могильника совокупно и реконструировать, таким образом, общий облик элитных раннесарматских воинов. Попытка такой реконструкции уже была предпринята ранее (Рукавишникова, Яблонский, 2007), однако она далеко не исчерпывает всех возможностей. К тому же после выхода данной статьи был получен новый материал.

Все предметы вооружения можно разделить на две большие группы: наступательное и защитное.

Наступательное вооружение представлено следующими категориями: луки, стрелы, пращи, мечи и кинжалы, стилеты, копьа, клевцы.

Луки. Кибит лука был найден в кург. 4 погр. 5 могильника Филипповка 1 (рис. 1, 1). Можно полагать, что его общая длина (расстояние между концами) составляла около 60 см. Средняя часть кибита имела дуговидно-вогнутую форму (как у лука “скифского” типа). Средняя часть кибита округлой в сечении формы, диаметром около 20 мм. Концы приострены и скруглены. Диаметр у концов – около 14 мм. В концевых третях сечение кибита подквадратной формы со стороной около 18 мм.

¹ В могильнике Филипповка 1 раскопано 29 курганов, в могильнике Филипповка 7 курганов.

² В разные годы в раскопках этого могильника помимо автора данной статьи, принимали участие С.Ю. Гуцалов и И.В. Рукавишникова (держатели Открытых листов), а также Д.В. Мещеряков и О.А. Халыпина.

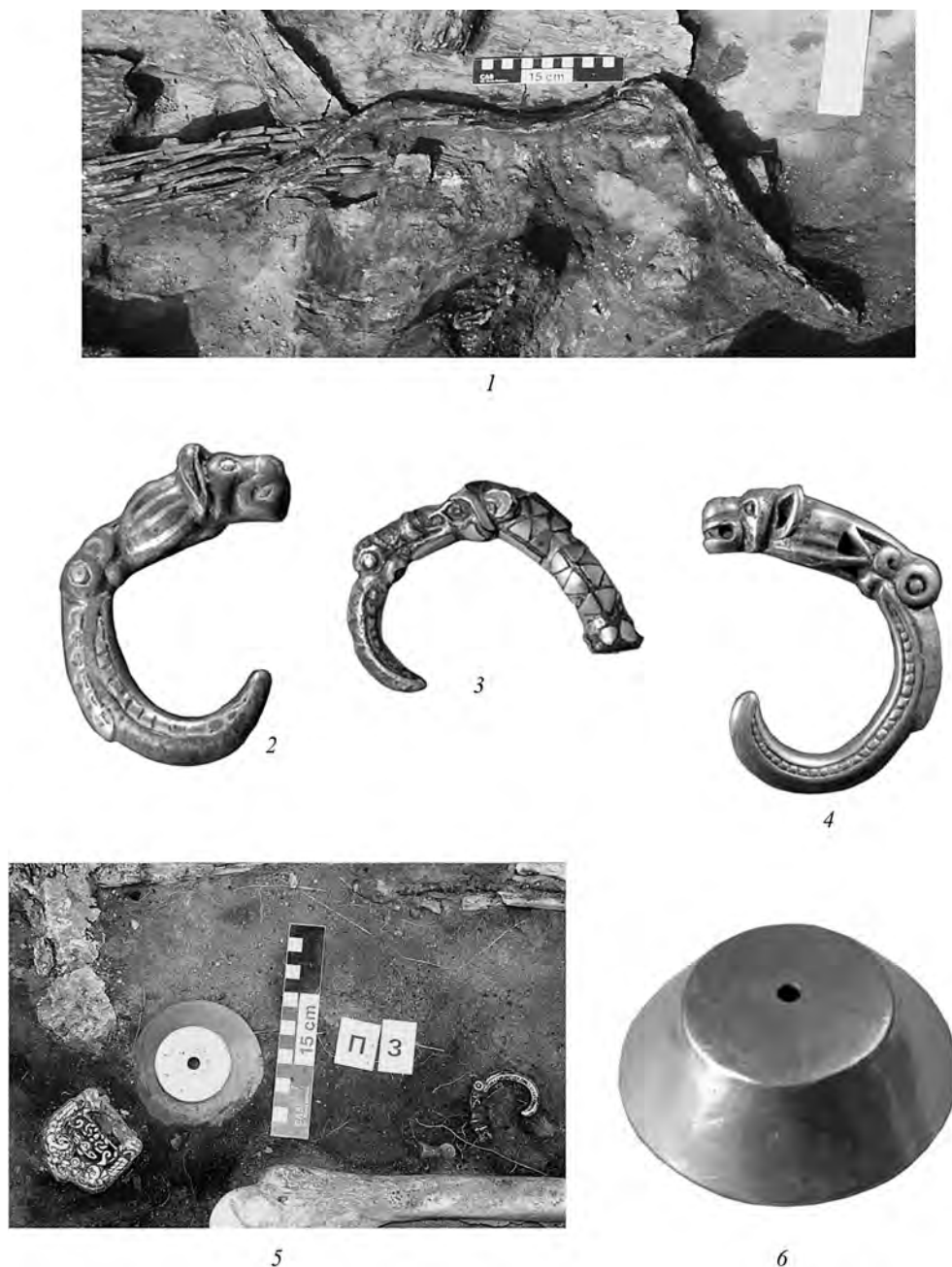

Рис. 1. Предметы вооружения и аксессуары воинского костюма из могильника Филипповка 1: 1 – кибит лука и стрелы *in situ*; 2–4 – колчаные крюки; 5 – детали горита *in situ*; 6 – “умбон” горита (1 – дерево (бук), бронза; 2–4 – серебро, золото; 5 – золото, серебро; 6 – золото) (1 – кург. 4 погр. 5; 2, 6 – кург. 4 погр. 2; 3 – кург. 15 погр. 3; 4, 5 – кург. 4 погр. 3) (см. цветную вклейку № 1).

Под его концом располагался пучок стрел с бронзовыми наконечниками. Сохранились деревянные черешки длиной не менее 34 см (вместе с наконечниками). Черешки в сечении округлой формы, диаметром около 6 мм. Всего было обнаружено 17 бронзовых наконечников.

Стрелы представлены наконечниками, которые находили вместе с остатками горитов/саадаков. В каждом горите представлено большое количество

разнотипных наконечников – от нескольких десятков до более чем двух сотен. Не имея возможно описать здесь состав всех колчанов (эта тема специальной работы), рассмотрим один из наиболее представительных – колчан из кург. 4 погр. 2 могильника Филипповка 1³. Зафиксировано 206 наконечников. Пример из случайно выбранных

³ Погребение принадлежало молодому мужчине.

1

2

3

4

5

6

Рис. 1

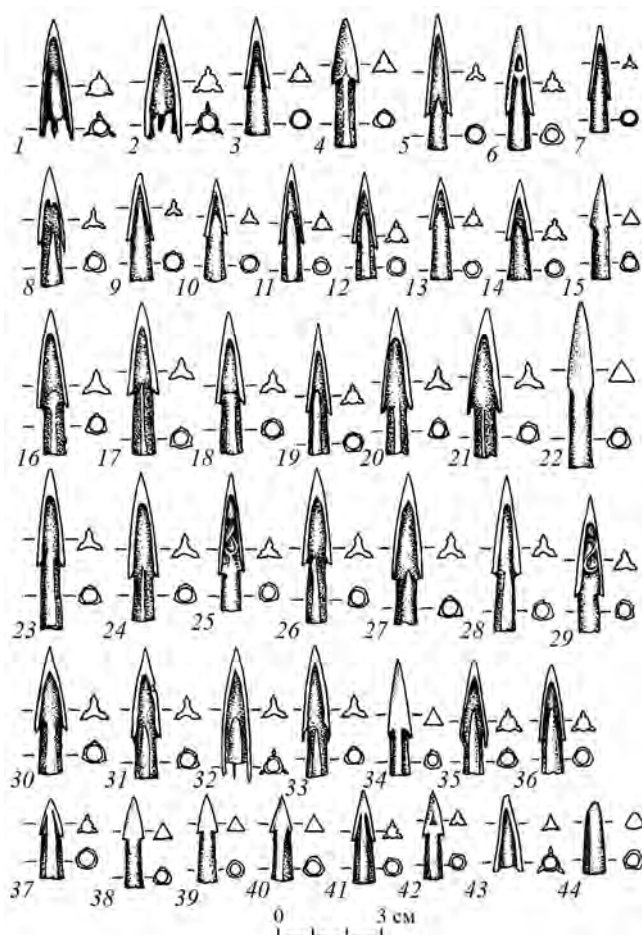

Рис. 2. Бронзовые наконечники стрел из кург. 4 погр. 2 могильника Филипповка 1.

экземпляров представлен на рис. 2. По форме насада наконечники делятся на три категории⁴: категория 1 – с выступающей цилиндрической втулкой (196 шт.) (рис. 2, 3–42); категория 2 – базисные, со скрытой втулкой (6 шт.) (рис. 2, 1, 2, 43); категория 3 – пулевидные (4 шт.) (рис. 2, 44).

По форме головки в поперечном сечении наконечники категории 1 подразделяются на два отдела: трехлопастные (рис. 2, 16–21) и треугольные (трехгранные) (рис. 2, 15, 22, 34); четыре трехлопастных наконечника с выступающей втулкой имели рельефный S-образный знак (тамгу) между лопастями (рис. 2, 25, 29). Наконечники категории 2 подразделяются по форме поперечного сечения головки на два отдела: трехлопастные (рис. 2, 1, 2) и треугольные (рис. 2, 43). Наконечники отдела 1 по форме головки в профиль подразделяются на типы с треугольной головкой (рис. 2, 1) и с башне-видной (сводчатой) головкой (рис. 2, 2). Категория

3 – круглые (пулевидные) с утопленной цилиндрической втулкой, конусовидной в профиль головкой и приостренным бойком (рис. 2, 44).

Пращи. О существовании у сарматов этого вида оружия свидетельствует находка в кургане 2 Филипповки 1 (рис. 3, 4). Каменный (песчаник) предмет уплощенно-шаровидной формы (форма придана искусственно) мог использоваться как снаряд для пращи. Размеры: диаметр – 7,1, высота – 6,1 см.

Мечи и кинжалы находили всегда в одной позиции: поперек правого бедра погребенного, рукоятью к кисти правой руки и концом клинка за нижней третью левую бедро. По форме наконечников и перекрестий филипповские акинаки подразделяются на типы (рис. 4). Экземпляр из кург. 13 можно уверенно трактовать как меч: его общая длина составляет 63, а длина клинка – 51,5 см. По мысли О.И. Куриных (2012. С. 83), дифференциацию между мечами и кинжалами следует проводить не по общим размерам, а только по длине клинка. С этой точки зрения остальные находки из Филипповки 1 следует определять как кинжалы. Это кинжалы с волютообразным наконечником и сломанным перекрестием (рис. 4, 7), кинжалы с ажурными наконечниками и сломанным перекрестием, концы которого направлены вниз (рис. 4, 5). Такие формы называют «савроматскими» и обычно датируют в пределах V в. до н.э. Но в могильнике были обнаружены и кинжалы так называемого переходного типа. У них брусковидное наконечник и практически прямое перекрестие (рис. 4, 2–4). Такие формы датируют теперь в пределах IV в. до н.э., не исключая его последней четверти (Федоров, 2001. С. 182). В кургане 13 Филипповки 1 кинжал «савроматского» типа (рис. 4, 1) был найден вместе с кинжалом переходного типа (рис. 4, 4). Логично предположить, что встреча обоих предметов могла произойти где-то в середине IV в. до н.э. Это предположение не противоречит датировке могильника, предложенной А.Х. Пшеничнюком (2001), В.К. Федоровым (2001. С. 186, сн. 3) и М.Ю. Трейстером и Л.Т. Яблонским (2012. С. 283–284).

Особое место в серии филипповских мечей занимает парадный экземпляр из кург. 4 погр. 2 (колчан из этого захоронения мы рассмотрели выше). Это парадный (ритуальный) меч, клинок которого покрыт золотой инкрустацией (рис. 5). Его общая длина составляла 56, а длина клинка – около 39 см. По краям перекрестия имелись два отверстия для крепления шнуров/ремешков с хрустальными темлячными подвесками.

Меч из кург. 4 погр. 2 могильника Филипповка 1, безусловно, парадный или изготовленный специально для погребального ритуала, по богатству

⁴ Использован принцип описания наконечников стрел, изложенный в специальной работе (Яблонский, 2006).

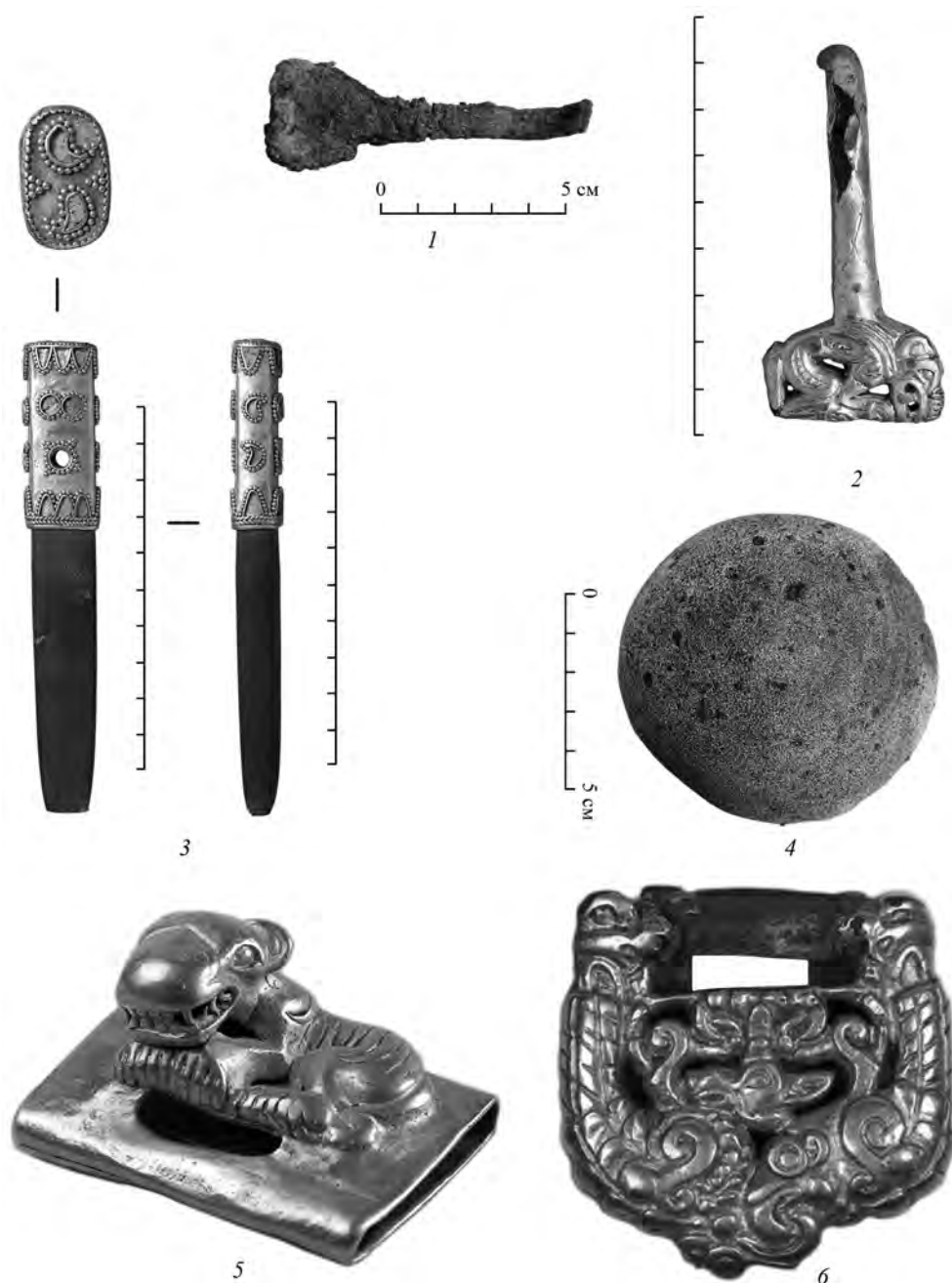

Рис. 3. Аксессуары воинского костюма и ядро пращи из могильника Филипповка 1: 1–2 – колчанные крюки; 3 – амулет-оселок; 4 – ядро пращи; 5–6 – портупейные пряжки (1 – железо; 2 – железо, золото; 3 – камень, золото; 4 – песчаник; 5 – золото; 6 – серебро, золото) (1 – кург. 11 погр. 1; 2 – кург. 4 погр. 4; 3 – кург. 29 погр. 2; 4 – кург. 2 погр. 1; 5 – кург. 4 погр. 2; 6 – кург. 4 погр. 3).

своего убранства и технике его исполнения не имеет сколь-нибудь близких аналогий в археологии раннего железного века степной Евразии. Рукоять меча обложена золотыми и серебряными листьями, орнаментированными в традициях скифо-сибирского звериного стиля (рис. 5, 2). Клинок с обеих сторон покрыт рядами инкрустированных сюжетных изображений (рис. 5, 1), которые все вместе передают

мифологический рассказ о жизни и смерти воина (рис. 5, 3, 4) (Яблонский и др., 2011б; Yablonsky et al., 2011). Типологически он относится к коротким мечам (акинакам) с брусковидным овальным навершием и бабочковидным перекрестием, что позволяет датировать его второй половиной V–IV в. до н.э. Однако типологический состав наконечников стрел из погр. 2 не исключает датиров-

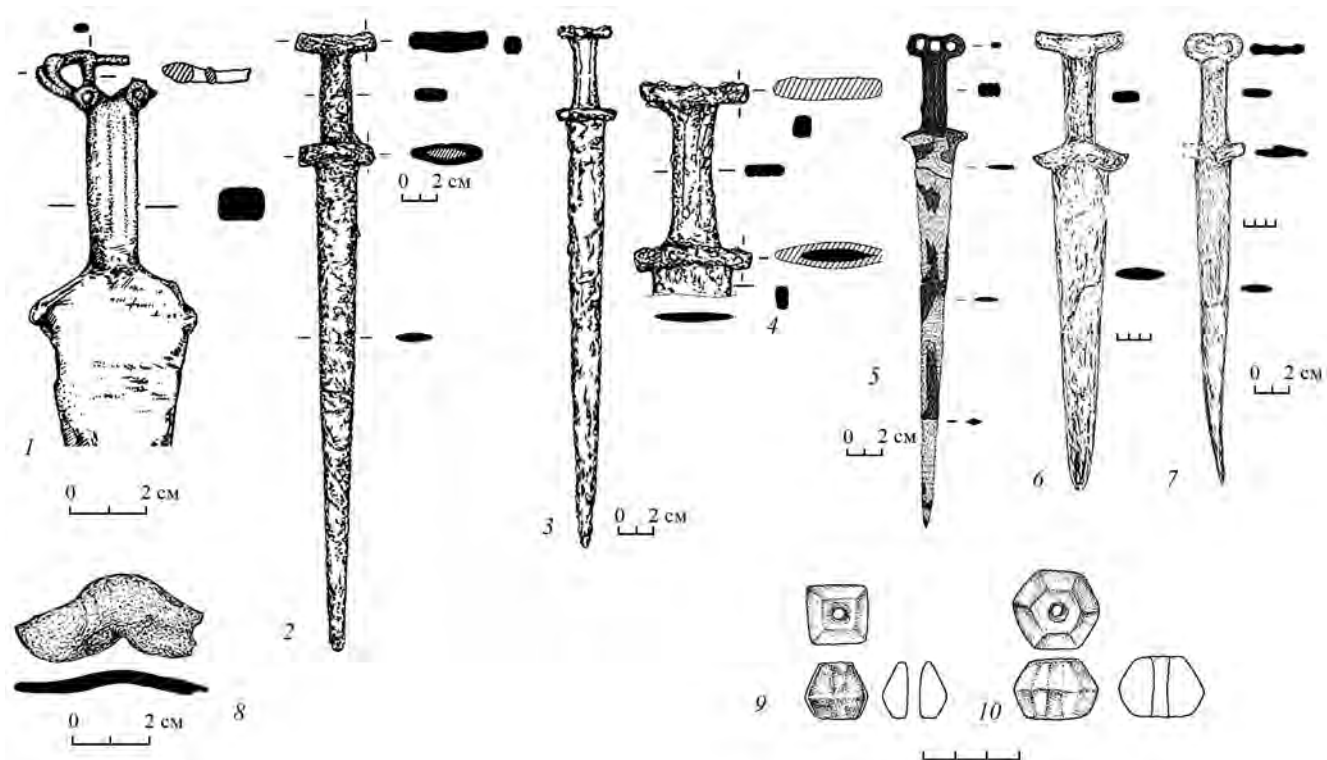

Рис. 4. Железные мечи и кинжалы (1–8) и хрустальные темлячные подвески (9–10) из могильника Филипповка 1: 1 – кург. 13, насыпь (деталь меча); 2 – кург. 13, погр. камера; 3, 4 – кург. 13, подземный ход (целый меч и его деталь); 5 – кург. 15, погр. 3; 6 – кург. 28, подземный ход; 7 – кург. 28 погр. камера; 8 – кург. 15 погр. 1 (перекрестие меча); 9, 10 – кург. 4 погр. 2.

ки в пределах IV в. до н.э., вероятно, первой его половины.

Стилеты. К предметам наступательного вооружения можно отнести ножи-стилеты. Один из них, хорошей сохранности, был найден в кург. 1 погр. 2 могильника Филипповка 2 (рис. 6, 4). Клинок железный, односторонней заточки, черешковый. К черешку рядом железных заклепок (9 шт.) приклепаны костяные накладки из отполированной кости животного. Окончание ручки тупое. От клинка рукоять ножа отделена бронзовой накладкой широкооформленной формы. Общая длина ножа – 303 мм, длина рукояти – 129, ширина бронзовой накладки – 8, ширина окончания рукояти – 12 мм.

Копья. Наконечники копий были встречены в могильнике Филипповка 1 неоднократно. Все они однотипные – железные, массивные, втульчатые, листовидной формы, иногда – со слабо выраженной нервюрой.

В кург. 4 погр. 3 копье (рис. 6, 1) лежало справа от погребенного мужчины. Сохранился *in situ* металлический подток древка (рис. 6, 2), что позволило достоверно определить длину копья с древком. Подток копья биметаллический. Втулка подтока представляет собой серебряную цилиндрическую

трубку, конец которой конусовидно сужается. Край основания втулки плавно-зубчатый. Втулка изготовлена из металлического листа, свернутого в трубку. По шву лист скреплен 12 серебряными гвоздями и прибит к древку. На конец трубки надет железный предохраняющий наконечник. Расстояние от кончика наконечника копья до основания подтока составляло 320 см, что соответствует истинной длине копья (наконечник и подток находились *in situ* на одной оси).

В погр. 2 того же кургана копье было с силой воткнуто в дно могилы в ее углу, а в погребении кург. 11 два копья тоже находились в вертикальном положении, но были лишь прислонены к борту могилы.

На наконечники копий иногда надевали специальные костяные защитные футляры (рис. 6, 3).

Клеветы. Один железный клевец очень плохой сохранности происходит из кург. 4 погр. 3. Он лежал слева от погребенного. Общая длина железной части – 24 см. Боевая часть клиновидная, с заостренным концом, длиной 11 см. В конце ее имеется втулка для насаживания рукояти. Втулка цилиндрической формы шириной около 4 см. Отверстие овальной формы с размерами 24 × 16 мм. Длинная ось отверстия расположена вдоль длинной

Рис. 5. “Золотой” меч из кург. 4 погр. 2 могильника Филипповка 1 (см. цветную вклейку № 2).

1

2

3

4

Рис. 5

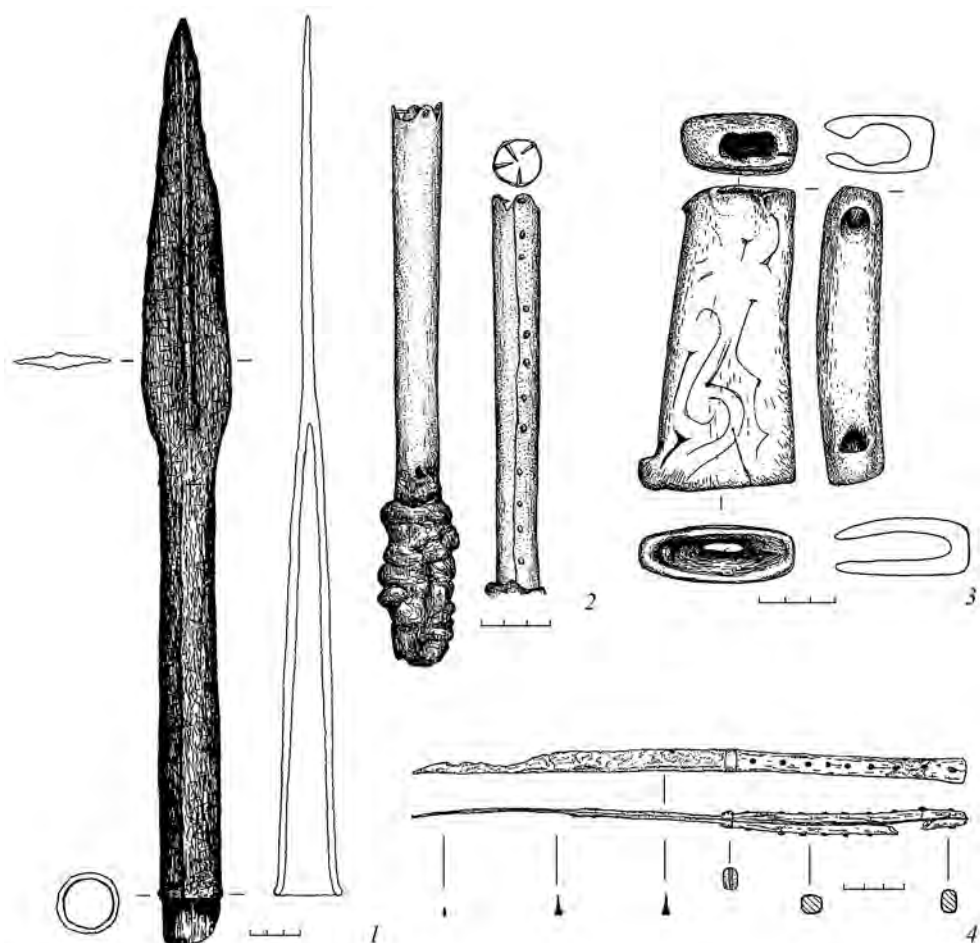

Рис. 6. Предметы вооружения: 1 – наконечник копья; 2 – подток древка копья; 3 – футляр для наконечника копья; 4 – стилет (1 – железо; 2 – серебро, железо; 3 – кость; 4 – железо, бронза, кость) (1–3 – Филипповка 1 кург. 4 погр. 3; 4 – Филипповка 2 кург. 1 погр. 2).

оси клевца. Задняя часть клевца уплощена, боевая часть прямая, развернута как у ледоруба. Ширина лезвия – около 4 см. Длина нижней части – 7 см.

К предметам *защитного вооружения* ранних кочевников Южного Приуралья относятся доспехи различных видов и шлем.

Доспехи подразделяются на две категории: железные и костяные (роговые).

Железные доспехи чешуйчатые, с дополнительным ламеллярным оплечьем, предназначались для защиты корпуса. Чешуйки фиксировались на органической основе так, что к ней крепился только верхний край пластинки с налеганием ее на нижний ряд чешуек. Оплечье состояло из двух крупных наплечников с отдельным дополнительным нагрудным усилением в виде двух комплексов ламеллярных пластин овальной формы. Реконструкция доспеха, выполненная Д.В. и И.В. Рукавишниковыми (2008. С. 109. Рис. 6; С. 114. Рис. 17), представлена на рис. 7, 1.

Для защиты корпуса воина использовали также костяные (роговые) доспехи, тоже чешуйчатые (рис. 7, 2). Однако в отличие от железных пластинки здесь скреплялись между собой наглухо.

Шлемы. Раннесарматский шлем известен в единственном экземпляре. Он происходит из захоронения в кург. 11 могильника Филипповка 1. В отличие от всех известных на территории Евразийской степи, он железный, кованый, хотя, вероятно, подражает бронзовым образцам. Шлем (рис. 8, 1) состоит из каски и двух подвижных нащечников-наушей, которые крепились к каске на шарнирах (реставрация М.С. Шемаханской). Каска состоит из двух несимметричных частей, вдоль сагиттального сечения шов образует тупой угол и смещается на затылке вправо относительно оси примерно на 5 см. Форма каски в профиль приближается к полусферической с некоторым уплощением в теменной области. В фас форма верхней половины каски является подтреугольной с округлой верши-

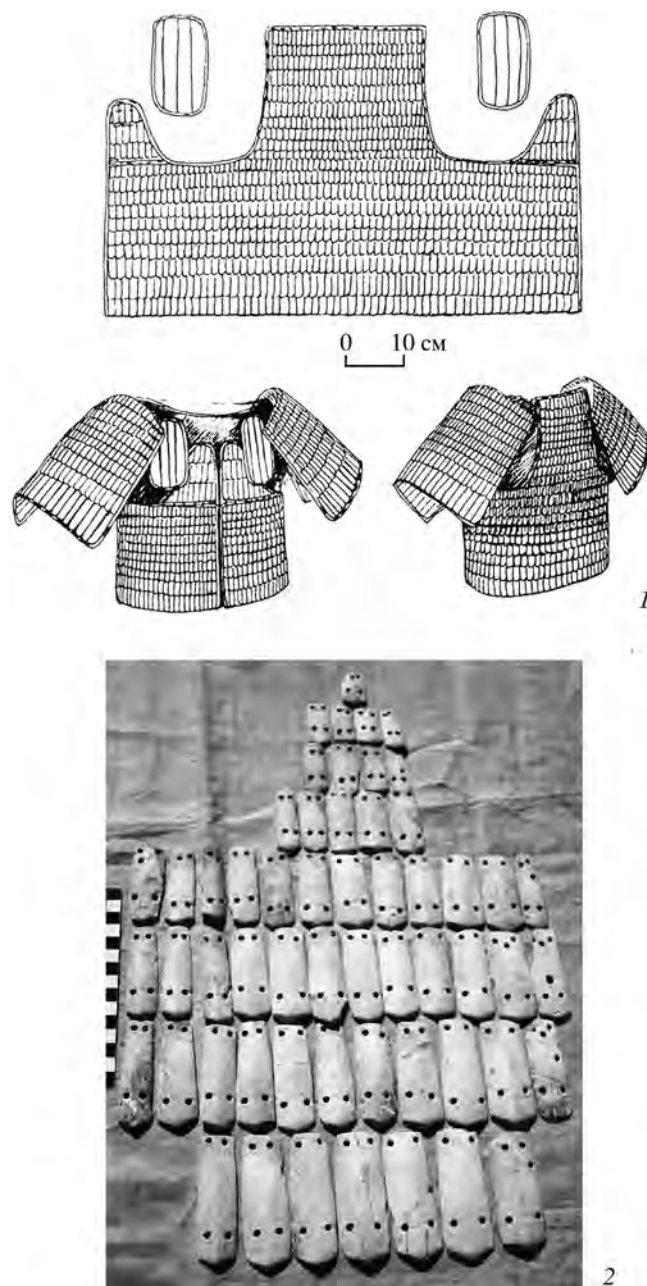

Рис. 7. Доспехи из могильника Филипповка 1: 1 – реконструкция железного доспеха из кург. 4 погр. 2 (развертка и аксонометрия); 2 – роговой доспех из кург. 29 (образцы чешуек).

ной, боковые стороны нижней части до среза опускаются почти вертикально. Общая глубина каски – 16 см. Затылочная часть немного выступает назад, лобная – опускается полого. Лицевая часть имеет надглазные дуги, которые соединяясь по центру, образуют треугольный выступ-наносник. Продольный диаметр на уровне надглазных вырезов – 28, поперечный – 24 см. Край каски по бокам и на затылке образует ровный срез. По бокам расположе-

ны шарнирные петли, на которых крепятся подвижные нащечники. Всего петель семь: четыре петли спускаются с каски шлема, между которыми расположены три петли от нащечников. Общая протяженность шарнирного крепления справа – 15, слева – 15,5 см. Петли, принадлежащие куполу шлема, немного длиннее (от 2 до 2,5 см), чем петли, отходящие от нащечников (1,5–1,7 см). В петли продета проволока (стержень) диаметром 0,4 см. Нащечники-науши имеют форму неправильной трапеции с вогнутыми длинными сторонами, благодаря чему ближний к лицу край плавно продолжает линию надглазных дуг и нащечники в сомкнутом положении составляют общий с надглазниками и наносником лицевой вырез. Нижние края нащечников слегка скруглены. Нащечники были подогнуты внутрь, примерно в четвертой части снизу, видимо, для удобства завязывания их под подбородком. Размеры левого нащечника: длина – 18, ширина в месте крепления 15, ширина нижнего края – 4, толщина листа – 0,15 см; размеры правого нащечника: длина 18,5, ширина в месте крепления 15, ширина нижнего края – ок. 4 (не достает фрагмента), толщина листа – 0,15 см.

По всему периметру шлема, включая нащечники, имеются отверстия для крепления (пришивания) подшлемника. Филипповский шлем не имеет прямых аналогий ни в одном из известных очагов цивилизаций востока и запада и представляет собой изделие местного мастера, выполненное на основе и в подражание известным образцам греческого доспеха (прежде всего халкидскому типу шлемов), широко распространенным. Исходя из того, что шлемы в раннеэллинистическое время, сделанные из железа, в античном мире появляются не раньше IV в. до н.э., данный шлем не может быть датирован ранее этого периода. Предложенная датировка шлема соответствует общему хронологическому контексту кург. 11 и могильника Филипповка 1 в целом (Фризен (Куринских) и др., 2013).

Аксессуары (принадлежности) воинского костюма. Детали костюма элитного воина у ранних кочевников несли двойную нагрузку: утилитарную и декоративную. Отдельные детали экипировки помогают воссоздать костюм в целом. Эти аксессуары состоят из предметов разных категорий:

Портупейные пряжки. Найденные *in situ*, они достоверно свидетельствуют о том, что мечи подерживались на поясе при помощи специальных портупей. Обе пряжки из могильника Филипповка 1 выполнены из драгоценных металлов и богато декорированы.

Пряжка из кург. 4 погр. 2 золотая, литая (рис. 3, 5). Основание ее подпрямоугольное из толстого

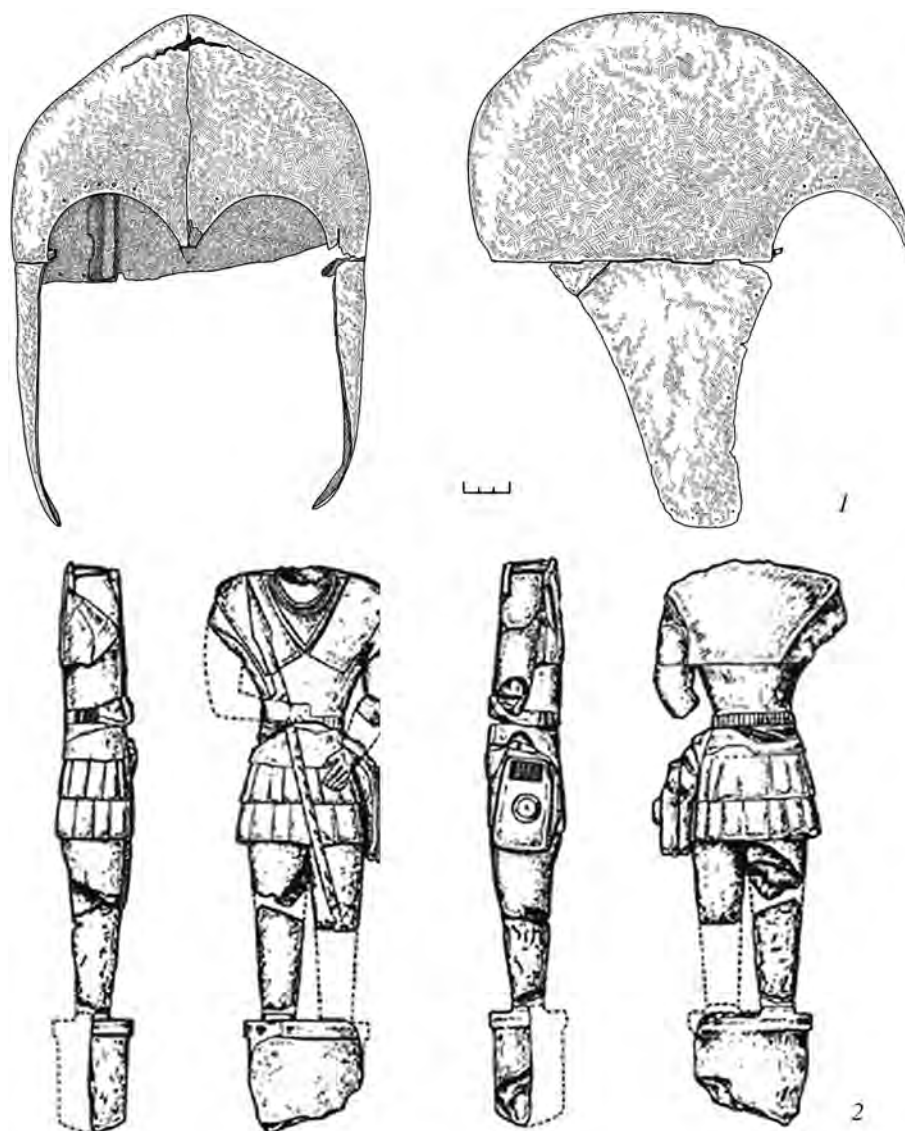

Рис. 8. Железный шлем из кург. 11 могильника Филипповка 1 и каменное изваяние скифского воина из Приветного, кург. 2: 1 – рис. О.И. Фризен); 2 – по: Ольховский, Евдокимов, 1994.

листа с двумя сквозными отверстиями: широкое отверстие вдоль, небольшое сверху. На основании размещена объемная полая фигура, изображающая лежащего тигра с поднятой головой. Размеры пряжки: длина по короткой стороне – 7.1, по длинной – 7.9 см; ширина – 4.9, толщина – 1 см. Толщина листа около 0.1 см. Размеры отверстий: 4.9×1 , и 2.7×0.6 см. Размеры фигурки тигра: длина – 5.9, ширина – 3.5, высота – 2.8 см. Морда тигра оскалена, зубы отчетливо выделены. Глубокими линиями проработана шерсть. Изображены круглые уши, каплевидные выемки глаз с выпуклыми глазными яблоками. Прочерченными линиями обозначены ноздри. Хвост прижат к ноге, кончается завитком.

Другая пряжка происходит из погр. 3 того же кургана. Пряжка портупейная серебряная, обложенная золотым листом, подквадратной формы, зооморфная (рис. 3, б). С обратной стороны имеет две петли. В теле пряжки – прорезь. Размеры: 6.2×6.1 см, толщина пряжки примерно 0.3 см. Размеры прорези: 3×0.5 см. Прилитые подпрямоугольные петли вписываются в пространство размерами 5.2×1 см. На пряжке рельефно изображены симметрично расположенные дерущиеся хищные птицы, когтящие перевернутую голову оленя. В хвост обеим птицам упираются головы кошачьих хищников с разинутыми пастьми. Голова правой птицы фиксирует верх пряжки, голова левой S-видно вывернута под головой правой. Их клювы переплетаются. Голова

олени имеет тупую горбоносую морду с каплевидно изображенной пастью, выпуклым каплевидным глазом в каплевидной выемке. Острое ухо отмечено завитком. Щека изображена выпуклым валиком. Рог вертикально направлен вниз и симметрично расходится на два коротких завитка, украшенных рифлениями. Головы хищников расположены по углам.

Колчаные крюки являлись неотъемлемой частью воинского снаряжения. У элитных воинов они сделаны из драгоценных металлов и богато декорированы в традициях скифо-сибирского звериного стиля. Найденные *in situ* в верхней части колчанов (рис. 1, 2–4; 3, 1, 2), они достаточно достоверно свидетельствуют в пользу именно этого их функционального назначения.

Филипповские экземпляры чаще всего воплощают в себе синкретические образы хищника кошачьей породы и грифона (рис. 1, 2–4). Крюки литые из серебра и инкрустированы золотом по глубокой резьбе. Типичен крюк из кург. 4 погр. 3 (рис. 1, 4). Крюк колчаный, серебряный, имитирующий клык, литой с отверстием, зооморфный, декорированный золотыми плакировками. Размеры: крюк вписывается в прямоугольник со сторонами 5 × 5 см. Высота прорези отверстия – 1.1 см. По одну сторону от отверстия окончание выполнено в виде объемной головы кошачьего хищника, по другую сторону сам крюк выполнен в виде головы хищной птицы с длинным клювом. Хищник с оскаленной пастью, большими заостренными ушами. Пасть птицы показана рельефной прорезью и золотыми полосками. В пасти – ряд выпуклых зубов. Ухо показано завитком с золотой полоской.

Уникален крюк из кург. 15 погр. 3 (рис. 1, 3). Он имеет форму клыка. Размеры: вписан в прямоугольник 5.8 × 6.4 см; овальное отверстие 1 × 0.7 см; диаметр основной части 1.3 см. С одной стороны от отверстия крюк заканчивается расширением с копытом на плоской стороне, диаметром – 1.3 см. Копыто изображено с помощью золотой накладки. Длинная сторона крюка представляет собой вытянутую морду зверя, вероятно, кабана. Конец морды зверя переходит в голову хищной птицы, чей клюв является окончанием крюка. Одна сторона изделия сильно затерта и на ней видны отдельные треугольные и овальные выемки для бывших золотых вставок. У кабана полукруглое ухо, очерченное золотой накладкой. Миндалевидный выпуклый глаз оконтурен золотой накладкой. У птицы выпуклый круглый глаз, на щеке золотая накладка в виде копытца, прорезанная линия пасти, на клюве – ряды треугольников.

Помимо клыковидных крюков, известны и двухплоскостные, также декорированные в зверином стиле (рис. 3, 2). Крюк из кург. 4 погр. 4 – железный, обернутый золотой фольгой, с зооморфным щитком и развернутым в перпендикулярной плоскости крюком. На щитке рельефно изображен припавший хищник, возможно, медведь. Хвост расположен вертикально. Размеры щитка 8 × 3.8 × 0.8 см, диаметр крюка 0.8 см.

Кроме крюков из драгоценных металлов использовали и простые железные, как С-видной формы, так и двухплоскостные (рис. 3, 1).

Все эти разнотипные крюки сосуществовали в пределах IV в. до н.э.

Умбообразные детали горитов. Были найдены в двух погребениях кург. 4. Впервые, наверное, они были зафиксированы *in situ*, и их принадлежность именно к горитам сомнений не вызывает (рис. 1, 6). Предмет из погр. 2 имеет форму усеченного полого конуса. Диаметр верхнего основания (плоскости) – 9, нижнего основания (края) – 14.7, высота – 5 см. В центре верхней плоскости расположено сквозное отверстие диаметром 8 мм. Боковые стенки находятся под углом 47° к основанию. Толщина стенок 3–4 мм. Предмет лежал на поверхности горита широким основанием (краем) вниз.

Однотипный предмет из погр. 3 (рис. 1, 5) имел следующие размеры: диаметр верхнего основания (плоскости) – 5, нижнего основания (края) – 9.3, высота – 3.5 см. Стенки в профиль слегка вогнутые. Нижний край слегка волнистый. Диаметр отверстия в верхней плоскости – 0,8 см.

Оба предмета имеют многочисленные аналогии в памятниках скифского круга (Яблонский, 2009).

Амулеты. Предметы, похожие на оселки, но на самом деле являющиеся амулетами, носили на поясе. Некоторые из них оправлены золотом. Было доказано, что, как и предполагал ранее М.П. Грязнов (1961), такие так называемые оселки использовали в качестве амулетов (Аникеева, Яблонский, 2012; Яблонский и др., 2011а). В кург. 29 погр. 2 могильника Филипповка 1 были найдены два каменных предмета с отверстиями для подвешивания (рис. 3, 3), напоминающие широко известные в археологии ранних кочевников Евразии оселки, но оправленные золотом. Один из таких предметов находился у внутренней поверхности правой бедренной кости скелета № 1 (пожилой мужчина). Другой, похожий на оселок предмет, был найден при скелете № 5, который также принадлежал мужчине. Предмет располагался у верхнего эпифиза левой бедренной кости.

Гривны и браслеты. Костюм элитных воинов (вождей), судя по материалам из “царского” кургана могильника Филипповка 1, дополняли массивные литые золотые украшения: шейные гривны и браслеты. Они были найдены в нескольких захоронениях этого кургана. Концы гривен и браслетов украшали объемными фигурками различных животных.

Так, на шею мужчины из кург. 4 погр. 2 была надета золотая гривна, цельнолитая, гладкая, с заведенными зооморфными окончаниями. Размеры: вписывается в прямоугольник 20.5×23.8 см, диаметр прута 0.8 см. На окончаниях изображены объемные фигуры “припавших” кошачьих хищников, предположительно пантер.

На левом запястье мужчины из кург. 4 погр. 4 находился литой золотой браслет с заведенными зооморфными окончаниями. Размеры: 8.8×7.5 см. Диаметр прута 0.5 см. На окончаниях изображены объемные головы волков с удлинённой стилизованной пастью.

Итак, мы рассмотрели состав предметов вооружения и аксессуаров воинского костюма из элитарного могильника Филипповка 1. В совокупности эти данные дают представление о внешнем облике элитного воина, вероятно, полководца раннесарматской эпохи. В целом эти представления совпадают с нашими впечатлениями от внешнего вида изображений воинов скифской эпохи, выполненных в виде каменных изваяний, например статуи из Приветного, кург. 2 (Ольховский, Евдокимов, 1994. С. 31, 32. Илл. 62.), которая происходит с территории Крыма и датируется второй половиной IV в. до н.э. (т.е. синхронна могильнику Филипповка 1 (рис. 8, 2)). На шее воина изображена полуторавитковая гривна; на теле – панцирь из пластин, нашитых на кожаную основу, две нагрудные пластины, соединенные на плечах ремешками; украшенный “умбоном” горит с луком (на поясе слева); в правой руке – копьё. Очевидно, был, но не сохранился, шлем на голове воина (Ольховский, Евдокимов, 1994. С. 32). Не правда ли, удивительное совпадение признаков археологических и изобразительных? Оно свидетельствует о широком пространственном распространении скифской моды на экипировку знатных воинов. Кроме того, датировка изваяния и могильника Филипповка 1 взаимно подтверждают друг друга, что тоже важно.

К сказанному нужно еще добавить, что на других изваяниях известны изображения оселков-амулетов, которые подвешивали к поясу, причем самые ранние такие изображения датируются опять же V–IV вв. до н.э. (Ольховский, Евдокимов, 1994. Табл. 10). Не очень понятно, почему в состав этой таблицы авторы не включили изображения мечей

или кинжалов, а также клевцов, хотя в представленном ими каталоге изваяний такие изображения все же имеются (Ольховский, Евдокимов, 1994. Илл. 1, 2, 4–8, 10, 13, 16 и др.).

Таким образом, собирательный образ раннесарматского элитного воина можно представить следующим образом: торс прикрыт ламеллярным железным или роговым доспехом; на голове – железный шлем с подвижными наушами; длинное (не менее 320 см) копьё; короткий обоюдоострый железный меч или кинжал с темлячными подвесками (справа); горит с отделениями для лука и разнотипных наконечников стрел, а также карманами для ножа, точильного камня, шила, огнива и других мелких предметов (слева); на внешней поверхности горита – золотой конусовидный “умбон”; портупея для подвески меча с пряжкой в месте пересечения с ремнем; на ней – железный клевец (слева), амулет-“оселок” на ремне; на шее – золотая литая гривна, концы которой украшены объемными изображениями хищников; на руках – золотые литые браслеты, концы которых также имеют объемные изображения животных или их протом.

Нужно только помнить, что в нашем случае речь идет о вооружении вождей-полководцев.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-01-00053.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникеева О.В., Яблонский Л.Т. Так называемые оселки сарматского времени из могильника Филипповка 1: естественно-научные исследования // Культуры степной Евразии и их взаимодействия с древними цивилизациями. Материалы междунар. науч. конф., посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова / Ред. В.А. Алекшин и др. Кн. 1. СПб.: ИИМК, Периферия, 2012. С. 47–53.
- Грязнов М.П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. Л.: Изд-во Ленинградского ГУ, 1961. С. 139–144.
- Куринских О.И. Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI–I вв. до н.э. (по материалам могильников у с. Покровка) // РА. 2011. № 3. С. 42–54.
- Куринских О.И. Клинковое оружие ранних кочевников VI–I вв. до н.э. из могильников у с. Покровка (левобережье Илека) // РА. 2012. № 2. С. 82–90.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.: РАН, 1994. 187 с.
- Пшеничнюк А.Х. Филипповские курганы в центре скифского мира: открытие и исследования // Золотые оле-

- ни Евразии. Каталог выставки, Санкт-Петербург, 18 окт. 2001 – 20 янв. 2002 г. / Сост. А.Ю. Алексеев и др. СПб.: Славия, 2001. С. 26–37.
- Пшеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале / Ред. Н.С. Савельев. Уфа: ИИЯЛИ УНЦ РАН, 2013. 278 с.
- Рукавишников Д.В., Рукавишникова И.В. Доспех из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка 1 (интерпретация комплекса и реконструкция первоначального облика) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Материалы междунар. науч. конф. “Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий” 21 – 25 апреля 2008 г. / Ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: Изд-во Оренбургского ГПУ, 2008. С. 105–116.
- Рукавишникова И.В., Яблонский Л.Т. Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповско-1 могильника) // Вооружение сарматов. Докл. к VI междунар. конф. “Проблемы сарматской археологии и истории” / Ред.: Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского ГУ, 2007. С. 16–23.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М.: Наука, 1961. 98 с. (МИА №101).
- Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) / Ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. Т. I. С. 282–284.
- Федоров В.К. Клинковое оружие и колчанные наборы IV–III вв. до н.э. (о времени появления на Южном Урале мечей и кинжалов прохоровского типа) // МАВДС. Вып. I. / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 2001. С. 180–197.
- Фризен (Куринских) О.И., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. Шлем из могильника Филипповка 1 // ВДИ. 2013. № 4. С. 148–165.
- Яблонский Л.Т. Материалы для классификации наколочников стрел раннесакского типа // Древности скифской эпохи. МИАР. № 7. / Ред.: В.Г. Петренко, Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2006. С. 277–296.
- Яблонский Л.Т. Умбонообразные золотые предметы скифского времени из Филипповки // Эпоха раннего железа. Сб. научн. тр. к 60-летию С.А. Скорого / Ред. С.С. Бессонова. Киев – Полтава: НАН Украины, 2009. С. 418–426.
- Яблонский Л.Т. Некоторые итоги новейших раскопок могильника Филипповка 1 // *Terra scythica*. Материалы междунар. симпозиума “Terra scythica” (17 – 23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай) / Отв. ред. В.И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2011а. С. 379–392.
- Яблонский Л.Т. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII междунар. науч. конф. “Проблемы сарматской археологии и истории” (11 – 15 мая 2011 г., Ростов-на-Дону, Кагальник) / Отв. ред. С.И. Лукьяшко, Л.Т. Яблонский. Ростов-на-Дону. 2011б. С. 234–240.
- Яблонский Л.Т. Курганы-святилища могильника Филипповка 2, роль и место животных в погребальном обряде // Археология восточно-европейских степей. Вып. 10. / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Саратовский ГУ, 2013. С. 305–311.
- Яблонский Л.Т., Аникеева О.В., Гаршев А.В. Пробирные камни из могильника Филипповка 1 // Естественнонаучные методы в изучении Филипповского 1 могильника. МИАР № 14. / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2011а. С. 158–174.
- Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В., Шемаханская М.С. “Золотой” меч из царского кургана № 4 могильника Филипповка 1 // ВДИ. 2011б. № 4. С. 219–250.
- Pshenichnuk A. The Filippovka Kurgans at the Heart of the Eurasian Steppe // *The Golden Deer of Eurasia* / Ed. by J. Aruz. N.Y.: Metropolitan museum of art, 2000. P. 21–30.
- Yablonsky L.T. New excavations of the Early Nomadic Burial Ground at Filippovka (Southern Ural Region, Russia) // *AJA*. 2010. V. 114. P. 129–143.
- Yablonsky L.T., Rukavishnikova I.V., Shemakhanskaya M.S. L'épée dorée de Filippovka // *Archeologia*. № 494. Decembre. 2011. P. 50–57.

ПИТАНИЕ НОСИТЕЛЕЙ ТРАДИЦИЙ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДОНО-ДОНЕЦКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ ПО ДАННЫМ ИЗОТОПНОГО АНАЛИЗА

© 2014 г. М.В. Добровольская, И.К. Решетова

Институт археологии РАН, Москва (mk_ra@mail.ru)

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, аланы, погребальный обряд, палеоантропологический источник, изотопный анализ, палеодиетологическая реконструкция.

The article considers new data on anthropological materials from catacomb and pit necropolises of the Saltovo-Mayaki culture of the forest steppe and steppe zones in Eastern Europe. The reconstructions of the nutritive traditions of the buried people are staged based on the isotopic analysis of the bone tissue collagen. The intense concentration of C4 plants in their diet is found. That was very likely millet (*Panicum miliaceum*). Intergroup differences have been discovered in the collagen isotopic compound. In contrast to the consolidated isotopic specifications defined for the group from the catacomb necropolises there is a highly individual variability fixed in the sets from the pit burials. These facts consider suggesting that the Alans of the forest steppe area of the Don-Donetsk region had stable nutrition traditions, which also proves their common ethnical identity. A huge individual variety in the diets of the buried people from the pit burials of the steppe zone of the region might be connected with the absence of one single nutrition tradition. This gives an opportunity to suppose that it is unjustified to refer people from the pit burials to one ethnical identity.

Изучение палеоантропологических материалов из погребальных памятников эпохи раннего средневековья – одна из возможностей получения независимой информации о специфике демографической структуры, физического облика, состояния здоровья, традиций питания населения. Изучение групп населения, входивших в сложное полиэтническое государство – Хазарский каганат, – традиционная и актуальная тема в отечественной археологии, получившая новый импульс благодаря развитию современных методических подходов (Афанасьев, 2013. С. 13; Коробов, Борисов, 2012. С. 39). Антропологический источник также эффективен в разработке этой тематики. Настоящее исследование вводит в научный оборот новые палеоантропологические материалы из погребальных памятников салтово-маяцкой археологической культуры лесостепной и степной зон Доно-Донецкого междуречья.

Как известно, археологические памятники салтово-маяцкой культуры лесостепной зоны (Верхне-салтовский, Маяцкий и Дмитриевский комплексы) рассматриваются как наследие аланских племен, ведущих свое происхождение с территории Северного Кавказа. Эта точка зрения была сформулирована еще в ранних исследованиях Ю.В. Готье (1927) и получила свое подтверждение и дальнейшее развитие в трудах многих ведущих советских и российских ученых (М.И. Артамонов, И.И. Ляпушкин, Н.Я. Мерперт, Г.Е. Афанасьев). Погребальные

памятники, связанные с ямными ингумациями, имеют различные трактовки в части этнических дефиниций. Подробная и разносторонняя классификация формы и структурных элементов ям дает основание рассматривать их не как единую погребальную традицию, а различные, связанные, возможно, с несколькими этническими компонентами. В частности, стабильное присутствие шумящих подвесок, погребения с конями позволяют обсуждать присутствие угорского этнического компонента. В целом вопросы этнической структуры населения, входившего в Хазарский каганат, остаются в поле научной дискуссии. Так, С.А. Плетнева пишет: «Мы знаем благодаря письменным свидетельствам, что население каганата было полиэтнично. В большой степени это подтверждается значительными различиями в погребальных обрядах, а также антропологическими различиями черепов из разнотипных погребений. К сожалению, антропологические исследования проводились только на нескольких памятниках. Огромное количество скелетов до сих пор остаются неопределимыми и постепенно разрушаются в хранилищах. Тем не менее, на обработанном материале, как говорилось, давно установлено, что катакомбный обряд свойственен долихокрамам-аланам, а ямный – европеоидам-брахикрамам с некоторой примесью монголоидности. На территории донских степей, в Крыму, в Волжской и Дунайской Болгариях их считают прабол-

гарскими. Подобные черепа соответствуют и черепам из “курганов с ровиками” (правда, в них более заметна примесь монголоидности), но полной уверенности в этом пока нет – исследована очень небольшая серия. Интересно, что в настоящее время выделяется значительная серия метисированных черепов (долихо-брахикранных). Этот процесс слияния этносов внутри каганата, постепенно активизируясь, мог привести к сложению единого народа (по-видимому, народа хазар). Таким образом, археологические и антропологические источники позволяют проследить сложнейшие этнические процессы, протекавшие идентично во всех странах и государствах древности и Средневековья» (Плетнева, 2005. С. 23, 24).

Этническое разнообразие населения, входившего в Хазарский каганат, и пути исследования этого разнообразия – огромное поле для комплексного археологического исследования. Отметим, что изучение любых групп населения в пространстве этнических понятий требует особой осторожности.

В современных исследованиях этнических образований ведущая роль уделяется информационной сфере, объединяющей людей в этих образованиях. Еще в работах Ю.В. Бромлея проводится разграничение между понятиями “этнонос” и “этно-социальный организм” (1970). В первом предполагается существование четко выраженного комплекса признаков этнической памяти, передаваемой из поколения в поколение. Для второго наиболее важны информационные связи, обеспечивающие повседневное общение и взаимодействие. В трудах С.А. Арутюнова эти представления получили дальнейшее и систематическое развитие: «Все категории этнических общностей основаны на информационных связях. ... Помимо информации “синхронной” (употребляя географический термин, “горизонтальной”), существует еще информация диахронная (“вертикальная”). Последняя включает всю культурную традицию народа, его творческое наследие, передаваемое из поколения в поколение в словесной (устной или письменно-литературной), а также в материально-изобразительной форме» (Арутюнов, 2012. С. 100).

Как известно, традиции питания, национальные кухни – одна из наиболее консервативных категорий этнической культуры. Изучение традиций питания с использованием палеоантропологического источника зарекомендовало себя как перспективное (Добровольская, 2005), поэтому проведение палеодиетологических исследований – одно из направлений, которое может дополнить комплекс подходов в изучении ранне-средневековых этнических групп.

Один из наиболее популярных инструментов изучения особенностей питания населения прошлого – изотопный анализ. В частности, данные о соотношении $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ и $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$ характеризуют экологические особенности природной и антропогенной экосистемы, в которой существовала та или иная группа. Палеодиетологические реконструкции, проводимые на основании сведений об этих изотопах, базируются, в первую очередь, на фундаментальных биологических и геохимических закономерностях.

1. Явление фракционирования изотопов углерода при фотосинтезе, в результате которого в органике растений резко снижается присутствие тяжелого углерода.
2. Различия во фракционировании изотопов углерода при C_4 - и C_3 -типах фотосинтеза. Средние показатели изотопного состава углерода в растениях C_3 -типа фотосинтеза группируются в пределах $-28 \dots -21\text{‰}$, а в растениях C_4 -типа $-16 \dots -9\text{‰}$.
3. $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$ в белках соответствует трофическому уровню организма. Чем более высокое трофическое положение занимает животное, тем более высокие показатели этого соотношения для него характерны, поэтому самые высокие значения данного параметра типичны для наиболее длинных океанических трофических цепей.

В историографических очерках изотопных исследований, как правило, преобладают ссылки на зарубежных авторов (см. DeNiro, Epstein, 1978, 1981; Vogel, van der Merwe, 1977). Однако необходимо отметить, что фундаментальные исследования распределения изотопов в биосфере активно проводились в Советском Союзе. В частности, упомянем работы академика Э.М. Галимова, в которых выявлены экологические закономерности, регулирующие изотопный состав растений. Согласно обобщению многочисленных данных, наибольшее влияние на изотопный углеродный состав оказывает содержание углекислого газа в среде фотосинтезирующих растений. “Понижение концентрации CO_2 приводит к уменьшению фактора фракционирования – относительному обеднению органического вещества легким изотопом. Поэтому растения пустынь изотопно-тяжелее тропических растений, а планктон теплых акваторий океана, в воде которого растворено меньше CO_2 , изотопно-тяжелее планктона, обитающего в холодных водах, и т.д.” (Галимов, 1970. С. 18). Таким образом, описанные фундаментальные экологические закономерности должны быть также положены в основу палеодиетологических реконструкций.

В задачи настоящего исследования входило получение данных об изотопном составе коллагена

костной ткани людей и животных из катакомбных и ямных погребений Доно-Донецкого междуречья VIII–X вв. с целью выяснения особенностей состава их обыденного рациона питания, а также соотнесение их с характеристиками погребальной обрядности, традиционно рассматривающейся в археологии как комплекс этномаркирующих признаков.

Методы и материалы. В распоряжении авторов были антропологические материалы из девяти некрополей Доно-Донецкого междуречья VIII–X вв. Два из них – Верхнесалтовский и Дмитриевский – катакомбные. Остальные семь (Ржевка, Мандрово, Желтое, Лысогоровка, Маяки, Новолиमारевка) – ямные. Общая численность образцов из погребений – 83 (табл. 1).

порции коллагена, чтобы выявить воспроизводимость результатов из одного образца. Она оказалась в пределах 0.2‰ для обоих изотопов.

В анализе использовался масс-спектрометр Thermo-Finnigan Delta V Plus IRMS с элементным анализатором (Termo Flash 1112), а также масс-спектрометр Thermo-Finnigan Delta V с элементным анализатором CE/EA-1112. Соотношение атомных масс углерода и азота составило величину 3.2, что находится в пределах стандарта допустимых значений 2.9–3.6 и подтверждает хорошую сохранность костного коллагена.

Результаты проведенных определений представлены в табл. 2 и 3. Для того чтобы строить палеодиетологические реконструкции, необходимо иметь отправные данные об изотопных показате-

Таблица 1. Материалы из погребений катакомбных и ямных некрополей Доно-Донецкого междуречья

Памятник	Число образцов	Погребальный обряд	Природно-климатическая зона
Верхнесалтовский IV	6	Катакомбный	Лесостепь
Дмитриевский	7	Катакомбный	Лесостепь
Мандрово	3	Ямный	Степь
Ржевка	4	»	»
Маяки	20	»	»
Желтое	16	»	»
Лысогоровка	7	»	»
Зливки	5	»	»
Новолимаревка	15	»	»

Антропологические материалы из некрополя Верхнесалтовский IV. Выделение коллагена проводилось в лаборатории биогеоценологии и исторической экологии Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН с применением принятой методики (DeNiro, Epstein, 1981. Р. 341; Jørgkov et al., 2007. Р. 1824). Фрагмент костной ткани был помещен в 1М раствор соляной кислоты при +3° С до полной деминерализации. Затем образец промывался дистиллированной водой центрифугированием до получения нейтральных значений pH. Органический остаток переводился в растворимую форму при pH 2,5 и 70° С на протяжении 24 ч. Раствор высушивался в термостате при температуре 40° С до формирования абсолютно сухой хрупкой массы.

Затем коллаген, измельченный кончиком скальпеля, из стеклянной пробирки переносился в пластмассовый контейнер. Образцы массой 400–500 мкг помещались в алюминиевый контейнер (Thermo 8N|159622) и плотно скручивались с использованием двух пинцетов. Такой образец был готов для проведения спектрометрического определения. Из шести образцов были изготовлены дублирующие

в животных низких трофических уровней. В нашем случае – это домашние травоядные (лошадь, крупный и мелкий рогатый скот). Данные характеризуют домашних животных из погребений шести некрополей лесостепной (Дмитриевский, Верхнесалтовский) и степной (Ржевка, Желтое, Зливки, Новолимаревка) зон. Средние арифметические значения показателя по углероду для представителей лесостепной и степной частей различаются незначительно (–20.3 и –19.9‰ соответственно). Возможно, несколько более “тяжелый” углерод в образцах из степных погребений объясняется влиянием аридных условий. Однако для такого суждения необходимо иметь сопоставимые выборки животных, характеризующихся сходной кормовой базой. Если сопоставить средние значения, полученные для образцов коллагена костной ткани лошадей и коров из лесостепной и степной зон, исключив мелкий рогатый скот, то средние арифметические совпадут до десятых долей промилле (–20.3‰). Эта величина соответствует верхним границам значений, типичных для травоядных животных, питающихся растениями C₃-типа фотосинтеза (растения умеренного пояса). Высокие значения $\delta^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$,

Таблица 2. Значение $\delta^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$ для коллагена костной ткани людей из погребений салтово-маяцкой культуры

Погребение	Пол	$\delta^{13}\text{C}/^{12}\text{C}\text{‰}$	$\delta^{15}\text{N}/^{14}\text{N}\text{‰}$
Верхнесалтовский IV			
43/1	Мужской	-14.0	9.4
74	Женский	-13.2	9.7
84/1	Мужской	-14.3	9.5
84/2	»	-13.5	10.1
Дмитриевский			
171 п1	»	-15.9	7.2
174 п1	Женский	-16.6	10
177 п2	Мужской	-16.2	10.1
183 п1	Мужской	-16	8.6
Ржевка			
9	Женский	-16.6	10.9
11	Мужской	-14.8	10.5
Желтое			
15	Мужской	-16.8	11.5
20	Женский	-14	11.1
30	Мужской	-22.5	12.2
Лысогоровка			
п1	Мужской	-16.4	11
п2	Мужской	-15.6	10.7
п3	Женский	-16.9	10.7
п4	Женский	-19.1	11.2
п6	Мужской	-17.5	11.6
п9	Женский	-14.8	11.5
11	»	-17.9	11.2
13	»	-17.8	11.3
14	»	-16.5	11
18	Мужской	-15.8	10
19	»	-13.8	10.7
23	»	-14.2	9.1
22	Женский	-17.2	9.2
28	Женский	-15.3	7.7
Маяки			
п70	Мужской	-14.3	11
п70	Женский	-18	11.6
п75	Мужской	-16.9	11.7
п85	Мужской	-32.5	11.5
п87	Женский	-15.7	12.7
п103	Мужской	-15.1	10.8
п136	Женский	-17.6	10.1
P1 п4	Мужской	-15.7	8.5
P1 п8	Мужской	-16.8	9.4
P1 п8	Женский	-17.2	10.3
P1 п21	Мужской	-14.9	10.7
P1 п23	Мужской	-15.3	9.7
P1 п36	Женский	-13.4	9.7
P2 п1	Женский	-18.9	10.3
P2 п2	Мужской	-18.8	11.3
P2 п5	»	-14	8.4
P2 п6	»	-14.5	10

Таблица 2. Окончание

Погребение	Пол	$\delta^{13}\text{C}/^{12}\text{C}\text{‰}$	$\delta^{15}\text{N}/^{14}\text{N}\text{‰}$
P2 п7	Женский	-15	10.1
P2 п9	»	-16.7	10.5
Траншея п1	»	-14.7	9.5
Останец п1	Мужской	-14.2	9.8
Останец2 п8	Мужской	-14.4	8.7
Останец 2 п9	Женский	-15.8	10.6
Останец 2 п10	»	-14	10.2
Останец 2 п10	»	-15.2	10.1
Зливки			
1	Мужской	-16	9.6
2	Женский	-18.3	10.6
Новолимаревка			
M1 п14	Мужской	-16.2	9.3
M1 п16	Женский	-16	10.9
M1 п18	Мужской	-13.5	10.2
M2 п2	Женский	-14	9.5
M2 п3	Мужской	-16.3	11.5
M2 п5	Женский	-18.4	10.9
M2 п6	Женский	-16.9	11.8
M2 п7	Мужской	-15.6	9.6
M2 п8	Мужской	-13.5	10.6
M2 п10	Женский	-13.3	11.1
M2 п12	Мужской	-15.1	10.9
M2 п18	Женский	-14.7	11.6
M2 п19	Мужской	-14.5	8
M2 п20	Мужской	-14.7	12.6

Таблица 3. Значение $\delta^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$ для коллагена костной ткани животных из погребений салтово-маяцкой культуры

Памятник	Животное	$\delta^{13}\text{C}/^{12}\text{C}\text{‰}$	$\delta^{15}\text{N}/^{14}\text{N}\text{‰}$
Верхнесалтовский IV Дмитриевский	Лошадь	-18.9	6.6
	КРС?	-20.8	5.7
	»	-20.8	5.1
	»	-20.8	5.6
Ржевка	Коза (овца)	-20	7.5
	Лошадь	-21.1	4.9
Желтое	Козленок (ягненок)	-20.5	10.3
	Козленок (ягненок)	-18.6	9.3
Зливки	Корова	-20.2	6.4
	Корова	-19.5	7.2
Новолимаревка	МРС	-19.4	9.4

Примечание. КРС – крупный рогатый скот; МРС – мелкий рогатый скот.

полученные для ювенильных особей мелкого рогатого скота, вероятно, могут быть связаны со спецификой молочного вскармливания или специальным подкормом ягнят (козлят).

Наибольшие различия отмечены для двух образцов коллагена костной ткани лошадей. Лошадь из Верхнесалтовского катакомбного некрополя имеет относительно высокие показатели и по азоту, и по

углероду. Скорее всего в ее рацион входило зерно. В результате исследования палеоботанических материалов из Верхнесалтовского археологического комплекса получен вывод, что одной из наиболее представленных сельскохозяйственных культур был ячмень (*Hordeum vulgare*, *Hordeum vulgare* var. *Lagunculiforme*), использовавшийся не только как зерновая, но и как фуражная культура. Присутствие

зерновых и фуражных культур подтверждается не только отпечатками и зернами после промывки слоя, но и находками остатков злаков костра полевого (*Bromus arvensis*) и костра ржаного (*Bromus secalinus*) (Колода, Горбаненко, 2010. С. 66–69).

Образец костной ткани лошади из ямного некрополя Ржевка характеризуется низкими показателями как по углероду, так и по азоту, что убедительно свидетельствует о том, что лошадь была на подножном корму, а возможный фураж мог быть сеном.

Показатели, определенные для людей, демонстрируют устойчиво высокие дельта по углероду и низкие и умеренные по азоту. Дельта азота дают основания судить о том, что усредненный рацион включал животные белки, однако в небольшом и умеренном количествах.

Прежде всего полученные результаты позволяют констатировать весомое присутствие растений C_4 в обыденном рационе (Добровольская, Решетова, 2012; Решетова, 2012). Высокие показатели дельта углерода (–15, –14, –13‰) отмечены как у индивидов из катакомбных некрополей лесостепной зоны Доно-Донецкого междуречья, так и у индивидов из ямных погребений степной части этого региона. Отметим, что аналогичные показатели для травоядных животных не демонстрируют таких высоких значений углеродных значений дельта, что указывает на то, что люди и животные принадлежат к различным трофическим цепям. Следовательно, есть основания считать, что растения C_4 -типа фотосинтеза – культурные, в значительной мере формирующие рацион населения. Наиболее распространенная культура, относящаяся к этой группе фотосинтетиков, – просо (*Panicum miliaceum*).

Вопрос о происхождении домашних видов проса активно обсуждается и в археоботанической литературе (см. Hunt et al., 2008; Tafuri et al., 2009). Существование домашнего проса на территории Китая, Северо-Восточной Африки, Ближнего Востока, Кавказа, Южной и Центральной Европы в VI тыс. до н.э. уже доказано. Широкое распространение этот культурный злак получает в эпоху бронзы на территории Европы. В периоды поздней и финальной бронзы употребление в пищу проса фиксируется в Среднем Подонье (Лебедева, 2005. С. 55).

Как известно, биологические особенности проса таковы, что оно прекрасно переносит высокую температуру, засушливые условия, и, напротив, низкие температуры в период появления ростков губительны для растений. Возможность получения больших урожаев за короткий период вегетации без проведения тяжелых и трудоемких ирригационных работ – значительное преимущество этой культуры.

Палеоботаники акцентируют внимание на том, что для разведения проса необходима почва без сорняков. “У древних земледельцев могли быть целина и залежи – в степной зоне, а в лесостепной – подсека и гари” (Кравченко, Пашкевич, 1985. С. 179).

Проведенные ранее изотопные исследования на материалах археологических памятников Среднего и Верхнего Подонья раннего железного века (Решетова, Добровольская, 2012. С. 154) показали, что были группы населения, которые активно использовали растения C_4 (Семилюкское городище) и группы (носители традиций среднедонской археологической культуры скифского времени), которые употребляли эти растения в малых количествах или обходились без них вовсе. Римский автор Гай Плиний в своем фундаментальном труде “Естественная история” упоминает факт употребления сарматами просяной каши и хлеба (1949. С. 312). Он также отмечает, что легкость приготовления пищи из пшена сделала его наиболее употребляемым пищевым растением кочевых народов. Таким образом, употребление и разведение проса в исследуемом регионе было известно с глубокой древности.

Интересно отметить, что по результатам изотопного анализа коллагена костной ткани индивидов из погребений скифского некрополя Аймырлыг (Тува) доля растений типа C_4 (предположительно, просо) устойчиво составляла значительную долю рациона (Dobrovolskaya et al., 2012; Murphy et al., 2013. Р. 2547). Ссылки на особую роль проса в структуре питания средневекового болгарского населения находим в “Записке” Ибн-Фадлана о путешествии в Волжскую Булгарию в начале IX в.: “Их пища (это) просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень” (Путешествие..., 1939. С. 72).

В.В. Колода и С.А. Горбаненко (2010. С. 142) в своем разностороннем исследовании сельского хозяйства носителей традиций салтово-маяцкой и роменской культур на основании учета отпечатков зерен культурных злаков на керамике отмечают, что просо – наиболее часто встречающийся злак. Однако, по сведениям авторов, существовала традиция использовать зерна проса как подсыпку при изготовлении керамических изделий. По этой причине значительную часть отпечатков, обнаруженных в донной и придонной частях сосудов, авторы исключили из подсчета. В результате на долю проса приходится около 10% отпечатков зерен культурных злаков (Колода, Горбаненко, 2010. С. 145). В целом авторы указывают на незначительную долю проса в общей системе сельскохозяйственных растений и преобладание ячменя.

В.К. Михеев, описывая агрикультуру и характер землепользования у населения салтово-маяцкой

Таблица 4. Изотопный состав коллагена костной ткани индивидов из погребений с катакомбным и ямным погребальными обрядами

Погребальный обряд, пол	$\delta^{13}\text{C}/^{12}\text{C}(\text{‰})$			$\delta^{15}\text{N}/^{14}\text{N}(\text{‰})$		
	<i>Min</i>	Среднее значение	<i>Max</i>	<i>Min</i>	Среднее значение	<i>Max</i>
Катакомбный, мужчины	–16.2	–15.3	–14	7.2	9.0	10.1
Ямный, мужчины	–22.5	–15.2	–13.5	8	10.3	12.6
Катакомбный, женщины	–16.6	–14.2	–13.2	9.7	9.9	10.1
Ямный, женщины	–19.1	–16.2	–13.3	7.7	10.6	12.7

культуры (лесостепной и степной зон), считает, что основными зерновыми культурами были карликовая пшеница, двудерный ячмень, просо и рожь. Карликовая пшеница относится к подвиду мягкой, центр ее распространения – Юго-Западная Азия. В эпоху средневековья основным путем проникновения этой культуры на территорию Подонья был Кавказ и Приазовские степи (Михеев, 1985. С. 40, 41). Исследователь также отмечает, что появление карликовой пшеницы на Нижнем Дону относится к V в. до н.э. Основным продуктом питания населения Северного Причерноморья в раннем железном веке были различные виды ячменя, а также просо. По мнению автора, в хазарское время эти злаки стали популярны и на территории Подонья. Жители степной зоны Восточной Европы широко культивировали рожь, что обусловлено близостью Кавказа. Таким образом, В.К. Михеевым освещается точка зрения о заимствовании агрокультуры и самого технического уровня землепользования у населения юга Восточной Европы, но игнорируется возможность проникновения указанных культур с территории Востока (Китая) вследствие активных контактов и масштабных миграций.

Полученные изотопные данные позволяют сопоставить структуру питания групп населения, оставивших памятники с катакомбным и ямным обрядами погребения. Как следует из табл. 4, средние значения для мужских групп из погребений двух типов практически одинаковы. Однако в группе мужчин из ямных погребений присутствуют индивиды с гораздо более низкими показателями углерода, соответствующими малой доле растений C_4 или их отсутствию. Наиболее низкие значения дельта углерода определены в некрополях Мандрово и Маяки. Аналогичная тенденция выражена и для групп образцов, полученных из женских скелетов: более низкие показатели дельта углерода типичны для индивидов из ямных погребений. Люди с показателями ниже -18‰ выявлены практически во всех ямных некрополях. Отметим, что при этом в

ямных некрополях присутствуют индивиды с высокими показателями по углероду как среди мужчин, так и среди женщин.

Итак, предположительно, структура питания населения, связанного с катакомбной погребальной традицией, представлена продуктами земледелия и животноводства с преобладанием первого. Эта традиция четко выражена.

Недавно опубликованные данные о радиоуглеродных датировках и изотопном составе людей из погребений Клино-Яра близ Кисловодска позволяют сопоставить рассматриваемые данные из Доно-Донецкого междуречья с параметрами для алан VII в. с территории Северного Кавказа. Дельта углерода для мужчин и женщин укладываются в пределах $-18.7 \dots -17.2\text{‰}$. Эти значения с убедительностью свидетельствуют о значительно более высокой доле C_3 растений в питании людей и в кормах домашних животных. Интересно отметить, что население раннего железного века (носители кобанской археологической культуры) демонстрирует углеродные показатели близкие к тем, что наблюдаются в группах лесостепных алан Доно-Донецкого междуречья.

Адресуясь к последним палеоэкологическим исследованиям, выполненным на комплексе Маяцкое (Афанасьев и др., 2012. С. 80–82), отметим, что почвенные исследования выявили периоды аридизации за время активного функционирования крепости в VIII–X вв. Возможно, эти условия могли способствовать периодическому увеличению посевов наиболее нетребовательного злака – проса. При сравнении показателей азота в группах алан из Клино-Яра и алан из Верхнесалтовского и Дмитриевского некрополей можно констатировать их практически полное совпадение (Higham et al., 2010. P. 653).

Таким образом, первое сопоставление традиций питания алан VII и VIII–IX вв. выявили глубокие различия в использовании ведущих сельскохозяйственных растений и сходство в доле белкового компонента.

Пищевой рацион индивидов, происходящих из ямных некрополей, не может быть описан как единый. Питание части людей приближено к традиции, описанной для аланских групп, другие же могут отличаться как большей долей белкового компонента, так и снижением или отсутствием участия растений C_4 -типа фотосинтеза. Полученная картина скорее напоминает объединение индивидов, придерживающихся различных традиций питания. Причем эта особенность фиксируется внутри выборок, относящихся к различным некрополям (например, Маяки, Желтое, Новолимаревка).

Возвращаясь к тезису об эффективности анализа этномаркирующих признаков в координатах диахронного и синхронного времени, постараемся прокомментировать полученные результаты палеодиетологических реконструкций. Очевидно, что изотопные исследования групп салтово-маяцкой населения находятся в начальной фазе и предположения авторов будут требовать дальнейшей проверки. Полученные на сегодняшний день независимые изотопные данные к реконструкции питания групп населения, оставивших катакомбные и ямные некрополи VIII–X вв. в Доно-Донецком междуречье, позволяют сделать следующие выводы-предположения.

1. Отмечено наличие четко выраженной традиции питания в среде населения, оставившего катакомбные некрополи лесостепной зоны Доно-Донецкого междуречья.

2. Отличительными чертами этой традиции можно считать значительную долю растительных продуктов при ведущей роле растений C_4 (вероятно, просо) и умеренное употребление мясомолочных продуктов.

3. Сходное соотношение продуктов земледелия и животноводства зафиксировано для группы алан из элитных погребений некрополя Клинь-Яр.

4. В среде населения, практиковавшего ямный обряд погребения, в степной зоне Доно-Донецкого междуречья не удалось выявить единых традиций питания ни для всего массива в целом, ни для отдельных некрополей.

Таким образом, применительно к аланским некрополям прослежены устойчивые во времени и в ряду поколений традиции питания. В терминах, описывающих информационные взаимодействия в этнических образованиях, эта черта может свидетельствовать о существовании диахронных (вертикальных) связях и этой аланской общности. Динамика использования различных сельскохозяйственных структур указывает на способность общности осваивать новые традиции земледелия, эффективные для местных природно-климатиче-

ских условий. И это уже укладывается в границы понятия “синхронной информации”.

Палеодиетологические реконструкции на материалах групп из ямных погребений не дают основания для выделения единой или нескольких традиций, поэтому невозможно судить о диахронных связях внутри данной общности. В том случае, когда число образцов из некрополя превышает 10–12 индивидов, наблюдаются мелкие группы индивидов со сходными изотопными показателями. Для того чтобы судить о реальности таких микрогрупп, необходимо значительно увеличить численность образцов из ямных погребений. Недавние публикации, посвященные краниологии носителей традиций салтово-маяцкой культуры, показали, что морфологическое разнообразие индивидов из ямных погребений очень велико и не может быть охарактеризовано единым типом (Березина и др., 2012. С. 35; Березина, Решетова, 2013. С. 182). Возможно, это также указывает на то, что общность, выделяемая на основе ямного обряда погребения, представлена разнородным по происхождению и образу жизни населением. Опираясь на данные изотопного анализа, нельзя выделить для группы “ямные погребения” признаки в координатах диахронной информации. На основании этого невозможно судить об этой группе как о развитом этническом образовании.

Безусловно, характеристика традиций питания – только одна сторона этнической культуры и судить о процессах этногенеза и этнической истории только по общим характеристикам типа питания неправомерно. Однако приведенный в статье опыт демонстрирует, что и результаты изотопных исследований, которые обычно рассматриваются в работах по палеоэкологии, можно анализировать в контексте этногенетической проблематики.

Авторы искренне признательны В.С. Аксенову, К.И. Красильникову, В.А. Сарапулкину и М.Л. Швецову за предоставленные материалы.

Работа выполнена в рамках проекта № 13-06-12010 офи_м.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: Инфра-М, 2012. 416 с.
- Афанасьев Г.Е. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? // РА. 2013. № 3. С. 13–25.
- Афанасьев Г.Е., Добровольская М.В., Борисов А.В. Иранотюркский кондоминиум в ресурсных и транзитных зонах восточноевропейской лесостепи I тысячелетия

- и фактор византийско-хазарского противостояния руссам // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования. М.: ИА РАН, 2012. С. 77–83.
- Березина Р.Я., Бужилова А.П., Решетова И.К. Новые краниологические материалы к вопросу об антропологическом субстрате средневековых алан // Вестн. МГУ. 2012. Вып. 4. С. 18–36.
- Березина Н.Я., Решетова И.К. Новые краниологические материалы из могильников Северного Кавказа и Среднего Подонья // Новые материалы и методы археологического исследования: Матер. междунар. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН, 2013. С. 181, 182.
- Бромлей Ю.В. Этнос и этносоциальный организм // Вестн. АН СССР. 1970. № 48. С. 48–54.
- Галимов Э.М. Геохимия стабильных изотопов углерода: Автореф. ... д-ра геол.-минерал. наук. М., 1970. 51 с.
- Готье Ю.В. Кто были обитатели Верхнего Салтова? // ИГАИМК. Л., 1927. Т. 5. С. 42–57.
- Добровольская М.В. Человек и его пища. М.: Науч. мир, 2005. 368 с.
- Добровольская М.В., Решетова И.К. Возможности применения изотопного анализа в реконструкции особенностей хозяйственного уклада носителей традиций салтово-маяцкой культуры // Дивногорский сборник. Вып. 3. Воронеж: Науч. книга, 2012. С. 142–150.
- Колода В.В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Киев: ИА НАН Украины, 2010. 216 с.
- Коробов Д.С., Борисов А.В. О земледелии алан Кисловодской котловины в I тыс. н.э. // РА. 2012. № 3. С. 39–51.
- Кравченко Н.М., Пашкевич Г.А. Некоторые проблемы палеоботанических исследований (по материалам Обуховской территориальной группы памятников I тыс. н.э.) // Археология и методы исторических реконструкций / Ред. В.Ф. Генинг. Киев: Наук. думка, 1985. С. 177–190.
- Лебедева Е.Ю. Археоботаника и изучение земледелия эпохи бронзы в Восточной Европе // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2005. С. 50–68.
- Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 148 с.
- Плетнева С.А. Хазары и Хазарский каганат // Хазары. Евреи и славяне / Ред. В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира; Т. 16. Иерусалим; М.: Мосты культуры, 2005. С. 17–26.
- Плиний Гай. Естественная история // ВДИ. 1949. № 2. 312 с.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Ред. И.Ю. Крачковский, пер. и коммент. А.П. Ковалевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 192 с.
- Решетова И.К. Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов IV // РА. 2012. № 3. С. 129–136.
- Решетова И.К., Добровольская М.В. Новые антропологические источники в изучении скифоидного населения Среднего и Верхнего Подонья // Вестн. Острогского историко-художественного музея им. Н.Н. Крамского. Вып. 2. Воронеж: Науч. книга, 2012. С. 154–164.
- DeNiro M.J., Epstein S. Influence of diet on the distribution of carbon isotopes in animals // Geochim. Cosmochim. Acta. 1978. 42. P. 495–506.
- DeNiro M.J., Epstein S. Influence of diet on the distribution of nitrogen isotopes in animals // Geochimica et Cosmochimica Acta. 1981. 45. P. 341–351.
- Dobrovolskaya M.V., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Tiunov A.V., Seleznyova V.I., Moiseyev V.G., Khartanovich V.I. A palaeodietry investigation of carbon ($^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$) and nitrogen ($^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$) in human bone collagen from Early Iron Age burials Aimyrlyg, Tuva // 18th annual meeting of Europ. Ass. Archaeol. Abstracts. Helsinki, 2012. P. 162.
- Higham T., Warren R., Belinskij A., Harke H., Wood R. Radiocarbon dating, stable isotope analysis and diet-derived offsets in ^{14}C ages from the Klin-Yar site, Russian North Caucasus // Radiocarbon. 2010. V. 52. № 2-3. P. 653–670.
- Hunt H.V., Linden M.V., Liu X., Motuzaite-Matuzeviciute G., Colledge S., Jones M.K. Millets across Eurasia: chronology and context of early records of the genera *Panicum* and *Setaria* from archaeological sites in the Old World // Veg Hist Archaeobot. 2008. 17. P. 5–18.
- Jørkov M.L., Heinemeier J., Lynnerup N. Evaluating bone collagen extraction methods for stable isotope analysis in dietary studies // J. Archaeol. Sc. 2007. V. 34. P. 1824–1829.
- Murphy E.M., Schulting R., Beer N., Chistov Y., Kasparov A., Pshenitsina M. Iron Age pastoral nomadism and agriculture in the eastern Eurasian steppe: implication from dental paleopathology and stable carbon and nitrogen isotopes // J. Archaeol. Sc. 2013. 40. P. 2547–2560.
- Tafuri M.A., Craig O.E., Canci A. Stable Isotope Evidence for the Consumption of Millet and Other Plants in Bronze Age Italy // Am. J. Phys. Anthropol. 2009. 139. P. 146–153.
- Vogel J.C., van der Merwe N.J. Isotopic evidence for early maize cultivation in New York State // American Antiquity. 1977. 42. P. 238–242.

СТРУКТУРА И ВНУТРЕННИЕ СВЯЗИ ОКРУГИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2014 г. Л.Ф. Недашковский

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru)

Ключевые слова: Золотая Орда, Нижнее Поволжье, города, округа, структура, связи.

Every large city of the Lower Volga region in the Golden Horde period has its own periphery (from three to five towns). The village in the area in the time period of the Golden Horde sprang up simultaneously with the cities (the second half of the 13th – the beginning of the 14th cc.), but already ceased to exist at the end of the 14th c. The arable farming was more developed in the northern part of the region, in the periphery of the Uvek site which central part settlements were closely connected to each other. The groups of settlements also existed in the Tsarevskoe, Selitrennoe and Sharenny Bugor regions, but in the periphery of Selitrennoe site and in the delta of Volga they had only formed by the first half – the middle of the 14th c. Settled periphery supplied the cities with food and raw materials in exchange for handicraft and expensive imported goods. While nomadic periphery was exchanging cattle products for handicraft ones specially made for nomads. They also received import goods. The Golden Horde cities of the Lower Volga region, therefore, were strongly bonded by the internal trade relations (based on the commodity-money relations) with settled and nomadic peripheries.

К особенностям золотоордынского города Нижнего Поволжья следует отнести отсутствие прослеживаемого процесса перехода от поселений к городам, так как города возникли не в результате длительного предшествующего развития сети поселений, а по инициативе и при поддержке администрации Улуса Джучи. Кроме того, к золотоордынским городам неприменимы некоторые “ типовые ” критерии определения городского характера памятника, например наличие фортификационных сооружений: многие города Улуса Джучи, даже крупные, не имели их вплоть до междоусобицы 60–70-х годов XIV в. Ввиду этого к археологическим остаткам городов отнесены крупные по площади (соответственно и по количеству жителей) поселения, имеющие зафиксированные следы ремесленных производств и монументальной архитектуры.

О нижеволжском городе Золотой Орды известно крайне мало по письменным источникам, сообщаящим лишь отдельные малозначительные данные, а о его округе исторические сведения вообще отсутствуют, поэтому все основные выводы автора основаны на данных археологии и смежных дисциплин.

Крупнейшими городскими центрами Нижней Волги были городища Увекское, Царевское, Селитренное и Шареный Бугор. Каждый крупный город Нижнего Поволжья в период существования Улуса Джучи имел свою более или менее развитую округу (Недашковский, 2000; 2006б, в; Nedashkovsky,

2004), в состав которой входили и малые города (в каждом случае число их достигало трех–пяти).

Ниже представлена попытка экономического моделирования рассмотренных территорий в золотоордынское время путем выделения потенциальных экономических зон каждого поселения методами пространственного археологического анализа. Хозяйственная деятельность жителей каждого населенного пункта происходила в первую очередь в его ближайших окрестностях. Чем дальше человек удалялся от своего жилища в поисках средств к существованию, тем больше энергии он затрачивал на добычу ресурсов и тем меньше была экономическая отдача от его деятельности. Следовательно, при определении экономической зоны поселений нужно учитывать, что по мере удаления от них интенсивность использования окружающей территории убывает. Считается, что “ для оседлого земледельческого населения ... затраты на эксплуатацию территории достигают неприемлемой величины уже на расстоянии одного часа ходьбы от жилища. Иными словами, на спокойном, непересеченном рельефе экономическая зона населенного пункта должна иметь вид круга с радиусом около 5 км ” (Афанасьев и др., 2004. С. 67; см. также: Афанасьев, 1987. С. 24, 27–29, 32–35, 37, 38).

Используя приведенные выше данные, вполне пригодные для анализа рассмотренных золотоордынских поселений, связанных с земледелием и располагающихся в равнинном ландшафте, можно

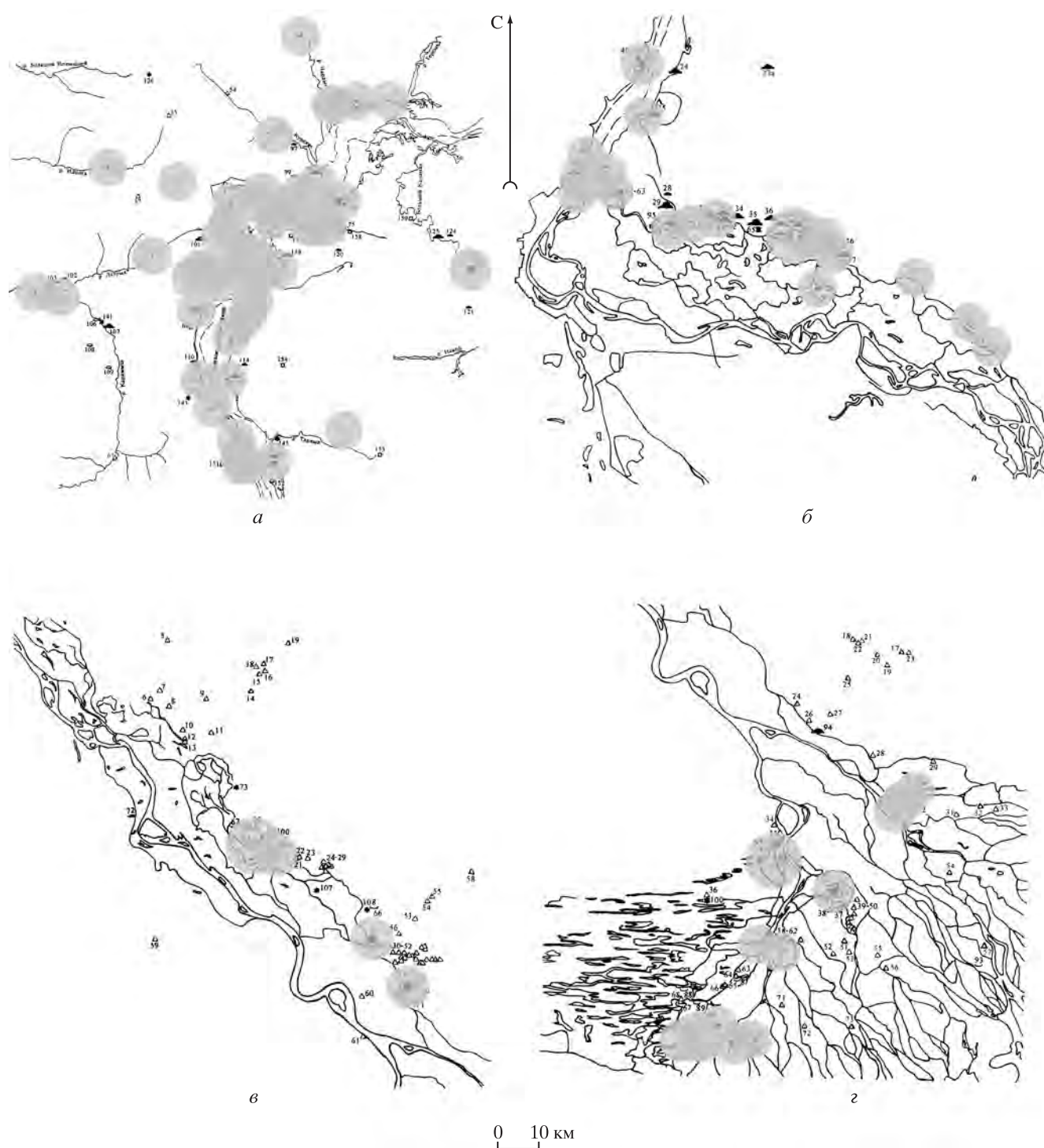

Рис. 1. Схемы потенциальных экономических зон поселений округи Увекского (а), Царевского (б), Селитренного (в) городищ и Шареного Бугра (з). (Подробные археологические карты с наименованиями всех обозначенных на рис. 1–5 памятников см. Недашковский, 2000; 2006в; Nedashkovsky, 2004.)

построить схемы экономических зон поселений каждого региона. Следует, однако, учесть размеры самих поселений, которые также могут влиять на построение потенциальной экономической зоны. Можно не учитывать величину мелких и средних

поселений (площадью до 7 га), поперечный размер которых в среднем составляет менее 200 м, а также памятников, площадь которых неизвестна, но необходимо учесть размеры крупных поселений (малых городов) со средним поперечным размером около

960 м, а также четырех крупнейших городищ Нижней Волги со средним поперечным размером около 4570 м. Последние две величины прибавлены к диаметрам смоделированных экономических зон в каждом соответствующем случае.

Рассматривая полученные модели хозяйственной деятельности оседлого населения, можно заключить, что экономические ресурсы местности в округе Увекского городища (рис. 1, *а*) в золотоордынское время были в значительной мере освоены, земледельческое хозяйство там было наиболее развитым; не случайно, что только в данном регионе подавляющее большинство местонахождений располагается в пределах выделенных потенциальных экономических зон поселений. В округе Царевского городища (рис. 1, *б*) были освоены берега Ахтубы и Волги до истока Ахтубы. Меньшей степенью освоения ресурсов отличается район вокруг городища Шареный Бугор (рис. 1, *з*) и минимальной – округа Селитренного городища (рис. 1, *в*).

В округе Увекского городища поселения ее центральной части (31 археологический памятник) были тесно связаны между собой, располагаясь поблизости друг от друга; остальные поселения образуют еще четыре куста по 2–6 памятников в каждом, и только 7 селищ расположены вдалеке от экономических зон других памятников (рис. 1, *а*). В округе Царевского городища наблюдаются четыре куста памятников по 2–5 поселений в каждом (причем кусты равномерно расположены вдоль берега Ахтубы, а малозначительный Бахтияровский куст находится на середине расстояния между Царевским и Мечетным кустами с крупными по площади памятниками), три памятника расположены одиночно (рис. 1, *б*). В округе Селитренного городища к основному памятнику примыкает поселение Каменный Бугор, остальные два поселения расположены раздельно (рис. 1, *в*). В округе Шареного Бугра зафиксировано три куста по 2–8 поселений в каждом, два памятника, включая крупнейший, расположены отдельно от других поселений (рис. 1, *з*).

Проследим, как складывались и развивались эти кусты поселенческих памятников, для чего необходимо представить в графическом виде территории потенциальных экономических зон поселений для каждого из выделенных (Недашковский, 2006в) хронологических этапов. Для округа Селитренного городища, где известны всего 4 поселения, развитие территорий их экономических зон в графическом виде не представлено.

Для округа Увекского городища (рис. 2; 3, *а*) характерно раннее складывание основного, центрального куста памятников, где еще во второй половине XIII – начале XIV в. имелся очаг урба-

низации (рис. 2, *а*). Мощная агломерация, сложившаяся вокруг Увекского городища, интенсивно развивалась в эпоху расцвета Золотой Орды (рис. 2, *б*), существовала она и в начальный период междоусобных войн (рис. 2, *в*). В разгар междоусобиц экономическая зона Увекского куста памятников сильно сократилась (рис. 2, *г*), а в правление Токтамыша интенсивно эксплуатировались лишь территории, прилежащие к самому золотоордынскому Уеку (рис. 3, *а*).

Поселенческие памятники в окрестностях Царевского городища (рис. 3, *б–г*; 4, *а, б*) возникли в ранний период истории Улуса Джучи по отдельности, хотя сразу образовался куст памятников у истока Ахтубы (рис. 3, *б*). Агломерация вокруг Царевского городища складывалась в эпоху расцвета Золотой Орды (рис. 3, *в*), существовала она и в период междоусобицы (рис. 3, *г*; 4, *а*), и при Токтамыше (рис. 4, *б*).

В округе Селитренного городища раньше других возник основной памятник, а в период расцвета государства Джучидов сложился и куст вокруг него, существовавший вплоть до распада золотоордынского государства (рис. 1, *в*).

В дельте Волги (рис. 4, *в, г*; 5, *а–в*) первые поселенческие памятники возникли отдельно (рис. 4, *в*), а наиболее ранний их куст сформировался лишь в первой половине – середине XIV в. (рис. 4, *г*). В эпоху начала междоусобных войн этот куст распался (рис. 5, *а*), а в период правления Токтамыша на короткое время сложился другой куст памятников (рис. 5, *б, в*).

Примечательно, что в округе Увекского (рис. 1, *а*) и Царевского (рис. 1, *б*) городищ на территориях выделенных потенциальных экономических зон поселений располагаются все известные к настоящему времени грунтовые могильники, в округе Селитренного городища (рис. 1, *в*) – все, кроме комплекса у Хошеутово, т.е. 90% некрополей, а в округе Шареного Бугра (рис. 1, *з*) – все, за исключением четырех могильников (Восточное, Зеленга, Икряное, Новые Булгары), т.е. 80% некрополей. Эти данные свидетельствуют, что грунтовые могильники, как правило, располагались недалеко от поселений во всех рассмотренных группах памятников, чего нельзя сказать о курганных могильниках, принадлежавших кочевому населению джучидского государства.

Оценить долю населенных пунктов различного размера в общем экономическом и демографическом потенциале рассмотренных районов можно на основе данных о площадях поселений. Во всех регионах по площади абсолютно доминируют крупнейшие городища (рис. 5, *г*; 6), население которых

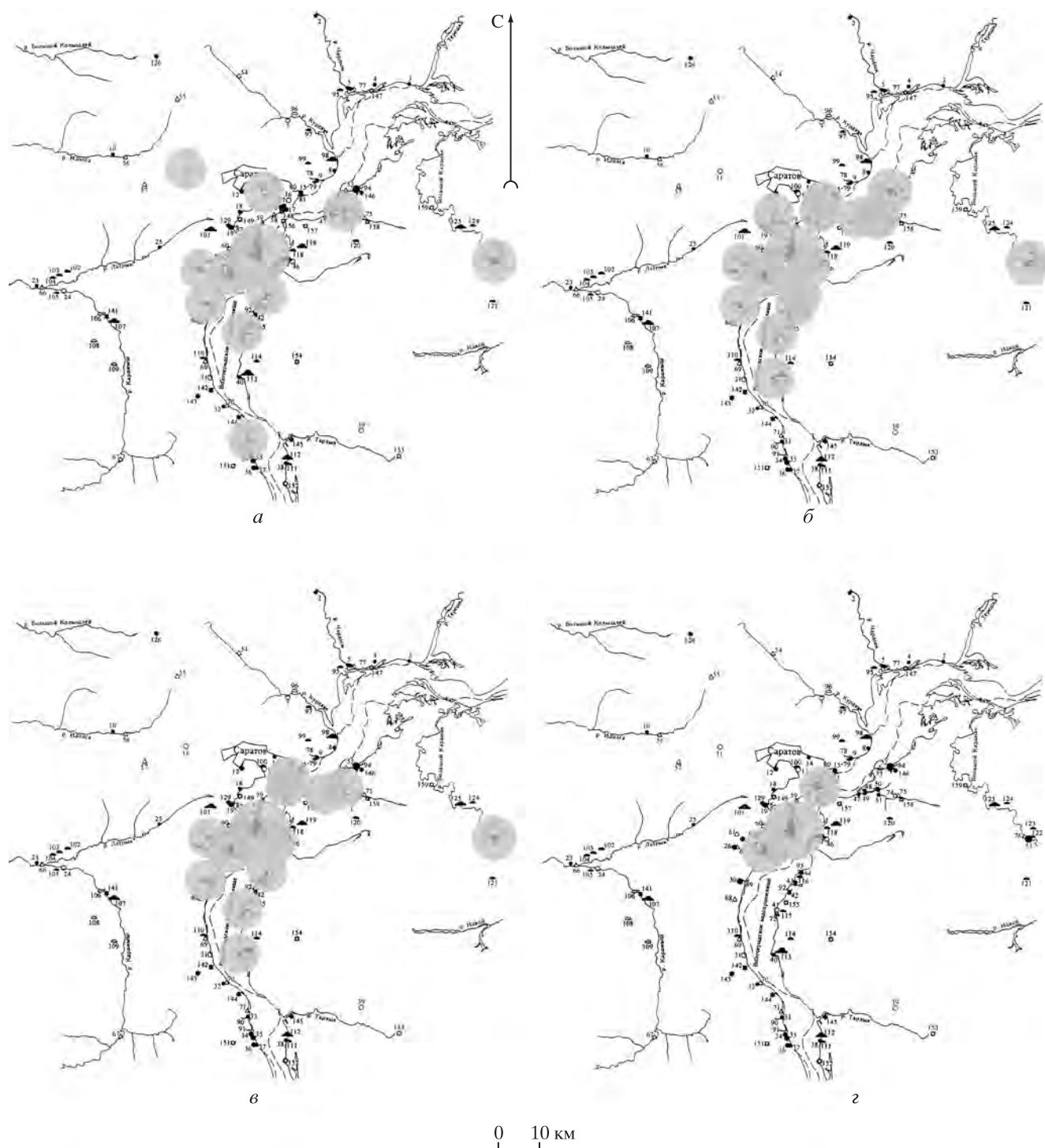

Рис. 2. Схемы потенциальных экономических зон поселений округа Увекского городища на этапах 1266–1310 гг. (а), 1310–1365 гг. (б), 1359–1365 гг. (в) и 1365–1380 гг. (з).

преобладало над населением их округа, иногда, как в случае с Селитренным городищем (рис. 6, б) и Шареным Бугром (рис. 6, в), очень значительно. Население крупных по площади памятников, т.е. малых городов, было менее значительным

(4.7–36.7%), а средних и мелких поселений, т.е. сельских памятников, – небольшим (суммарно для тех и других – от 0.5 до 13.1% в различных регионах). В округе Селитренного городища сельские памятники не известны.

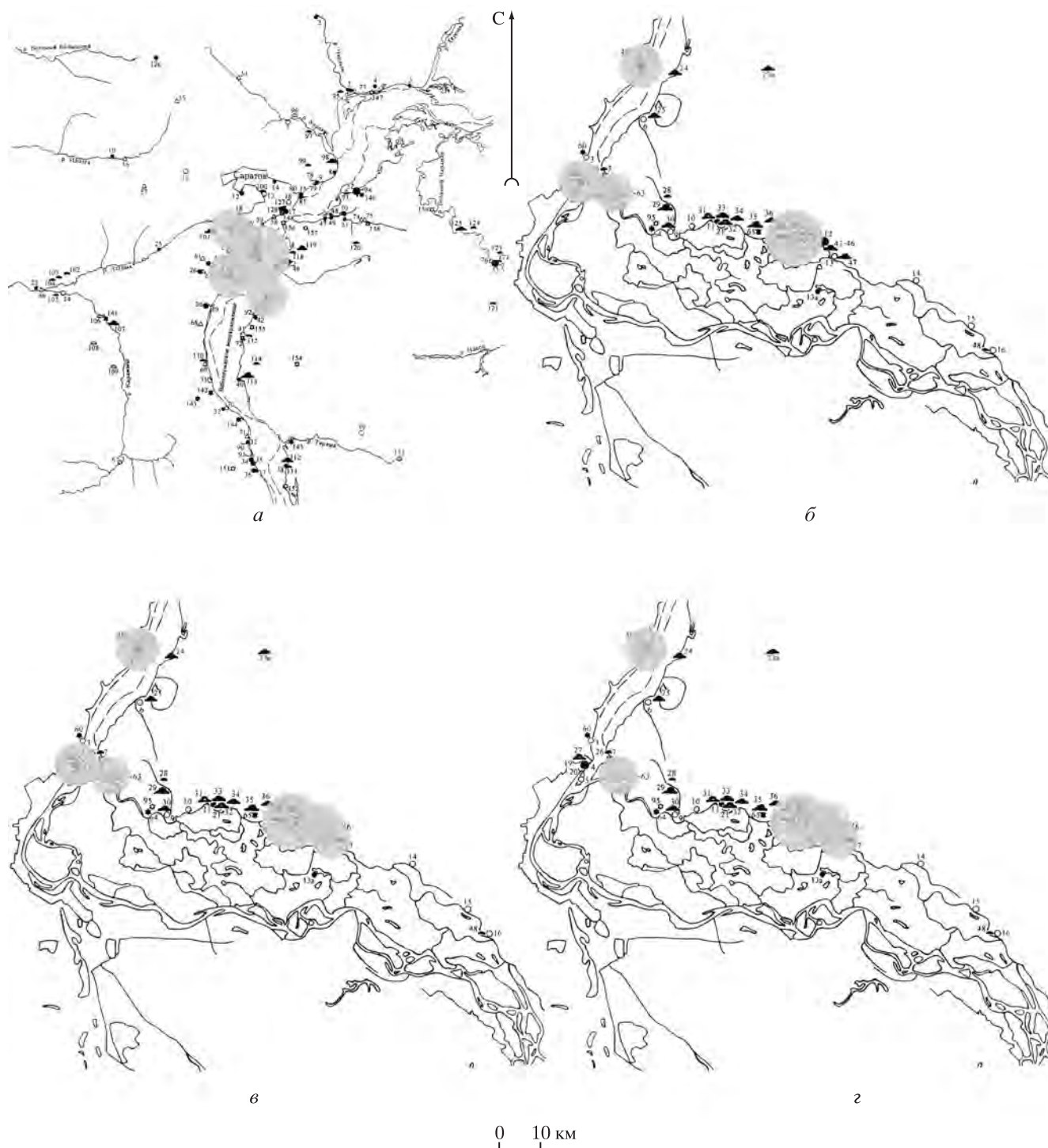

Рис. 3. Схемы потенциальных экономических зон поселений округа Увекского городища на этапе 1380–1395 гг. (а), округа Царевского городища на этапах 1266–1310 гг. (б), 1310–1365 гг. (в) и 1359–1365 гг. (г).

При сравнении удельного веса площади поселений четырех рассмотренных регионов Нижнего Поволжья абсолютно лидирует округа городища Шареный Бугор (3655.48 га), за ней следуют памятники, окружающие Селитренное (1469 га), Царевское (573.2 га) и Увекское (408.27 га) городища (рис. 7, а). Это

соотношение определяется в первую очередь соотношением размеров самих перечисленных крупнейших городищ Нижней Волги (рис. 7, б).

При сравнении площадей выделенных в каждом регионе групп памятников во всех случаях обнаруживается доминирование групп, связанных с круп-

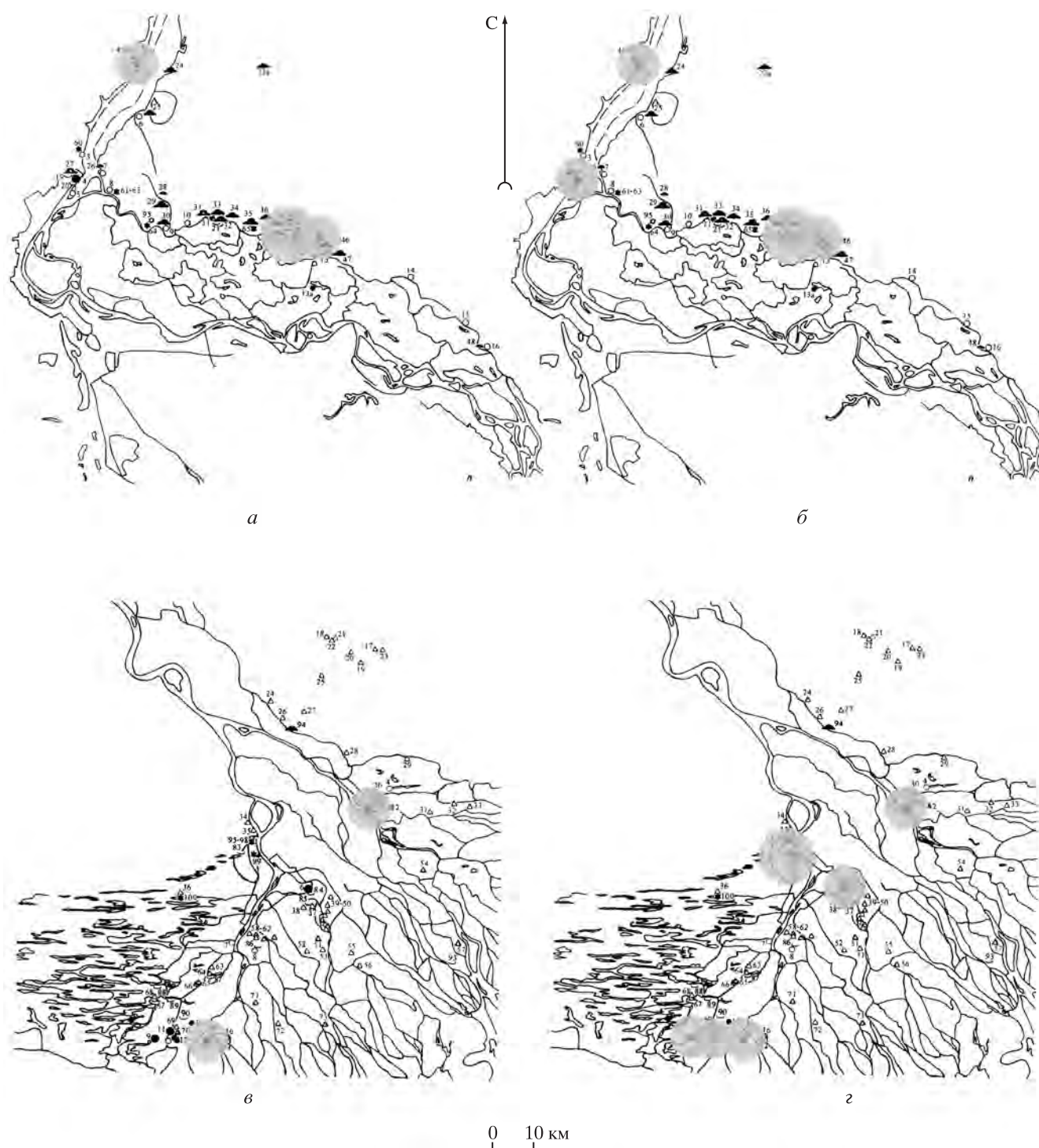

Рис. 4. Схемы потенциальных экономических зон поселений округа Царевского городища на этапах 1365–1380 гг. (а) и 1380–1395 гг. (б), округа городища Шареный Бугор на этапах 1266–1310 гг. (в) и 1310–1365 гг. (г).

нейшими городами (рис. 7, в, г; 8, а, б), причем, разумеется, еще большее, чем простое доминирование площади города над суммарной площадью окружающих его поселений.

Если сравнить площадь, а значит, и население средних и мелких поселений различных регионов

(рис. 8, в), можно заключить, что среди сельского населения округа крупнейших городищ Нижней Волги доминировало население округа Увекского городища, за которым по численности следовало сельское население округ Шареного Бугра и Царевского городища. Население малых городов

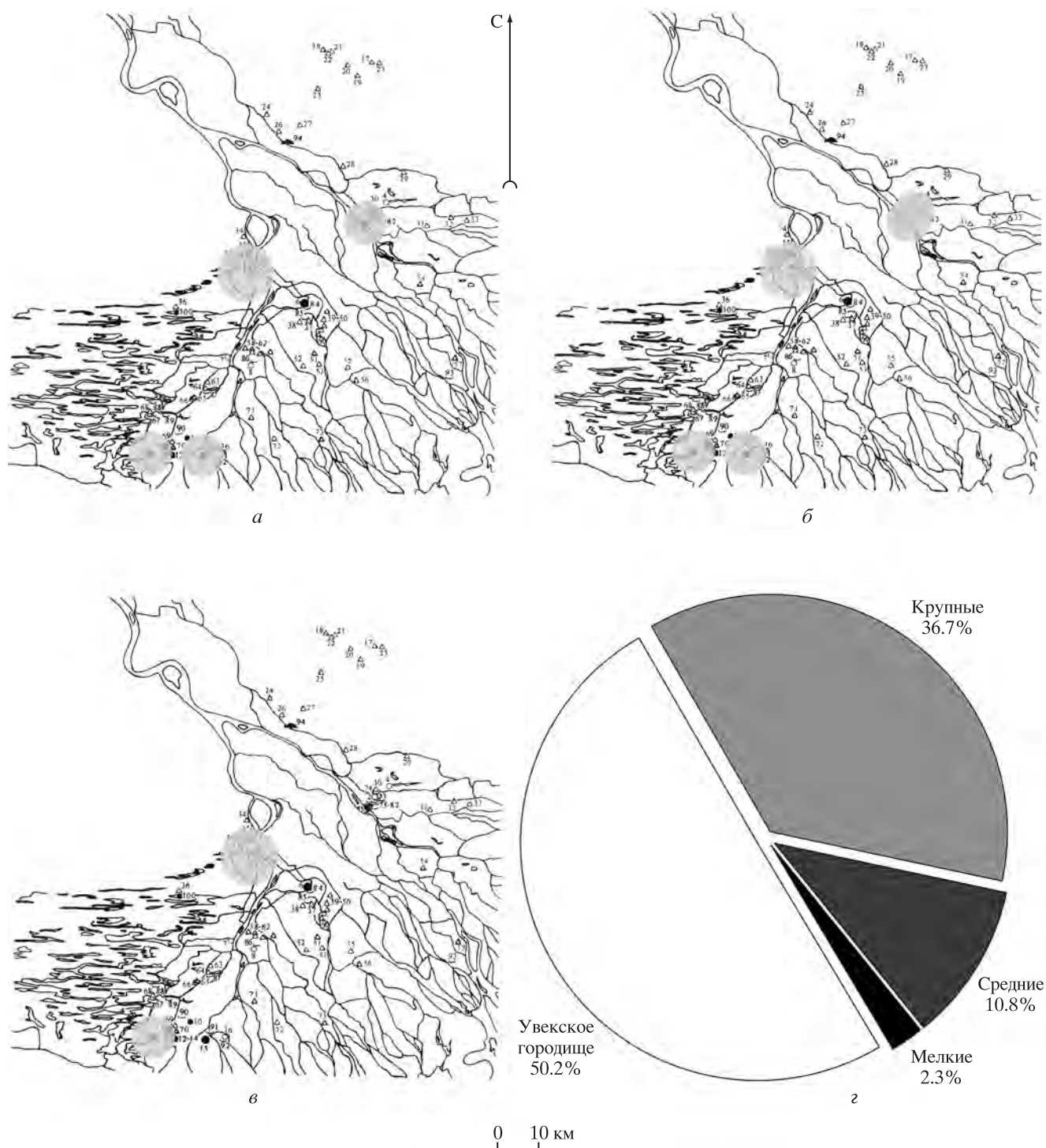

Рис. 5. Схемы потенциальных экономических зон поселений округа городища Шареный Бугор на этапах 1359–1380 гг. (а), 1380–1395 гг. (б) и 1395–1420 гг. (в). Доля поселений различного размера в суммарной площади поселений округа Увекского городища (з).

было более значительным в округе Шареного Бугра, за которой по количеству следовало население небольших городских памятников, окружавших Царевское, Увекское и Селитренное городища (рис. 8, з).

Огромные размеры крупнейших золотоордынских городищ Нижнего Поволжья позволяют говорить о том, что их население не могло полностью обеспечиваться только продуктами питания, поступавшими из соседних сел и деревень, гораздо

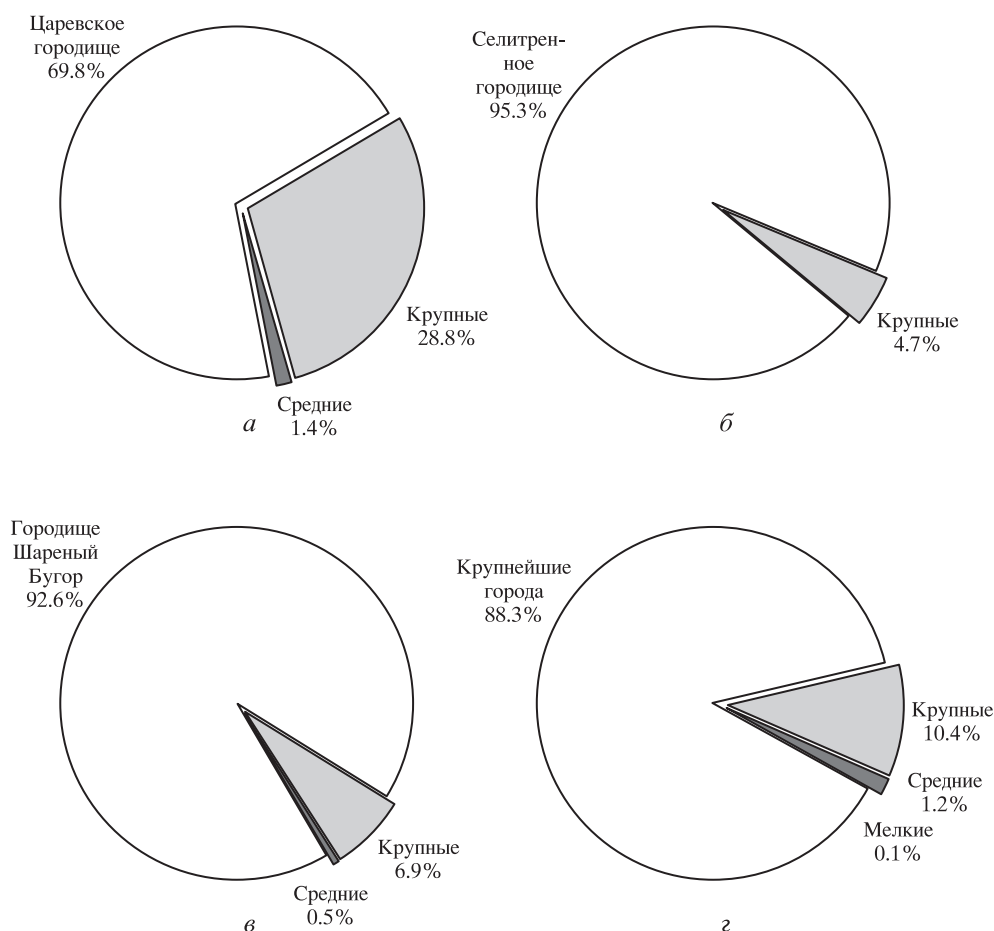

Рис. 6. Доля поселений различного размера в суммарной площади поселений округа городищ Царевское (а), Селитренное (б), Шареный Бугор (в) и крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья в целом (г).

меньших по суммарной площади. Следовательно, золотоордынские города Нижней Волги не могли обойтись без притока скота и молочных продуктов из кочевой степи, а главное – без собственных, городских, земледелия, скотоводства и промыслов. Нельзя исключать и доставки сельскохозяйственной продукции из других областей Золотой Орды в Нижнее Поволжье как средства обеспечения его городов пищевыми ресурсами. В связи со сказанным неудивительно, что из всех рассмотренных поселений находки земледельческих орудий происходят с шести городских и двух сельских памятников, а находки рыболовных принадлежностей – с семи городских и семи сельских поселений.

Село в Нижнем Поволжье в золотоордынское время возникает одновременно с городом – во второй половине XIII – начале XIV в., однако самые поздние монеты на сельских памятниках датируются временем правления Токтамыша (1380–1395 гг.), на которое, вероятно, приходится последний период их существования.

Ввиду явно недостаточной археологической изученности селищ Нижней Волги наблюдается и не-

достаток осмысления их материалов. Проследим, какие виды построек непроизводственного характера известны на сельских поселениях. На средних по размеру значительных аграрных поселениях отмечены развалины кирпичных зданий с поливными изразцами (Квасниковка), полуземлянки (Багаевка, Подгорное), остатки тандыров (Багаевка, Колотов Буерак, Широкий Буерак), открытые очаги (Багаевка, Широкий Буерак), хозяйственные ямы (Багаевка, Подгорное), овин, погреба и зерновые ямы (Багаевка). На малых поселениях типа деревни отмечены полуземлянки (урочище Мартышкино), тандыры (Константиновское селище, урочище Мартышкино), хозяйственные ямы (Терновские I, II селища), зерновая яма (Терновское II селище), не заглубленная в материк конструкция-навес (Константиновское селище). Примечательно, что в полуземлянках на поселениях Багаевка и в урочище Мартышкино найдены жернова, что свидетельствует о помоле муки в золотоордынском селе прямо в доме, а не в какой-либо отдельно стоящей постройке.

Значительное количество выделенных типов и вариантов погребений (Недашковский, 2000; 2006а;

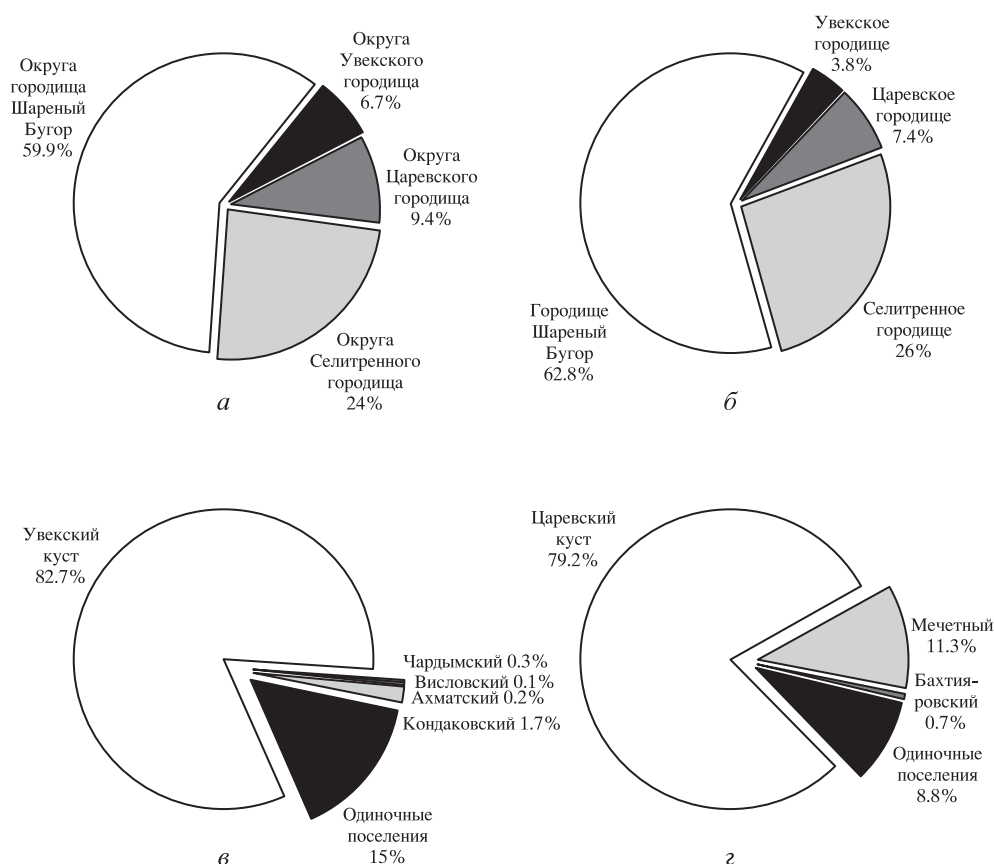

Рис. 7. Доля поселений различных регионов в суммарной площади поселений округа крупных городов Нижнего Поволжья (а); доля различных памятников в суммарной площади крупнейших городов (б); доля основных локальных групп (кустов) поселений в суммарной площади поселений округа Увекского (в) и Царевского (г) городищ.

Nedashkovsky, 2004) наглядно показывает социальное, этническое и конфессиональное разнообразие золотоордынского общества (как городского, так и сельского, и кочевого).

Оседлая аристократия в рассмотренных регионах проживала преимущественно в городах. Аристократические захоронения в мавзолеях и склепах известны на городских могильниках Каменный Бугор, Маячный Бугор I, II, Мечетный Бугор I, Подстепное, а также у Водянского, Мечетного, Селитренного, Увекского городищ, Шареного Бугра, поселений Комсомольский, Красный Яр и Мошак. Помимо перечисленных памятников мавзолее отмечены у крупного поселения Лапас, в урочище Баста близ Селитренного городища (оба не раскапывались), у среднего по размерам Бахтияровского селища (содержал шесть захоронений без склепов) и у с. Новые Булгары, располагающегося вдали от известных ныне поселений. Таким образом, только 6 (3.4%) из 177 известных аристократических захоронений в рассмотренных окрестностях крупнейших золотоордынских городов Нижней Волги располагались в сельской местности.

Социальная стратификация имела место и на селе, но очевидно доминирование именно городских погребений с престижными категориями инвентаря. В сельских могильниках Нижняя Студенка I и Татарская Башмаковка (в двух погребениях) найдены серебряные серьги, в могильнике Барановка – серебряная чашечка. Показательно не только отсутствие в сельских некрополях золотых изделий, но и то, что эти 4 захоронения составляют всего 10.3% от 39 грунтовых погребений с изделиями из драгоценных металлов. В сельских Болдыревском и Чардымском могильниках (в одном погребении на каждом) в округе Увекского городища обнаружены парчовые и шелковые ткани. Данные 2 захоронения составляют всего 8.3% от всех 24 грунтовых погребений с парчовыми и шелковыми одеяниями.

По письменным источникам хорошо известно о пребывании различных категорий древнерусского населения в Золотой Орде: князей, послов, представителей духовенства, купцов, воинов и пленных (Полубояринова, 1978. С. 8–48).

Нельзя забывать и о выплате дани (“выхода”) русскими землями, которая привозилась именно в

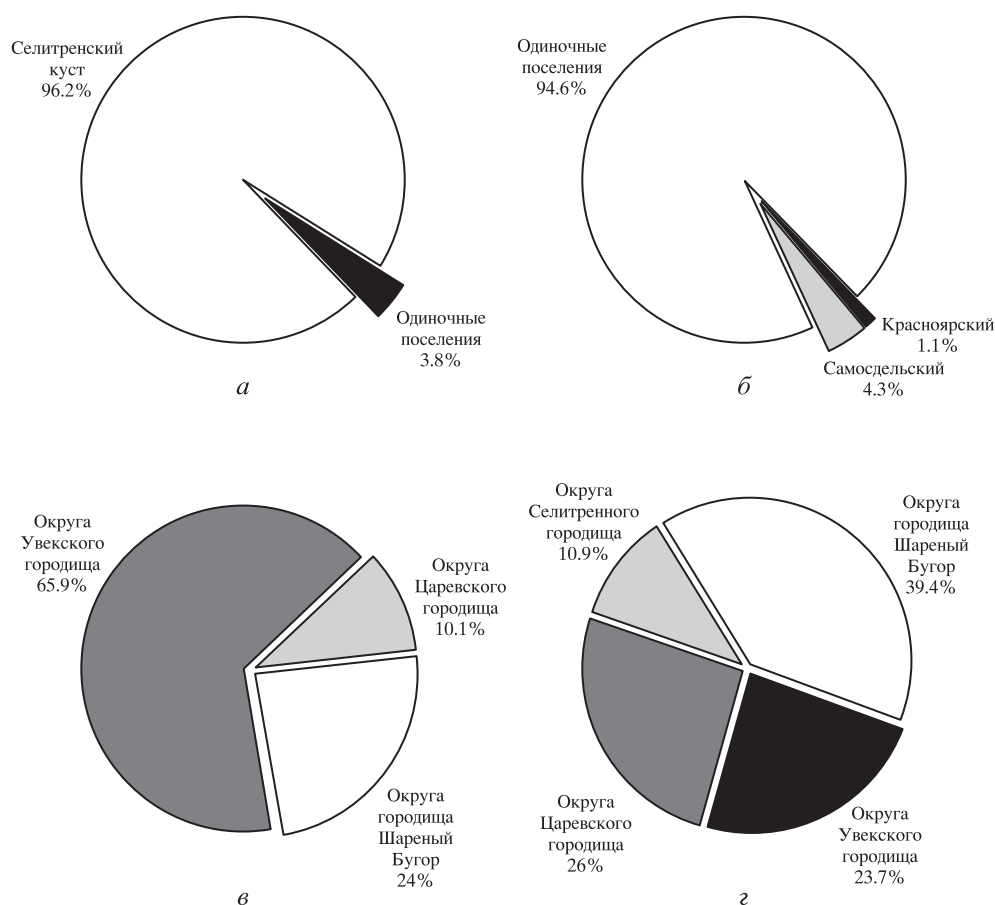

Рис. 8. Доля основных локальных групп (кустов) поселений в суммарной площади поселений округа городищ Селитренное (а) и Шареный Бугор (б); доля поселений различных регионов в суммарной площади мелких и средних (в), а также крупных (г) поселений округа крупных городов Нижнего Поволжья.

Нижнее Поволжье. Ибн Баттута свидетельствует, что из Руси в Укек привозятся серебряные слитки – “саумы” (соммы), “на которые продается и покупается (товар) в этом крае” (Тизенгаузен, 1884. С. 303). На раннем этапе золотоордынской междоусобицы, в начале 1360-х годов, князь Василий Тверской, отправившийся с данью в Орду, из-за военных действий между претендентами на ханский престол не рискнул сам доставить дань и оставил ее в городе Бездеже (Насонов, 1940. С. 120), располагавшемся на правом берегу Нижней Волги.

Древнерусские материалы, свидетельствующие о присутствии русского населения, известны из многих памятников Нижнего Поволжья, вплоть до низовий Волги. Часть этих материалов была привозной, часть же, как это убедительно показала М.Д. Полубояринова (1978), судя по бракам и полуфабрикатам, производилась на месте. Древнерусские кресты, энколпионы, иконки, детали хоросов, кадилницы, паникадила, колты, серьги, литейные формы, печати и керамика не могли быть предметами торговли основной массы населения

Золотой Орды с русскими землями, они говорят о присутствии в Улусе Джучи древнерусского населения. Древнерусские материалы присутствуют на 22 (24.4%), а мордовские – на 8 (8.9%) из 90 известных поселений в рассмотренных районах.

Хронологические особенности памятников с древнерусскими материалами примерно одинаковы с особенностями хронологии всех памятников, окружающих крупнейшие золотоордынские городища Нижней Волги (Недашковский, 2006в). Близкая картина наблюдается и для менее многочисленных мордовских материалов. Однако следует отметить и некоторые отличия. Так, на этапе 1266–1310 гг. древнерусские материалы представлены на 66.7% всех известных поселений, в 1310–1365 гг. – на 39.4%, в 1365–1380 гг. – на 41.7%, в 1380–1395 гг. – на 42.1%, в 1395–1420 гг. – на 33.3%, а в 1420–1459 гг. – на 50% поселений. Таким образом, очевидно, что наибольшей доля поселений с древнерусскими материалами была в ранний период истории Золотой Орды (две трети всех поселенческих памятников этого времени имеют зафиксированные древнерус-

ские материалы), в дальнейшем эта доля была достаточно стабильной – от трети до половины всех поселений вплоть до распада Улуса Джучи.

Если в округе городищ Царевское, Селитренное и Шареный Бугор древнерусские и мордовские материалы присутствуют только на крупных памятниках городского характера (древнерусские находки имеются на 8, 44.4% из 18 рассмотренных крупных поселений Нижнего Поволжья, а мордовские – на 3, 16.7%), то в округе Увекского городища наблюдается иная картина. В округе Укека древнерусские материалы отмечены также на девяти средних (56.3% всех таких селищ в данном микрорегионе) и четырех мелких (16.7% селищ этого типа) поселениях, мордовские – на трех средних (18.8% таких селищ) и на двух мелких (8.3% поселений этого типа).

Представляется, что в северной части Нижнего Поволжья, в окрестностях Увекского городища, где количество памятников с древнерусскими материалами максимально, русское население могло активно практиковать пашенное земледелие, используя плодородные черноземные почвы. Примечательно, что из восьми рассмотренных нижеволжских поселений, на которых были найдены сельскохозяйственные орудия, на семи (87.5%) отмечены также древнерусские материалы, на пяти (62.5%) – мордовские.

Рыболовные принадлежности обнаружены на 16 рассмотренных поселениях Нижнего Поволжья, из них древнерусские материалы найдены на 10 (62.5%), а мордовские – на 4 (25%). Кости свиньи, очевидно, связанные с питанием русского и мордовского населения, известны из материалов селищ Багаевское и Широкий Буерак, Царевского и Водянского городищ, а также поселения Самосделка. Перечисленные данные свидетельствуют, что присутствие древнерусского и мордовского населения в Нижнем Поволжье должно было оказать влияние на хозяйство региона.

Несомненный интерес представляет характер взаимодействия золотоордынских городов с их округой. В обмен на продукцию земледелия и промыслов, доставляемую в города из сельских поселений, городские центры поставляли в село продукцию высокотехнологичных ремесел (поливную керамику, стеклянные изделия, чугун, многие виды изделий из цветных металлов¹), существование ко-

торых на мелких городских и сельских поселениях не зафиксировано.

Красноглиняная поливная и кашинная керамика найдена на памятниках округа Увекского (поселения Багаевское, Зауморье, Квасниковка, Колотов Буерак, Константиновское, Подстепное, Улица Лермонтова, Хмелевское I, Чардымское II, Широкий Буерак), Царевского (Водяное и Мечетное городища; поселения Грачи, Дмитриевка, Колобовка; могильник Мечетное I, мавзолей у Бахтияровки), Селитренного (поселения Каменный Бугор, Комсомольский, Лапас; местонахождения Бурля I, II, Верхнелебяжье, Вольное I, Досанг III, XVIII–XX, Комсомольский I, Чорники; могильник Баста) городищ и Шареного Бугра (поселения Барановка I, II, Ильинка, Красный Яр, Маячное I, III, IV, Мошак, Самосделка, Татарская Башмаковка; Чертово городище; местонахождения Караозек II, Начало IX, Николаевка, Новые Булгары I, Семибугры, Татарская Башмаковка II; могильники Барановка, Вакуровский Бугор I, Маячный Бугор III, Мечетный Бугор I, II, Самосделка).

Изделия из стекла происходят из округа Увекского (поселения Алексеевское, Багаевское, Колотов Буерак, Подгорное, Подстепное, Хмелевское I; могильники Болдыревский, Нижняя Студенка I, Хмелевский I, Чардымский), Царевского (Водяное и Мечетное городища; поселения Колобовка, Пологое Займище; могильники Водянский II, Царев II, мавзолей у Бахтияровки), Селитренного (селище у поселка Комсомольский, местонахождение Досанг X, могильник Комсомольский IV) городищ и Шареного Бугра (поселения Красный Яр, Самосделка, Татарская Башмаковка; Чертово городище; могильники Маячный Бугор I, II, Татарская Башмаковка). Кашинные бусы и пуговицы зафиксированы на Багаевском селище, местонахождении Улеши (в округе Увекского городища), на поселении Самосделка, могильниках Барановка, Маячный Бугор I, II и Татарская Башмаковка (в дельте Волги). Чугунные сосуды известны с сельских поселений округа Увекского (Алексеевское, Багаевское, Широкий Буерак) и Царевского (Зубовка) городищ.

Поступала из городов в сельскую местность и обычная золотоордынская неполивная гончарная керамика, хотя в селах, возможно, также работали гончары (остатки горна? зафиксированы только разведками на селище Пристанное в округе Увекского городища, так что однозначно утверждать наличие гончарства на селе в Нижнем Поволжье в золотоордынское время пока нельзя). Тем не менее керамики на периферии было недостаточно, в деревнях ее вынуждены были даже в домашних условиях изготавливать кустари, что зафиксирова-

¹Примитивные формы обработки цветных металлов, несомненно, существовали и в малых городах, и на селе, это можно подтвердить находками всплесков и обрезков металла на селищах Багаевское, Колотов Буерак, Советское и Хмелевское I в округе Увекского городища, а также на Водянском городище (на нем зафиксированы и линейные формы – это единственный случай их находки за пределами крупнейших городищ).

но автором при раскопках Константиновского селища в Саратовском Поволжье. Сравним имеющиеся данные статистики неполивной гончарной керамики золотоордынской эпохи с поселений различного размера (помимо исследований Т.А. Хлебниковой на Алексеевском городище в 1971 г. все имеющиеся данные получены в ходе раскопок автора 1999–2012 гг.).

На мелких поселениях (Константиновское селище) зафиксировано 19.4% лощеной керамики и 59.1% посуды хорошего обжига. По цветам керамика распределяется следующим образом: коричневый – 87.2%, красный – 12, серый – 0.8. На средних по размеру (сельских) поселениях (Алексеевское, Багаевское, Колотов Буерак, Широкий Буерак) лощеная посуда составляет 12.1–40.3% керамических материалов, хорошо обожженная – 36.2–69.5; коричневой керамики 27.6–91.3%, красной – 7.3–36.2, серой – 0.6–32.8, бурой – 0.5–3.4, а желтой – не более 0.8. На крупных поселениях городского типа (разные раскопы Хмелевского I селища) отмечено 5.7–22.3% лощеной и 53.3–63.5 хорошо обожженной посуды; коричневой керамики 44.3–85.3%, красной – 7.1–33.7, серой – 1–7.6, бурой – 0.5–19.6, а желтой – не более 0.7.

Приведенные данные по различным категориям памятников принципиально друг от друга не отличаются, что позволяет считать источник поступления массовой неполивной гончарной керамики на все рассмотренные поселения единым. Им, несомненно, было гончарное ремесло крупных и мелких золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

Основную часть кузнечных изделий с сельских памятников также следует признать продукцией городского ремесла, так как из всех селищ кузнечный горн отмечен только в урочище Мартышкино в округе Увекского городища, а остатки неопределенного сооружения, связанного с обработкой железа, – на селище Широкий Буерак в том же регионе.

На Увекском городище найдена литейная форма для перстней с подпрямоугольным щитком и двумя боковыми выступами, аналогичный перстень найден и в сельском Болдыревском могильнике в округе городища (Недашковский, 2000. С. 43; 2001. С. 355, 364. Рис. 5, 4; Nedashkovsky, 2004. Р. 24, 48, 228. Fig. 62, 4). На Увекском городище зафиксировано литье (Полубояринова, 1972. С. 186; Недашковский, 2000. С. 109; Nedashkovsky, 2004. Р. 49, 61, 62) православных культовых предметов (энколпионов и иконок), также распространенных в округе памятника, причем с Увекского городища происходит незаконченная половинка каменной литейной формочки для 14-гранных бронзовых ушек энколпионов, одно из которых было найдено

на Хмелевском I селище в округе Уека (Недашковский, 2000. С. 107, 109. Рис. 30, 25; Nedashkovsky, 2004. Р. 49, 69, 205, 245. Fig. 36, 10; 82, B, 25). Производство бронзовых зеркал в золотоордынских городах Нижней Волги полностью обеспечивало ими как сами города, так и весь регион в целом, так как даже типологически идентичные изделия из других районов имеют уже совершенно иной химический состав (Недашковский, 2002. С. 336; Nedashkovsky, 2004. Р. 49, 53).

Именно через города как крупные центры междугородной торговли (с памятников городского характера происходят все отдельные находки иностранных монет на Нижней Волге, основная часть импортов и изделий, привезенных из других регионов, например хорезмской неполивной керамики) в село поступали импортные товары: вино в амфорах, парчовые и шелковые ткани, иногда даже люстровая керамика и стеклянные сосуды с полихромной росписью. Находки фрагментов трапезундских амфор известны с памятников округа Увекского (селища Багаевское, Колотов Буерак, Хмелевское I, Широкий Буерак) и Селитренного (местонахождение Комсомольский I) городищ, фрагменты трилийских амфор известны из раскопок Багаевского селища. Парчовые и шелковые одежды происходят с памятников округа Увекского (Болдыревский и Чардымский могильники), Царевского (могильники Водянский I, Мечетный I) городищ и Шареного Бугра (могильники Маячный Бугор I, II). Фрагменты люстрового и расписного стеклянного сосудов найдены при раскопках Багаевского селища.

Кочевники, судя по письменным (Барбаро, 1971. С. 147) и археологическим² данным, занимались кузнечным ремеслом и ткачеством. Однако целый ряд ремесел (гончарство, стеклоделие, производство чугуна, развитые формы обработки цветных металлов) не могли существовать в условиях кочевого быта. Таким образом, всю их продукцию в погребальных памятниках кочевников можно считать привозной, поступавшей из поселений Нижнего Поволжья. Получая скот и молочные продукты от кочевников, города поставляли им ремесленные изделия.

С Болгарского городища известны находки трех матриц (Руденко, 2006. С. 48, 49, 89, 90, 99, 113. Рис. 2. Ил. 5) для изготовления ручек (в виде протомы дракона) поясных ковшей из драгоценных металлов, характерных для раннеджучидской торговли и составлявших один из атрибутов мон-

²Комплекс кузнечного инструментария в насыпи кургана 4 группы Маляевка VI в округе Царевского городища (Мыськов, 2003. С. 232–234. Рис. 6–8).

гольской всаднической культуры (Крамаровский, 2001); отсюда же известна заготовка костяной орнаментированной обкладки колчана, аналогичной изделиям, бытовавшим у кочевников золотоордынской эпохи (Полякова, 1992), что подтверждает мнение о производстве обкладок в поволжских городах Улуса Джучи, в которых известны и находки готовых изделий этой группы (Малиновская, 1974. С. 155, 156, 169, 171. Табл. IX, 30; X, 32–35; Федоров-Давыдов, 1976. С. 187; 1994. С. 179; Закирова, 1988. С. 227, 229, 239, 243. Рис. 99, 14–16).

Стеклянные украшения, а также высококачественные бронзовые зеркала, которые можно было изготовить лишь в жестких каменных формах, известных на сегодняшний день только с Болгарского, Увекского и Селитренного городищ (Fyodorov-Davydov, 1984. P. 178. Fig. 107, 2; Полякова, 1996. С. 160, 162. Рис. 56, 5; 58, 9; Недашковский, 2001. С. 355, 364. Рис. 5, 1, 2; Nedashkovsky, 2004. P. 48, 228, 229. Fig. 62, 1, 2; 63), изготавливались в крупнейших городах Улуса Джучи и поставлялись отсюда в степи. Примечательно, что на Увекском городище найдена форма для отливки зеркал, относящихся к типу, не известному в материалах этого памятника, но зафиксированному на окружающих поселениях и в близлежащих курганах кочевников (Недашковский, 2001. С. 355; Nedashkovsky, 2004. P. 48). Данный факт свидетельствует не только о производстве зеркал в крупных городах для последующей продажи их жителям оседлой и кочевой округи, но и о специализации этого производства, учитывавшего вкусы и запросы кочевников, в области металлических зеркал заметно отличающиеся от предпочтений горожан (Недашковский, 2000. С. 65, 66. Табл. 3; 2001. С. 355; Nedashkovsky, 2004. P. 35, 48. Tab. 3).

Золотоордынская неполивная керамика отмечена во многих курганных группах округи Увекского (Двоенка I, II, Квасниковка, Крутоярровка, Новая Липовка, Паницкое, Рыбушка I–III, Скатовка I, Советское III, Усть-Курдюм I) и Царевского (Бахтияровка II, III, Зубовка, Калиновка, Колобовка IV, Ленинск I, Маляевка I, V, Царев) городищ. Красноглиняная поливная керамика и кашинные изразцы зафиксированы в курганных группах Калиновка и Маляевка I в округе Царевского городища, в группе у Сеитовки в округе Шареного Бугра, а фрагмент кашинной керамики – в курганной группе Маляевка V у Царевского городища. Стеклянные и кашинные украшения найдены в курганах округи Увекского (Астраханский тракт, Большая Дмитриевка I, Покровск, Скатовка I, II, Советское III, Суслы) и Царевского (Бахтияровка I, Заяр, Калиновка, Колобовка II, Ленинск I, Маляевка I, Солодовка I, II,

Царев) городищ. Фрагмент венчика чугунного котла происходит из курганной группы Маляевка VI в округе Царевского городища.

К кочевникам поступали и импортные изделия, в частности, вино в амфорах, парча и шелк. Фрагмент трилийской амфоры был найден в насыпи кургана 15 группы Маляевка I. Парчовые и шелковые ткани – в курганных группах округи Увекского (Астраханский тракт, Покровск, Скатовка I, Советское I, II, Суслы, Усть-Курдюм I) и Царевского (Бахтияровка I, II, Верхнее Погромное, Заяр, Ленинск I, Маляевка V, VI, Солодовка II, Царев) городищ.

Приведенные данные убедительно свидетельствуют о тесных связях золотоордынских городов Нижнего Поволжья с их сельской и кочевой округой. Экономические связи осуществлялись не только путем прямого обмена продовольствия и сырья на ремесленные изделия, но в большей степени посредством товарно-денежных отношений; это можно подтвердить многочисленными находками золотоордынских монет (как серебряных, так и разменных медных) на многих сельских памятниках и в курганах кочевников.

Подводя итоги, повторим, что каждый крупный город Нижнего Поволжья в период существования Улуса Джучи имел свою округу. Село возникло одновременно с городом во второй половине XIII – начале XIV в., но перестало существовать уже в конце XIV в. Земледельческое хозяйство было наиболее развитым в округе Увекского городища, поселения центральной части которой были тесно территориально связаны между собой. Кусты памятников зафиксированы и в трех других рассмотренных микрорегионах, хотя в округе Селитренного городища и в дельте Волги они образовались лишь в эпоху расцвета Золотой Орды (первая половина – середина XIV в.).

Судя по площади, занимаемой памятниками, население крупнейших городищ намного превосходило число жителей округи, в которой население малых городов, в свою очередь, было больше, чем сельское. Огромные по размерам крупнейшие золотоордынские городища Нижней Волги не могли полностью обеспечиваться продуктами питания из близлежащих сельских памятников – необходимы были поступление скота и молочных продуктов от кочевников, наличие своих собственных, городских, земледелия, скотоводства и промыслов, а также привоз сельскохозяйственной (преимущественно земледельческой) продукции из других регионов Улуса Джучи.

Сельская округа золотоордынских городов Нижнего Поволжья обладала развитыми сельским

хозяйством и промыслами, способными частично обеспечивать города продуктами питания и ремесленным сырьем. Село снабжалось через города ремесленной продукцией (поливной и неполивной керамикой, стеклянными и металлическими изделиями) и дорогами привозными товарами (вино, парча, шелк).

Кочевники в обмен на продукцию скотоводства получали большой ассортимент ремесленных изделий, многие из которых (сосуды, костяные орнаментированные обкладки колчанов, некоторые виды зеркал) в городах производились специально с учетом художественных вкусов и традиций nomadов. Поступали к кочевникам и импорты, достигавшие также сельских поселений.

Таким образом, золотоордынские города Нижнего Поволжья были тесно связаны внутренними торговыми связями (основанными на товарно-денежных отношениях) с оседлой и кочевой округой.

Работа выполнена при поддержке гранта Gerda Henkel Stiftung, Düsseldorf № AZ 19/SR/08.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). М.: Наука, 1987. 200 с.
- Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С.* Древности Кисловодской котловины. М.: Науч. мир, 2004. 240 с.
- Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступит. статьи, подготовка текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. 275 с.
- Закирова И.А.* Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 220–243.
- Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
- Малиновская Н.В.* Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974. С. 132–175.
- Мыськов Е.П.* Погребальные сооружения с кирпичными оградами могильника Маляевка VI у северо-западного пригорода Царевского городища // Нижневолжский археологический вестник. 2003. Вып. 6. С. 216–235.
- Насонов А.Н.* Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 178 с.
- Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Вост. литература, 2000. 224 с.
- Недашковский Л.Ф.* Металлические изделия и литейные формы с Увекского городища // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 349–364.
- Недашковский Л.Ф.* Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений центральной части Саратовской области // Нижневолжский археологический вестник. 2002. Вып. 5. С. 335–347.
- Недашковский Л.Ф.* Классификация погребальной обрядности грунтовых могильников округа городища Шареный Бугор // Уч. зап. Казанского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2006а. Т. 148. Кн. 4. С. 138–147.
- Недашковский Л.Ф.* Нижневолжский золотоордынский город и его округа // РА. 2006б. № 4. С. 74–86.
- Недашковский Л.Ф.* Хронология нижневолжского золотоордынского города и его округа // РА. 2006в. № 3. С. 75–84.
- Полубояринова М.Д.* Русские вещи на территории Золотой Орды // СА. 1972. № 3. С. 164–187.
- Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 133 с.
- Полякова Г.Ф.* Заготовка обкладки колчана из Болгар // СА. 1992. № 1. С. 243–244.
- Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: Татполиграф, 1996. С. 154–268.
- Руденко К.А.* Булгарский улус Золотой Орды (особенности материальной культуры) // Татарская археология. 2006. № 3–4 (18–19). С. 28–137.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: Типография императорской АН, 1884. Т. I. 564 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976. 227 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 228 с.
- Fyodorov-Davydov G.A.* The Culture of the Golden Horde Cities. Oxford, 1984 (BAR. Intern. Ser.; 198). 278 p.
- Nedashkovsky L.F.* Ukek: The Golden Horde city and its periphery. Oxford: Archaeopress, 2004 (BAR. Intern. Ser.; 1222). 253 p.

ОСТАНКИ ЖИВОТНЫХ В МОНГОЛЬСКИХ ЗАХОРОНЕНИЯХ XIII–XIV вв. МОГИЛЬНИКА ОКОШКИ I (ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ)

© 2014 г. А.В. Харинский*, Т.Ю. Номоконова**, Е.В. Ковычев***,
Н.Н. Крадин****

*Иркутский государственный технический университет
(kharinsky@mail.ru)

**Университет Британской Колумбии, Ванкувер

***Забайкальский государственный университет, Чита

****Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Ключевые слова: Забайкалье, монголы, погребальный ритуал, останки животных, баран, берцовая кость, сакральные представления.

The article is devoted to the analysis of faunal remains from the cemetery Okoshki I (the Eastern Trans-Baikal region). Analysis is based on the material from 13 graves dated to the Mongolian period of 13th–14th cc. AD that were excavated in 2009–2011. Nine graves contained remains of animals, among which bones of domesticated ungulates were most abundant. These bones have been found inside the pits, mounds, and in the direct association with human remains. One of the interesting findings is a presence of certain sheep body parts that were left with some of the deceased individuals in their grave pits. These are tibia (sometime with tarsals), scapula, and lumbar vertebrae. Findings of sheep tibia and other body parts of this animal were also present in other Trans-Baikal graves (in more than a half of them) dated to the second half of the first millennium AD, which point out to the importance of these sheep body parts in the elements of mortuary ritual of this period.

Образование державы Чингис-хана и последовавшие за этим монгольские завоевания привели к созданию в XIII в. одного из крупнейших государств в истории человечества. Влияние, которое оказали монголы на жителей Евразии, трудно переоценить. Их завоевания не только уничтожили многие государства, но и способствовали началу масштабных миграционных и этнических процессов, развитию культурных контактов между Востоком и Западом, важным геополитическим изменениям (Крадин, Скрынникова, 2006. С. 472–488).

В разных частях империи, созданной Чингис-ханом, в XIII–XIV вв. наблюдается не только распространение культурно-хозяйственного комплекса, присущего непосредственно монголам, но и их опосредованное культурное влияние на местные сообщества, фиксируемое и по археологическим материалам. Данные процессы могли проявляться в различных сферах, в том числе и в той, которая связана с погребальной практикой. Попытка обозначить среди погребений XIII–XIV вв. на территории Северной и Центральной Азии захоронения, принадлежавшие монголам – основателям Великого Монгольского государства (Yeke Mongol ulus),

предпринимались неоднократно (Окладников, 1958; Хамзина, 1970; Асеев, 1980; Ковычев, 1981; Асеев и др., 1984; Именохоев, 1988; 1989; 1992; Коновалов, 1989; 1999; Харинский, 2001; Турбат и др., 2003; Лхагвасурэн, 2007), но каждый раз, когда поднимался вопрос о принадлежности исследуемых захоронений монголам, возникали сложности с критериями, по которым они могут быть соотнесены с ними. В связи с этим на первый план выдвигалась задача выделения “классических монгольских погребений” и погребального ритуала, характеризующего их.

Решение этой проблемы во многом зависит от того, насколько правильно используется исследователями термин “монголы”, имеющий в рассматриваемый период несколько уровней идентичности. В расширенной трактовке это собирательное название близких в культурном отношении монголоязычных общностей Центральной Азии и Забайкалья, ставших основой державы Чингис-хана. В более узком контексте под ним понимается ядро будущего монгольского народа, за которым это название закрепилось в XII в. Двумя важнейшими центрами формирования монгольской общности были мест-

ность Эргунэ-кун (Приаргунье) и Трехречье (район рек Онон, Керулен и Тола) (Крадин, Скрынникова, 2006. С. 132–157). Именно в этих районах находятся захоронения XII в., которые можно связать с монголами предимперского периода. Причем из двух указанных центров Приаргунский первичен, и именно из него во второй половине X – начале XI в. начинается расселение монголов на запад (Tamura, 1973; Кычанов, 1980. С. 141; Крадин, Скрынникова, 2006. С. 139; Зориктуев, 2011).

Примером монгольских захоронений имперского периода могут служить погребения могильника Окошки I, расположенного в долине р. Урулингуя, левого притока Аргуни. Известно, что в XIII в. долины рек Аргунь и Хайлар входили в состав владений рода Хасара – младшего брата Чингис-хана (Рашид-ад-дин, 1952. С. 52). Его сын Есунгу стал основателем города, построенного на левом берегу Урулюнгуя и известного как Хирхириное городище (Киселев, 1965. С. 53–57; Артемьев, 2001, 2005). К северо-западу от городища находится могильник Окошки I, на котором, вероятно, были захоронены жители города Есунгу.

Среди элементов погребального ритуала, характеризующих захоронения данного могильника, присутствуют и останки животных. Обычно они воспринимаются как свидетельство существования представлений о загробной жизни и связанных с ними атрибутов. Нередко их считают погребальной пищей, сопровождавшей умерших в потустороннем мире. Для того чтобы объективно оценить значение останков животных в человеческих захоронениях, попытаемся выяснить, каким из них отдавали монголы предпочтение во время погребальных ритуалов, какие части животных укладывались вместе с умершим в могилу, где и как они располагались. Такую работу необходимо проделать хотя бы для того, чтобы понять правомерность сопоставления материалов из могильника Окошки I с материалами других монгольских погребений имперского периода. Мы убеждены, что только выполнение подобных сопоставлений позволит приблизиться к пониманию значения и семантики останков животных в захоронениях монголов XIII–XIV вв. и включить их в общую систему погребальной практики монголов.

Конструктивные особенности могильника Окошки I. Могильник находится на холме, расположенном на правом берегу р. Хир-Хира, впадающей в левый приток Аргуни Урулюнгуя. На памятнике зафиксировано 49 надмогильных сооружений, которые по конструктивным особенностям разделяются на группы (рис. 1): 1) земляные курганы диаметром 11–14 м и высотой 0.7–1.2 (4 кургана); 2) камен-

ные курганы диаметром 4.7–6 м и высотой 0.3–0.4 (5 курганов); 3) плоские каменные кладки диаметром 2–8 м (40 кладок).

На могильнике наблюдается определенная закономерность в расположении погребальных конструкций, относящихся к разным группам, и, вероятно, отражающих социальный статус погребенных в них людей. Плоские кладки находятся в центральной, юго-восточной и северо-восточной частях памятника. Все земляные курганы тяготеют к его юго-западной части. Каменные курганы локализуются в юго-западной части могильника, вокруг земляных курганов. Судя по расположению надмогильных конструкций, захоронения, в которых были погребены люди с более высоким социальным статусом, располагались в юго-западной части некрополя. Погребения рядовых членов общества находились в центре и восточной части могильника (Харинский и др., 2012).

Отметим, что могильник Окошки I открыт в середине XIX в. А. Павлуцким. Им раскопаны одна большая и одна малая могилы (Павлуцкий, 1867. С. 503). В 1959 г. исследования на Окошках продолжены археологической экспедицией под руководством С.В. Киселева. Для раскопок ученый выбрал самый крупный на некрополе курган. Впоследствии ему был присвоен № 1. Под ним обнаружены три ограбленных и одно нетронутое погребения (Киселев, 1965. С. 57; Баяр, 1999). В 2009–2011 гг. работы на могильнике проводились совместной археологической экспедицией ЗабГГПУ, ИИАЭ ДВО РАН и ИрГТУ (Харинский и др., 2010; Харинский и др., 2011). Исследовано 13 погребений XIII–XIV вв. Два из них находились под каменными курганами (№ 3 и 5), одно – под земляным курганом (№ 2), десять – под каменными кладками (№ 10, 13, 20, 24, 25, 29, 46–49).

Земляные курганы – самые крупные погребальные конструкции могильника. Диаметр кургана 2, вскрытого в 2011 г., – 14 м, высота – 1.3. Верхняя часть курганной насыпи состоит из земли и крупных камней. В курганной насыпи обнаружены кости животных, серьги, колокольчик и украшение конской сбруи, возможно выброшенные из могилы. Под насыпью располагалась конструкция из крупных камней в виде каменного ящика размерами 2 × 2.9 м, сооруженного на древней поверхности земли. В центре ящика находилась могильная яма, перекрытая сверху камнями. Размеры ямы – 1.7 × 2.8 м. На дне могилы зафиксирован четырехугольный ящик из установленных вдоль стенок ямы каменных плит, ориентированный по линии С–Ю. Внутри него обнаружены остатки деревянной погребальной конструкции, череп женщины, позвонок *Caprinae*

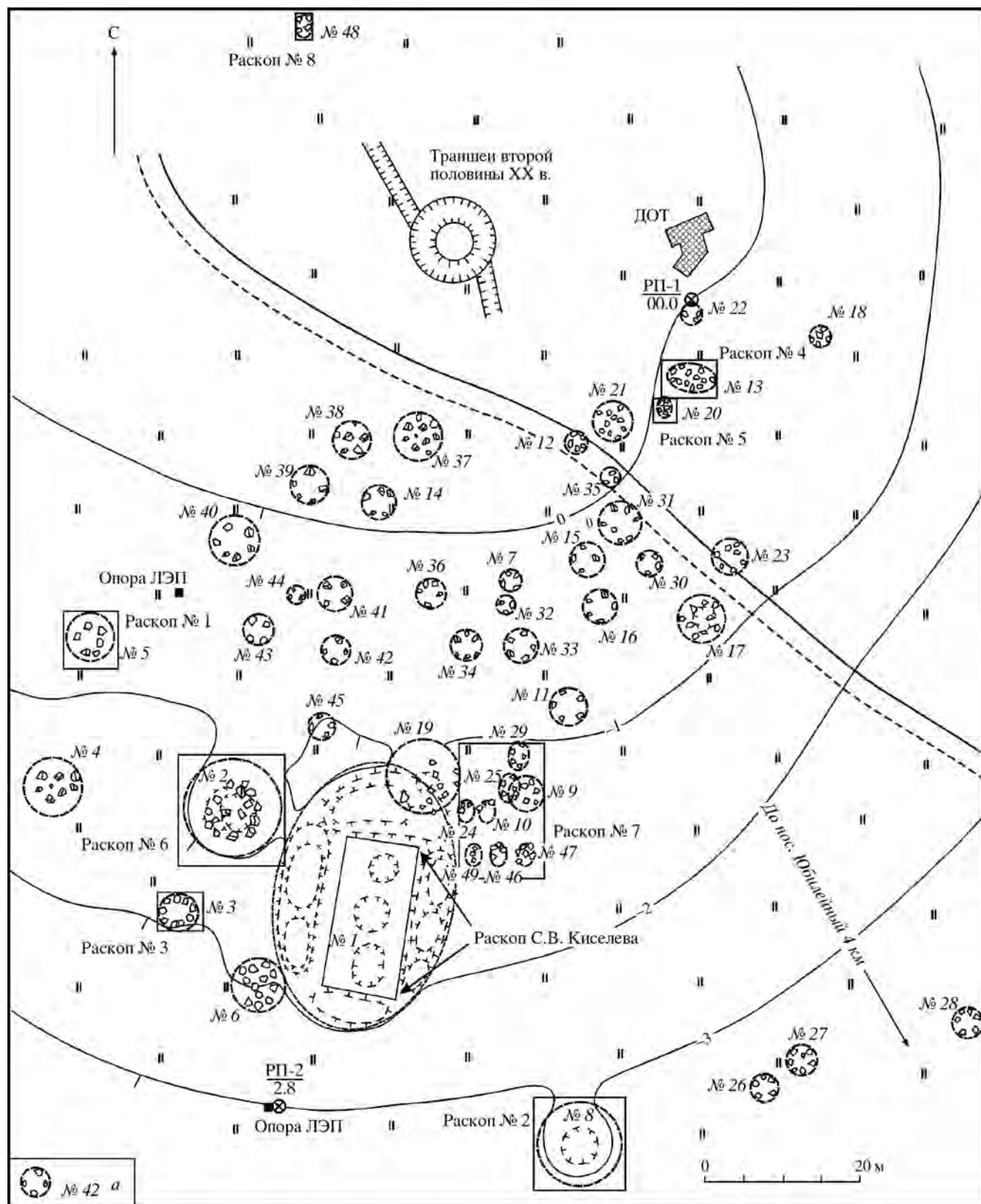

Рис. 1. Могильник Оюшки I. Система высот условная. Сплошные горизонталы проведены через 1 м. Съемка 10.07.2010 г. Условное обозначение: а – надмогильная кладка и ее номер.

и железный гвоздь. Остальные человеческие кости отсутствовали. У северо-западного угла ящика находились вертикально установленные кости голени барана.

На некрополе исследовано два захоронения под каменными курганами. Под одним из них (№ 3) найдены останки ребенка, под другим (№ 5) – останки женщины. Оба захоронения ограблены. Размеры надмогильной кладки и глубина ямы детского погребения меньше, чем женского. Глубина детской могильной ямы – 1.3 м, а ее размеры в придонной части составляли 0.6 × 2. Кроме железных гвоздей, скреплявших деревянный гроб, и костей животных там больше ничего не обнаружено.

Сверху женское захоронение перекрывалось круглой кладкой диаметром 6 м. Высота кладки – 0.2 м. В ходе расчистки ямы обнаружены седельные тороки, отдельные человеческие кости и железные гвозди. Яма глубиной 2 м заполнена камнями. Умершая похоронена в деревянном четырехугольном ящике, вытянуто на спине, головой на север. В северной части могилы найдены железные ножницы, утюжок, игла, бронзовое зеркало и фрагмент медной сунской монеты с легендой “Чун-нин чжунбао”, выпущенной в 1103 г. при императоре Хуй Цзуне (1101–1125 гг.) (Нагай, 1994. С. 149. Рис. 64, 8). По костям захоронения получена радиоуглеродная дата 690 ± 70 л.н. (СОАН-7956), соответствующая с учетом калибровки¹ второй половине XIII – первой половине XIV в.

У самой большой группы погребений под каменными кладками надмогильные конструкции овальной формы. Самые крупные из них достигают размеров 3.5 × 5 м. Практически во всех захоронениях имеются остатки деревянных гробов или колод, составные части которых скреплялись при помощи гвоздей. Глубина могильной ямы составляла от 25 до 110 см и, возможно, зависела от того, в какое время года проводилось захоронение. Умершего укладывали вытянуто на спину, головой на север. Находки из погребений с кладками представлены серьгами (погр. 10, 47 и 48), бронзовым зеркалом (погр. 25), железными наконечниками стрел с длинными черешками (погр. 24) и ножницами (погр. 48). Из десяти захоронений с плоскими каменными кладками, исследованными на могильнике, только два оказались ненарушенными. Одно из них (№ 20) принадлежит взрослому мужчине, другое (№ 49) – ребенку.

Каменная кладка захоронения 20 – овальной в плане формы размерами 0.6 × 1.7 м. Камни располагались плотно друг к другу, перекрывая преимуще-

ственно среднюю часть могильной ямы. Размеры ямы – 0.7 × 2.5 м, глубина – 0.6 (рис. 2, 1, 2). В отличие от других захоронений могильника в этом погребении не найдены остатки деревянной внутримогильной конструкции. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на север, лицевая часть черепа слегка повернута направо (рис. 2, 3). С правой стороны от его головы располагались вертикально установленные кости голени барана. Правая рука умершего вытянута вдоль туловища, кисть левой руки лежала на бедре. Между тазовыми костями и правой лучевой костью располагался железный черешковый нож (рис. 2, 4), который, вероятно, находился в ножнах и был подвешен к поясу. По костям погребенного получена радиоуглеродная дата 710 ± 35 л.н. (СОАН-8264), соответствующая с учетом калибровки второй половине XIII в. Отсутствие в погр. 20 деревянной внутримогильной конструкции первоначально вызвало сомнение в отнесении этого захоронения к XIII–XIV вв., но полученная радиоуглеродная дата их рассеяла. На современном этапе исследований особенности погребального ритуала, зафиксированного в этой могиле, можно связывать с низким социальным статусом захороненного здесь мужчины.

У детского погр. 49 размер кладки – 0.5 × 0.9 м (рис. 3, 1). Под ней находилась яма овальной в плане формы размерами 0.56 × 1.26 м и глубиной 0.8. На дне могильной ямы обнаружена колода из ствола лиственницы, опиленного с двух сторон (рис. 3, 2). Внутри колоды – останки ребенка, накрытого шелковой тканью (рис. 3, 4). Умерший был похоронен вытянуто на спине, головой на север, лицевые кости черепа обращены вверх. Сверху колода закрывалась крышкой – доской толщиной 1 см, прибитой железными гвоздями. В могильной яме у северо-западного угла колоды вертикально располагались кости голени барана (рис. 3, 3). У северо-восточного угла колоды найдены вертикально стоящие лопатка барана и железный нож. Под колодой располагалось три позвонка барана.

Кости животных в погребениях могильника Окошки I. Останки животных из могильника Окошки I представлены 129 костями (результаты раскопок 2009–2011 гг.). Они найдены в верхней и нижней частях земляного кургана погр. 2, среди камней кладок захоронений 3 и 24, в могильных ямах погр. 2, 5, 10, 20, 46, 48 и 49 (рис. 1). Кости в основном принадлежат млекопитающим, а также одной птице. Определения были возможны по следующим категориям животных: до уровня отряда – 14.7%, семейства – 19.4, рода – 7.8 и вида – 12.4. Недиагностичные фрагменты составили 45.7% от общего количества фауны, большинство из которых пред-

¹ Калибровочные значения получены с использованием программы CalPal (Danzeglocke et al., 2011).

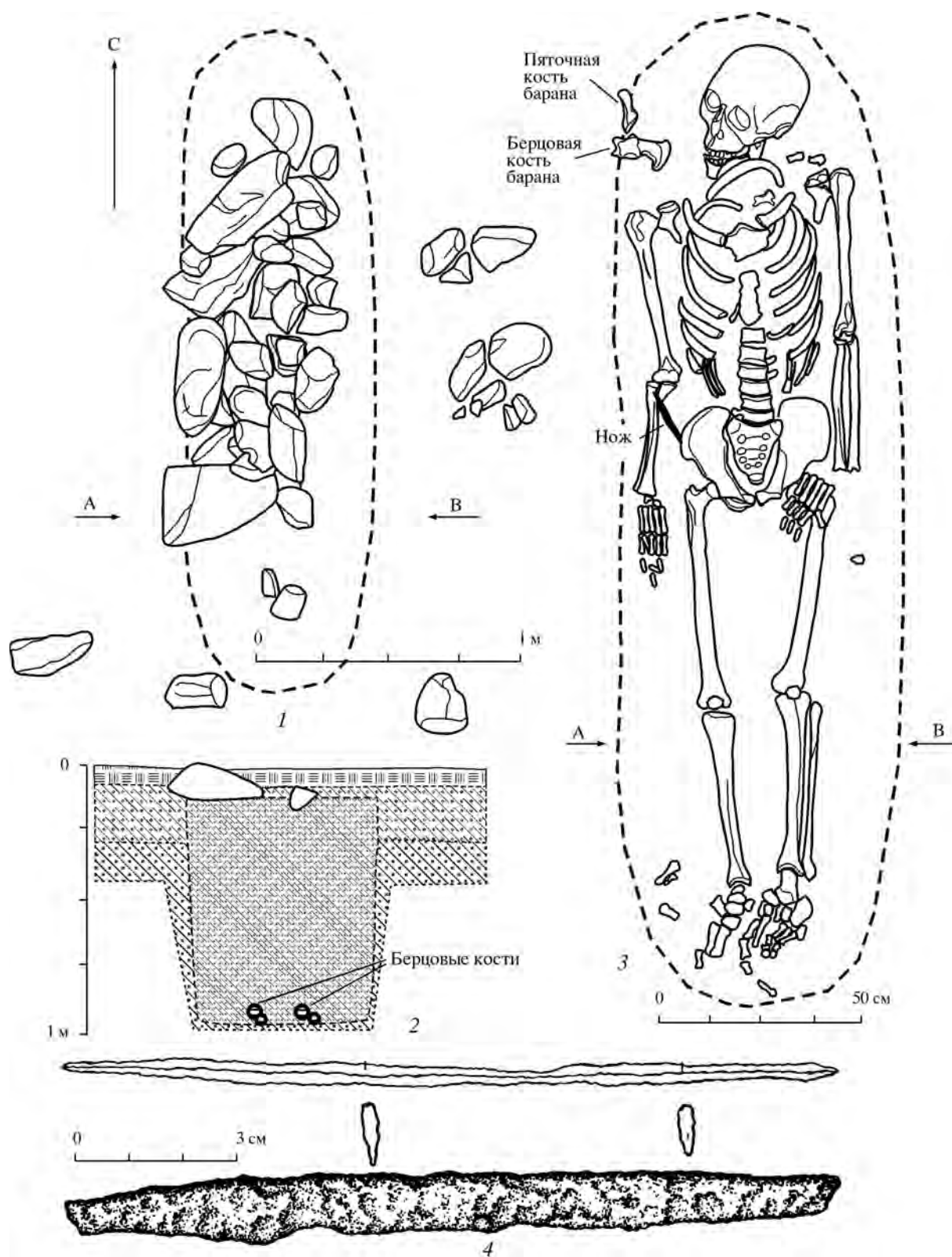

Рис. 2. Могильник Окошки I, погр. 20. 1 – каменная кладка; 2 – разрез могилы; 3 – погребенный; 4 – железный нож.

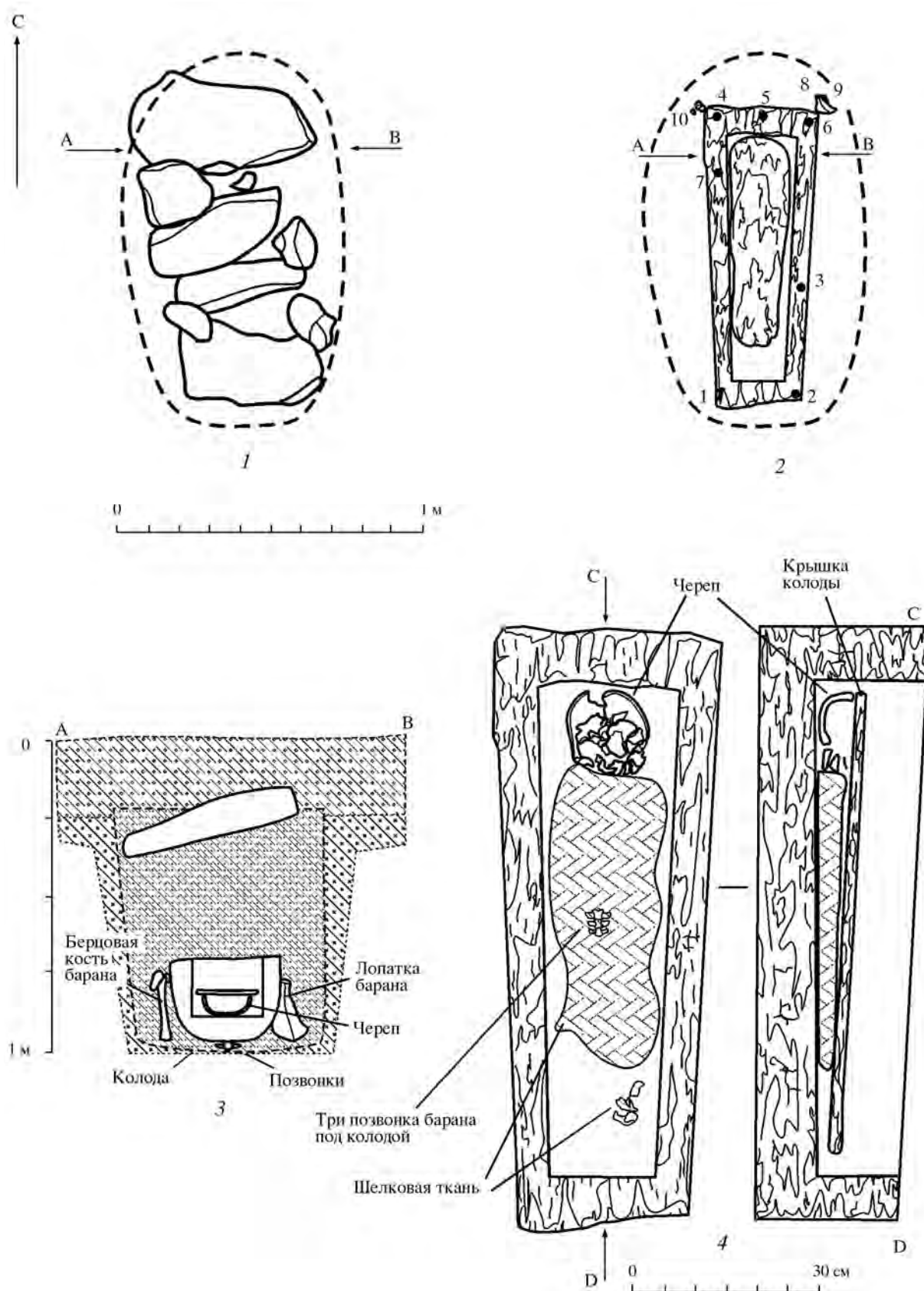

Рис. 3. Могильник Оюшки I, погр. 49. 1 – надмогильная кладка; 2 – могильная яма с колодой (1–7 – гвозди; 8 – лопатка барана; 9 – железный нож; 10 – кости голени барана); 3 – поперечный разрез могилы; 4 – колода с останками погребенного.

Таблица 1. Кости животных из погребения 2 с земляным курганом

Таксон	Количество	Элементы
Верхняя часть кургана		
Mammalia – неопределенные	25	Фрагмент трубчатой кости, 5 фрагментов грудных позвонков и 19 недиагностичных
Mammalia – крупные	1	Фрагмент головки лопатки
<i>Equus</i> spp.	1	Зуб, очень плохой сохранности
Artiodactyla – средние	16	Фрагменты левой нижней челюсти, ребра, 3 шейных, 4 грудных и 1 поясничного позвонков, 2 левых локтевых костей, левой большой берцовой кости, 2 правой и левой тазовых костей и 2-я фаланга
Caprinae	6	Фрагменты 3 нижних моляров, 2 правых от пясти и левой плюсны
<i>Ovis aries</i>	2	Фрагмент левой лопатки и 2-я фаланга
Всего	51	
Нижняя часть кургана		
Mammalia – неопределенные	17	Недиагностичные, включая фрагмент ребра, 2 обломка трубчатых костей и метаподии. Среди недиагностичных – 4 со следами жжения; 1 с резным орнаментом; 1 наконечник стрелы
Mammalia – крупные	4	2 фрагмента ребра и 2 от лопатки
<i>Equus</i> spp.	3	Зуб (плохой сохранности), 1-я и 2-я фаланги
Artiodactyla – крупные	1	Фрагмент ребра
Artiodactyla – средние	»	Фрагмент ребра
Caprinae	»	Правый метатарсал
<i>Anas</i> spp.	»	Левая плечевая кость
Всего	28	
Могильная яма		
<i>Ovis aries</i>	4	Левые большая берцовая, астрагал, пяточная и лодыжковая кости
Caprinae	1	Поясничный позвонок
Всего	5	
Всего в погребении	84	

ставлены обломками ребер, позвонков и трубчатых костей млекопитающих. Среди определимых фрагментов – овца/баран (*Ovis aries*), род лошадей (*Equus* spp.), коров (*Bos* spp.) и речных (благородных) уток (*Anas* spp.), семейство коз и овец (Caprinae) и отряд парнокопытных (Artiodactyla) с выделением животных крупного и среднего размеров.

Следы модификации обнаружены только на 10 костях. На четырех из них имеются следы жжения, на одной – резной орнамент, одна из костей переработана в наконечник стрелы. Все модифицированные кости от недиагностичных млекопитающих происходят из нижней части кургана погр. 2. Следы порезов кости в результате разделки туш животных зафиксированы на трех фрагментах. Порезы от расчленения частей туш найдены на астрагале барана из погр. 5 и поясничном позвонке Caprinae из верхней части погр. 46. Лопатка (Caprinae) из погр. 10 содержит следы отделения мяса от кости в виде параллельных порезов, расположенных вдоль ее основной оси. След от поруба неизвестного назна-

чения зафиксирован на одном из недиагностичных обломков кости из погр. 3.

Кости, найденные непосредственно в погребениях, в большинстве случаев принадлежат барану (*Ovis aries*). На коленных чашечках или пяточных костях, если они были повреждены, видовое определение было возможным только до уровня семейства коз и овец (Caprinae). Астрагал, пяточная кость, коленная чашечка и кость плюсны Caprinae определяются только до уровня семейства. Если они находились в сочленении с большой берцовой костью барана, то рассматривались как принадлежавшие к этому виду парнокопытных. Определения позвонков осуществлялись, в основном, до уровня отряда среднего парнокопытного (Artiodactyla).

Погребение 2 – женское захоронение. Остатки животных зафиксированы в верхней и нижней частях курганной насыпи и представлены 79 костями млекопитающих и одной костью представителя рода речных уток (табл. 1). Кости млекопитающих принадлежат лошади (два зуба) и минимум двум особям, возможно барана. Судя по состоянию сроста эпифизов и зубной системы последних, зубы,

Таблица 2. Кости животных из погребений 3 и 5 с каменным курганом

Таксон	Количество	Элементы
Погребение 3		
Mammalia – неопределимые	6	Недиагностичные
Mammalia – крупные	1	Недиагностичная со следами поруба
Mammalia – средние	1	4 фрагмента позвонков
<i>Equus</i> spp.	3	Фрагменты зуба, правой проксимальной части лучевой кости и метаподии
<i>Bos</i> spp.	1	Фрагмент зуба
Caprinae	2	Правый метакарпал и левый астрагал
Всего	18	
Погребение 5		
<i>Ovis aries</i>	3	Левые большая берцовая, астрагал и пяточная кости
Всего	3	

лопатка, локтевая и тазовая кости, пясть, плюсна, и 2-я фаланга принадлежали взрослой особи старше 2.5 лет, а локтевая, большая берцовая и тазовая кости – особи возрастом до 6 мес. Три кости обнаружены в каменном ящике, сооруженном на древней поверхности земли под курганной насыпью. Среди них – плечевая кость представителя рода уток, метаподия млекопитающего и фрагмент кости с резным орнаментом.

В могильной яме найдено пять костей, четыре из них – левые большая берцовая, астрагал, пяточная и лодыжковая кости – изначально составляли основу голени барана, сохранившей свое первоначальное положение в могиле. Она была установлена вертикально, снаружи северо-западного угла каменного ящика, внутри могильной ямы и возвышалась над ним на 25 см. Более широкая часть голени располагалась внизу и была развернута нижним эпифизом вверх. На дне могильной ямы в центре каменного ящика найден поясничный позвонок представителям семейства коз и овец (Caprinae).

Погребение 3 – детское захоронение. Останки фауны найдены среди камней кладки, которая была разрушена в древности, поэтому неясно, насколько кости животных соотносятся непосредственно с самим погребенным. В кладке найдено 18 костей (табл. 2), из них 3 от лошади, зуб коровы, астрагал и пясть семейства коз и овец. Судя по состоянию сроста дистального эпифиза на пясти, особь старше 2.5 лет.

Погребение 5 – женское захоронение. В северо-западной части могильной ямы найдены левые большая берцовая кость, астрагал и пяточная кость барана (табл. 2). Большая берцовая кость ориентирована по линии СЗ–ЮВ и, вероятно, утратила свое первоначальное положение в результате разрушения могилы. Верхним эпифизом кость развер-

нута на северо-запад. Он упирается в стенку ямы и располагается на 10 см ниже, чем нижний эпифиз. Видимо, изначально кость стояла вертикально у стенки в северо-западной части могильной ямы. Нижний эпифиз кости был обращен вверх, а верхний – вниз. Во время падения конец кости с нижним эпифизом упал на человеческие останки, изменив свое первоначальное положение. Эпифизы на большой берцовой и пяточной костях – в не сросшемся состоянии. Относительный возраст животного – возможно, между 1–1.5 годами. На дорсальной и латеральной сторонах астрагала видны следы порезов, вероятно, образовавшиеся во время разделки животного.

Погребение 10 – детское. На дне могильной ямы обнаружены два поясничных позвонка и левая лопатка от взрослой особи барана (табл. 3). Позвонки лежали в центре ямы среди костей ребенка, к западу от них обнаружена лопатка. На ней зафиксированы следы снятия с нее мяса в виде продольных длинных порезов на ее медиальной стороне.

Погребение 20 – захоронение мужчины. С правой (западной) стороны от черепа погребенного располагалась вертикально стоящая левая большая берцовая кость барана (с астрагалом и пяточной костью, которые, видимо, до этого были в сочленении), не утратившая своего первоначального положения в могиле (табл. 3). Верхний эпифиз кости располагался снизу, а нижний – сверху. Кость была развернута задней стороной (местом сочленения с пяточной костью) на северо-восток. Кость располагалась на 25 см выше дна могильной ямы (рис. 2, 3). Эпифизы на большой берцовой и пяточной костях были уже полностью сросшиеся. Относительный возраст животного – старше 3–4 лет.

Погребение 24 – детское. В южной части надмогильной кладки между камней найдены 2-я пра-

Таблица 3. Кости животных из погребений 10, 20, 24, 46, 48 и 49 с каменной кладкой

Таксон	Количество	Элементы
Погребение 10		
<i>Ovis aries</i>	3	2 поясничных позвонка и левая лопатка от взрослой особи
Всего	3	
Погребение 20		
<i>Ovis aries</i>	3	Левые большая берцовая, астрагал и пяточная кости
Всего	3	
Погребение 24		
<i>Equus</i> spp.	1	2-я правая плюсна
Caprinae	1	Пясть новорожденной особи
Всего	2	
Погребение 46		
Artiodactyla	1	Поясничный позвонок небольшой особи
Caprinae	1	Поясничный позвонок (со следами разделки на вентральной стороне)
Caprinae	2	Правые большая берцовая кость и пяточная кость от особи в возрасте между 1–1.5 годами
<i>Ovis aries</i>	1	Астрагал
Всего	5	
Погребение 48		
Caprinae	2	Левые большая берцовая кость и пяточная кость животного, возможно, между 1–1.5 годами
Всего	2	
Погребение 49		
Caprinae	3	3 последних поясничных позвонка
<i>Ovis aries</i>	4	Левая большая берцовая кость с астрагалом, пяточной костью и коленной чашечкой от животного в возрасте между 1–1.5 годами
<i>Ovis aries</i>	1	Правая лопатка от особи в возрасте между 6–12 мес.
Всего	8	

вая плюсна лошади и правая пясть представителя семейства коз и овец (табл. 3). Плюсна лошади – с видимыми следами от долгого нахождения на поверхности земли (эрозия). Пясть Caprinae принадлежала только что родившейся особи.

Погребение 46 – детское. Кости животных обнаружены в могильной яме (табл. 3). Астрагал барана и поясничный позвонок Caprinae (со следами разделки на вентральной стороне) найдены в верхней части ямы. Правые большая берцовая и пяточная кости Caprinae и фрагмент еще одного поясничного позвонка небольшого парнокопытного зафиксированы на дне ямы. Судя по состоянию сроста эпифизов на большой берцовой и пяточной костях, они принадлежали животному в возрасте между 1–1.5 годами.

Погребение 48 – женское захоронение. Левые большая берцовая и пяточная кости Caprinae найдены в северо-западной части ямы (табл. 3). Берцовая кость сохранила свое первоначальное положение в могиле. Она установлена вертикально у стенки

ямы нижним эпифизом вверх. Эпифизы на большой берцовой и пяточной костях в не сросшемся состоянии. Относительный возраст животного – возможно, между 1–1.5 годами (состояние дистального эпифиза).

Погребение 49 – захоронение ребенка. Кости барана обнаружены в могильной яме возле колоды, в которой находились останки погребенного. В изголовье колоды у северо-западного угла найдена вертикально стоящая левая большая берцовая кость барана (с астрагалом, пяточной костью и коленной чашечкой, которые, видимо, до этого были в сочленении). Она располагалась верхним эпифизом вниз. Нижний эпифиз кости располагался вверху, на 3 см ниже, чем верхний край колоды. У северо-восточного угла колоды найдена правая лопатка барана. Плечевой сустав лопатки располагался вверху, дорсальной стороной она была развернута к колоде. За лопаткой с северной стороны в землю был воткнут нож. Под колодой в анатомическом порядке располагалось три поясничных позвонка Caprinae. Кости барана – как минимум, от двух особей: сочленение

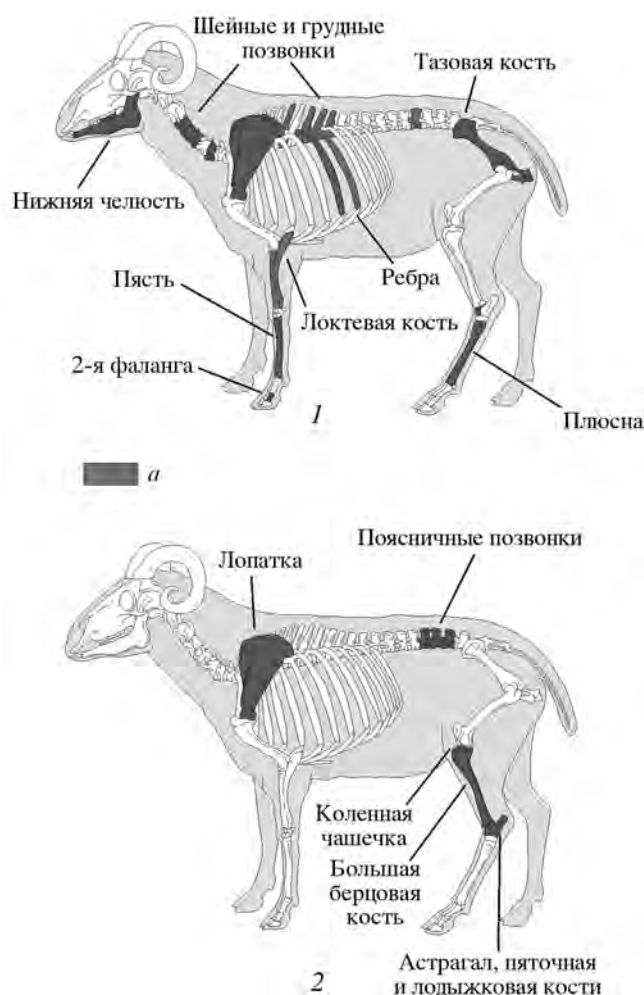

Рис. 4. Кости барана из могильника Окошки I. 1 – из кургана и среди камней кладок; 2 – из могильной ямы. Условное обозначение: а – элементы скелета.

большой берцовой кости от животного в возрасте между 1–1.5 годами (состояние сроста эпифизов); лопатка принадлежала барану, вероятно, возрастом между 6 и 12 мес. (еще видна линия сроста головки).

В 69% захоронений XIII–XIV вв. могильника Окошки I, раскопанных в 2009–2011 гг., зафиксированы кости животных (в 9 из 13). Лишь в погр. 13, 25, 29 и 47 они не были найдены. Возможно, их выбросили при разрушении захоронений. Кости животных найдены в курганной насыпи, среди камней кладок и непосредственно в могильной яме. По видовому составу животных и частей элемента скелета наблюдается несколько вариаций. Среди останков животных чаще всего встречаются кости барана. Они зафиксированы во всех могилах, где обнаружен остеологический материал. Тем не менее, если в могильных ямах присутствуют голень, лопатка, позвонки барана, то в заполнении курганной насыпи и кладках встречаются и другие

его части (рис. 4), а также кости дикой утки и таких животных, как лошадь и корова. Большая берцовая кость – наиболее часто встречаемый элемент скелета барана. Она присутствует в четырех захоронениях. К ним, вероятно, можно добавить большие берцовые кости из погр. 46 и 48, определенные до уровня семейства (Caprinae). Возможность того, что они принадлежат козе, очень мала. В археологической практике пока не зафиксированы случаи, когда в монгольских захоронениях имперского периода находили берцовые кости козы. Единный блок с берцовой костью составляли другие кости ноги. В шести погребениях – это пяточная кость, в пяти – астрагал, в одном – лодыжковая кость и в одном – коленная чашечка. Мелкие кости ноги при разделке туши барана оставались вместе с большой берцовой костью. Этот блок костей вместе с мясом и помещался в могилу. Ни в одном из захоронений на большой берцовой кости не зафиксированы порезы.

Следующей по частоте встречаемости частью бараньей туши в захоронениях был поясничный отдел позвоночника (филейная часть). Бараньи позвонки найдены в трех могилах. На одном из них отмечены следы разделки. В двух погребениях найдена лопатка барана. На лопатке из погр. 10 имеются следы отделения/очищения мяса от кости в виде параллельных порезов.

Помещение в захоронения могильника Окошки I частей туши барана имело, видимо, не только утилитарное значение – как источник пищи на том свете, но и какой-то сакральный смысл. Прежде всего это относится к помещению в могилу голени барана. Она располагалась справа от головы погребенного. В погр. 46 первоначальное положение большой берцовой кости барана установить не удалось из-за разрушения захоронения в древности. Верхним эпифизом кость была развернута вниз. Такое положение для ноги оказывалось более устойчивым, хотя не исключено, что это имело и символическое значение. Голень барана помещали или снаружи колоды (погр. 49), или снаружи каменного саркофага (погр. 2), но обязательно у северо-западного угла сооружения. При этом нижняя часть голени была приподнята над дном могильной ямы на 20–25 см (что предполагает наличие в этом месте специальной ступеньки) и находилась на уровне лицевого отдела черепа погребенного. Исключение составляет только погр. 49, в котором нога барана была установлена прямо на дно могильной ямы, но тем не менее все равно находилась на уровне лицевого отдела черепа ребенка.

Преимущественно в могилу помещалась левая голень молодых баранов в возрасте 1–1.5 лет, за ис-

Таблица 4. Расположение и количество костей барана в захоронениях Южного Забайкалья

Кости	Часть могильной ямы						
	СВ	С	СЗ	Центр	В	З	ЮЗ
Кибалино							
Берцовая Позвонки	4	1	2	2			
Санномыск							
Берцовая Позвонки Лопатка				1 1	1		
Селенгинский мост							
Берцовая Позвонки	1					1	
Субуктуй							
Берцовая Позвонки		1				1	
Варварина Гора							
Берцовая Позвонки			1	1 1			
Сухая падь							
Берцовая	2						
Оловянная							
Берцовая			1				
Солонцово							
Берцовая Позвонки				1	1		
Будулан							
Лопатка							1
Чиндант							
Берцовая	2	1				1	1
Малая Кулинда							
Берцовая	2						
Всего: Берцовая Позвонки Лопатка	11	3	4	1 3 1	2	2 2	1 1

ключением погр. 46 и 20. В первом случае в детском захоронении обнаружена правая голень барана. Во втором – найдена голень барана, возраст которого превышал 3 года. Этот факт в очередной раз подтверждает низкий социальный статус погребенного в могиле 20 мужчины. На это же указывают малые размеры надмогильной конструкции, небольшая глубина ямы, отсутствие деревянной внутримогильной конструкции и скудный сопроводительный инвентарь.

Обнаруженные в кладках и курганах могильника Окошки I остеологические материалы носят

разрозненный характер, не составляя костных блоков, служивших основой для той или иной части туши животного. В связи с этим высока вероятность того, что они попадали в надмогильную конструкцию не в момент ее сооружения, а на протяжении длительного периода. Тем более что зафиксированы они в надмогильных конструкциях разрушенных погребений и вполне могли быть оставлены грабителями. Поэтому значимость этих костей в реконструкции погребального ритуала монголов представляется несущественной.

В отличие от костей из надмогильных конструкций остеологические материалы, зафиксированные в могилах, представляют для исследования больший интерес. Среди них присутствуют только кости барана, при этом в большинстве случаев (шесть из семи) они представлены костями голени. В погр. 10 на дне могильной ямы отсутствуют кости ноги, а обнаружены лишь два поясничных позвонка и левая лопатка от взрослой особи барана. Это погребение было разрушено еще в древности, поэтому не исключено, что во время совершения погребального ритуала в него тоже была помещена голень барана, остатки которой были выброшены из могилы во время ограбления.

Во всех типах захоронений – под земляным курганом (№ 2), под каменным курганом (№ 5) и под плоской каменной кладкой (№ 20, 48, 49) – блок, состоявший из костей голени барана, располагался вертикально, справа от черепа погребенного на уровне лицевого отдела. Кость была установлена верхним эпифизом вниз. Ни социальный статус, ни пол, ни возраст погребенного не оказывали влияния на размещение голени барана в захоронении. Во всех могилах фиксируется однообразие в ее расположении.

Погребения с костями барана достаточно часто встречаются на некрополях Южной Сибири и Центральной Азии конца I – первой половины II тыс. Приведем несколько примеров подобных захоронений, ограничившись памятниками первой половины II тыс., раскопанными в южных районах Забайкалья. Для анализа воспользуемся материалами могильников Кибалино (Коновалов, Данилов, 1981); Санномыск, Селенгинский мост, Субуктуй, Варварина Гора, Будулан, Чиндант (Асеев и др., 1984. С. 34–56); Сухая падь (Махалов, 1930. С. 7); Оловянная, Солонцово (Ковычев, 1981); Малая Кулинда (Ковычев, Душечкина, 2004). Расположение костей барана, обнаруженных на этих некрополях, показано в табл. 4. При обозначении отдельных частей могильной ямы принималось во внимание, что могила ориентирована на север, как и находившийся в ней погребенный. В таблице учтены только те кости, которые сохранили свое первоначальное положение.

На основании приведенных примеров можно сделать предварительные выводы о частоте встречаемости костей животных в погребениях первой половины II тыс. на юге Забайкалья. На 6 могильниках (Кибалино, Санномыск, Варварина Гора, Будулан, Чиндант и Малая Кулинда) из 52 раскопанных комплексов в 23 обнаружены кости животных, что составляет 44%. При этом надо учитывать, что часть из указанных погребений оказалась ограбленной и кости животных могли быть извлечены

из них. В части комплексов останки человеческого захоронения вообще не зафиксированы, вероятно, эти сооружения имели какое-то иное функциональное назначение, возможно, были кенотафами.

Чаще всего в захоронениях встречается одна большая берцовая кость барана, но в двух случаях отмечено присутствие двух костей. В могиле из Сухой пади обе кости располагались слева от головы погребенного. В погр. 2 могильника Чиндант одна из костей находилась у плечевой кости с правой стороны, а другая – с правой стороны в ногах костяка. В большинстве случаев кость располагалась слева от черепа погребенного (11), реже справа (4) и сзади (3). В шести случаях большая берцовая кость барана находилась возле других частей человеческого скелета; позвонки барана чаще всего – в центре ямы (три), но иногда смещены к западной стенке; баранья лопатка один раз обнаружена в центре ямы и один раз в ее юго-западном углу.

Археологические материалы могильника Окошки I к настоящему времени – один из важнейших источников по культуре монголов имперского периода (XIII–XIV вв.). Полученные во время его исследования данные позволяют реконструировать погребальный ритуал монголов, относящихся к разным возрастным, половым и социальным группам. Один из важнейших элементов погребальной практики, фиксируемой на материалах некрополя, – помещение в могилу частей бараньей туши: голени, лопатки, поясничного отдела.

Голень, которая, вероятно, выполняла утилитарное и сакральное назначение располагалась вертикально, справа от головы покойника, верхней частью вниз. Частота встречаемости костей ноги барана в монгольских погребениях Забайкалья, в среднем, составляет около 50%. Примерно в 75% случаев их находят возле черепа погребенного и реже рядом с другими частями человеческого скелета. Расположение большой берцовой кости барана вблизи черепа можно рассматривать как свидетельство связи этих двух элементов погребальной практики. Если голова выступает как вместилище “души” (жизненной силы) человека при жизни, то берцовая кость – как ее хранилище и проводник после смерти. К сожалению, на данном этапе исследований сложно говорить о многих деталях ритуала, связанного с помещением ноги барана в захоронение. Во-первых, до сих пор во время раскопок многие элементы этого обряда не фиксируются. Во-вторых, даже самая четкая фиксация не сможет объяснить весь спектр сакральных представлений, существовавших в древних обществах и получивших свое отражение в погребальном ритуале.

Без проведения специальных исследований трудно судить, насколько широко был распространен на

территории Евразии в XIII–XIV вв. ритуал помещения в могилу голени барана: характерен ли он лишь для монгольских захоронений или был составной частью погребально ритуала других скотоводческих общностей. Установить это можно лишь после выделения комплекса элементов погребального ритуала всех групп номадов, заселявших в первой половине II тыс. территорию Южной Сибири и Центральной Азии. Начинать эти исследования логичней всего с территории Забайкалья, где происходило формирование монгольской культурно-политической общности, постепенно распространяя их на территории других регионов.

Различные этапы исследований могильника Окошки I выполнялись при финансовой поддержке грантов ДВО РАН № 12-I-П-33-03, 12-II-СО-11-031; госзадания Минобрнауки РФ № 6.2256.2011.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемов А.Р.* Новые исследования города монгольского хана Есунгу в Забайкалье (XIII–XIV вв.) // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай: Матер. междунар. конф. (Владивосток, 21–26 сентября 1998 г.). Владивосток: ДВО РАН, 2001. С. 253–265.
- Артемов А.Р.* Древнемонгольские города Восточного Забайкалья XIII–XV вв. // Динамизм людей, вещей и технологий на северо-востоке Азии в средние века. Т. 2. Владивосток: ДВО РАН, 2005. С. 11–30.
- Асеев И.В.* Прибайкалье в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. 149 с.
- Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В.* Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
- Баяр Д.* Исследование могил представителей золотого рода (на монг. яз.). Улан-Батор, 1999. 33 с.
- Зориктуев Б.Р.* Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит., 2011. 278 с.
- Именохоев Н.В.* Средневековый могильник у с. Енхор на р. Джиде (предварительные результаты исследования) // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. С. 108–128.
- Именохоев Н.В.* К вопросу о культуре ранних монголов (по данным археологии) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск: Наука, 1989. С. 55–62.
- Именохоев Н.В.* Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 23–48.
- Киселев С.В.* Город на реке Хирхира // Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. С. 23–58.
- Ковычев Е.В.* Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1981. С. 73–79.
- Ковычев Е.В., Душечкина Т.А.* Монгольские погребения Поононья (новые данные по погребальному обряду древних монголов) // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: Матер. XLIV Регион. археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. Кемерово: КемГУ, 2004. С. 256, 257.
- Коновалов П.Б.* Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск: Наука, 1989. С. 5–20.
- Коновалов П.Б.* Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. 214 с.
- Коновалов П.Б., Данилов С.В.* Средневековые погребения в Кибалино (Западное Забайкалье) // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1981. С. 64–73.
- Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 557 с.
- Кычанов Е.И.* Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. С. 136–148.
- Махалов А.И.* Древнее погребение из долины реки Чита. Чита, 1930. 17 с.
- Лхагвасурэн Х.* Монгольская археология (период Чингисхана) (на монг. яз.). Т. 1. Улан-Батор, 2007. 681 с.
- Нагай К.* Монеты, найденные в средневековых памятниках (на яп. яз.). Амагасаки: Об-во исследования кладов монет Хиого, 1994. 272 с.
- Окладников А.П.* Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов. М.: Вост. лит., 1958. С. 200–213.
- Павлуцкий А.* Краткое описание т.н. чудских древностей, имеющих вблизи Кличкинского серебро-свинцового рудника // Зап. СОРГО. Кн. 9–10. Иркутск, 1867. С. 475–507.
- Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.
- Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У.* Археологические памятники в бассейне реки Эгийн гол (на монг. яз.). Улан-Батор, 2003. 295 с.
- Хамзина Е.А.* Археологические памятники Западного Забайкалья (Поздние кочевники). Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1970. 140 с.

Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск: ИрГТУ, 2001. 198 с.

Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Монгольские погребения XIII–XIV вв. из Прибайкалья: общие и локальные черты // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. 2. СПб; М.; Вел. Новгород, 2011. С. 198, 199.

Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н., Номоконов А.А., Литвинцев А.Ю. Могильник Окошки в Юго-восточном Забайкалье: структурные особенности // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 3. Т. 2. Улан-Батор: Монг. гос. ун-т, 2012. С. 467–473.

Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н., Томор-Очир И., Литвинцев А.Ю., Луньков А.В. Погребальный ритуал населения Юго-Восточного Забайкалья во II тыс. н.э.: по материалам могильника Окошки // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2010. С. 247–250.

Danzeglocke U., Joris O., Weninger B. CalPal-2007^{online}. URL: <http://www.calpal-online.de/accesses> 2011-11-26.

Tamura J. The Legend of the Origin of the Mongols and Problem concerning the Migration // Acta Asiatica. 1973. V. 24. P. 1–19.

АБСОЛЮТНАЯ ГЕНЕРАЛИЗИРОВАННАЯ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ШКАЛА БАССЕЙНОВ РЕК ШЕКСНА И СУХОНА (1085–2009 гг.)

© 2014 г. А.А. Карпухин*, В.В. Мацковский**

*Институт археологии РАН, Москва (KarpuhinAA@iaran.ru)

**Институт географии РАН, Москва

Ключевые слова: дендрохронология, дендроклиматология, дендрошкалы, дендродаты, древесно-кольцевые хронологии, годовичные кольца.

The article presents the tree-ring chronology of the Sheksna and Sukhona river basins for the period from 1085 to 2009. It was based on the wood of living trees, architectural monuments and timbers from excavation at Kirillo-Belozersky monastery. There are sets of yearly growth of 109 samples in its structure. This is the first continuous and absolutely dated chronology of such duration on the European part of Russia which is tied to the modern age.

Исследования археологических памятников бассейнов рек Шексна и Сухона (Вологодская обл.) последних лет во многом позволяют детализировать представления о стратегии жизнеобеспечения, хозяйственном базисе и культурных традициях древнего населения региона (Макаров, Захаров, 2003; Захаров, 2004; Зайцева, 2008; Молчанов и др., 2008; Папин, 2008а; Васильева, 2009; Аверин и др., 2011; Завьялов, Терехова, 2012; Кашинцев, 2012). В то же время современное развитие археологии требует комплексного подхода и использования всего спектра данных естественных наук, широко применяемых в настоящее время (см. Борисов, 2010; Борисов и др., 2011; Ершова, Чернов, 2010; Долгих, 2012; Журбин, 2012; Коробов, Борисов, 2012; Федорина, 2012; Федорина, Красникова, 2012; Иванова и др., 2013).

На первых этапах своего развития в нашей стране дендрохронология рассматривалась как часть дендроклиматологии, занимающаяся составлением дендрохронологических шкал, абсолютным или относительным датированием как самих шкал, так и образцов древесины по этим шкалам (Вихров, Колчин, 1962. С. 100; Колчин, Битвинскас, 1972. С. 80; Колчин, Черных, 1977. С. 6–14). В последующие годы использование данных годовичных колец деревьев для решения разнообразных исследовательских задач вызвало появление большого количества узких терминов, призванных уточнить цели и задачи конкретных направлений, в том числе и “дендроархеологии”. По мнению ведущих отечественных специалистов, “подобное деление искусственно, так как любое исследование включает в себя хронологический раздел” и все эти направле-

ния относятся к сфере дендрохронологии (Шиятов и др., 2000. С. 15).

Дендрохронология уже давно заняла свое место в ряду естественно-научных дисциплин, данные которых широко применяются в археологии, однако за последние десятилетия в используемых ею методах произошли существенные изменения, остающиеся вне поля зрения археологов. Часто недостаточное знание методических подходов, внутренней логики построений дендрохронологических исследований влечет за собой непонимание требований, которые предъявляются к коллекциям древесины, или некорректную интерпретацию полученных результатов.

Для большинства археологов, особенно работающих со средневековыми материалами Европейской России, единственным методом сопоставления динамики погодичного прироста образцов древесины до сих пор остается метод полулогарифмических кривых, предложенный немецким дендрохронологом Б. Хубером и подробно изложенный в отечественной литературе (Вихров, Колчин, 1962. С. 107, 108; Колчин, Битвинскас, 1972. С. 88, 89; Колчин, Черных, 1977. С. 19–22). Действительно, в абсолютном большинстве публикаций, посвященных результатам дендрохронологических исследований археологических материалов этой территории, начиная с 1960-х годов и до наших дней упоминается именно данный метод. Такое положение вещей во многом объясняется спецификой именно “дендроархеологии”, поскольку главная ее задача — установление относительных или абсолютных календарных датировок образцов древесины из ар-

хеологических раскопок, а указанный метод позволяет исключить многие параметры годичных колец, несущественные для датировки. Однако эти параметры остаются востребованными для разработки других направлений дендрохронологии, а графическое представление материалов создает определенные трудности для их дальнейшего использования. В данном случае речь идет именно об использовании данных, которые могут быть извлечены из результатов измерений только ширины годичных колец. За рамками остаются такие характеристики радиального прироста древесины, как ширина ранней и поздней древесины. Кроме того, не затрагиваются площадные и плотностные характеристики погодичного прироста, получение которых требует проведения денситометрического анализа, данные, получаемые при изучении химического и изотопного состава древесины (подробнее см. Шиятов и др., 2000. С. 54–66).

В итоге, с одной стороны, затрудняется применение дендроданных, полученных по материалам из археологических раскопок, в других исследованиях, а с другой стороны, довольно сложным оказывается процесс привязки археологических дендрошквал к современности. Напомним, что к настоящему моменту ни одна из дендрошквал археологических памятников Европейской части России не привязана к ныне живущим деревьям (Черных, 1996; Карпучин, 2009). Все они получили свои календарные датировки путем перекрестного датирования между собой или по древесине архитектурных памятников, имеющих календарные даты (Колчин, 1963. С. 37–64; Черных, 1967. С. 130; 1972. С. 89, 90).

Несмотря на то что основные результаты дендрохронологических исследований материалов из раскопок и отдельных архитектурных объектов Вологодской обл. уже опубликованы (Черных, 1965, 1982; Черных, Карпучин, 2005, 2006а–в, 2008), новое обращение к этим материалам оказалось необходимым в связи с изучением климатической изменчивости на Европейской территории России с помощью косвенных методов индикации, проводимым в Институте географии РАН (Соломина и др., 2011). Основными задачами были как проверка полученных ранее датировок, так и построение максимально протяженной, привязанной к живым деревьям дендрохронологической шкалы, пригодной для абсолютного датирования материалов данного региона и исследований климатической изменчивости.

Обычно под термином “дендрошкала”¹ подразумевается “система синхронизированных и скор-

ректированных с помощью особых – визуальных и математических – приемов оценки годичных приростов у древесных пород. Последние выстраиваются при этом в хронологически строгую последовательную серию” (Черных Е.Н., Черных Н.Б., 2005. С. 21). Однако выбор той или иной методики влечет за собой изменение требований, предъявляемых к исследуемым материалам. В ходе работ авторы настоящей статьи отказались от метода полулогарифмических кривых и опирались на статистические параметры оценки корректности датировок (Holmes, 1983; *Methods of Dendrochronology* ..., 1990; Rinn, 1996). При этом дендрохронологическая шкала, или древесно-кольцевая хронология, представлялась в виде дискретного временного ряда, характеризующего изменчивость погодичного прироста и содержащего синхронизированные между собой усредненные ряды измерений ширины годичных колец отдельных образцов.

До 1999 г. в лаборатории Института археологии РАН (далее ИА) измерения ширины годичных колец проводились при помощи бинокулярного микроскопа, и их точность составляла 0.05 мм. С появлением полуавтоматической установки LINTAB она возросла до 0.01 мм. Кроме того, если в первом случае результаты измерений хранились в рукописном виде, то во втором сразу сохранялись в электронном формате Tucson rw1. Для приведения измерений к единому стандарту была разработана программа xls2rw1 (<http://paleoglaciology.org/ru/TreeRingLab/>), позволяющая переводить серии измерений из формата MS Excel в формат Tucson rw1.

Что касается примененных параметров оценки синхронности рядов погодичного прироста, то они далеко не единственные в обширном математико-статистическом аппарате, используемом в современных дендрохронологических исследованиях (*Methods of Dendrochronology*..., 1990). Выбор определенных способов сравнения и датирования во многом обусловлен использованием конкретно программного обеспечения.

При помощи программного пакета TSAP-Win Scientific (© 2002–2005 Frank Rinn, Heidelberg; <http://www.rinntech.com/Products/index.htm>; Rinn, 1996) осуществлялось визуальное совмещение графиков погодичного прироста образцов каждого комплекса (под комплексом подразумевается серия образцов одного сооружения, горизонта или раскопа). Результаты выполненной синхронизации проверялись показателями нескольких статистических коэффициентов: синхронности (*Gkl*, *Gleichlaufigkeit*), корреляции Пирсона (*CC*, *Cross Correlation*), индекса перекрестного датирования (*CDI*, *Cross-Dating Index*). Коэффициент *Gkl* (Huber, 1943; Eckstein,

¹В современных исследованиях употребляется термин “древесно-кольцевая хронология” (Ваганов и др., 1996; Шиятов и др., 2000), по сути являющийся синонимом, однако позволим себе использование более привычного для большинства археологов понятия “дендрошкала”.

Bauch, 1969) фактически представляет собой не что иное, как давно используемый в дендрохронологии показатель сходства или сходных интервалов (Cx), дающий процент совпадающих увеличений и уменьшений прироста для двух серий годовичных приростов (Колчин, Битвинскас, 1972. С. 88; Битвинскас, 1974. С. 64; Колчин, Черных, 1977. С. 22). Коэффициент корреляции Пирсона также показывает сходство двух древесно-кольцевых рядов, но его значение может быть завышено (увеличиваться без фактического увеличения сходства) при наличии возрастного тренда в обеих сериях годовичных колец. Индекс перекрестного датирования – интегральный показатель, рассчитываемый для двух серий ширины годовичных колец с учетом длины интервала пересечения на основе нескольких статистических параметров: коэффициента синхронности, коэффициента корреляции, t -статистики критерия Стьюдента для сглаженных и несглаженных серий (Baillie, Pilcher, 1973).

Полученные результаты относительной датировки образцов в рамках конкретного комплекса дополнительно проверялись при помощи программы COFESHA (Holmes, 1983), используемой для оценки результатов перекрестного датирования в Международном банке данных годовичных колец (ITRDB). Эта программа “разделяет” каждый древесно-кольцевой ряд на последовательные 50-летние сегменты таким образом, что каждый следующий сегмент включает в себя половину предыдущего (25-летнее взаимное перекрытие сегментов). Затем осуществляется расчет корреляции этого сегмента с мастер-хронологией в текущей позиции, 10 предыдущих и 10 последующих позициях со сдвигом в 1 год, и в случае наличия лучшей корреляции в другой позиции выдает предупреждение. В качестве мастер-хронологии в данном случае выступает усредненный ряд измерений, построенный по всем остальным образцам комплекса. Эта процедура позволяет выявить ошибки измерения и датирования, а также “ложные” и “выпавшие” кольца, т.е. те годы, в которые у дерева либо образовалось два кольца, либо не образовалось ни одного (возможно, лишь на части окружности кольца) (Шиятов и др., 2000. С. 44, 45). В результате для каждого древесно-кольцевого ряда датировку получают несколько его отдельных сегментов. Совпадение датировок нескольких сегментов подтверждает корректность датировки всего ряда.

Использование указанных критериев оценки в полной мере корректно только в том случае, если взаимное перекрытие сопоставляемых между собой образцов (а значит, и их биологический возраст) составляет не менее 100 лет. Применение

описанных программ и методик оценки корректности синхронизации рядов погодичного прироста повлекло за собой сокращение имеющейся выборки материалов по возрастным параметрам. Дендрохронологическое датирование коротких серий также возможно, однако требует привлечения дополнительной информации о принадлежности их к комплексу с более узкими хронологическими рамками. При отсутствии такой информации короткий образец может получить несколько различных датировок с близкими статистическими показателями.

Одна из проблем дендрохронологии при работе с материалами археологических и архитектурных памятников – неопределенность источников строительной древесины, а следовательно, и места произрастания деревьев. Как правило, предполагается, что древесина поступала из ближайшей округи. Для первоначальных этапов существования археологических памятников данное предположение, по-видимому, можно считать верным. Но с их развитием территория, поставляющая строительный лес, должна была расширяться. Кроме того, по крайней мере для средневековья стоит иметь в виду уже сложившиеся земельно-собственнические отношения, и, как следствие, формирование довольно сложных торгово-рыночных связей, влияющих на поступления строительного леса. В связи с этим большую роль играет один из важных принципов дендрохронологии – массовость или повторность (Колчин, Черных, 1977. С. 18, 19; Шиятов и др., 2000. С. 19), подразумевающий использование данных не одного, а максимально возможного количества деревьев, что позволяет нивелировать индивидуальные особенности прироста отдельных деревьев, выделяя при этом общую изменчивость.

Следование последнему условию требует рассматривать все многолетние древесные стволы в первую очередь в рамках групп или комплексов, формируемых по принципу хронологической, стратиграфической или конструктивной близости друг к другу исследуемых образцов. Причем если с памятниками архитектуры такая группировка осуществлялась достаточно просто: один объект (постройка) – один комплекс, то в “археологический” блок могли включаться образцы одного стратиграфического горизонта, шурфа или небольшого раскопа. В связи с этим огромную роль играл археологический контекст, подробность сопровождавшей дендроколлекцию документации, составленной авторами раскопок, и их консультации. Во многом такое усложнение логической конструкции вызвано тем, что далеко не все постройки представлены сериями многолетних образцов.

Дендрохронологические комплексы абсолютной генерализированной шкалы
бассейнов рек Шексна и Сухона (Вологодская обл.)

Код комплекса	Описание комплекса	Тип объекта отбора образцов (порода древесины – сосна)	Вероятная датировка последних годовичных колец	Тип образцов (количество)	Годы	Протяженность (лет)
kov	Коварзинское лесничество (Кирилловский р-н)	Живые деревья	2009 г.	Керны (15)	1786–2009	224
hra	Дом В.В. Храпова, д. Бор, Нюксенского р-на*	Памятник архитектуры	Конец XIX в.	» (12)	1719–1886	168
kor	Дом В.Н. Копылова, д. Коростелево, Сямженского р-на*	»	1881 г.	» (4)	1747–1863	117
tar	Дом И.И. Кочкина, д. Андреевская Тарногского р-на*	»	Вторая половина XIX в.	» (12)	1677–1844	168
cipinoet	Ц. Ильи Пророка в Цыпинском погосте (Кирилловский р-н)	»	1756 г.	» (11)	1574–1752	179
kir07all	г. Кириллов, раскопы 1, 2, 2007 г.	Археологический комплекс	XVIII–XX вв.	Спилы (3)	1544–1744	201
pkel	Поваренные кельи, или Хлебный домик**	Памятник архитектуры	1680–1685 гг.	» (5)	1533–1684	152
ysp99h4	Шурф 4, 1999 г. (Успенский монастырь), сваи укрепления стен ямы**	Археологический комплекс	XVII–XVIII вв.	» (2)	1547–1683	137
ysp94l	Шурф 4, 1994 г. (Успенский монастырь), сваи ледника**	Археологический комплекс	XVI–XVII вв.	» (3)	1529–1670	142
pbah	Сваи фундамента крепостной стены у Поваренной башни**	Памятник архитектуры	XVII в.	» (2)	1493–1627	135
kir69st	Сваи фундамента крепостных стен Успенского монастыря**	»	1523–1601 гг.	» (3)	1394–1566	173
c01a	Часовня Кирилла**	»	Не ранее 1397 г.	Керны (9)	1367–1560	194
kir04nas	Раскоп 3, 2004 г. (Новый город), настил**	Археологический комплекс	XV–XVI вв.	Спилы (2)	1319–1537	219
ysp11kol	Раскоп 14, 2011 г., ц. Епифания, колодезный сруб**	»	До 1645 г.	» (2)	1405–1516	112
kir00g	Шурф 3, 2000 г. (Тюремный двор), бревенчатый настил**	»	До 1510-х годов	» (2)	1401–1505	105
kir04s2	Раскоп 3, 2004 г. (Новый город), сруб 2**	»	XV–XVI вв.	» (5)	1320–1503	184
kir04s3	Раскоп 3, 2004 г. (Новый город), сруб 3**	»	»	» (2)	1287–1465	179
mon07zav	Раскоп 5, 2007 г. (Успенский монастырь), завал бревен**	»	»	» (8)	1130–1445	316
kbm08et	Раскоп 7, шурф 4, 2008 г. (Успенский монастырь), завалы бревен	»	»	» (4)	1118–1440	323
mon07sr1	Раскоп 5, 2007 г. (Успенский монастырь), сруб 1**	»	»	» (4)	1085–1436	352

*Архитектурно-этнографический музей Вологодской обл. “Семенково”.

**Кирилло-Белозерский монастырь.

После составления относительной хронологии рядов погодичного прироста каждого комплекса авторы переходили к сопоставлению этих комплексов между собой, опираясь на археологические и исторические данные об их абсолютной датировке. С помощью программного пакета TSAP-Win Scientific осуществлялось перекрестное датирование более раннего комплекса по более позднему, абсолютно датированному комплексу, при этом первый также получал абсолютную датировку. Полученные результаты дополнительно проверялись в программе COFESHA.

Необходимо упомянуть, что если образцы археологической древесины и одного памятника архитектуры, первоначальная обработка которых проходила в лаборатории ИА, были представлены поперечными спилами с бревен, то отбор образцов объектов, изучавшихся сотрудниками Института географии РАН (далее ИГ), осуществлялся при помощи возрастных буров путем высверливания радиальных кернов. В рамках данной работы было проведено построение усредненных рядов измерений для радиусов спилов или кернов от одного дерева, т.е. каждый древесно-кольцевой ряд отражал динамику погодичного прироста только одного древесного ствола².

Далее рассмотрим дендрохронологические комплексы, которые позволили составить данную древесно-кольцевую хронологию и, в ряде случаев, рассмотреть полученные календарные датировки в исторической ретроспективе. Приводимые условные названия комплексов соответствуют названиям файлов, содержащих измерения годичных колец конкретной серии образцов, для удобства обращения к древесно-кольцевым хронологиям как в уже вышедших, так и в последующих публикациях. Подробное описание комплексов см. в таблице.

Комплекс kov – единственная в исследованной выборке серия, полученная по 15 многолетним живым деревьям. В 2010 г. сотрудниками ИГ были

отобраны керны сосен в лесничестве Кирилловского р-на (географическое положение всех комплексов – рис. 1) и составлена древесно-кольцевая хронология протяженностью в 224 года (1786–2009 гг.).

Комплекс hra соответствует дому В.В. Храпова: 12 образцов древесины возрастом от 112 до 165 лет. Построенная плавающая шкала протяженностью в 168 лет получила абсолютную календарную датировку (1719–1886 гг.) по указанной выше хронологии живых деревьев. Дендродаты последних сохранившихся годичных колец распределяются в хронологическом диапазоне от 1872 до 1886 г.

Комплекс kop – четыре образца, отобранные с элементов дома В.Н. Копылова. Возраст древесных стволов – от 100 до 109 лет. Составленная древесно-кольцевая хронология протяженностью в 117 лет получила календарную датировку 1747–1863 гг. Любопытно, что на доске фриза водяного слива имеется надпись: “1881го: сеі домъ Васи́лія Копы́лова”. Полученные даты последних сохранившихся колец образцов – 1855, 1856 и 1863 (2 даты) гг. Выявленный разброс дат может свидетельствовать или об использовании в строительстве старой древесины, или о более раннем времени возведения постройки. В последнем случае дата 1881 г., по-видимому, может относиться к каким-либо ремонтам кровли.

Комплекс tar относится к дому И.И. Кочкина, датируемого, по-видимому, по стилистическим особенностям второй половиной XIX в. В комплекс вошли 12 древесных стволов возрастом от 105 до 168 лет. Крайние календарные точки составленной хронологии – 1677 и 1844 гг. Количественное и хронологическое распределение дат последних колец образцов (1827, 1828, 1837, 1840, 1842 – 2 даты, 1844 – 5 дат) позволяет определить время возведения постройки как середину 1840-х годов.

Комплекс cipinoet соответствует ц. Ильи Пророка в Цыпинском погосте. Из всей выборки изученных ранее материалов постройки (Черных, Карпухин, 2006в) отобраны ряды погодичного прироста 11 образцов возрастом от 103 до 179 лет. В результате составлена древесно-кольцевая хронология протяженностью в 179 лет, крайние точки которой – 1574 и 1752 гг. Дополнительная проверка, проведенная по материалам архитектурных памятников музея “Семенково”, полностью подтвердила правильность опубликованных ранее датировок. Отличает дендроматериалы данного памятника от остальных то, что календарные даты последних годичных колец всех образцов приходятся на один (1752) год. Напомним, что при реставрационных работах 2003–2004 гг. была обнаружена “закладная” монета 1755 г. Эти данные могут свидетельствовать о

² По требованиям Международного банка данных годичных колец (ITRDB) при размещении в нем исходных материалов составленных древесно-кольцевых хронологий один древесный ствол представляется, как правило, двумя рядами измерений, проведенных по двум радиусам спила или двум кернам (<http://www.ncdc.noaa.gov/paleo/treeinfo.html>). Такой способ представления данных часто практикуется и в современных трудах по дендроклиматологии, что позволяет другим исследователям самостоятельно проверить полученные результаты и преобразовать исходные измерения в любой другой формат, отвечающий целям и задачам новых работ. Тем не менее, поскольку данная публикация относится и к области “дендроархеологии”, авторы позволили себе отступить от этого правила во избежание путаницы при подсчете образцов, которая может повлечь за собой ошибки и недопонимание при указаниях на количество полученных дендродат и др.

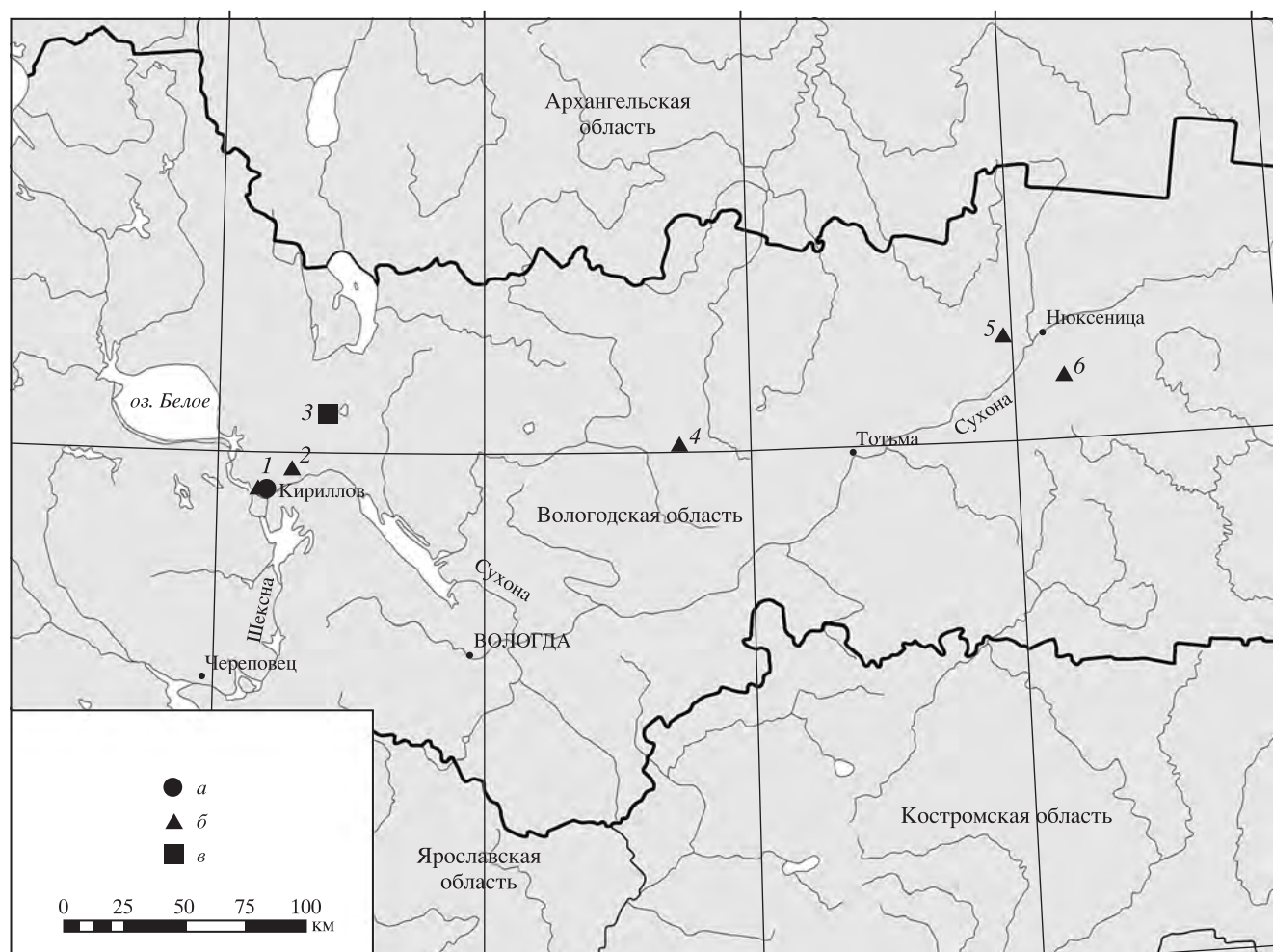

Рис. 1. Карта местоположения исследованных объектов. 1 – Кирилло-Белозерский монастырь; 2 – с. Цыпино; 3 – Коварзинское лесничество; 4 – д. Коростелево; 5 – д. Андреевская; 6 – д. Бор. Условные обозначения объектов отбора образцов: а – памятники археологии; б – архитектурные памятники; в – живые деревья.

предварительной заготовке строительного леса, использованного при возведении церкви, за 2–3 года до начала строительства.

Комплекс kir07all. При охранных археологических работах 2007 г. за пределами крепостных стен Кирилло-Белозерского монастыря, однако в непосредственной близости от них исследованы культурные напластования XVIII–XX вв. (Мокрушин и др., 2010. С. 46, 47). В процессе раскопок собрана коллекция древесины из восьми образцов, взятых с бревенчатых элементов колодца и завала бревен. Из них только три образца имели биологический возраст более 100 лет. Поскольку культурный слой, из которого происходила древесина, датирован авторами работ XIX в. (Папин, 2008б. С. 40, 41), вероятно, отобранные образцы из завала должны относиться к несколько более раннему времени, так как на бревнах завала имеются следы обработки, что позволяет предполагать их использование в ка-

ких-то предшествующих конструкциях. В результате была составлена древесно-кольцевая хронология протяженностью в 201 год. Разница между последними годовичными кольцами бревен составила 4 года, а последнее годовичное кольцо образца из колодца образовалось на 34 года позже. При попытке абсолютного датирования выявлена согласованность динамики погодичного прироста древесных стволов с серией образцов ц. Ильи Пророка. Крайние точки древесно-кольцевой хронологии – 1544 и 1744 гг. Таким образом, календарные даты последних сохранившихся колец бревен из завала – 1706 и 1710 гг., а колодца – 1744 г.

Комплекс pkel. Серия из пяти спилов возрастом от 127 до 148 лет, отобранных с деревянных свай фундамента Поваренных келий, или Хлебного домика Кирилло-Белозерского монастыря, была получена сотрудником НПО «Союзреставрация» Н.Ф. Сергеевой и передана в лабораторию ИА в

1987 г. По мнению ряда исследователей, постройка была возведена между 1680 и 1685 г. (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 11). Проверка относительной хронологии, составленной по данным образцам ранее (Черных, Карпухин, 2006б. С. 155.), позволила уточнить эту датировку. В результате оказалось, что последние кольца трех бревен сформировались в один год, еще одного – на год позднее и последнего – на 24 года ранее бревен основной группы. Составленная последовательность годовичных колец имеет протяженность в 152 года. Ее крайние точки – 1533 и 1684 гг. Абсолютные календарные даты последних колец исследованных образцов – 1659, 1683 (3 даты) и 1684 гг.

Комплекс usp99h4. Два спила с бревен-свай, служивших для укрепления стенок ямы на территории Кирилло-Белозерского монастыря, датированной авторами раскопок XVII–XVIII вв., ранее уже позволили составить группу с разбросом дат последних сохранившихся годовичных колец в три года. Проведенная проверка подтвердила правильность относительной датировки образцов. Протяженность составленной последовательности – 137 лет (1547–1683 гг.). Календарные даты последних колец (1680 и 1683 гг.) дали сдвиг на один год по сравнению с полученными ранее результатами (Черных, Карпухин, 2006б. С. 155).

Комплекс usp94l. Три образца свай, служивших для укрепления стенок ямы, интерпретированной авторами раскопок как ледник XVI–XVII вв., отобранные при исследованиях территории Успенского монастыря. В одной из работ указывалось, что конструкция представлена четырьмя образцами (Черных, Карпухин, 2006б. С. 155). Однако в процессе проверки данных выяснилось, что два спила отобраны с одного древесного ствола, в связи с чем для него был составлен один усредненный ряд годовичного прироста, но не по двум, а по четырем измеренным радиусам. Составленная последовательность имеет протяженность в 142 года при относительном разбросе дат последних колец от 2 до 15 лет. Их абсолютные даты (1655, 1668 и 1670 гг.), полученные путем перекрестного датирования по материалам комплексов rkel и usp99h4, отличаются на шесть лет от опубликованных ранее.

Комплекс pbah – два образца, отобранных в 1971 г. А.Н. Кирпичниковым со свай фундамента “внешней прикладки” крепостной стены у Поваренной башни, пристроенной, по мнению исследователей, при реконструкции стен в XVII в. (Подъяпольский, 1982. С. 213). Составленная последовательность имеет протяженность в 135 лет с относительным разбросом дат последних сохранившихся колец в 2 года (Черных, Карпухин, 2008. С. 234), абсолют-

ные календарные даты которых (1625 и 1627 гг.) при проведении дополнительной проверки полностью подтвердились.

Комплекс kir69st. Данные об этой серии образцов, отобранных с деревянных свай фундамента крепостной стены Успенского монастыря при проведении реставрационных работ в конце 1960-х годов, неоднократно публиковались (Подъяпольский, 1982; Черных, 1982; Черных, Карпухин, 2005). Несмотря на то что первоначальная выборка образцов гораздо внушительнее в количественном отношении, только три образца имеют возраст более 100 лет. По ним составлена последовательность протяженностью в 173 года. Хронологический разрыв между датами последних колец двух образцов – 7 лет. Третий образец был срублен спустя еще 59 лет. Такой значительный хронологический разброс объясняется, вероятно, вторичным использованием древесины при строительстве стен Успенского монастыря, отмеченным как при отборе образцов (Подъяпольский, 1982. С. 213), так и при дендрохронологическом анализе всей коллекции (Черных, 1982. С. 211). Полученные календарные даты последних колец этих образцов – 1498, 1505, 1566 гг.

Комплекс c01a. Деревянная часовня Кирилла на территории Кирилло-Белозерского монастыря, по преданию, была поставлена преподобным Кириллом Белозерским в 1397 г. (Никольский, 1897. С. 20, 64, 65). Существующее здание, по-видимому, более поздняя копия первоначальной часовни.

В 1980–1982 гг. Н.Ф. Сергеевой были проведены первые работы по дендрохронологическому датированию часовни, копия отчета о которых хранится в архиве Кирилло-Белозерского музея-заповедника. Выявлены два хронологических пласта: 30-х и 50-х годов XVIII в. (Сергеева, 1982. С. 11). Осуществленная впоследствии корректировка датировок двух многолетних образцов позволила уточнить календарные даты их последних сохранившихся колец – 1723 и 1760 гг. (Черных, Карпухин, 2006а. С. 160).

Дополнительный отбор и датирование образцов древесины часовни Кирилла были проведены сотрудниками лаборатории ИГ в 2012 г. Результаты этих работ позволили авторам выделить два строительных интервала: 1500–1515 и 1547–1556 гг. Судя по совпадению датировок последних колец двух образцов бревен стен (1556 г.), эта дата может быть порубочной, а зима 1556–1557 гг. – временем заготовки древесины для основной части строения. Возможно, что во время строительства (ремонта?) часовни в 1557 г. для укладки первых двух венцов были использованы хорошо сохранившиеся бревна какой-то более ранней постройки 1500–1510-х го-

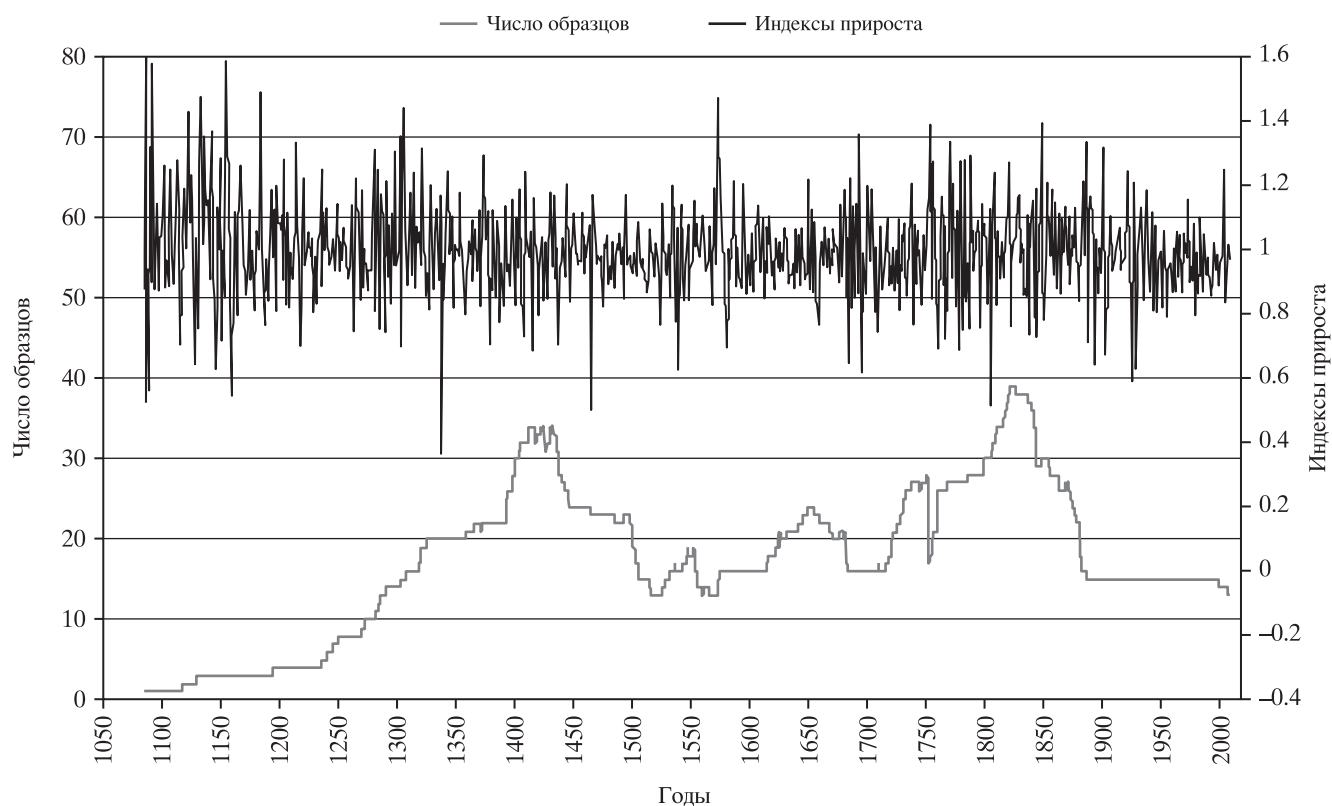

Рис. 2. Количественные и качественные характеристики абсолютной генерализированной дендрошкалы бассейнов рек Шексны и Сухона.

дов. Потолочные балки имеют довольно широкий интервал датировки (1496–1537 гг.), что, вероятно, объясняется подтесом (и соответственно утратой внешних колец) бревен при изготовлении этих элементов. Дверь была сделана позднее, чем часовня, – после 1560 г. Точное время ее изготовления нельзя однозначно определить из-за возможной потери большого числа внешних колец при заготовке доски (Мацковский, 2012).

На базе девяти образцов древесины из сборов 2012 г. возрастом от 104 до 188 лет удалось составить последовательность годовичных колец, крайние точки которой – 1367 и 1560 гг.

Комплекс kir04nas. Два спила (возрастом 179 и 212 лет) с плах настила, выявленного в культурном слое XV–XVI вв. в Тюремном дворе Нового города Кирилло-Белозерского монастыря (Папин, 2005. С. 26), позволили составить последовательность годовичных колец протяженностью в 219 лет. Разрыв в датах последних колец составил 7 лет (1530 и 1537 гг.).

Комплекс usp11kol. Два спила, полученные с бревенчатых стенок колодца, вскрытого под фундаментом ц. Епифания постройки 1645 г. (Киричников, Хлопин, 1972. С. 104) при археологических

исследованиях 2011 г., позволили составить последовательность годовичных колец протяженностью в 112 лет. Разница в датах последних колец составила один год. Стратиграфически данная конструкция предшествовала зданию церкви и должна датироваться временем до 1645 г. Календарные даты внешних колец образцов – 1515 и 1516 гг.

Комплекс kir00g. При охранных работах на территории Тюремного двора Нового города Кирилло-Белозерского монастыря 2000 г. в культурном слое XV–XVI вв. вскрыта деревянная конструкция, интерпретированная авторами раскопок как настил. Два из четырех образцов древесины имели возраст более 100 лет. Протяженность составленной по ним последовательности годовичных колец – 105 лет. Под бревнами этого настила в половинке болгарской чашки был найден “кладик” из 5 монет-чешуек. По мнению П.Г. Гайдукова, данный клад мог отложиться в 1510-х годах. Таким образом, если интерпретировать находку монет именно как клад, то сооружение конструкции следует относить к несколько более раннему времени. Абсолютные даты последних колец образцов – 1504 и 1505 гг.

Комплекс kir04s2. Пять образцов возрастом от 104 до 181 года отобраны с венцов сруба из слоев

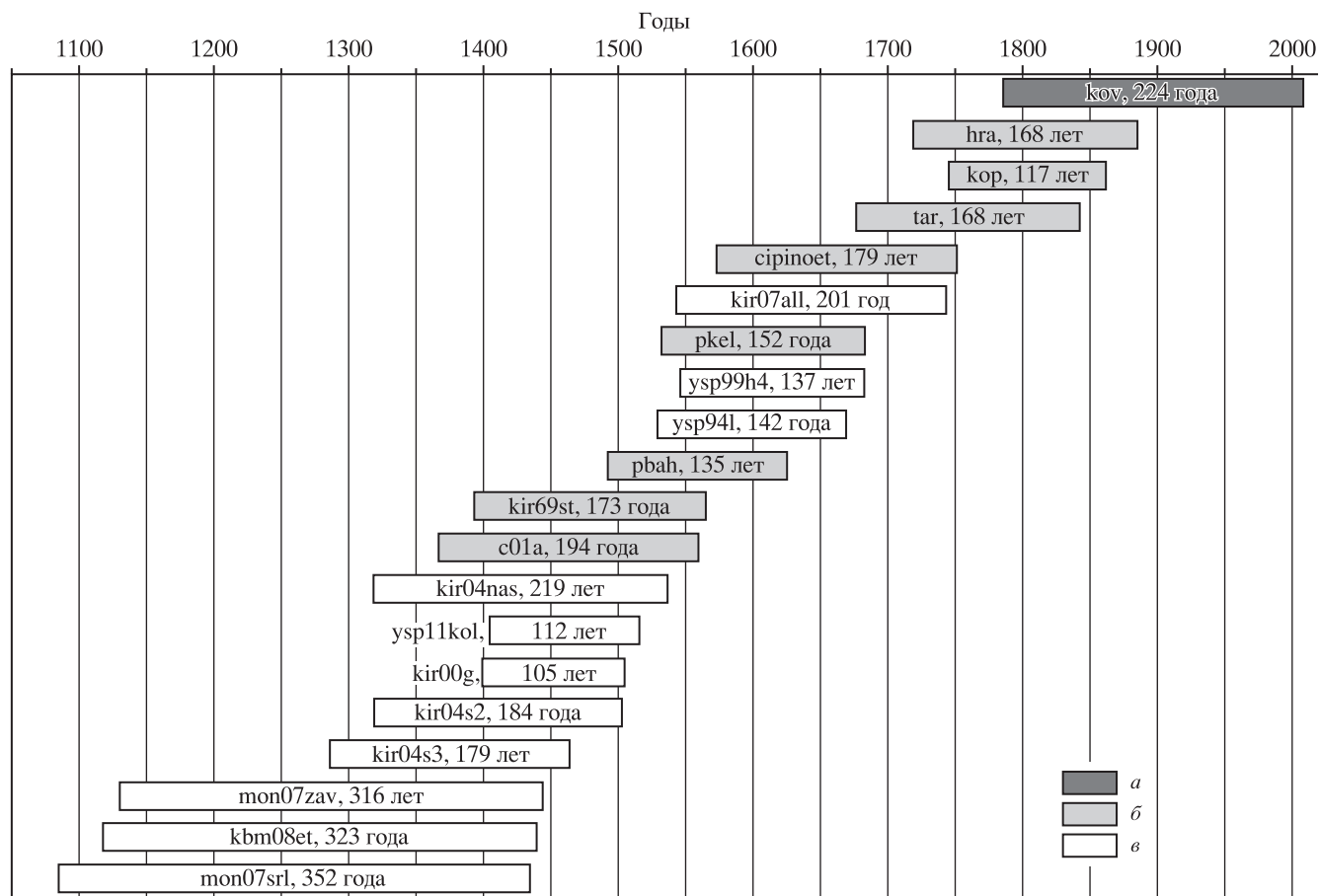

Рис. 3. Протяженность абсолютно датированных последовательностей годовичных колец (комплексов) абсолютной генерализированной шкалы бассейнов рек Шексна и Сухона. Условные обозначения: *a* – живые деревья; *b* – архитектурные памятники; *v* – памятники археологии.

XV–XVI вв. (Папин, 2005. С. 27). По ним удалось составить последовательность годовичных колец протяженностью в 184 года. Максимальный разрыв в календарных датах последних колец – 18 лет. Анализ хронологического распределения всей серии дат (1485, 1500 – 2 даты, 1501 и 1503 гг.), по-видимому, позволяет предположить, что данная конструкция сооружена в самом начале XVI в.

Комплекс *kir04s3*. Два образца возрастом 160 и 175 лет отобраны с венцов сруба из слоев XV–XVI вв. (Папин, 2005. С. 27). Протяженность составленной древесно-кольцевой хронологии – 179 лет. Хронологический разрыв в календарных датах последних колец – 19 лет (1446 и 1465 гг.).

Комплекс *mon07zav*. Серия из восьми образцов возрастом от 117 до 316 лет получена с завала бревен со следами вторичного использования, выявленного в слоях XV–XVI вв. (Папин, 2008б. С. 9, 10) около “Домика келаря”. Составленная последовательность годовичных колец имеет протяженность в 316 лет. Максимальный разрыв в датах последних колец – 74

года (1371–1445 гг.). Любопытно, что датировки шести древесных стволов укладываются в хронологический диапазон 1433–1445 гг. Возможно, это свидетельствует о некоторой строительной активности на данной территории в конце первой половины XV в.

Комплекс *kbm08et*. Четыре образца возрастом от 135 до 310 лет отобраны с двух завалов бревен, располагавшихся в непосредственной близости друг от друга в культурном слое XV–XVI вв. Протяженность составленной последовательности годовичных колец – 323 года. Максимальный хронологический разрыв в датах последних колец – 23 года. Абсолютные календарные даты – 1407 (2 даты), 1427 и 1440 гг.

Комплекс *mon07sr1*. Четыре образца возрастом от 132 до 352 лет отобраны с рязевого сруба, поставленного на материковый суглинок. Заполнение сруба датировано XV–XVI вв., однако бревна на торцах имеют “лапы” для наращивания их в длину, что, по-видимому, свидетельствует об их вторичном использовании (Папин, 2008б. С. 10). Составленная последовательность годовичных колец имеет про-

тяженность в 352 года. Хронологический разброс дат последних колец образцов (1425, 1427, 1436 и 1437 гг.) также может указывать на вторичное использование древесины, первоначально происходящей из двух различных построек, возводившихся с интервалом около 10 лет.

Таким образом, итогом работы стало создание непрерывной древесно-кольцевой хронологии протяженностью в 925 лет, охватывающей период с 1085 по 2009 г. (рис. 2). В ее состав вошли серии годовичного прироста 109 образцов древесины, отобранных как с живых деревьев, так и с элементов архитектурных памятников и построек, выявленных при археологических исследованиях Кирилло-Белозерского монастыря (рис. 3). Немаловажно и существенное географическое удаление отдельных объектов друг от друга, достигающее порой 300 км (рис. 1). Данный факт позволяет рассматривать полученную последовательность годовичных колец как генерализированную хронологию второго порядка, характеризующую динамику годовичного прироста древесины одного вида (сосна), произрастающей в различных условиях местообитания (Шиятов и др., 2000. С. 17).

Дополнительная проверка датировок осуществлена путем сопоставления полученной древесно-кольцевой хронологии с материалами Соловецкой (1187–2008 гг.) (Соломина и др., 2011) и Финской³ (559–1984 гг.) дендрошкал. При этом более высокая степень сходства динамики годовичного прироста отмечена при ее сравнении с финскими материалами. Кроме того, хронологический отрезок XIII–XIV вв. полученной авторами дендрохронологической шкалы проверялся по выборке из 11 многолетних образцов древесины 3-го и 4-го ярусов мостовой Козьмодемьянской ул. из Неревского раскопа Великого Новгорода (Колчин, 1963), охватывающей период 1178–1427 гг. Результаты выполненных сопоставлений полностью подтвердили корректность полученных датировок.

Выражаем глубокую благодарность сотрудникам НПЦ “Древности Севера” (г. Вологда), Кирилло-Белозерского музея-заповедника и лично И.В. Папину за помощь и содействие в настоящей работе.

Исследование частично поддержано грантами Президента РФ МК-7354.2013.5, РФФИ № 13-06-12033 офи_м и программой фундаментальных исследований Президиума РАН (программа № 4, проект 3.15).

³ Дендрошкала составлена из объединенных данных по живым деревьям (finl001) и погребенной древесине (finl034) из Международного банка древесно-кольцевых данных ITRDB (<http://www.ncdc.noaa.gov/paleo/treering.html>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверин В.А., Рыкунов А.Н., Рыкунова И.И. Мезолитический слой поселения Усть-Шексна в Ярославской области // РА. 2011. № 2. С. 97–102.
- Битвинская Т.Т. Дендроклиматические исследования. Л.: Гидрометеониздат, 1974. 172 с.
- Борисов А.В. Природные процессы в формировании заполнения котлованов средневековых построек // РА. 2010. № 3. С. 119–129.
- Борисов А.В., Мимоход Р.А., Демкин В.А. Палеопочвы и природные условия южнорусских степей в посткатакомбное время // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 144–154.
- Ваганов Е.А., Шиятов С.Г., Мазепа В.С. Дендроклиматические исследования в Урало-Сибирской Субарктике. Новосибирск: Наука, 1996. 246 с.
- Васильева Н.Б. Комплексные исследования мезолитических стоянок Молого-Шекснинского междуречья и Сухонско-Кубенского бассейна // РА. 2009. № 2. С. 9–16.
- Вихров В.Е., Колчин Б.А. Основы и метод дендрохронологии // СА. 1962. № 1. С. 95–122.
- Долгих А.В. Почвенно-геохимические исследования культурных отложений Великого Новгорода (Ильменский раскоп) // РА. 2012. № 3. С. 143–148.
- Ершова Е.Г., Чернов С.З. Природа и человек на водоразделах Радонежа в XIII–XVI вв.: методика корреляции спорово-пыльцевых данных (новые исследования Морозовского болота) // РА. 2010. № 3. С. 111–118.
- Журбин И.В. Особенности формирования оборонительных сооружений городища Иднакар (археолого-геофизические исследования) // КСИА. 2012. Вып. 226. С. 104–108.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Технологические инновации в кузнечном ремесле Белозерья // КСИА. 2012. Вып. 226. С. 255–266.
- Зайцева И.Е. Металлические украшения рук Мининского археологического комплекса // Сельская Русь в IX–XVI вв. / Ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М.: Наука, 2008. С. 275–287.
- Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индик, 2004. 592 с.
- Иванова М.Г., Журбин И.В., Кириллов А.Н. Оборонительные сооружения городища Иднакар: основные итоги междисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2 (54). С. 108–119.
- Карпунин А.А. Абсолютные дендрохронологические шкалы европейской части России // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 1 (39). С. 62–70.
- Кашиинцев А.Ю. Находки кузнечных изделий на средневековом поселении Крутик // РА. 2012. № 4. С. 111–118.

- Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Великая Государева крепость. Л.: Художник РСФСР, 1972. 255 с.
- Колчин Б.А. Дендрохронология Новгорода // МИА. М.: Наука, 1963. № 117. С. 5–103.
- Колчин Б.А., Битвинкас Т.Т. Современные проблемы дендрохронологии // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука, 1972. С. 81–92.
- Колчин Б.А., Черных Н.Б. Дендрохронология Восточной Европы. М.: Наука, 1977. 128 с.
- Коробов Д.С., Борисов А.В. О земледелии алан Кисловской котловины в I тыс. н.э. // РА. 2012. № 3. С. 50–62.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д. Накануне перемен: сельские поселения на Кубенском озере в XII – начале XIII века // Русь в XIII веке: Древности темного времени / Ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 131–150.
- Мацковский В.В. Дендрохронологическое датирование часовни Кирилла в Кирилло-Белозерском монастыре: отчет о НИР. Архив ИГ РАН. 2012.
- Мокрушин М.Л., Папин И.В., Аникина А.А., Кашицев А.Ю., Суворов А.В. Работы центра “Древности Севера” в Вологодской и Архангельской областях // АО 2007 / Ред. Н.В. Лопатин. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 45–47.
- Молчанов А.А., Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н. Раскопки раннесредневекового археологического памятника Усть-Шексна в 2005 году и клад саманидских монет X века // Сельская Русь в IX–XVI вв. / Ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М.: Наука, 2008. С. 308–218.
- Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625) Т. 1. Вып. 1. СПб.: Синодальная типография, 1897. 415 с.
- Папин И.В. Отчет об археологических исследованиях в Вологодской области в 2004 г. Архив ИА РАН. 2005. Р-1. № 24659.
- Папин И.В. Особенности формирования культурного слоя на территории Кирилло-Белозерского монастыря // Сельская Русь в IX–XVI вв. / Ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М.: Наука, 2008а. С. 222–229.
- Папин И.В. Отчет о работе экспедиции НПЦ “Древности Севера” в 2007 году (раскопки в Кирилло-Белозерском монастыре, в г. Кириллов Вологодской области и разведка на территории г. Сольвычегодска Архангельской области). Т. 1. Архив ИА РАН. 2008б. Р-1.
- Подъяпольский С.С. О датировке некоторых построек Кирилло-Белозерского монастыря на основе дендрохронологических исследований (к статье Н.Б. Черных) // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. II. М.: Стройиздат, 1982. С. 213–214.
- Сергеева Н.Ф. Дендрохронологическое датирование памятников архитектуры Кирилло-Белозерского музея-заповедника: отчет о НИР (заключительный). Лаборатория НИЦМ Всесоюз. специализир. реставрационного произв. объедин. “Союзреставрация”. Архив Кирилло-Белозерского историко-культурного и художественного музея-заповедника; Архив ВСРПО “Союзреставрация”. 1982.
- Соломина О.Н., Мацковский В.В., Жуков Р.С. Дендрохронологические “летописи” “Вологда” и “Соловки” как источник данных о климате последнего тысячелетия // Докл. АН. М.: Наука, 2011. Т. 439. № 4. С. 539–544.
- Федорина А.Н. Средневековые сельские поселения Суздальской земли по данным археологии и геофизики. Исследования 2008 г. // КСИА. 2012. Вып. 226. С. 77–86.
- Федорина А.Н., Красникова А.М. Средневековое поселение Большое Давыдовское 2 под Суздаlem // РА. 2012. № 4. С. 99–110.
- Черных Е.Н., Черных Н.Б. Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в современной археологии // Археология и естественнонаучные методы / Ред. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 9–42.
- Черных Н.Б. Абсолютная дендрохронологическая шкала древнего Белоозера // Археология и естественные науки. М.: Наука, 1965. С. 86–90.
- Черных Н.Б. Дендрохронология построек древнего Смоленска // КСИА. 1967. Вып. 110. С. 129–135.
- Черных Н.Б. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука, 1972. С. 93–112.
- Черных Н.Б. Результаты дендрохронологического изучения дерева из построек Кирилло-Белозерского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. II. М.: Стройиздат, 1982. С. 209–213.
- Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. М.: Нох, 1996. 216 с.
- Черных Н.Б., Карпухин А.А. Строительство каменных оборонительных сооружений “Старого города” Кирилло-Белозерского монастыря по данным дендроанализа // Археология и естественнонаучные методы / Ред. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 72–81.
- Черных Н.Б., Карпухин А.А. Застройка “Старого города” Кирилло-Белозерского монастыря по данным дендроанализа (Ивановский монастырь) // РА. 2006а. № 1. С. 157–163.
- Черных Н.Б., Карпухин А.А. Застройка “Старого города” Кирилло-Белозерского монастыря по данным дендроанализа (Успенский монастырь) // РА. 2006б. № 2. С. 89–97.
- Черных Н.Б., Карпухин А.А. Некоторые результаты дендрохронологического изучения древесины церкви Ильи Пророка в Цыпинском погосте (Вологодская обл., Кирилловский р-н) // КСИА. 2006в. Вып. 220. С. 127–134.

- Черных Н.Б., Карпунин А.А. Основные итоги дендрохронологического изучения древесины из культурного слоя Кирилло-Белозерского монастыря // Сельская Русь в IX–XVI вв. / Ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М.: Наука, 2008. С. 230–238.
- Шиятов С.Г., Ваганов Е.А., Кирдянов А.В., Круглов В.Б., Мазена В.С., Нурзбаев М.М., Хантемиров Р.М. Методы дендрохронологии. Ч. I. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации: Учебно-метод. пособие. Красноярск: Изд-во КрасГУ, 2000. 80 с.
- Baillie M.G., Pilcher J.R. A simple cross-dating program for tree-ring research // Tree-Ring Bull. V. 33. Tucson: Univ. of Arizona, 1973. P. 7–14.
- Eckstein D., Bauch J. Beitrag zur Rationalisierung eines dendrochronologischen Verfahrens und zur Analyse seiner Aussagesicherheit // Forstwissenschaftliches Bd. 88. H. 4. Hamburg: Centralblatt, 1969. S. 230–250.
- Holmes R.L. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // Tree-Ring Bull. V. 43. Tucson: Univ. of Arizona, 1983. P. 69–78.
- Huber B. Über die Sicherheit jahrringchronologischer Datierung // Holz als Roh und Werkstoff. Jg. 6. Nr. 10–12. Berlin; Heidelberg: Springer, 1943. S. 263–268.
- Methods of Dendrochronology. Applications in the environmental sciences // Eds E.R. Cook, L.A. Kairiukstis. Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Acad. publ., 1990. 394 p.
- Rinn F. TSAP, V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. 264 p.

НОВЫЕ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ НАХЧЫВАНА

© 2014 г. В.Б. Бахшалиев

*Нахчыванское отделение Национальной академии наук Азербайджана, Нахчыван
(velibahshaliyev@mail.ru)*

Ключевые слова: *Нахчыван, Кюльтепе I, Сираб, энеолит, поселения, расписная посуда, обсидиан, минералы меди.*

An archaeological research on the territory of Nakhchivan has revealed archaeological monuments concerning various periods of Nakhchivan history. However more research is needed to resolve the nature of the Neolithic culture in Nakhchivan and questions concerning the origin of Chalcolithic culture and Kura-Araxes. In Nakhchivan valley there is a multilayered settlement like Kültepe I, dated to the Neolithic and Chalcolithic periods, until now in the east part of Nakhchivan new monuments of this period have not been found. At the same time, numerous Chalcolithic settlements have been excavated in Sharur. The apparent lack of Chalcolithic sites especially in the western part of Nakhchivan raises certain questions. In Iranian Azerbaijan in the vicinity of Julfa-Marand numerous Chalcolithic settlements have been located. The absence of similar sites in the east part of Nakhchivan is surprising. However the detection of new Chalcolithic monuments during the research near the Sirab village has shown that monuments of this period have not been investigated till now. The researches have revealed numerous pieces of pottery with chaff temper. The research during the recent years shows that Ubaid ceramics did spread to Nakhchivan, however the local traditions also developed. The researches of the monuments in the vicinity of Sirab show that this territory has been populated from an early period. The rich natural forage, abundant water, and the presence of numerous rocky ledges and caves created a favorable condition for the settlement. Finds of numerous splinters of obsidian queen cell of obsidians and also such minerals of copper as chalcocite and azurite during the survey show that the ancient people knew the environment well and used its mineral. Probably, the desire to reach raw materials encouraged the settlement of this area.

Исследованиями на территории Нахчывана выявлены археологические памятники, относящиеся к различным периодам истории. Однако некоторые проблемы, связанные с происхождением культур энеолита, полностью не разрешены. В долине р. Нахчыванчай известно многослойное поселение Кюльтепе I, слои которого относятся к неолиту и энеолиту. Западнее, на территории Шарурского района, обнаружены многочисленные энеолитические поселения, но в восточной части Нахчывана подобные памятники не были выявлены. Наличие энеолитических памятников в основном в западной части Нахчывана вызывало вопросы, однако исследование территории вблизи с. Сираб в восточной части региона показало, что памятники этого периода до последнего времени просто не были выявлены. На поверхности открытых в ходе разведывательных работ 17 памятников были собраны фрагменты сосудов энеолитического облика. Кратко охарактери-

зуем керамический подъемный материал эпохи энеолита из 8 поселений (рис. 1).

Поселение Зириджли расположено к северо-востоку от с. Сираб у подножия высокой горы. Нижняя часть склона горы террасирована, террасы засажены кустами барбариса (зиридж). Площадь распространения подъемного материала 0.36 га. Поселение разделено естественными оврагами на несколько частей. Нахождение здесь исключительно энеолитической керамики показывает, что поселение функционировало только в это время.

Керамические изделия из поселения в основном представлены обломками горшков и мисок (рис. 2, 3). Все они изготовлены из глины с примесью мякины (половы) и после обжига имеют красный, а иногда желтый цвет. Среди них большинство составляют горшки с отогнутыми венчиками (рис. 2, 1, 3–5, 9). Некоторые горшки имеют цилиндрическое горло (рис. 2, 6), у других горло немного вогну-

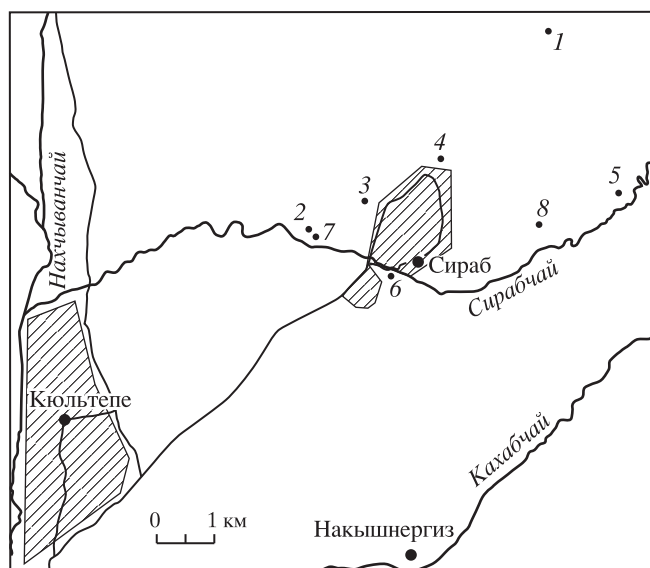

Рис. 1. Карта-схема расположения упоминаемых энеолитических памятников в районе с. Сираб: 1 – Зириджли, 2 – Шорсу, 3 – Юмру Сюрумчек, 4 – Гюней Агыл, 5 – Чай агзы, 6 – Гаратеппе, 7 – Сюрумчек, 8 – Тахчалы.

то (рис. 2, 5, 11; 3, 4). На краю венчика некоторых сосудов просверлено маленькое отверстие (рис. 3, 3, 5). Обнаружен также обломок сосуда с тремя отверстиями (рис. 3, 6). Один из горшков имел серый цвет; отогнутый наружу венчик украшен овальными углублениями (рис. 3, 1). Среди мисок – одна с отогнутым наружу венчиком и округлым корпусом (рис. 2, 2); вторая – с конусовидным корпусом и загнутым внутрь краем, ниже которого просверлено маленькое отверстие (рис. 3, 5); третья – с “цилиндрикоконическим” корпусом (вертикальные стенки переходят в коническую нижнюю часть, перегиб четко выражен) (рис. 2, 7), четвертая – округлая, с сужающейся к устью верхней частью (рис. 2, 8).

Поселение Шорсу расположено к западу от с. Сираб, на берегу засохшего ручья. Поселение охватывает поверхность маленького холма и его подножие. Площадь распространения подъемного материала 0.2 га. Керамические изделия изготовлены из глины с примесью мякины (половы), обожжены и имеют красный, а некоторые коричневый цвет.

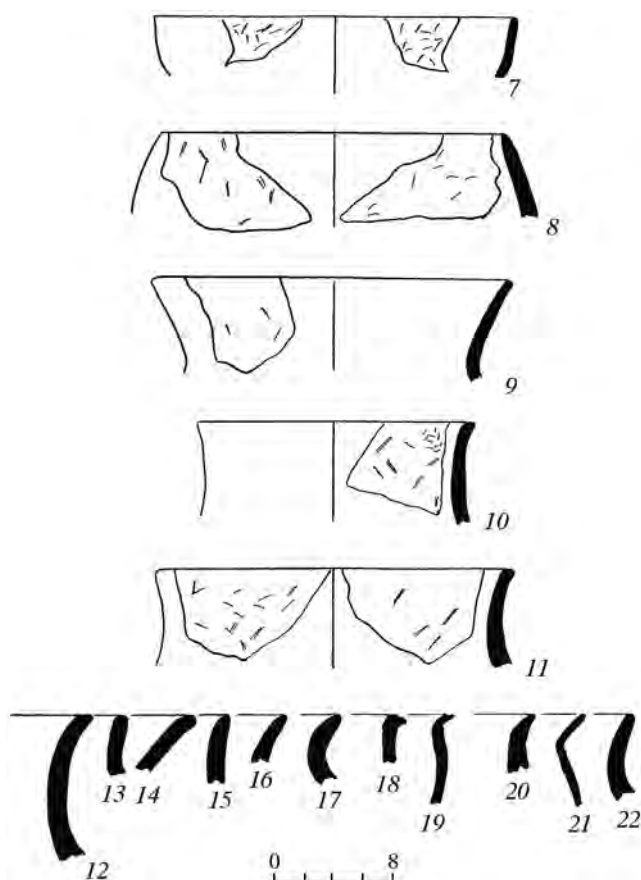
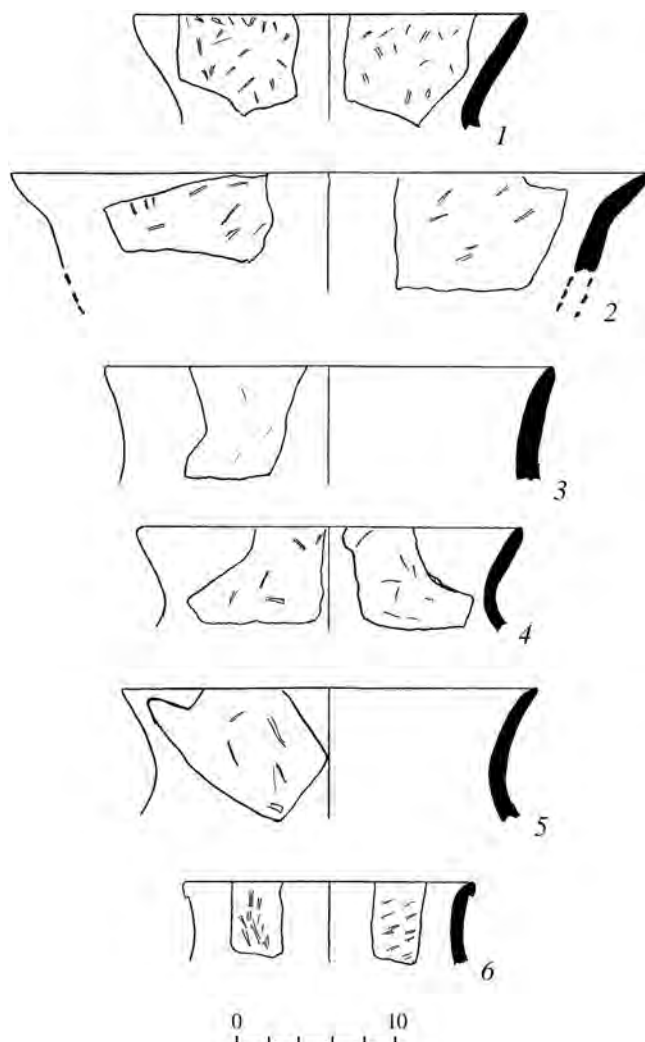

Рис. 2. Энеолитическая посуда из поселения Зириджли.

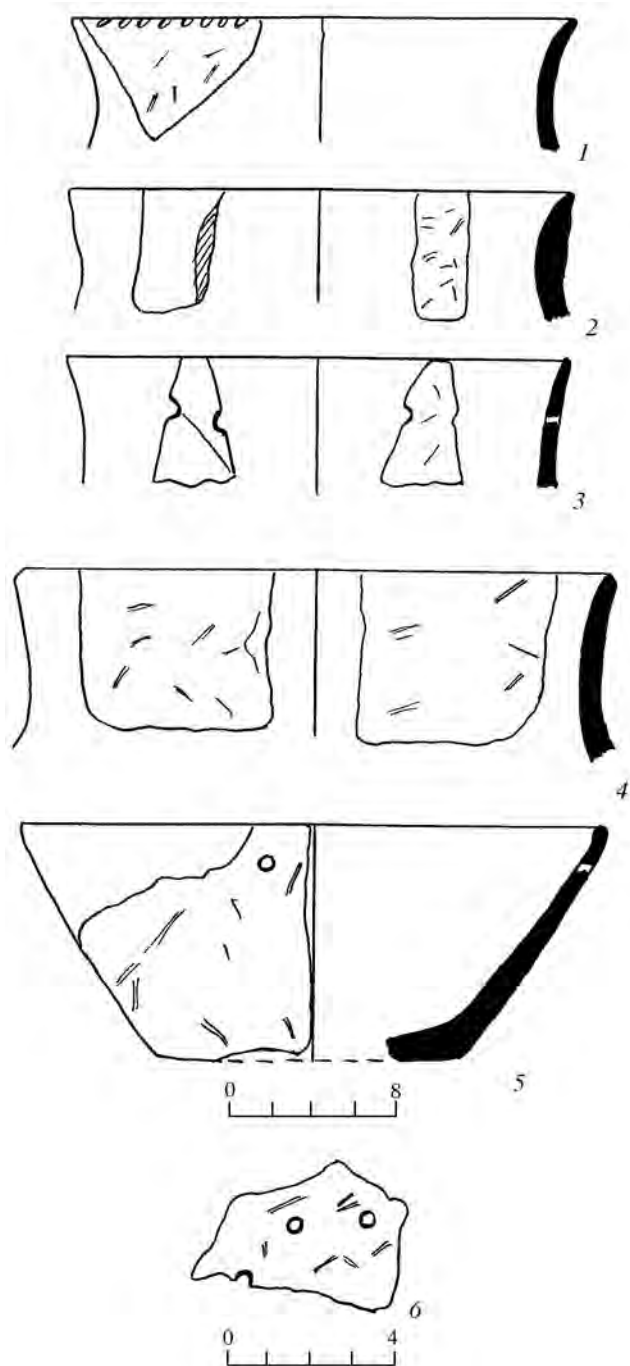

Рис. 3. Энеолитическая посуда из поселений: 1, 3–6 – Зиринджи; 2 – Чай агзы.

Керамические изделия представлены обломками горшков и мисок. Горшки – с отогнутыми венчиками (рис. 4, 1, 5), некоторые имеют цилиндрическое горло (рис. 5, 1). Плоское дно представлено одним экземпляром (рис. 5, 14). Большинство мисок имело “цилиндрикониический” (с выраженным перегибом стенки), некоторые – конический корпус (рис. 4, 2–4). На краю венчика двух мисок посверлены

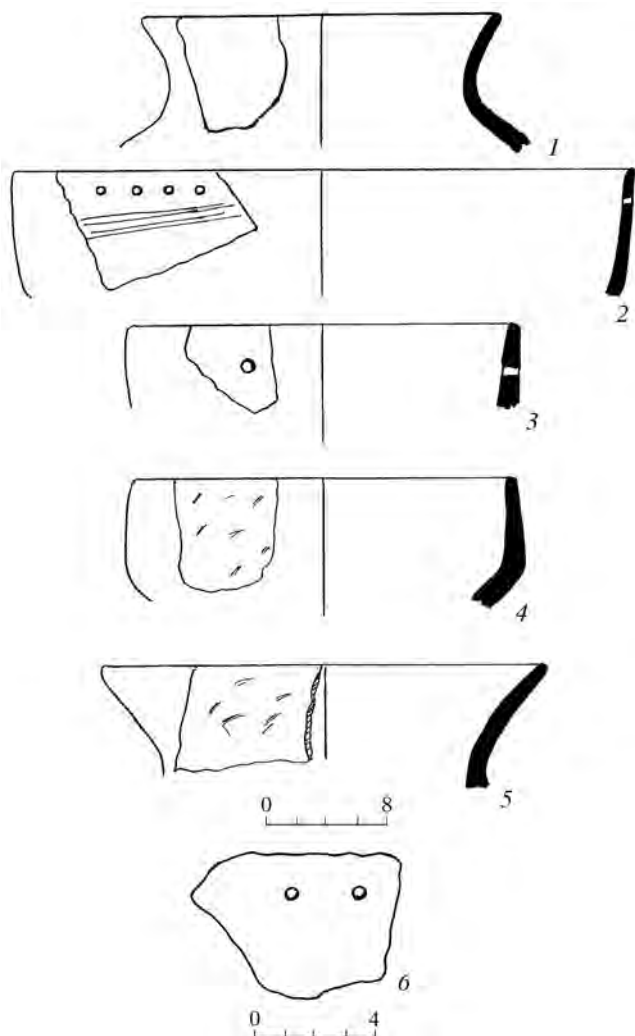

Рис. 4. Энеолитическая посуда из поселения Шорсу.

маленькие отверстия (рис. 4, 2, 3). Поверхность одного фрагмента украшена двумя углубленными параллельными линиями, расположенными ниже ряда из четырех маленьких отверстий (рис. 4, 2). Найдено также обломок стенки сосуда с двумя отверстиями (рис. 4, 6).

Поселение Юмру Сюрумчек расположено к западу от с. Сираб, на берегу р. Шорсу. Площадь распространения подъемного материала 0.1 га. Керамические изделия изготовлены из глины с примесью мякны (половы), обожжены, имеют красный цвет. Они представлены фрагментами горшков и мисок (рис. 6). Большинство находок представлено непрофилированными фрагментами стенок сосудов.

Поселение Гюней Агыл расположено к северу от с. Сираб на отроге горы, который тянется в сторону Нахчыванчайской долины. Присутствие многочис-

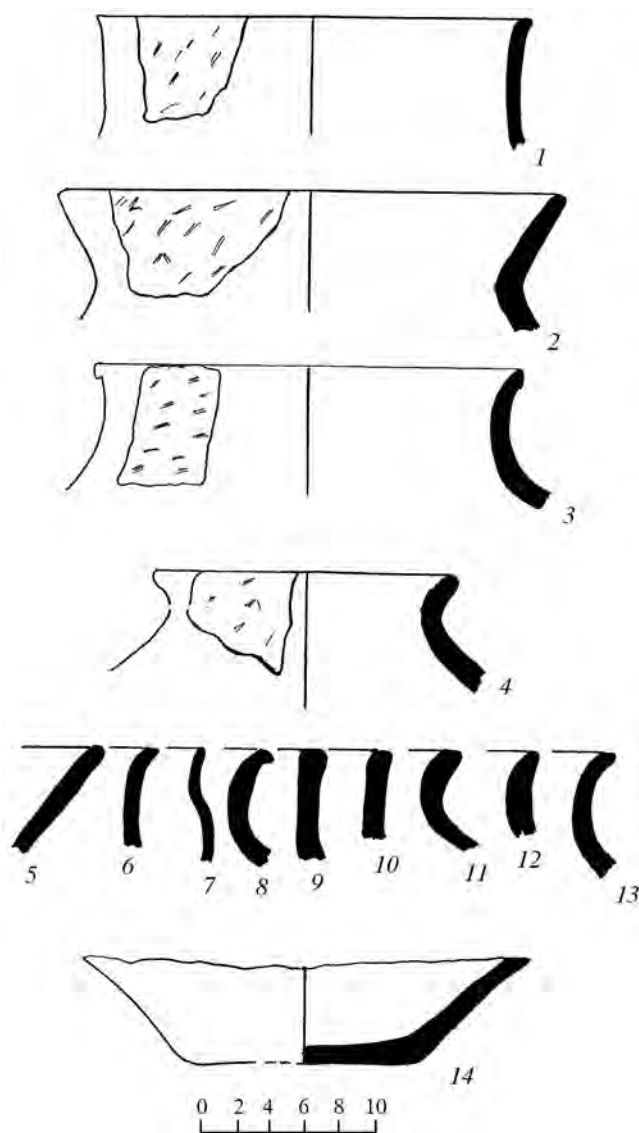

Рис. 5. Энеолитическая посуда из поселений: 1–4, 6–14 – Шорсу; 5 – Чай агзы.

ленных скальных убежищ создавало благоприятные условия для расселения здесь древних людей. Площадь распространения подъемного материала 0.3 га. Здесь выявлены культурные остатки различных периодов, в том числе и энеолитического.

Энеолитическая керамика представлена малым числом находок. Все сосуды были изготовлены из глины с примесью мякины (половы), внешняя и внутренняя поверхности их хорошо заглажены. Тем не менее на внутренней стороне и внешней поверхности некоторых сосудов сохранились следы половы. Горшки (2 экз.) с низким, несколько вогнутым внутрь горлом и отогнутым наружу венчиком. Обжиг коричневого цвета, внутри стенок сохранилась необожженная прослойка глины.

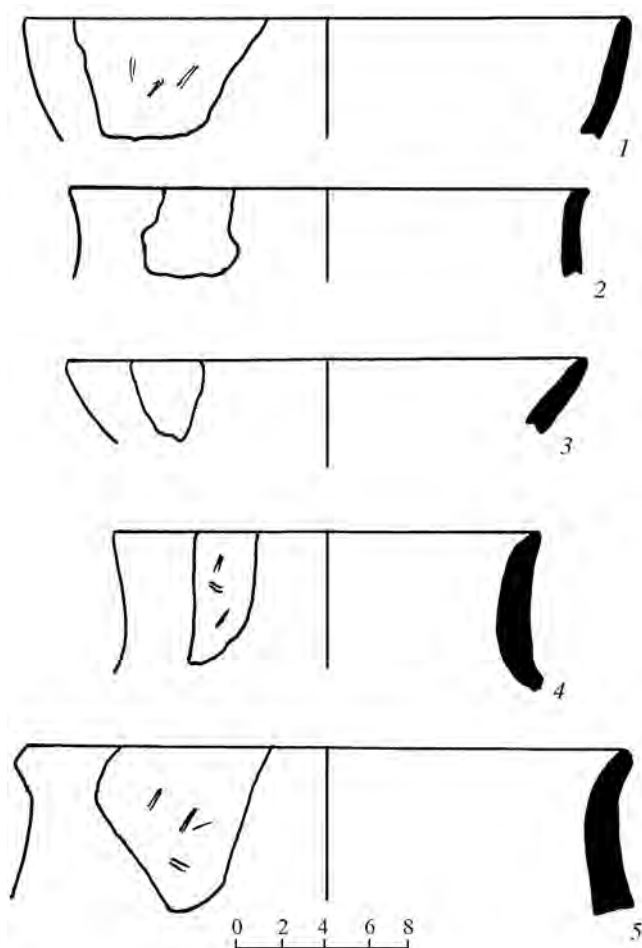

Рис. 6. Энеолитическая посуда из поселения Юмру Сюрумчек.

Среди находок – сосуды очень грубого изготовления из глины с примесью мякины (половы), обожженные до желтого цвета. На внутренней части некоторых фрагментов сохранились следы заглаживания гребенчатым инструментом.

Поселение *Чай агзы*, расположенное к востоку от с. Сираб, охватывает большой участок равнины и склон террасы засохшей реки. Площадь распространения подъемного материала 1.22 га. Керамика с примесью мякины (половы) обнаружена, главным образом, на склоне. В этой части поселения видны строения из камня, однако их форма в плане визуально не устанавливалась. Подъемный материал представлен, в основном, энеолитической керамикой, изготовленной из глины с примесью мякины (половы), обожженной до красного цвета. На некоторых фрагментах посуды внутри стенок сохранился слой необожженной глины. На поверхности одного из сосудов обнаружены следы гребенчатого инструмента.

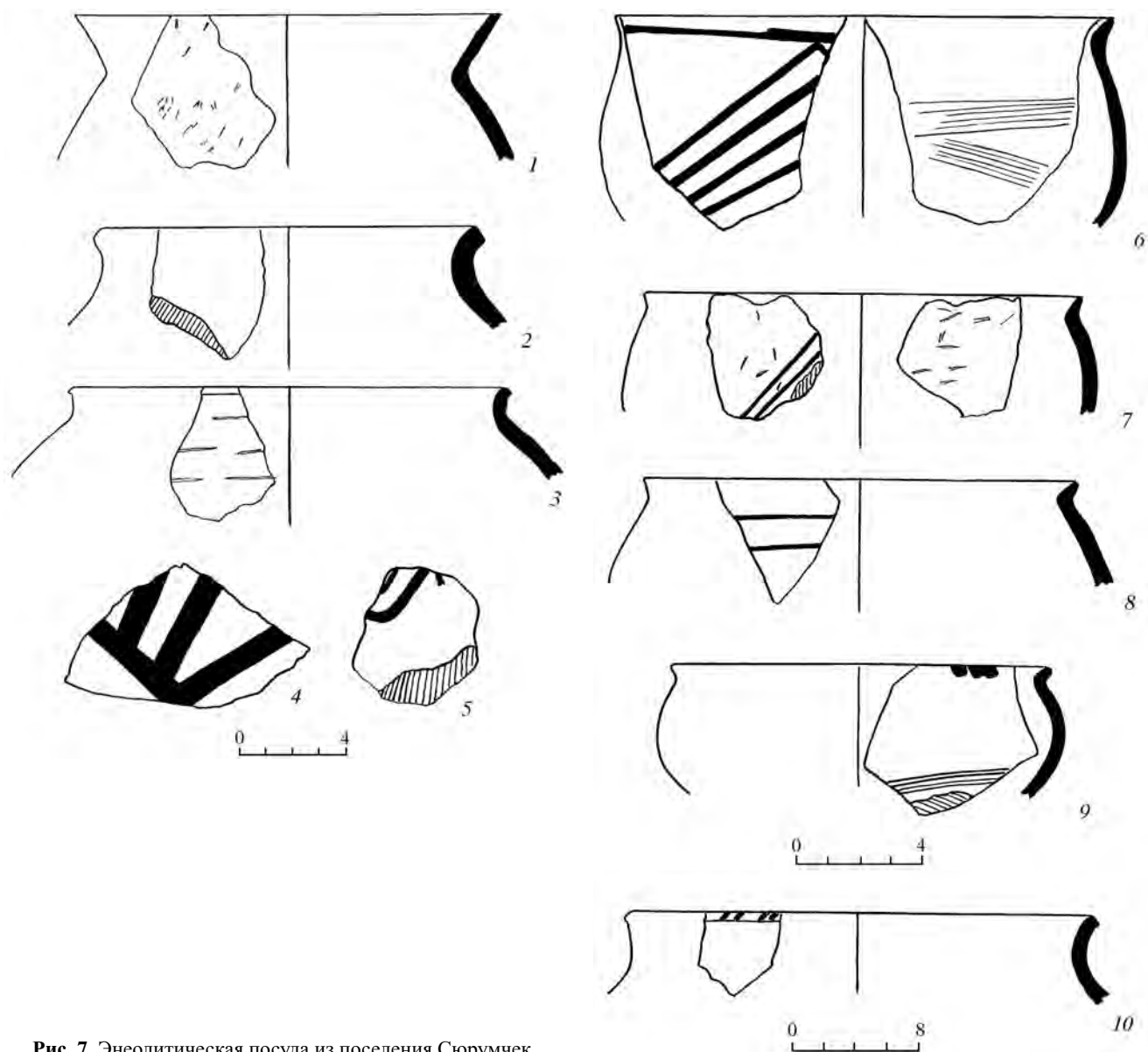

Рис. 7. Энеолитическая посуда из поселения Сюрмучек.

Поселение *Гаратепе* расположено к югу от с. Сираб у подножия горы. Поселение разделено естественным оврагом на две части. Большая часть поселения была разрушена во время строительства современной школы. В южной части поселения вырыт большой котлован, зачистка стенки которого позволила установить, что в этом месте толщина культурного слоя достигает 2 м. Из-за разрушений приблизительные размеры поселения не устанавливались. В основном подъемный материал относится к бронзовому веку, а часть – к энеолиту.

Керамические изделия энеолитического периода представлены обломками горшков и мисок, аналогичными вышеописанным из других поселений.

Поселение *Сюрмучек* расположено к западу от с. Сираб на высоком холме. Размер площади посе-

ления не установлен. Подъемный археологический материал относится к эпохам энеолита, бронзы и железа. Керамические изделия энеолитического периода обожжены до желтого, красного, коричневого, а иногда черного цвета, некоторые из них – с примесью мякины (половы) в тесте. Среди горшков – один тонкостенный, с высоким отогнутым прямым венчиком (рис. 7, 1). Еще один горшок изготовлен из глины с примесью мелкого песка (в отдельных местах видны также следы соломы), обожжен до желтого цвета (рис. 7, 2). Третий горшок – с примесью крупного песка в тесте, на поверхности и внутри сохранились следы гребенчатого инструмента (рис. 7, 3).

Некоторые образцы керамических изделий из поселения Сюрмучек расписные. Один из них пред-

ставлен фрагментом горшка, сделанного из глины с примесью песка, поверхность и внутренняя часть края венчика окрашены в красный цвет. Край венчика расписан черной краской (рис. 7, 10). Другой горшок имел роспись в виде широких черных линий по красному фону (рис. 7, 4). На поверхности одного из фрагментов также сохранились следы росписи черной краской (рис. 7, 5).

Другая группа сосудов энеолитического периода из этого поселения представлена мисками с невысоким отогнутым венчиком и округлым туловом. Одна из них, изготовленная из глины с примесью мякины (половы), имела залощенную поверхность. Ее стенки были украшены росписью коричневого цвета из косых параллельных линий (возможно, они заполняли обращенный вершиной вверх треугольник), спускающихся от горизонтальной линии, проведенной под венчиком; внутренняя часть края венчика окрашена в красный цвет. На внутренней поверхности сосуда сохранились следы гребчатого инструмента (рис. 7, 6). Вторая миска сделана из глины с примесью мякины (половы), тулово расписано косыми параллельными линиями черного цвета. На краю венчика сохранились следы красной краски, на внутренней поверхности видны следы гребчатого инструмента (рис. 7, 7). Третья миска, по форме сходная со второй, имела роспись на тулове в виде двух коричневых горизонтальных линий (рис. 7, 8). На ее внутренней поверхности также сохранились следы гребчатого инструмента. Венчик четвертой миски отогнут, край его округлен. Тулово сосуда с обеих сторон окрашено в коричневый цвет, на венчике, с внутренней стороны – следы росписи черной краской; на внутренней поверхности стенок – следы гребчатого орнамента (рис. 7, 9).

Поселение Тахчалы, расположено к востоку от с. Сираб, занимает подножие высокой горы. Размер памятника не установлен. На поселении найдена одна керамическая петлевидная ручка, характерная для горшков энеолитического периода Нахчывана и фрагменты горшков и мисок с примесью мякины (половы) в тесте.

Керамические изделия с примесью мякины, обнаруженные в памятниках Сираба, хорошо известны из других памятников Нахчывана: Кюльтепе I (Абибуллаев, 1982. С. 66–67), Седерек (Əliyev, 1985. С. 61–67), Овчулартепеси (Marro, Bakhchaliyev, Ashurov, 2009. Р. 48–54), Халадж (Seyidov, Baxşəliyev, 2010. С. 63–78), Ашагы Дашарк, Шорттепе и др. Посуда из памятников Сираба в большинстве случаев имела красный цвет (тип 1); реже встречаются фрагменты сосудов серого, коричневого и черного цветов (тип 2). На Кюльтепе I также в основном была распространена красная керамика, однако ке-

рамические изделия серого, коричневого и черного цвета также производились (Абибуллаев, 1982. С. 67). Коричневая и черная керамика присутствовала на поселении Халадж (Seyidov, Baxşəliyev, 2010. С. 63–78), где обнаружены и расписные образцы посуды этих цветов (Seyidov, Baxşəliyev, 2010. Foto 72). Керамические изделия коричневого и каштанового цвета были выявлены также в памятниках Муганской степи (Нариманов, 1987. С. 125). Исследования показывают, что оба вида керамики были продуктами местного производства.

Отметим, что керамические изделия с примесью мякины, иногда со следами гребчатого инструмента на поверхности, хорошо известны из памятников Азербайджана и Ближнего Востока. Однако на керамических изделиях Зириджли, Шорсу и Юмру Сюрмчек следы гребчатого орнамента пока не обнаружены. Миски, обнаруженные в Зириджли (рис. 2, 2), найдены и в Тюлинтпе. Аналогии другим мискам и горшкам происходят из памятников Южного Кавказа и Восточной Анатолии. Сосуды с выпуклыми (рис. 2, 8), коническими (рис. 3, 5) и цилиндроконическими корпусами (рис. 2, 7; 4, 2–4) известны из памятников раннего и среднего периодов энеолита: Кюльтепе I (Абибуллаев, 1982. Tabl. IX); Кечили (Нариманов, 1987. Рис. 35, 11); Беюк Кесик (Müseyibli, 2007. Tabl. XXIII); Иланлытепе, Тюлинтпе, Курбан Оюк, Сиони (Connor, Sagona, 2007. Pl. 4); Араташен (Palumbi, 2007. Fig. 2, 2, 4) и других памятников (Кушнарева, Чубинишвили, 1970. С. 41–50). Горшки с низким горлом и отогнутым венчиком, обнаруженные в поселении Чай агзы (рис. 3, 2), происходят также из поселений: Кюльтепе I (Абибуллаев, 1982. Tabl. IX, 1–4); Лейлатепе (Akhundov, 2007. Fig. 10, 7); Беюк Кесик (Akhundov, 2007. Fig. 16, 3); Яныгтепе (Burney, 1962. Р. 57–61; Кушнарева, Чубинишвили, 1970. С. 45. Рис. 17, 4); Догубеязит (Marro, Özfırat, 2005. Pl. VI, 4); Норшунтепе (Gülçur, 1988. Tabl. 15, 1; 55, 3; 66, 18); Арслантепе VII (Frangipane, 2000. Fig. 2, 22); Дегирментепе, Ханаго (Marro, 2007. Pl. V, 4); Сарыгюл (Marro, 2007. Pl. VIII, 5). Горшки с отогнутыми наружу венчиками известны из Норшунтепе (Gülçur, 1988. Taf. 64, 2) и Беюк Кесик (Müseyibli, 2007. Tabl. XIII, 4). Аналогии миске с конусовидным корпусом и закругленным краем венчика, которая в единственном экземпляре обнаружена в поселении Чай агзы (рис. 5, 5), известны из Овчулартепеси (Marro et al., 2009. Pl. XVI, 2, 3, 5), Яныгтепе (Burney, 1962. Р. 137; Burney, 1964. Р. 57; Кушнарева, Чубинишвили, 1970. Рис. 17, 1, 2); Геойтепе (Brown, 1951. Р. 21–22. Fig. 4, 5; Кушнарева, Чубинишвили, 1970. Рис. 16, 10); Беюк Кесик (Müseyibli, 2007. Tabl. I, 2–5); Лейлатепе (Нарима-

нов и др., 2007. Fig. IV, 21) и памятников Восточной Анатолии (Marro, Özfiat, 2005. Pl. II, 1–4).

Красноглиняная посуда с просверленными в стенках отверстиями была найдена на поселениях Зиринджли и Шорсу. Название “Сиони” для подобной керамики Южного Кавказа (Kiguradze, 2000. P. 321–325), вероятно, можно считать неточным. Близкие аналогии мискам, на краю венчика которых просверлены маленькие отверстия, известны из поселения Беюк Кесик (Müseyibli, 2007. Tabl. XXIII, 1–4). Сосуды с отверстиями на краю венчика и корпуса известны также из Кечили (Нариманов, 1987. Рис. 35, 1, 11); Халадж (Seyidov, Вахсəлиев, 2010. Şəк. 14, 4); памятников Южного Кавказа (Кушнарева, Чубинишвили, 1970 С. 42. Рис. 15) и поселения Аштепе в Восточной Анатолии (Marro, Özfiat, 2005. Pl. III, 3).

Аналоги горшкам с отогнутыми наружу венчиками (Рис. 7, 1) известны из Беюк Кесик (Müseyibli, 2007. Tabl. XVIII, 1–3, 6); Халадж (Seyidov, Вахсəлиев, 2010. Рис. 8, 3); Овчулартепеси (Marro et al., 2009. Pl. XIV, 2) и Геойтепе (Brown, 1951. Fig. 6, 459). В памятниках Южного Кавказа и Ближнего Востока имеются аналогии и другим горшкам, обнаруженным на памятниках Сираба.

Некоторые керамические изделия из поселения Сюрумчек, особенно миски, расписаны. Орнаменты нанесены черным или же коричневым цветом прямо по нелощеной поверхности сосудов, иногда – сверху по матовой красной краске. Миски с отогнутыми наружу венчиками и выпуклым корпусом известны из Маранд Кюльтепе (Kroll, 1990. Abb. 3, 4; 5, 17), Норшунтепе (Gülçur, 1988. Taf. 65, 3) и других памятников. Мотив росписи одной из мисок (Рис. 7, 6) подобен росписям сосудов Норшунтепе (Gülçur, 1988. Taf. 66, 2), Маранд Кюльтепе (Kroll, 1990. Abb. 2, 1–2) и Шортепе. Однако мотив росписи этой миски особенно широко распространен в памятниках Мильской степи. Он не известен в Араратской долине. Широкое распространение этого мотива в Мильской степи и Нахчыване показывает что памятники этих регионов генетически связаны с памятниками Северо-Западного Ирана (Иранский Азербайджан).

Мотивы росписи других мисок также известны из Норшунтепе, Маранд Кюльтепе и памятников Мильской степи. Край венчика одной из мисок изнутри расписан “каплевидным” орнаментом (рис. 7, 9). Сосуды с подобным орнаментом известны также из Овчулартепеси (Marro et al., 2009. Pl. XIX, 2), Геойтепе (Brown, 1951, P. 22, fig. 5) и Норшунтепе (Gülçur, 1988. Taf. 66, 67). Край венчика одного из горшков из поселения Сюрумчек расписан черной краской по красному фону (Рис. 7, 10). Расписная керамика обнаружена также в памятниках долины

р. Гахабчай, к востоку от с. Сираб: роспись нанесена черной краской, по форме сосуда аналогичны обнаруженным на перечисленных выше памятниках Сираба. Горшки с отогнутыми наружу венчиками известны также из Беюк Кесик (Müseyibli, 2007. Tabl. XVIII, 1–3, 6), Халадж (Seyidov, Вахсəлиев, 2010. Рис. 8, 3) и других памятников.

Археологические исследования сирабских памятников выявили, что керамические изделия с примесью песка и расписная посуда характерны для памятников Нахчывана и Азербайджана. До последних лет позднеэнеолитическая керамика на территории Нахчывана была известна очень мало. Однако раскопки в Овчулартепеси (Marro et al., 2009. Pl. XIX, 2) и Халадж (Seyidov, Вахсəлиев, 2010. S. 73–76) обнаружили там расписную керамику. Подобная керамика особенно распространена в поселении Халадж. В 1968 году И.Г. Нариманов во время разведывательных работ в Кюльтепе I обнаружил сосуды с росписью красно-коричневого цвета. По мнению исследователя, красноангобированная расписная керамика, обнаруженная в Кюльтепе I, подтверждает существование связей с памятниками Восточной Урмии (Нариманов, 1987. С. 124). В Шарурском историко-краеведческом музее нами обнаружена расписная миска, найденная на поселении Шортепе.

Таким образом, можно считать, что расписная керамика энеолитического периода была широко распространена на территории Нахчывана. По мнению С. Кролла, несмотря на то что в эпоху неолита и энеолита Азербайджан имел свои особенные культурные традиции, в позднем энеолите Урмийский бассейн характеризуется распространением здесь убейдских традиций (Kroll, 1990. P. 71). Красноангобированная расписная керамика обнаружена в таких памятниках Иранского Азербайджана, как Яныгтепе, Геойтепе, Кюльтепе, Ливар и в других (Kroll, 1984. P. 23). Исследования показывают, что красноангобированная расписная керамика характерна для памятников Азербайджана. Посуда Нахчывана по форме аналогична посуде памятников Восточной Анатолии, однако особенности керамики, распространенной в Нахчыване, Мильской степи и бассейне Урмии показывают, что позднеэнеолитическая керамика Нахчывана связана с Северной Месопотамией и Приурмийским бассейном. По мнению Б. Хелвинг, ареал Северного Убеида не распространялся севернее озера Урмия (Helwing, 2009. P. 67). Однако распространение керамики халафо-убейдского типа на Южном Кавказе исследователи связывают с Северной Месопотамией (Кушнарева, Чубинишвили, 1970. С. 41). Некоторые исследователи считают это результатом этнической миграции (Массон, 1964. С. 407). Высказывалось

мнение, что халафская керамика распространялась на север и северо-восток (Le Blanc, Watson, 1973. P. 111–132). Исследования последних лет показывают, что убейдская керамика была распространена на территории Нахчывана, однако развивались здесь и местные традиции.

Исследования памятников в окрестностях с. Сираб показывают, что эта территория заселялась с древнейших времен. Богатые ресурсы корма, воды, а также присутствие многочисленных скальных убежищ и пещер создавали для этого благоприятные условия. Нахождение во время исследований многочисленных осколков обсидиана, обсидиановых нуклеусов, а также таких минералов меди, как халкозин и азурит, позволяют полагать, что, видимо, именно желание достичь сырья способствовало продвижению людей на большие расстояния. В этом отношении выявление залежей черного кремня на горе Сюрумчек заслуживает особого внимания.

Пока самые древние памятники Сираба датируются энеолитом, причем представлены все периоды энеолитической эпохи. Некоторые экземпляры грубообработанных керамических изделий с примесью мякины, несомненно, датируются ранним энеолитом. Материалы поселений Шорсу, Зиринджли и Юмру Сюрумчек в целом также тяготеют к раннему энеолиту. На основе полученных данных можно предполагать, что не позднее середины VI тыс. до н.э. область Сираба была интенсивно заселена.

Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда развития науки при Президенте Азербайджанской Республики, грант № EIF-2012-2(6)-39/28/5/.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абибуллаев О.А. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку: Элм, 1982. 316 с.
- Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. М.; Л.: Наука, 1970. 190 с.
- Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964. 284 с.
- Нариманов И.Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку: Элм, 1987. 260 с.
- Нариманов И.Г., Ахундов Т.И., Алиев Н.Г. Лейлатепе. Баку: Элм, 2007. 128 с.
- Akhundov T. Sites de migrants venus du Proche-Orient en Transcaucasie // Les cultures du Caushape (VIe–IIIe millénaires avant notre ère). / Ed. B. Lyonnet. P.: CNRS Editions, 2007. P. 95–121.
- Əliyev V.H. Sədərək eneolit yaşayış yeri // Azərbaycan SSR EA Xəbərləri. 1985. № 2. S. 61–67.
- Brown T.B. Excavation in Azerbaijan 1948. L.: John Murray, 1951. 279 p.
- Burney C.A. The Excavations at Yanic Tepe Azerbaijan 1961. Second preliminary Report // Iraq. 1962. V. XXIV. P. 2. P. 134–152.
- Burney C.A. The Excavations at Yanic Tepe Azerbaijan 1962. Third preliminary Report // Iraq. 1964. V. XXVI. P. I. P. 57–61.
- Connor S., Sagona A. Environment and society in the late prehistory of southern Georgia, Caucasus // Les Cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère): Leurs Relations avec le Proche-Orient / Sous la direction Bertille Lyonnet. P.: CNRS Editions, 2007. P. 21–36.
- Frangipane M. The Late Chalcolithic/EB I sequence at Arslantepe. Chronological and cultural remarks from a frontier site // Chronologie des Pays du Caushape et de l'Euphrate aux IVe–IIIe Millénaires. Actes du Colloque d'Istanbul, 16–19 décembre 1998. Varia Anatolica. 2000. XI. P. 439–471.
- Gülçür S. Die Chalkolitische Keramik von Norsuntepe (Elazığ/Südosttürkei). Unpublished PhD. Thesis. University of Tübingen, 1988. 166 p.
- Helwing B. Azerbaijan in the Chalcolithic: A View from the Southwest. / In Azerbaijan – Land between East and West, Baku: Elm, 2009. P. 63–70.
- Kiguradze T. The Chalcolithic – Early Bronze Age transition in the eastern Caucasus // Chronologie des Pays du Caushape et de l'Euphrate aux IVe–IIIe Millénaires. Actes du Colloque d'Istanbul, 16–19 décembre 1998. Varia Anatolica. 2000. XI. P. 321–325.
- Kroll S. Archäologische Fundplätze in Iranisch-Ost-Azerbaidjan // AMI. 1984. Bd 17. S. 13–134.
- Kroll S. Der Kultepe bei Marand eine Chalkolithische siedlung in Iranisch-Azerbaidjan // AMI. 1990. Bd 23. S. 59–71.
- Le Blanc S.A., Watson P.J. Comparative statistical analysis of painted pottery from seven Halafian sites // Paleorient. 1973. V. 1. P. 111–132.
- Marro C. Upper-Mesopotamia and Transcaucasia in the Late Chalcolithic period (4000–3500 BC) // Les cultures du Caushape (VIe–IIIe millénaires avant notre ère) / Ed. B. Lyonnet. P.: CNRS Editions, 2007. P. 77–94.
- Marro C., Bakhchaliyev V. Ashurov S. Excavations at Ovçular Tepesi (Nakhchivan, Azerbaijan). First preliminary report: the 2006–2008 seasons // Anatolia Antiqua. 2009. XVII. P. 31–87.
- Marro C., Özfırat A. Pre-classical Survey in Eastern Turkey. Third preliminary Report: the Dogubeyazit region // Anatolia Antiqua. 2005. XIII. P. 319–356.
- Müsevibli N. Böyük Kəsik eneolit yaşayış məskəni. Bakı: Nafta-Press, 2007. 228 s.
- Palumbi G. A. Preliminary analysis on the prehistoric pottery from Aratashen // Les cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère). / Ed. B. Lyonnet. P.: CNRS Editions, 2007. P. 63–76.
- Seyidov A., Baxşəliyev V. Xələc. Bakı: Elm, 2010. 220 s.

КУРГАН V в. до н.э. у с. ТУРИЯ В ДНЕПРОВСКОЙ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ ЛЕСОСТЕПИ

© 2014 г. А.Д. Могилов*, С.В. Диденко**

*Институт археологии НАН Украины, Киев
(ianani@mail.ru)

**Национальный музей истории Украины, Киев

Ключевые слова: скифы, скифский период, курган, Среднее Поднепровье.

The barrow 459 near the village Tur'ia, in Novomyrhorod district of Kirovograd region (former Chigirin county of Kyiv province), was explored in 1905 by count A.A. Bobrinsky, the head of Imperial Archeological Committee. Soon after the researches in 1907, the artifacts were delivered to the Emperor Nikolai Alexandrovich Art-Industrial and Scientific Museum where the part of them has been preserved till the present. Under the barrow a big looted tomb with two skeletons and grave goods were discovered. The grave goods are presented by the parts of a horse's bridle: bits, cheek-pieces, brasses, pendent and a Greek black-figured kylix, dated by the end of the first quarter – the middle of the 5th century B.C. Probably the representatives of the middle circles of the horseman elite were buried there.

Правобережье Среднего Днепра по праву считается одним из наиболее насыщенных памятниками регионов Европейской Скифии. Исследования курганов скифской эпохи на этой территории начались еще в середине XIX в. (Фундуклей, 1848. С. 13, 18–20; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989. С. 6). Особенно масштабными они были в последние десятилетия XIX – в начале XX в. Наиболее массовыми были раскопки, проведенные А.А. Бобринским, Н.Е. Бранденбургом, Е.А. Зноско-Боровским, В.В. Хвойкой, и другими исследователями. Археологические работы велись и в послереволюционное время, причем наряду с могильниками начали массово исследоваться и поселения. Однако огромное количество курганов, раскопанных во времена Российской империи, до сих пор продолжают составлять основу базы источников по изучению погребального обряда скифского времени в Днепровской Правобережной Лесостепи.

Понятно, что во времена тогдашних раскопок на публикацию материала, да и на саму методику полевых исследований существовали свои взгляды, далеко не всегда столь строгие, как современные. Зачастую в наше время это обуславливает необходимость повторной публикации комплексов с подачей иллюстративного материала по всему имеющемуся инвентарю, характеристикой погребального обряда и сопровождающих находок на современном научном уровне.

Село Турия Новомиргородского района Кировоградской области Украины (бывший Чигиринский уезд Киевской губернии) известно в науке благодаря работам председателя Императорской археологической комиссии графа Алексея Александровича Бобринского, раскопавшего здесь несколько десятков курганов (Бобринской, 1906. С. 5–11; 1910. С. 73–75; 1911. С. 48–53). Населенный пункт находится в регионе, густо насыщенном древностями скифской эпохи. В радиусе 20–25 км находятся известные в скифоведении памятники в Макеевке, Журовке, Шполе, Матусове, Пастырском, Капитановке, Оситняжке, Защите, Константиновке, Мартоноше и др.

Курган у Турии, о котором пойдет речь в данной статье, носит номер 459. Он был раскопан А.А. Бобринским в 1905 г. при участии известного археолога Б.В. Фармаковского. Несмотря на публикацию автором материалов (Бобринской, 1906. С. 6. Рис. 1–7) и дальнейшее использование этих данных учеными (см., например, Петренко, 1967. С. 93. Табл. 11, 7; 27, 31; 30, 18, 19, 21; 32, 32–35), считаем возможным проинформировать специалистов о современной ситуации с инвентарным комплексом кургана.

Памятник входил в группу, состоявшей из “около 25” насыпей разной величины, располагавшуюся в урочище Горобинец. Раскопаны в ней были курганы № 458–468 высотой 1.7–3.75 м. Исследования проводились “колодцами” диаметром 7–9 м.

Таблица 1. Вещевой комплекс кургана 459 у с. Турия

Предметы	Публикация А.А. Бобринского	Переданы в музей	Наличие в фондах сейчас
3 железных удила	+	+	—
3 железных псаля	+	+	—
2 бронзовых псаля	+	+	—
1 бронзовая привеска-коготь	+	+	+
1 бронзовая привеска в виде “головы грифа(?) со сломанным клювом”	+	1 сломанная бронзовая привеска в виде “головки дракона”	—
1 бронзовая круглая “кнопка”	+	1 “привеска в виде замочка”	—
2 бронзовых треугольных украшения сбруи	+	1 экз.	—
2 бронзовые ворворки	+	+	1 экз.
5 бронзовых “уховидных” блях	+	+	+
1 бронзовая бляха-нога лошади	+	+	+
15 бронзовых блях-голов лосей	+	+	7 экз.
11 бронзовых колокольчиков	+	+	14 экз.
1 греческий килик	+	1 “патера терракотовая греческая”	+

Насыпь № 459 находилась недалеко от предыдущей № 458. Высота — 2,3, длина окружности — 112 м (следовательно, условный диаметр — около 35,6 м). В насыпи, немного выше уровня грунта, зафиксированы остатки дерева от надмогильной крыши. В грунте выявлена квадратная яма размерами 5 × 5 и глубиной 2,05 м. Над ней через всю могилу была устроена плоская деревянная крыша, заходившая далеко за пределы ямы и, видимо, опиравшаяся на ее края.

Могила была ограблена. У западной ее стены в небольшом углублении найдены железные удила и псаля. Рядом были “бронзовая привеска от упряжи в виде большого когтя” и другая “большая бронзовая привеска в виде головы грифа(?) со сломанным клювом”.

На дне могилы находились части человеческого скелета, в центре был другой костяк, брошенный, по мнению А.А. Бобринского, сюда после ограбления. Его голова лежала отдельно от туловища. В разных местах гробницы подобран целый ряд предметов. В том числе: двое железных удила, одни — с бронзовыми псалями, другие — с железными; два бронзовых треугольных украшения сбруи; две бронзовые ворворки с остатками кожаных ремней; пять бронзовых блях в виде ушей или крыльев (одна из них поломана); бронзовая бляха в виде задней ноги лошади; пятнадцать блях в виде голов лосей с остатками ремней; одиннадцать колокольчиков с фрагментами ремней и железными язычками.

Кроме того, здесь найдена кость коровы от напутственной пищи и греческий килик.

В 1907 г. изделия из кургана были переданы в Киевский художественно-промышленный и научный музей Императора Николая Александровича. Предметы, получившие в инвентарной книге номера с ИМ 12666 по ИМ 12708, записаны там с пометкой “от Императорской Археологической комиссии, из раскопок графа А.А. Бобринского, произведенных в Киевской губернии”. Номер и местонахождение кургана не указаны, что в дальнейшем, видимо, тоже могло способствовать усугублению путаницы. Однако последовательность списка в инвентарной книге точно повторяет порядок, в котором вещи упоминаются в публикации. Отличие состоит в том, что в музей было передано одно “бронзовое треугольное украшение сбруи” (в статье А.А. Бобринского указаны два). Непонятно также, тождественны ли друг другу “круглая бронзовая кнопка” публикации и “привеска в виде замочка” инвентарной книги.

Переходя к характеристике инвентаря из кургана, отметим, что немалая его часть на сегодня, к сожалению, утрачена (табл. 1). Так, не сохранились *трое удила и пять псаляев* (3 — железных и 2 — бронзовых). Можем предполагать, что это были обычные для этого времени петельчатые удила и двудырчатые псаля, о форме которых уже ничего сказать нельзя. Не удалось найти в фондах музея бронзовые “привеску” с головой “грифа” или “дракона” со сломанным клювом, круглую “кнопку” от

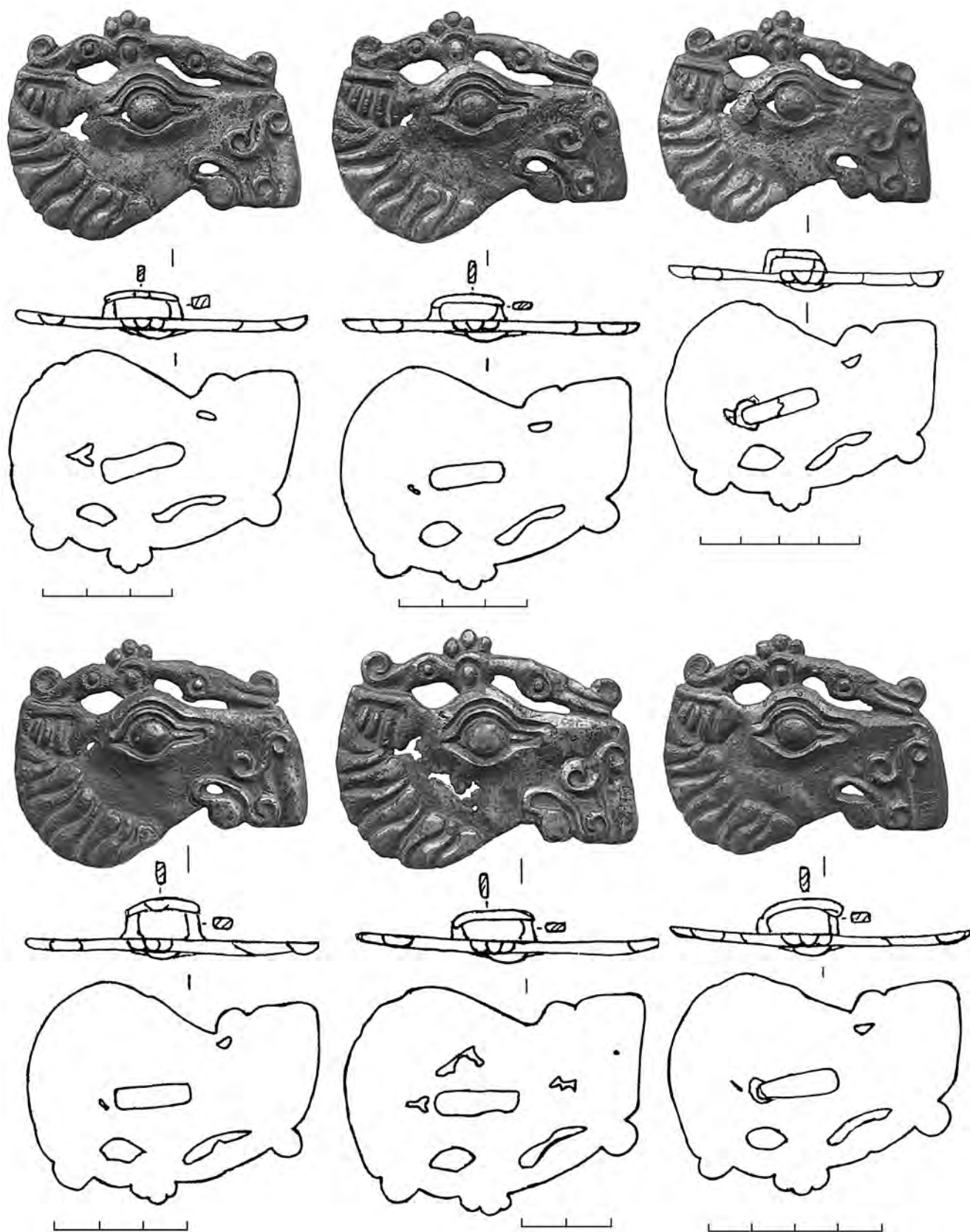

Рис. 1. Бронзовые бляхи в виде голов лося из кургана 459.

сбруи¹, “треугольное украшение сбруи” и одну из двух *ворворок*.

В кургане было найдено 15 массивных *бронзовых блях в виде голов лосей*. К сожалению, сейчас в фондах музея удалось обнаружить только 7 из них (рис. 1; 2, 1). У одного предмета часть отломана. Некоторые детали о времени исчезновения изделий удастся восстановить по материалам инвентарных книг. Как упоминалось, в 1907 г. в музей поступили все 15 блях. Однако в инвентарной книге, которая велась во второй половине 30-х – на рубеже 30–40-х годов, упоминаются уже только 7. Очевидно, что потеря экспонатов связана с беспокойными временами Первой мировой и Гражданской войн, первых полутора десятилетий советской власти.

Бляхи достаточно близки по размерам. Последние колеблются в пределах 5.4 на 6.6–6.9 см. Все вещи односторонние, на обороте – поперечная петля прямоугольных пропорций. Ее “стойки” и “перекладина” уплощены. На щитках изображена голова лося с характерной “горбатой” мордой. Развесистые рога занимают всю верхнюю часть изделия. Их основание украшает розетковидная фигура с центром и тремя отходящими от него вверх лепестками. Каждый из рогов оформлен в виде перевернутой головы хищной птицы. Просматриваются круглый глаз (иногда – и голова), шея, характерный загнутый клюв с надклювьем. Ухо лося имеет орнамент, сближающий его с некоторыми из так называемых ухоподобных или крыловидных блях скифской эпохи. Над круглым глазом обозначено веко. Рот приоткрыт, его контуры обозначены линией, формирующей утолщенную нижнюю губу, в то время как верхняя передана завитком. Нос обозначен как небольшое круглое вдавление, ниже которого расположена S-видная фигура. Она соединена со ртом рельефной полосой. На задней и нижней частях головы обозначена характерная здесь для лося более длинная и густая шерсть.

Подобные бляхи наиболее часто использовались в конском уборе (Могилов, 2008. С. 47, 48. Рис. 96, 97). Впрочем, иногда они служили и украшением защитного доспеха: некрополь Нимфея (Черненко, 1970б. С. 194, 195. Рис. 3); горита или колчана: Новорозановка, курган 1 (Шапошникова, 1970. С. 212. Рис. 5; Шапошникова, Ребедаило, 1977. С. 70. Рис. 3, 2), вероятно, Жданов, курган 7 (Черненко, 1970а. С. 179, 180. Рис. 2, 4); а, возможно, и ножен меча(?): Колоски, курган 7 (Ольховский, Храпунов, 1990. С. 41).

Массивные бляхи в виде голов лосей достаточно широко известны в самых разных регионах Европейской Скифии. В Днепровской Правобережной Лесостепи они найдены в курганах Скифская Могила (Скорый, Хохоровски, 2010. Рис. 28, 1–11), 198 на Тенетинке (Бобринской, 1894. Табл. 4, 5), 401 у Журовки (Бобринской, 1905. Рис. 33) в Потясмины; у Кошеватого (Петренко, 1967. Табл. 31, 1), в Грищенцах (Галанина, 1977. Рис. 31, 6) в Поросье. Еще одна беспаспортная бляха хранится в Национальном музее истории Украины в Киеве (Могилов, Диденко, 2005–2009. Рис. 13, 5). В Левобережной Лесостепи они выявлены в Посулье: Волковцы, курган 4 (Ильинская, 1954. Рис. 13, 7–10); Поворскль (Ролле и др., 2004. Рис. 1; Ролле и др., 2006. Рис. 1, 1–4); Посеймье: Борзна, курган 2 (Ильинская, 1968. Табл. XXXI, 11); на Днепровской террасе: Жовнино (Ильинская, Горишний, 1975. Рис. 1). В Среднем Подонье похожее изделие было в кургане 4 (раскопки ВУАК) группы Частых курганов (Замятин, 1946. Рис. 14, 6). Не редки такие вещи и в курганах Степной Скифии: 7 возле Жданова (Черненко, 1970. Рис. 2, 4), 7 около Колосков (Ольховский. Храпунов, 1990. С. 42), 1 у Новорозановки (Шапошникова, 1970. Рис. 5), 7 Акташского могильника (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988. Рис. 7, 3), Ак-Мечеть (Яковенко, 1976. Рис. 7, 2). Зафиксированы они в Малом Семибратнем кургане на Тамани (Ильинская, 1965. Рис. 3, 6), в кургане 32 и в одной из гробниц 1868 г. Нимфейского некрополя (Силантьева, 1959. Рис. 37, 9; Черненко, 1970б. Рис. 3). Распространение подобных изделий в Румынии (Крайова (Pârvan, 1967. Rys. 50), Orgame (Simion, 2003. Fig. 12, c), вне всяких сомнений связано со скифскими влияниями. Встречаются такие вещи и в ареале савроматской культуры: Хошеутово (Oçir-Gorjaeva, 2005. S. 157, 159). Указанные предметы могут быть отнесены к среднескифскому времени (Могилов, 2008. С. 48).

Бронзовая бляха в виде ноги копытного животного (скорее всего – лошади) имеет размеры 13.3 на 3.3 см (рис. 2, 2). Стилизованное копыто в нижней части бляхи отделено от ноги поперечной линией. В задней части – розетка, напоминающая по форме такой же орнаментальный элемент у основания рогов на бляхах-головах лосей из этого же кургана. Она точно так же состоит из круглого центра и трех лепестков. Бляхи в виде задних конечностей животных не редки в скифской культуре, однако наиболее часто это изображения части тела хищника семейства кошачьих (Могилов, 2008. С. 52, 53. Рис. 105). А вот ноги копытных встречаются не столь массово. Можно назвать бляху из кургана 3 у Пастырского (Древности Приднепровья, 1899. Табл. XIX, 320б), но на ней изображено две конечности. Из

¹ По данным описания, тождественность “бронзовой круглой кнопки” публикации и переданной в музей несохранившейся “привески в виде замочка” сегодня установить затруднительно.

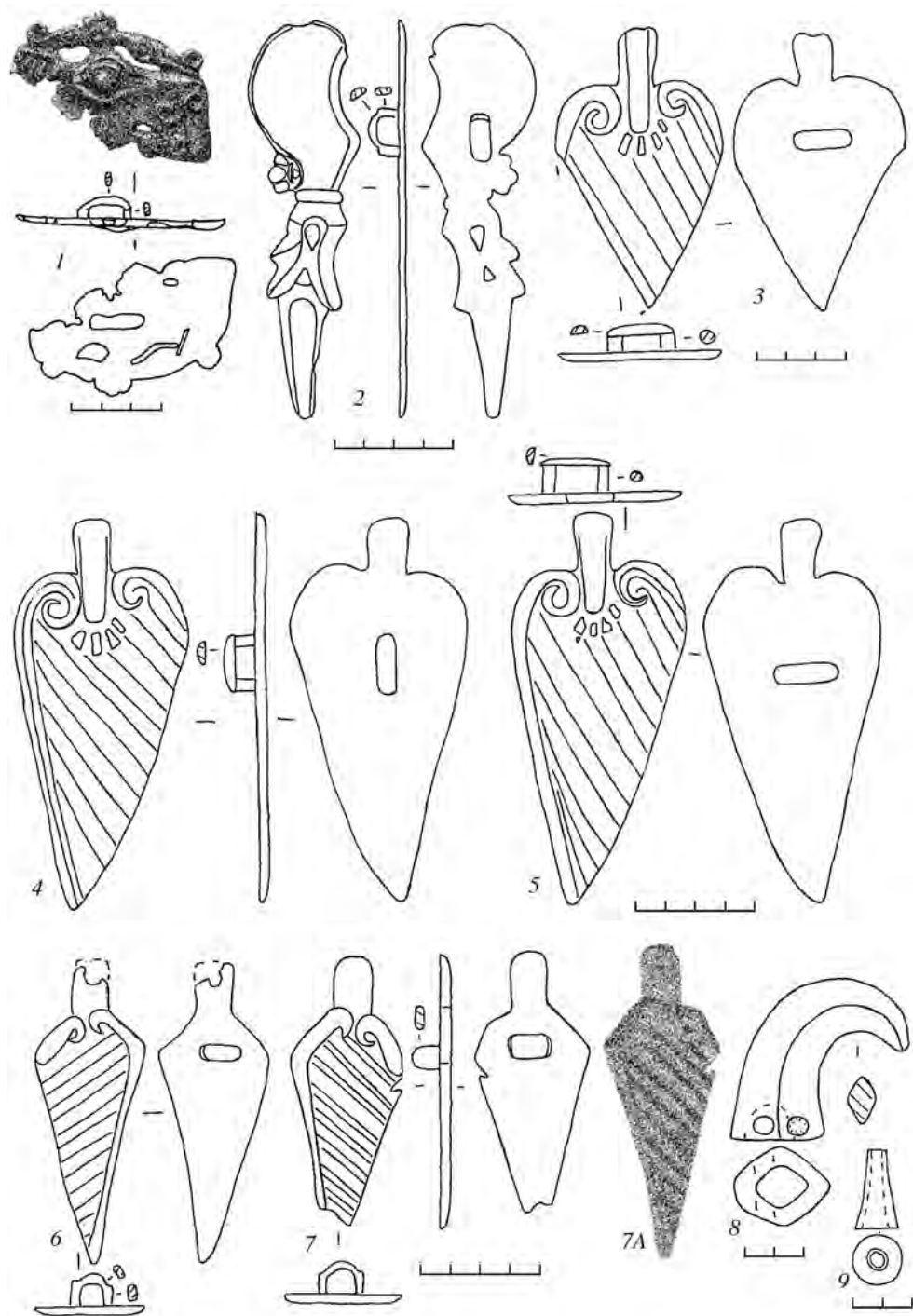

Рис. 2. Бронзовые детали узды из кургана 459.

предметов же передающих лишь одну ногу копытного животного следует упомянуть находки из курганов Вакулина Могила (Клочко, Скорый, 1991. Рис. 5,7,8) и 2/23 – около Мاستюгино (Пузикова, 2001. Рис. 32,11), относимых уже к IV в. до н.э.

Бронзовые ухоподобные или крыловидные бляхи (рис. 2, 3–7). Из пяти, найденных в кургане, три – более массивные (рис. 2, 3–5), в то время как две –

поменьше (рис. 2, 6, 7). У одной из крупных блях (рис. 2, 3) часть отломана. Две другие достаточно близки по размеру: длина 12,8–13, ширина – 5,9 см (рис. 2, 4, 5). Видимо, сломанный предмет был идентичен последним, во всяком случае ширина у него такая же. Все крупные бляхи односторонние. Петли на двух из них поперечные, а у одной – продольная. Форма петель – П-образная с круглыми

в разрезе “стойками” и уплощенной закругленной сверху “перекладной”. У основания “крыльев” – прямоугольный выступ. С обеих сторон по краю бляхи к нему идут рельефные полосы (одна – длинная, другая – значительно короче). У основания выступа они завиваются. Отсюда к середине бляхи отходят четыре рельефные черточки, так что получается розетковидная фигура. Весь центр изделия орнаментирован рядами косых линий.

Пара меньших блях – разносторонние (рис. 2, 6, 7). Длина – 10,3, ширина – 3,7–3,8 см. На оборотах обеих – поперечные петли, “стойки” и “перекладная” которых уплощены, а последняя еще и аркоподобно выгнута. В целом, композиция на щитках меньших блях напоминает изображение на больших: такие же выступ у основания, по краям – длинная и короткая полосы с завивающимися верхними концами, косые линии. Но есть и отличие: нет черточек, радиально расходящихся от основания выступа. Такой выступ у одной из блях поврежден (рис. 2, 6). Другая бляха (рис. 2, 7), согласно данным коллекционной описи, происходит из Киевщины. Однако характерное повреждение на ее боку, полностью соответствующее подобному изъязу (рис. 2, 7А) на рисунке в публикации (Бобринской, 1906. Рис. 3), не оставляет никаких сомнений в идентичности вещи и ее принадлежности к инвентарю кургана 459 у с. Турия. Следует отметить, что сейчас конец этой бляхи отломан, в то время как при публикации предмет был еще цел.

Большинство известных на сегодня подобных блях найдены в Днепро-Донецкой Лесостепи. В Правобережье – курганы 14 у Райгорода (Древности Приднепровья, 1899. Табл. XXV, 326), 5 возле Берестняг, 66 около Бобринцы (Бобринской, 1901. Фиг. 56; 69), Каневский уезд. На левом берегу – курган 2 (1897–1898 гг.) близ Волковцев в Посулье (Древности Приднепровья, 1899. Табл. XVI, 316). В степи такие изделия зафиксированы в I Завадской Могиле (Мозолевский, 1980. Рис. 36, 5, 6; 37, 7), а также кургане 6 (погребение 2) в Каменной Балке (Гребенников, 2008. Рис. 15, 2, 3). Известны такие вещи и в курганах 6 (1878 г.) и 24 (1876 г.) некрополя Нимфея (Силантьева, 1959. Рис. 37, 7; 49, 2). Указанные бронзовые артефакты относятся в основном к V в. до н.э. Лишь единичные находки доживают до IV в. до н.э. (Могилов, 2008. С. 50, 51. Рис. 100; 101, I–II). Среди них оригинальностью отличается бляха из кургана 3 у Старого Мерчика в Северско-донецкой группе, датированного первой половиной IV в. до н.э. (Бандуровский, Буйнов, 2000. Рис. 3, 3). Выступ этого изделия украшен фигурой хищной птицы с распростертыми крыльями. При этом стоит отметить, что ближайшими аналогиями к более крупным бляхам из кургана в Турии являются пред-

меты из I Завадской Могины и кургана 24 (1876 г.) некрополя Нимфея.

Вместо описанных выше, в IV в. до н.э. распространяются ухоподобные нащечные бляхи, изготовленные из драгоценных металлов. Меняется и акцент в их креплении. Теперь часто они накладываются на, видимо, органическую, деревянную(?) основу, и крепятся к ней загибанием края, а иногда и прибиванием миниатюрными гвоздиками. Большинство таких обычно парных изделий из золота и серебра, вне всяких сомнений служивших своеобразными показателями высокого социального статуса их владельца, происходит из региона главного сосредоточения элитных курганов этого времени – Степной Скифии. В частности, они найдены в Солохе (ОАК, 1916. Рис. 65; Манцевич, 1987. Кат. 13; 15; 16; 18), Чмыревой Могиле (ОАК, 1901. Рис. 37; Браун, 1906. Рис. 63), курганах Бердянском (Золото степу, 1991. С. 306), Восьмом Пятибратнем (Шилов, 1961. Рис. 14), 4 в урочище Носаки у Балок (Бидзиля и др., 1977. Рис. 15, I, 4), Цымбаловой Могиле (Толстой, Кондаков, 1889. Рис. 100), Толстой Могиле (Мозолевский, 1979. Рис. 17)². Кроме этого, подобные бляхи известны из кургана 1 (1897–1898 гг.) у Волковцев в Посулье (Древности Приднепровья, 1899. Табл. XXIII, 403), Stîncești в Северной Молдове (Gawlik, 1998. Рис. 2).

Указанные нащечники в научной среде сегодня не имеют единого наименования. Их называют “крыловидными”, “ухоподобными”, “листовидными”, “каплеподобными”. А.Ю. Алексеев отметил сходство в орнаменте на подобных артефактах с изображениями ушей некоторых животных и предположил, что они выступали в узде в роли своеобразных “наушников” (Алексеев, 1987. С. 184–186). По мнению В.Н. Саенко, подобные бляхи в скифской среде изображали крыло, а к звериным ушам имели лишь “опосредованное зооморфными превращениями отношение”. Он отмечает, что примеры, когда в близкой манере передано ухо животного – это случаи стилизации ушей под популярный образ птичьего крыла (Саенко, 2004. С. 315, 319).

Привеска в виде загнутого когтя или клюва (рис. 2, 8). Разрез ромбический, сбоку проходит рельефное ребро. На тыльной стороне размерами 3,2 × 2,7 см – небольшая впадина. Посредине основы

² Нащечники из Цымбаловой и Толстой Могины достаточно сильно стилистически выделяются в указанном списке. Контуры более или менее совпадают с абрисами других блях. Однако изображения, передающие стилизованную фигуру с головой, трактуемой как дельфин (Ильинская, Тереножкин 1983. С. 149), рыба (Саенко, 2004. С. 317) или дельфино-птица с греческими стилистическими деталями (Канторович, 1997. С. 106, 107), совершенно иные.

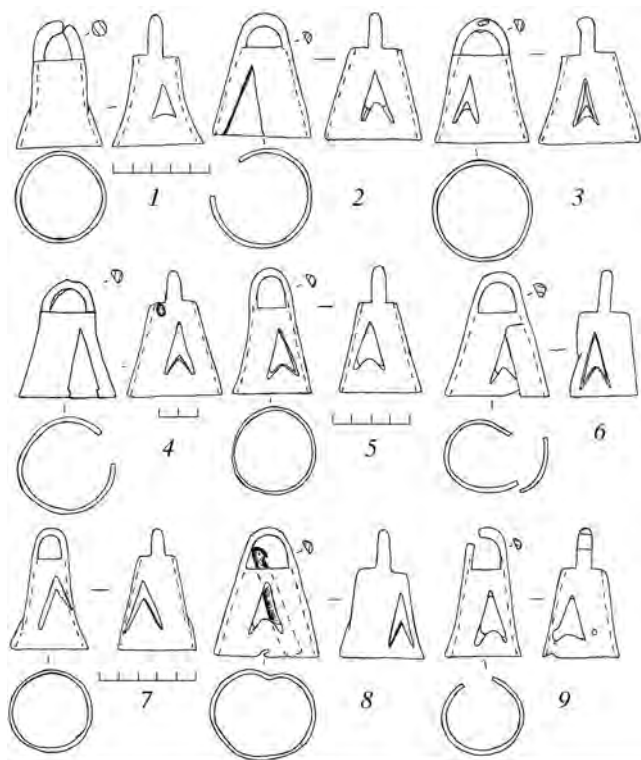

Рис. 3. Бронзовые колокольчики из кургана 459.

полым круглым предметом пробито отверстие диаметром 6,5 мм, проходящее через стенки упомянутой выемки. Оно пробивалось с двух сторон насквозь, с лицевой стороны выступившие края отверстия были дополнительно заклепаны. Сначала мастер пытался проделать отверстие ниже, но в этом случае оно частично должно было пройти через сплошной слой бронзы под впадиной. Видимо, он счел это слишком трудоемким, оставил на месте пробойные метки и возобновил попытки выше – там, где надо было пробить лишь стенки изделия.

Возможно, что этот предмет использовался на таких же местах как и нахрапники – на середине налобного или нахрапного ремней оголовья. Типологически похожее бронзовое изделие найдено в кургане 7 погребение 1 у Стеблева (Скорый, 1997. Рис. 34, 5). Подобные по форме привески из кургана у Омельника имеют петлю для крепления (Бокий, 1971. Рис. 1, 4). Нельзя не упомянуть и клювовидный нахрапник из кургана 8 у Малой Лепетихи на Левобережье Нижнего Днестра, где клюв отделен от основы с отверстием рельефной линией (Євдокимов и др., 2011. Рис. 3, 1; 4, 8). Указанные предметы относятся к среднескифскому времени (Могилов, 2008. С. 83).

Вероятнее всего, прототипом таких привесок выступали раннескифские пряжки-пронизки с длин-

ным клювом. Примечательно, что наиболее похожие нашему массивные клювовидные выступы, демонстрируют наиболее поздние (хронологически близкие среднескифским) пряжки-пронизки из Шумейковского кургана (Древности Приднестровья, 1900. Табл. XL, 333; Могилов, 2008. Рис. 130, 1–3). Он, как известно, содержал уздечные материалы как раннескифского, так и среднескифского периодов и относится, по-видимому, к кругу древностей второй половины VI в. до н.э. (Могилов, Диденко, 2009. С. 49; 52). Довольно длинный “когтевидный” выступ содержится и на бронзовых пряжках-пронизках из ГИМ, приписываемых к кургану Таврической губернии (Гущина, 1962. Рис. 24, 3, 4).

Бронзовая усеченно-коническая ворворка с вогнутыми боками (рис. 2, 9). Такие изделия, широко распространенные на юге Восточной Европы, имеют прототипы в доскифское время. Наибольшее их количество связывается со среднескифским периодом, в то время как в IV в. до н.э. известны лишь единичные экземпляры (Могилов, 2008. С. 74, 75).

Довольно запутанной является ситуация с бронзовыми колокольчиками из кургана (рис. 3; 4). Вместо 11 экземпляров, найденных в комплексе и переданных в музей, в фондах содержится 14 изделий, которые, согласно данным современных инвентарных книг и коллекционных описей относятся именно к этой могиле (табл. 2).

Наблюдается некоторая несогласованность данных современных и дореволюционных инвентарных книг и коллекционных описей, а также бирок и надписей на вещах. Три раза на самих предметах указана Киевская губерния, а в современной инвентарной книге – курган 459 у Турии.

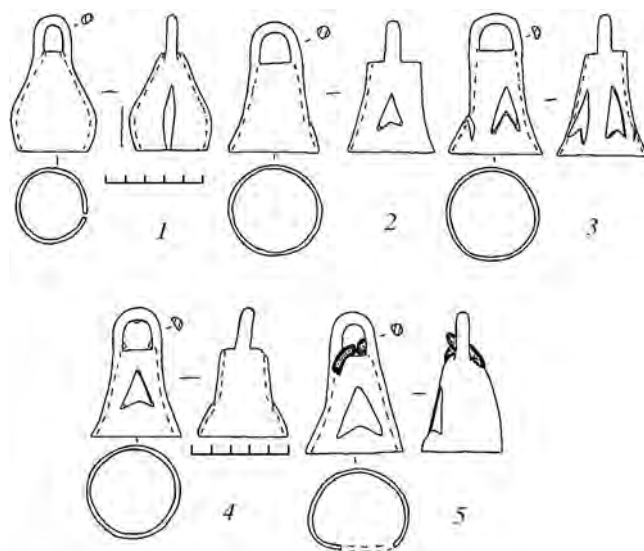

Рис. 4. Бронзовые колокольчики: (атрибуция предположительна).

Таблица 2. Бронзовые колокольчики из кургана

Номер рисунка	Тулово	Высота (В) и диаметр основания (Д) (см)	Инвентарные номера	Примечания
3, 1	Усеченно-коническое вогнутое, 2 отверстия	В – 6.1 Д – до 4.7	Б 631 ИМ 12699	Железный язычок
3, 2	Усеченно-коническое 2 отверстия, 1 разрез	В – 6.5 Д – до 5.2	Б 632 ИМ 12698	
3, 3	Усеченно-коническое, 3 отверстия	В – 6.1 Д – до 5.2	Б 46–142 ИМ 12697	
3, 4	Усеченно-коническое, 2 отверстия, 1 разрез	В – 6.2 Д – до 5	Б 46–143 ИМ 12697	
3, 5	Усеченно-коническое вогнутое, 3 отверстия	В – 6.4 Д – до 4.2	Б 46–144 ИМ 12701	
3, 6	Усеченно-коническое, 2 отверстия, 1 разрез	В – 6.5 Д – до 5.2	Б 46–145 ИМ 12698	
3, 7	Усеченно-коническое вогнутое, 2 отверстия	В – 6.1 Д – до 4.2	Б 46–146 ИМ 12700	
3, 8	Усеченно-коническое, 3 отверстия	В – 6.4 Д – до 5.3	Б 46–147 ИМ 12701	
3, 9	Усеченно-коническое вогнутое, 3 отверстия	В – 6.6 Д – до 4.1	Б 46–148 ИМ 12702	
4, 1	Грушевидное, 1 разрез	В – 6.8 Д основания – до 3.6 Д тулова – 4.3	Б 46–149 ИМ 12703	
4, 2	Усеченно-коническое вогнутое, 2 отверстия	В – 6.4 Д – до 4.7	Б 46–150 ИМ 12704	
4, 3	Усеченно-коническое вогнутое, 4 отверстия	В – 6.7 Д – до 4.6	Б 46–151 ИМ 12706	
4, 4	Усеченно-коническое вогнутое, 2 отверстия	В – 6.1 Д – 4.7	Б 46–152 ИМ 12706	
4, 5	Усеченно-коническое вогнутое, 1 отверстие, 1 разрез	В – 6.8 Д – 5.1	Б 46–153 ИМ 12707	Железный язычок

В нескольких случаях современные номера изделий имеют ссылку на один и тот же дореволюционный номер. Причем сегодня, при явной перепутанности номеров, установить, какие же из типологически близких колокольчиков являются “лишними”, очень сложно. С более или менее высокой долей уверенности из состава инвентаря кургана можно вывести колокольчик с усеченно-грушевидным туловом (табл. 2, 10; рис. 4, 1). Во втором выпуске “Древностей Приднепровья” было опубликовано пять таких изделий достаточно редкой формы, происходящих из с. Пастырское (Древности Приднепровья, 1899. Табл. XIII, 227). Сегодня в фондах Национального Музея истории Украины хранятся три из них. Еще один такой колокольчик находится среди вещей с утраченными паспортами (Могилов, Диденко, 2005–2009. Рис. 14, 12). Можно предпо-

лагать, что предмет, приписанный к нашему кургану, в действительности является последним, пятым колокольчиком из Пастырского, опубликованным в “Древностях Приднепровья”.

Все остальные колокольчики (кроме относящегося, скорее всего, к Пастырскому) типологически очень схожи (рис. 3; 4, 2–5). Высота 6.1–6.8 см. Петли дуговидные. Тулова усеченно-конические, иногда с вогнутыми боками. В корпусе изделий, очевидно, для достижения более звонкого звучания или для их украшения, проделаны треугольные отверстия с остро выступающими вверх основами, а также разрезы. Количество отверстий колеблется от одного до четырех. Разрез, проделанный лишь на пяти экземплярах, всегда один и всегда дополнен указанными отверстиями. В ряде случаев внутри сохранились железные язычки.

Указанные изделия обычны для памятников Восточноевропейской Лесостепи среднескифского времени, тогда как к IV в. до н.э. относятся лишь единичные экземпляры (Могилов, 2008. С 86; 87. Рис. 158, 16–23; 159; 160; 161, 1–5). Аналогии происходят из курганов у Захиты (Бокій, 1970. Рис. 4, 1), Скифской Могилы (Скорый, Хохоровски, 2004. Рис. 2, 3), 469 возле Турии (Бобринской, 1906. Рис. 14) в Тясминской подгруппе; Острой Могилы в Поросье (Альбом, № 1801). В Посулье подобные предметы приписаны к кургану В.В. Хвойки около Аксютинцев (Ильинская, 1968. Табл. XXVI, 18), а в Среднем Подонье они выявлены в кургане 4 (раскопки В.А. Городцова) группы Частых курганов (Либеров, 1965. Табл. 21, 31). Известны они и в Средней Европе: Nagytarcsa (Kemenczei, 2000. Abb. 9).

Говоря о возможном месте расположения колокольчиков в уборе коня в скифское время, следует упомянуть случаи их принадлежности к нагрудному комплексу украшений в некоторых курганах степной элиты IV в. до н.э.: Мелитопольском (Тереножкин, Мозолевский, 1988. С. 60–62), Толстой Могиле (Мозолевский, 1979. С. 35; 37). К лошади-

ному защитному пластинчатому железному нагруднику прикипели три типологически схожих с нашими колокольчика в боковом погребении Скифской Могилы в Потясминье, относящейся к среднескифскому времени. Впрочем, авторы раскопок предполагают, что они могли относиться к разным уздечным уборам (Скорый, Хохоровски, 2004. С. 244; Рис. 2, 3; 2010. С. 271; Рис. 33, 1). Не следует исключать и возможности использования колокольчиков в оголовном уборе коня.

Аттический чернофигурный килик с полусферическим туловом, чуть отогнутым венчиком на профилированном кольцевом поддоне с приподнятыми ручками (рис. 5). Высота сосуда – 78, диаметр венчика – 132, дна – 70 мм. Черным лаком покрыта внутренняя стенка, по внешней стенке им покрыт венчик, придонная часть, поддон, внешняя сторона ручек. Средняя часть тулова – в цвете глины, на ней – орнаментальный пояс с чернофигурной росписью. На обоих фасадах передана одна и та же композиция, изображающая две фигуры. Мужчина сидит на табурете и играет на струнном инструменте (кифаре?), женщина (менада?) танцует. В зоне ручек по обеим сторонам – пальметки. Меж-

Рис. 5. Аттический чернофигурный килик из кургана 459.

ду пальметками и фигурами – виноградные лозы. Килик принадлежит к кругу “мастера Хаймона”.

Среди других находок сосудов подобной формы и с похожими композициями в варварских скифидных памятниках Причерноморья следует отметить килики из курганов Елизаветовского могильника на Нижнем Дону (Брашинский, 1980. С. 125, 126. Табл. XIII, 153–156); погребения 1 кургана 3 у Нововасильевки в Правобережье Степного Поднепровья (Гребенников, 2008. Рис. 17, 9); погребения 21 кургана 13 некрополя возле аула Уляп на Северном Кавказе (Лесков и др., 2005. Рис. 160, 8).

Хронологическая атрибуция кургана начала проводиться почти сразу же после его исследования. Немаловажную роль в этом играла находка аттического чернофигурного килика в погребении. Автором раскопок он был отнесен к VI в. до н.э. (Бобринской, 1906. С. 6). Позже Н.А. Онайко датировала его началом второй четверти V в. до н.э., видя в нем изделие позднего чернофигурного стиля, круга “мастера Хаймона”, производства Аттики (Онайко, 1966. С. 28; 62. Табл. XII, 2). По материалам Афинской агоры такие сосуды относятся к первой четверти V в. до н.э. (Moore, Philipides, 1986. P. 60). Изделия круга этого мастера Д. Бордман датирует 490–480 гг. до н.э., с возможностью продолжения их производства и немного позже (Boardman, 1985. S. 257). Вместе с этим, нельзя не отметить давно известный ученым факт достаточно длительного использования античной расписной посуды в варварской среде³. В частности, один из упомянутых киликов в кургане 25 Елизаветовского могильника (1966 г.) сопровождался амфорой, первоначально атрибутированной как самосская (Брашинский, 1980. С. 107, 125), но в дальнейшем она была отнесена С.Ю. Монаховым к производству Милета (тип II – классический, вариант А) и датирована второй четвертью – серединой V в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 34, 35; Табл. 19, 3). Следует вспомнить и о находке килика, расписанного в стиле “мастера Хаймона” в могиле 1 кургана 3 около Нововасильевки вместе со скифосом группы St.-Valentin (Гребенников, 2008. Рис. 17, 7, 9). С. Ховард и Ф. Джонсон отнесли вазы с подобной росписью к VI группе, датированной ими последней четвертью V в. до н.э. (Howard, Johnson, 1954. P. 194, 206. Fig. 18). Приведенная в работе К.С. Горбуновой керамика этой группы относится к третьей четверти V в. до н.э. (Горбунова, 1972. 68–70. Рис. 9).

³ Нередкими являются и случаи достаточно продолжительного употребления посуды населением греческих колоний Северного Причерноморья. См., например, могила 96 (1913 г.), яма “Е” (1914 г.) некрополя Ольвии (Скуднова, 1988. С. 146–148, 172. Кат. 231; 266).

Сказанное убеждает в том, что предложенная Д. Бордманом дата (490–480 гг. до н.э. или немного позже) для времени деятельности “мастерской Хаймона” может определять лишь нижнюю границу бытования подобных сосудов в варварских комплексах Северного Причерноморья, которые могли использоваться здесь достаточно длительное время, вплоть до середины третьей четверти V в. до н.э. В связи с этим, представляется уместным достаточно осторожный подход к датированию комплекса кургана 459 возле Турии. Учитывая упомянутую возможность длительного бытования античной керамики, правильным будет предложить более широкую дату для турийского погребения, начиная от 490–480 гг., вплоть до середины V до н.э. включительно. Не противоречит этому и комплекс уздечных предметов, обычный для V в. до н.э.

Высота кургана 459 в Турии (2.3 м) вполне вписывается в средние показатели большинства из описанных раскопанных насыпей этого времени. Подобным образом и тип могильного сооружения (грунтовая яма с перекрытием) не является редким в Днепровский Правобережной Лесостепи среднескифского времени. В работе Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессоновой, С.А. Скорого, выделивших такие могилы в тип 1Б, учтено 14 подобных конструкций – более 15% из 89 проанализированных подкурганных погребальных сооружений среднескифской эпохи. Однако турийская могила выделяется на фоне остальных размерами (5 × 5, глубиной 2.05 м) (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989. С. 36–38). Господствующим для этого времени является и зафиксированный в данном кургане обряд трупоположения. Обычно и напутственное мясо, встреченное в 40% могил этого этапа на Тясмине (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989. С. 39, 40). Иногда вместе с покойным хоронили и коня. Но гораздо чаще в могилу ложились лишь предметы снаряжения лошади, словно символизирующие целое животное. В погребениях Днепровской Правобережной Лесостепи второй половины VI – V вв. до н.э., по подсчетам 80-х годов прошлого века, указанные детали встречены в более чем 32% гробниц (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989. С. 39, 40).

Видимо, в кургане 459 у с. Турия были погребены представители тогдашней средней прослойки всаднической знати. К сожалению, не известен пол и возраст погребенных, не полон инвентарь. Но в целом погребальный комплекс хоть и был ограблен, но, тем не менее, дал интересные материалы для характеристики погребального обряда и материальной культуры населения того времени.

Выражаем искреннюю благодарность А.В. Буйских и О.Е. Буравчук за любезные консультации при атрибуции греческого килика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю.* Значение некоторых украшений конского оголовья в Европейской Скифии V–IV вв. до н.э. // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Омский ГУ, 1987. С. 184–186.
- Альбом фотографий планшетов коллекций Д.Я. Самоквасова, хранящийся в кабинете археологии МГУ. 87 табл.
- Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В.* Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). Киев: ИА НАНУ, 2000. 236 с.
- Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк К.А.* Акташский могильник скифского времени в Крыму. Киев: Наук. думка, 1988. 220 с.
- Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П.* Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные Могила и Носаки / Ред. В.И. Бидзиля. Киев: Наук. думка, 1977. С. 61–158.
- Бобринской А.А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. II. СПб.: Типография В.С. Балашева и Ко, 1894. 225 с.
- Бобринской А.А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. III. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1901. 171 с.
- Бобринской А.А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Черкасском уезде Киевской губернии // ИАК. 1905. № 14. С. 1–43.
- Бобринской А.А.* Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1905 году // ИАК. 1906. № 20. С. 1–16.
- Бобринской А.А.* Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1908 году // ИАК. 1910. №35. С. 61–85.
- Бобринской А.А.* Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уезда Киевской губернии в 1909 году // ИАК. 1911. № 40. С. 43–61.
- Бокій Н.М.* Нові пам'ятки скіфського звіриного стилю з Кіровоградщини, Археологія. 1970. Т. XXIII. С. 182–188.
- Бокий Н.М.* Археологические работы на Кировоградщине в 1968 году // АИУ 1968 г. 1971. Вып. 3. С. 154–159.
- Браун Ф.А.* Отчет о раскопках в Таврической губ. в 1898 г. // ИАК. 1906. Вып. 19. С. 81–116.
- Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. JL: Наука, Ленингр. отд., 1980. 268 с.
- Галанина Л.К.* Скифские древности Приднепровья (САИ. 1977. Вып. Д 1–33). 68 с.
- Горбунова К.С.* Аттические вазы группы St.-Valentin // ТГЭ. 1972. Т. XII.
- Гребенников Ю.С.* Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н.э.). Николаев: ИА НАНУ, 2008. 191 с.
- Гущина И.И.* Несколько украшений конского убора скифского времени // КСИА АН СССР. 1962. Вып. 89. С. 66–69.
- Древности Приднепровья.* Вып. 2. / Сост. Б.И. Ханенко. Киев: фототипия и типография С.В. Кульженко, 1899. 44 с.
- Древности Приднепровья.* Вып. 3. / Сост. Б.И. Ханенко. Киев: фототипия и типография С.В. Кульженко, 1900. 22 с.
- Замятин С.Н.* Скифский могильник "Частые курганы" под Воронежем (раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910–1915 гг.) // СА. 1946. № VIII. С. 9–50.
- Золото степу.* Археологія України / Ред. П.П. Толочко. Шлезвіг: Археологічний музей, 1991. 440 с.
- Євдокимов Г.Л., Данилко Н.М., Могилів О.Д.* Скіфський курган з похованням коня на Херсонщині // Археологія. 2011. № 2. С. 103–109.
- Ильинская В.А.* Курганы скифского времени в бассейне р. Сулы // КСИИМК. 1954. № 54. С. 24–41.
- Ильинская В.А.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. 1965. № 1. С. 86–107.
- Ильинская В.А.* Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев: Наук. думка, 1968. 203 с.
- Ильинская В.А., Горишний П.А.* Бронзовая бляха из кургана у с. Жовнино // Скифский мир / Ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наук. думка, 1975. С. 207–209.
- Клочко В.И., Скорый С.А.* Курган Вакулина Могила // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон: Херсонский краеведческий музей, 1991. С. 99–109.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наук. думка, 1989. 333 с.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р.* Меоты Закубанья в середине VI – начале III века до н. э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М.: Наука, 2005. 192 с.
- Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону (САИ. 1965. Вып. Д1–31). 103 с.
- Манцевич А.П.* Курган Солоха. Л.: Искусство, 1987. 143 с.
- Могилів О.Д.* Спорядження коня скіфської доби у Люостепу Східної Європи. Київ-Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ, 2008. 439 с.
- Могилів А.Д., Діденко С.В.* Приналежності конського снаряження скифського типу однієї з колекцій Національного музею історії України STRATUM plus. 2005–2009. № 3. С. 195–216.
- Могилів О.Д., Діденко С.В.* Скіфський курган 448 біля с. Журавка - пам'ятка перехідного часу в Потясминні // Археологія. 2009. № 3. С. 45–55.
- Мозолевський Б.М.* Товста Могила. Киев: Наук. думка, 1979. 252 с.

- Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе в Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ / Ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наук. думка, 1980. С. 70–155.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды, Изд-во Саратовского ГУ, 2003. 352 с.
- ОАК за 1898 г. СПб: Типография Главного управления уделов, 1901. 191 с.
- ОАК за 1912 г. Пг.: Типография Главного управления уделов, 1916. 130 с.
- Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская Скифия. Симферополь: Таврия, 1990. 128 с.
- Онайко Н.А. Античный импорт в Приднпровье и Побужье в VII–V вв. до н. э. (САИ. 1966. Вып. Д 1–27). 70 с.
- Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднпровья в V–III вв. до н.э. (САИ. 1967. Вып. Д 1–4). 180 с.
- Пузикова А. И. Курганы скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М.: Индирик, 2001. 271 с.
- Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 5–107.
- Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л.: Искусство, Ленингр. отд., 1988. 183 с.
- Ролле Р., Махортых С.В., Черненко Е.В. Комплекс кінського спорядження середини I тис. до н.е. з басейну Ворскли // Більське городище та його округ (до 100-річчя початку польових досліджень). Київ: Шлях, 2006. С. 101–104.
- Ролле Р., Черненко Е., Махортых С. Комплекс уздечных принадлежностей середины I тыс. до н.э. из бассейна Ворсклы // Від Кіммерії до Сарматії. Київ: Корвін прес, 2004. С. 71–72.
- Саенко В.И. О крыльях и ушах в искусстве звериного стиля // STRATI plus. 2003–2004. № 3. С. 313–319.
- Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев: ИА НАНУ. 1997. 173 с.
- Скорый С., Хохоровски Я. Курганы Скифская Могила в Днепропровской Правобережной Лесостепи (некоторые предварительные итоги исследования) // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Вип. IX. Запоріжжя: Запорізький ДУ, 2004. С. 239–244.
- Скорый С.Л., Хохоровски Я. Аристократический курган Скифская Могила вблизи Мотронинского городища (Украинская Правобережная Лесостепь) // STRATUM plus. 2005–2009. № 3. С. 234–276.
- Тереножкин А.М., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. Киев: Наук. думка, 1988. 246 с.
- Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1889. Вып. 2. 161 с.
- Фундуклей И.И. Обзорение могил, валов и городищ Киевской губернии. Киев: Типография Ф. Гликсберга, 1884. 124 с.
- Черненко Е.В. Скифські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова // Археологія. 1970а. Т. XXIII. С. 176–181.
- Черненко Е.В. Погребения с оружием из некрополя Нимфея // Древности Восточного Крыма. Предскифский период и скифы / Ред. А.М. Лесков. Киев: Наук. думка, 1970б. С. 190–198.
- Шапошникова О.Г. Погребение скифского воина на р. Ингу (предварительная публикация) // С А. 1970. № 3. С. 208–212.
- Шапошникова О.Г., Ребедайло Г.П. Курганный комплекс у с. Новорозановки // Древности Поингуля / Ред. О.Г. Шапошникова Киев: Наук. думка, 1977. С. 66–78.
- Шилов В.П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1961. №1. С. 150–168.
- Яковенко Э.В. Предметы звериного стиля в ранне-скифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Ред.: А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова М.: Наука, 1976. С. 128–137.
- Boardman J. Schwarzfigurige Vasen aus Athen. Mainz am Rhein: Verlag Philip von Zabern, 1985. 278 p.
- Howard S., Johnson F. The Saint-Valentin Vases // AJA. 1954. V. 58. № 3. P. 191–207.
- Gawlik A. Znaleziska scytyjskie na Wyżynie Mołdawskiej i Besarabskiej // Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. 1998. T. XIX. S. 53–78.
- Kemenczei T. Adatok a szkítakor kezdetének kérdéséhez az Alföldön // Folia archaeologia. 2000. XLVIII. S. 27–54.
- Moore M., Philippides M. Attic Black-Figured pottery // The Athenian Agora 1986. V. 23.382 p.
- Očir-Gorjaeva M.A. Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga // Archäologie in Eurasien. 2005. Bd. 19. 184 s.
- Pârvan V. Dacia. Civilizațiile antice din tarile Carpato-Danubiene. București: Editura Stiintifica, 1967. 271 p.
- Simion G. Le site de Celic-Déré. Interprétations ethno-culturelles et implications dans la chronologie du Hallstatt final // Culturi antice in zona gurilor Dunarii. 2003. V. I. P. 217–236.

СТЕКЛЯННЫЙ КУБОК СО СЦЕНОЙ ПОЕДИНКА ГЛАДИАТОРОВ ИЗ КОЧЕВНИЧЕСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ЛЕБЕДЕВКА V (ЗАПАДНЫЙ КАЗАХСТАН)

© 2014 г. М.Г. Мошкова*, М.Ю. Трейстер**

*Институт археологии РАН, Москва

**Институт переднеазиатской археологии Свободного университета, Берлин
(mikhailtreister@yahoo.de)

Ключевые слова: Западный Казахстан, Лебедевка, кочевники, римские импорты, Беграм, стеклянный сосуд, гладиаторы.

The article is devoted to the find of the unique glass vessel with the enamel painting in the burial 1 of the barrow 23 of the burial ground Lebedevka V in the Western Kazakhstan. The context of the find examined thoroughly allows its dating to the middle of the 3rd c. AD. of the main attention was paid to the description and attribution of the glass vessel with the depiction of four gladiators. It belongs to the group of vessels of an exquisite quality, which were very likely to be produced in the Near East, and bears a strong resemblance to piece found in the Treasury of Begram (Afghanistan). The dating of these vessels is arguable. Different researches suggest dates within the late 1st – the first half of the 3rd cc. AD. The context of find from Lebedevka gives only terminus ante quem for the vessel and does not allow to precise its dating in the above mentioned chronological frames. However, taking into consideration that such a fragile piece of art is unlikely to be kept and passed on from generation to generation in the nomadic community both its late dating within these period and correspondingly the dating of the goblet from Begram to the second half of the 2nd c. AD are preferable. In conclusion, the find is considered in the context of the numerous import items of the western and eastern origin found in the excavation of the Lebedevka barrow-mounds.

Данная статья посвящена уникальному памятнику – римскому стеклянному кубку с росписью эмалевыми красками, найденному в погребении кочевника могильника Лебедевка в Западном Казахстане.

Археологический микрорайон Лебедевка, включающий серию могильников, расположен примерно в 200 км к востоку-юго-востоку от г. Уральск в Западном Казахстане на вершине плато Есен-Амантау. В раскопках, проводившихся здесь начиная со второй половины 60-х годов прошлого века до первого десятилетия нынешнего столетия, были открыты важные погребальные комплексы позднесарматской культуры, содержавшие импортные предметы как западного, так и восточного происхождения. Курганная группа V была одной из двух наиболее многочисленных в Лебедевке и включала два скопления курганов: основного – из 40 курганов и 2 культовых сооружений, расположенных в юго-восточной части могильника, и второго – из 18 насыпей и 3 культовых сооружений – к северо-западу от первого. Во второй группе и находился раскопанный в 1978 г. курган 23, который

выделялся среди курганов этой группы своими размерами и богатством инвентаря. Он содержал два погребения: разграбленное основное (№ 2) в широкой могиле, где была похоронена женщина, и впускное в подбойной могиле – мужское (№ 1). Оба погребенных лежали в гробах.

Инвентарь основного погребения оказался особенно обилен (Мошкова, 1982. С. 82, 83; 2010. С. 345). Здесь найдены бронзовое китайское зеркало с петлей и восьмиарочным орнаментом (Мошкова, 1982. Рис. 1, 4; Боталов, Гуцалов, 2000. С. 130, 126, 127. Рис. 38, 58; Берлизов, 2011. С. 224. Табл. 75, 3; Treister, 2013. Anm. 103), лучковая фибула с подвязным приемником и фигурной обмоткой (Мошкова, 1982. Рис. 1, 1; 2000. С. 186. Рис. 3, 6), золотые нашивные штампованные бляшки, гончарный чернолощеный кувшин (Мошкова, 1982. Рис. 1, 7), лепные кувшин и миска. Под правое колено погребенной была положена вверх дном бронзовая пате-ра на невысоком кольцевом поддоне. Ручка ее отломана, и на стенке сохранились лишь остатки атташа (Мошкова, 1982. С. 82, 85. Рис. 2, 1, 2; Берлизов, 2011. С. 223, 224. Табл. 75, 1: “тип Миллинген”).

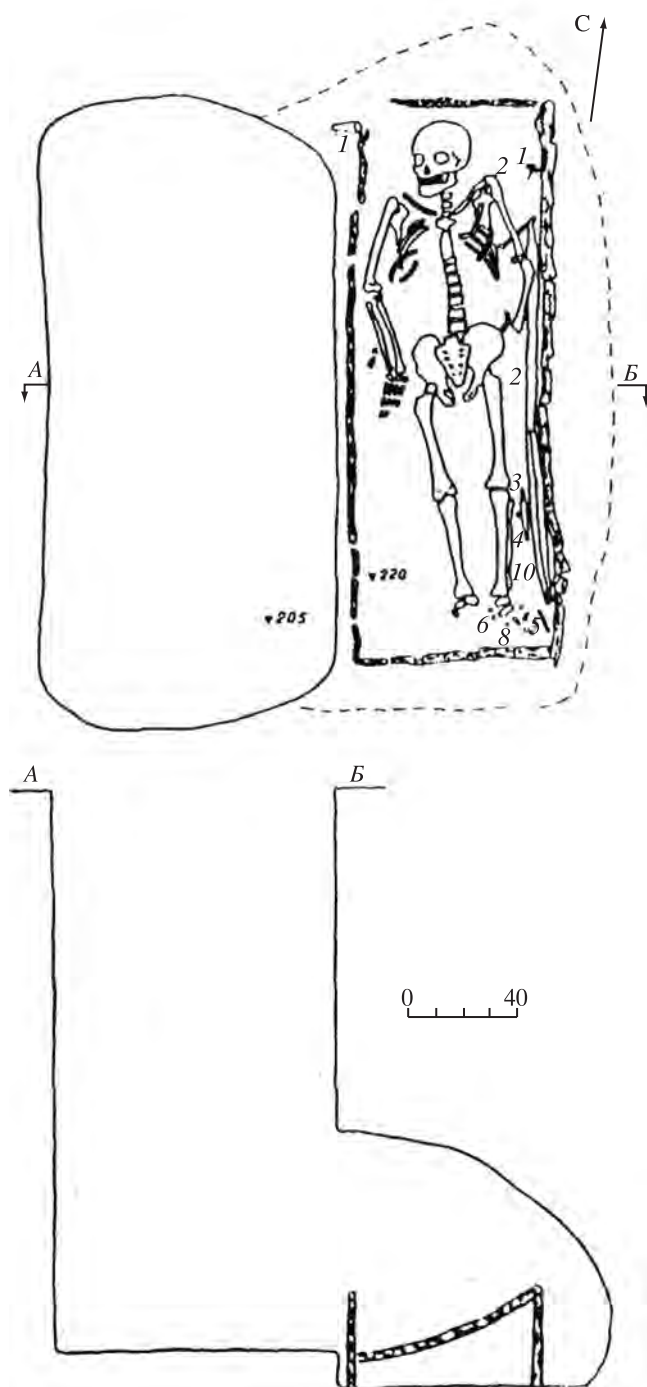

Рис. 1. Лебедевка V, курган 23, погр. 1. План погребения и разрез катакомбы. 1 – халцедоновое навершие; 2 – железный меч; 3 – железный кинжал; 4 – бронзовая пряжка; 5 – железный нож; 6 – железный предмет; 7 – стеклянный кубок; 8 – золотые бляшки; 9 – бронзовая фибула; 10 – каменный оселок.

Южнее патыры лежал железный черпак с длинной плоской ручкой (Мошкова, 1982. Рис. 1, 5).

Впускное погребение 1 (рис. 1) сохранилось полностью. Захоронение было совершено в довольно обширной подбойной могиле (входная яма

размерами 2.5 x 1.2 м, глубиной 2.05). Подбой находился в восточной стенке (2.55 x 1 м, глубина 2.2) (Мошкова, 2010. С. 345, 348). На дне его стоял гроб. Лежащий в гробу, крышка и дно которого были посыпаны меловым порошком, мужчина 40–45 лет был ориентирован головой на север. Череп его носил следы незначительной искусственной деформации. При погребенном обнаружен разнообразный и довольно богатый инвентарь. У левого плеча погребенного находилась бронзовая лучковая фибула (рис. 2, 9) с подвязным приемником (Мошкова, 1982. С. 83. Рис. 1, 2; 2010. С. 346, 348). Слева от мужчины вплотную к стенке гроба располагался длинный (0.95 м) линзовидный в сечении железный меч без перекрестья, рядом с рукоятью которого находилось дисковидное халцедоновое навершие с бронзовым штифтом, который заканчивался квадратной шляпкой (рис. 2, 1, 8). На бронзовом штифте сохранились остатки дерева и кожи от рукояти меча (Мошкова, 2010. С. 346, 348). Чуть ниже меча, почти вплотную к колену и берцовым костям, лежал короткий железный кинжал (рис. 2, 2) с обломанным острием. Примерно на уровне середины его лезвия между ним и берцовыми костями погребенного находилась маленькая бронзовая португейная пряжка с подвижным язычком, сделанная из массивного треугольного в сечении прута (рис. 2, 7). Ближе к стенке лежал квадратный в сечении каменный оселок необычной длины 0.68 м (рис. 2, 3). В районе стоп погребенного находился фрагментированный железный нож и 44 золотые нашивные бляшки, 5 из которых имели полусферическую форму с плоским ободком, а 39 – форму зигзагов с округлыми выпуклостями на краях и представляли собой схематические воспроизведения головок барана (рис. 2, 4, 5). У северо-западного угла гроба на дне подбоя лежал во фрагментированном состоянии стеклянный расписной кубок (рис. 3–5), который, вероятнее всего, был изначально поставлен на крышку гроба (Мошкова, 1982. С. 84; 2010. С. 346, 347, 350; Treister, 2013. S. 737. Abb. 6). (Кубок был отреставрирован благодаря высочайшей квалификации и беспредельному терпению реставратора И.А. Хазановой.)

Анализ инвентаря кургана 23 позволил М.Г. Мошковой датировать памятник в рамках второй четверти – середины III в. н.э. (2010. С. 347). В пользу этой датировки свидетельствуют и форма португейной пряжки, и конструкция длинного меча с дисковидным халцедоновым навершием. В Лебедевке найдены шесть мечей с такими навершиями (Мошкова, 1982. С. 84), находки которых концентрируются в кочевнических погребениях середины II – середины III в. н.э. в Нижнем Подонье и Лебедевке (Безуглов, 2000. С. 179, 188. Рис. 2; Мошкова, 2001. С. 241). Еще одна находка такого меча

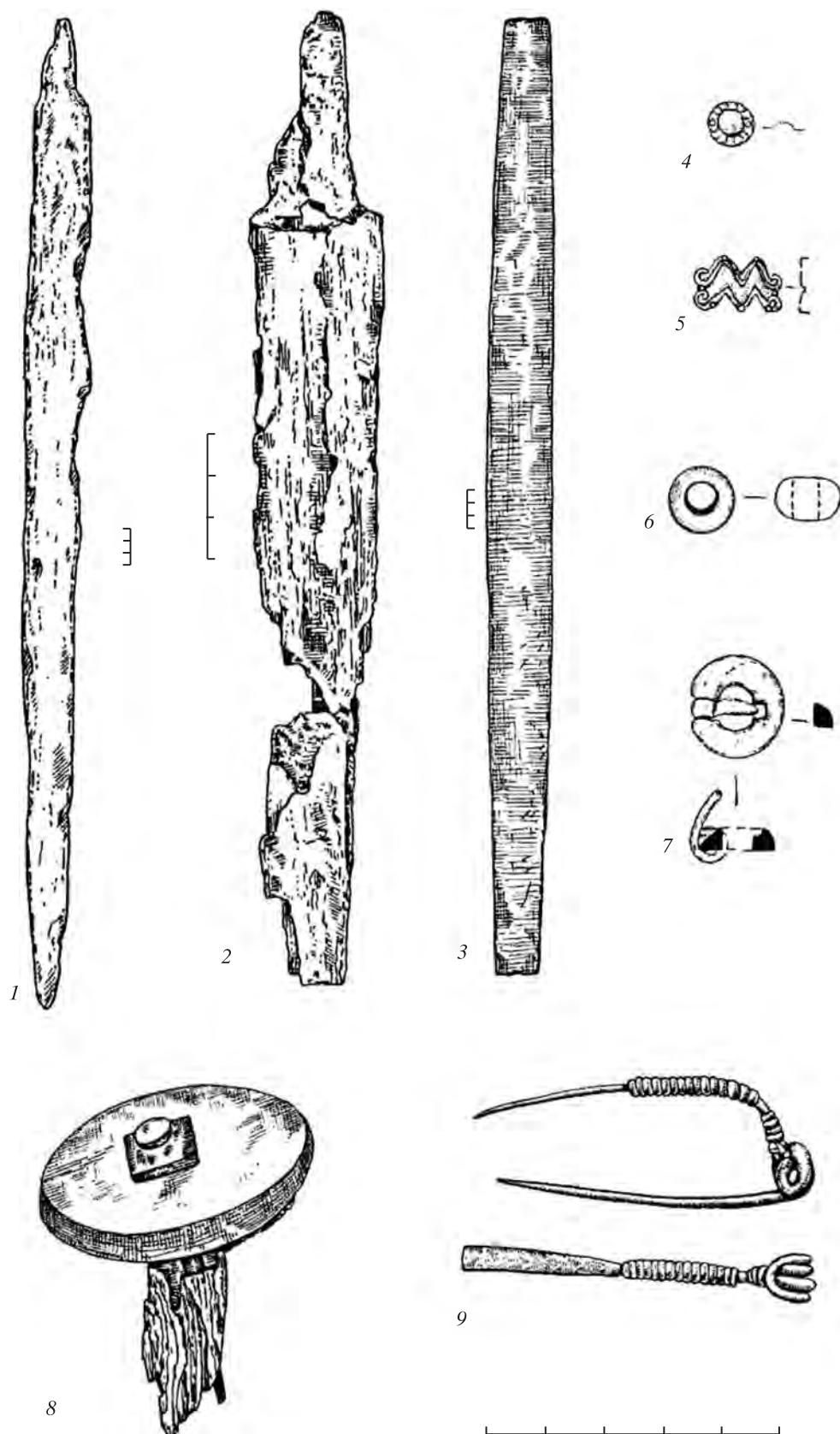

Рис. 2. Находки из погр. 1 кургана 23. 1 – железный меч; 2 – железный кинжал; 3 – каменный оселок; 4, 5 – золотые нашивные бляшки; 6 – халцедоновая бусина; 7 – бронзовая пряжка; 8 – халцедоновое навершие меча; 9 – бронзовая фибула.

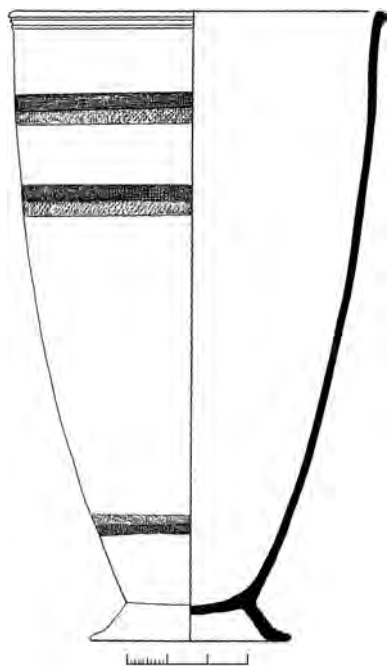

Рис. 3. Стекланный кубок (с росписью). Чертеж.

с халцедоновым навершием в Южном Приуралье происходит из кургана 43 могильника Покровка 10 (Малашев, Яблонский, 2008. С. 59. Рис. 162, 1–8). Очень близкое по форме лебедевским находкам навершие найдено в мужском погребении кургана 1, раскопанного Г.И. Багриковым в 1967 г. (Багриков, Сенигова, 1968. С. 83, 84. Рис. 14, 8; Treister, 2013. S. 733. Abb. 1).

Погребения в курганах 1 и 2/1967 раскопок Г.И. Багрикова синхронизируют бронзовый кувшин с ручкой, имеющей атташ в виде маски Силена, в кургане 1 (Багриков, Сенигова, 1968. С. 83, 85. Рис. 15; L'uomo d'oro..., 1998. P. 239. No. 515; Мошкова, 2009. С. 110, 111; Treister, 2013. S. 734. Anm. 5. Abb. 2) и аналогичная отломанная ручка в кургане 2 (Багриков, Сенигова, 1968. С. 75, 76. Рис. 5, 1; Мошкова, 2009. С. 105, 110. Рис. 4; Treister, 2013. S. 734. Anm. 6. Abb. 3). В недавно вышедшей работе Н. Берлизов датирует оба погребения кургана 23 временем около середины II в. н.э. (2011. С. 224), что позволяет ему относить погребения с предметами западного и восточного импорта к периоду между 74 и 125 г. н.э., когда, по его мнению, сюда проникали китайские купцы с караванами (Берлизов, 2011. С. 221). При этом исследователь не принимает во внимание некоторые комплексы или импортные предметы из других комплексов¹,

а методика датирования комплексов, содержащих предметы западных импортов, по китайским зеркалам вызывает серьезные возражения, на что уже обращал внимание один из авторов этой статьи (Treister, 2013. S. 742, 743. Anm. 35, 84). Датировки погребений временем около середины III в. н.э. не подлежат сомнению (о хронологии позднесарматских погребений Южного Приуралья см. Малашев, 2007. С. 114; 2009. С. 49, 50; Малашев, Яблонский, 2008. С. 62, 63, 83, 334, 335. Рис. 211, 212) и подкрепляются анализом бронзовых фибул, пряжек, узкогорлой светлоглиняной амфоры боспорского производства, а также керамики и золотых украшений местных типов (Мошкова, 2001. С. 241, 242; 2009. С. 112).

Особого внимания заслуживает находка во впускном погребении 1 мужчины-воина стекланный расписной кубок (высота 15.7–15.8 см; внешний диаметр по краю 9.12–9.17; внешний диаметр у поддона 3.5–3.54; толщина стенок 2.7–2.8; диаметр поддона 4.92–5.2) с изображением гладиаторов. Верхний орнаментальный фриз имеет максимальную ширину 2.98 см; ширина красных полос по краям – 2.7–3.3 см; желтых – 3.3–3.6; фигурного фриза – 7.85–8.1.

Кубок имеет коническую форму, плавно расширяющуюся вверх, и снабжен кольцевым поддоном (рис. 3). Декор сосуда образован двумя фризами: орнаментальным сверху и сюжетным ниже (рис. 4). Под венчиком расположен орнаментальный фриз, ограниченный сверху и снизу двумя полосами: желтого и красного цветов. Плохо сохранившийся орнамент образуют розетты, составленные из округлых лепестков желтого, голубого и зеленого цветов.

Основной фриз образуют четыре фигуры гладиаторов. Композиционный центр – изображение сражения двух из них (рис. 5, 2). Оба сражающихся гладиатора изображены в шлемах. Если шлем левой фигуры имеет гребень и широкие поля с декоративными кистями, свисающими со шлема, то шлем правого гладиатора – другой. Правые руки гладиаторов защищены доспехами (*manica*), проработанными поперечными коричневыми линиями, при этом *manica* правого воина дополнительно покрашена желтым цветом. У левой лучше сохранившейся фигуры имеются пояс (*baleus*), поножи на обеих ногах (*ocrea*) и прямоугольный щит. Все они показаны желтым цветом, щит по контуру обведен красной линией. Оба гладиатора носят набедренные повязки (*subligaculum*), светлые цвета фона сосуда,

¹ Например, погребение кургана 3 в Темясово, в котором была найдена провинциально-римская фибула с эмалью ромбовидной формы (Пшеничнюк, Рязанов, 1976. С. 134, 135. Рис. 4, 2; Мошкова, 2000. С. 187, 190. Рис. 3, 4), находки

которых в Западной Европе датируются в рамках второй половины II – начала III в. н.э., относится Н.Е. Берлизовым к середине II в. н.э. (2011. С. 224).

Рис. 4. Развертка стеклянного кубка с росписью эмалевыми красками. Фото Ю.И. Демиденко (см. цветную вклейку № 3).

Рис. 5. Сцены росписи стеклянного кубка: 1 – одиночный гладиатор слева от сцены схватки; 2 – схватка гладиаторов; 3 – одиночный гладиатор справа от сцены схватки. Фото Ю.И. Демиденко (см. цветную вклейку № 3).

поверх которых надет широкий пояс. Щит (рис. 6, 1), пояс и поножи правого гладиатора имеют цвет фона кубка и дополнительно проработаны штрихами и контурными линиями красно-коричневого цвета. Отметим, что форма щита правого гладиатора овальная (рис. 5, 2).

Подтверждает реконструкцию костюма гладиаторов центральной группы лучше сохранившаяся фигура одиночного воина, изображенная слева от них. Здесь отчетливо видна широкая светлая набедренная повязка с поясом, надетым поверх нее, обозначенным желтым цветом. *Manica* и поножи дополнительно покрашены голубым. В левой руке гладиатор держит перед собой небольшой округлый щит цвета фона сосуда, оконтуренный поло-

сой коричнево-красного цвета с декором из линий, образующих розетту в центре, и точек ближе к краю. Какое оружие находилось в его правой руке – трудно сказать; не исключено, что это был короткий меч (*gladius*). Очевидно, что на голове фигуры шлем желтого цвета, ясно, что у него нет широких полей (рис. 5, 1; 6, 2), но форму его представить достаточно трудно, хотя есть основания полагать, что это такой же шлем, как и на фигуре правого гладиатора сражающейся группы. Изображенная справа от основной группы фигура четвертого воина представлена *en face*. На голове его, как предположила М.Г. Мошкова в предварительной публикации (2010. С. 346), – венки, но это скорее всего шлем. Гладиатор одет в набедренную повязку зеленого

Рис. 4

Рис. 5

цвета с желтым поясом, на ногах его поножи, на одной из которых видны следы голубой раскраски. Правая рука отведена в сторону и чуть вверх, в ней, вероятнее всего, находилось копье, угадывается и *manica* на локтевом сгибе. В левой руке – изображенный в ракурсе щит округлой или овальной формы желтого цвета с полосой коричнево-красного цвета по краю и точечным декором (рис. 5, 3).

Очевидно, что левая фигура центральной сцены (рис. 5, 2) с гладиатором в большом шлеме с гребнем и широкими полями, с маникой на правой руке, в поножах и с прямоугольным щитом изображала фракийца, хотя и не ясно, держал ли он в правой руке кривой фракийский меч (*sica*) – подобные изображения известны, в частности, на светильниках (Junkelmann, 2008. S. 120. Abb. 183), рельефной малоазийской керамике (пергамского и книдского производства) (Mandel, 1988. S. 195. Nr. P 126, K 204. Taf. 18, 30) и надгробиях гладиаторов (Junkelmann, 2008. S. 28. Abb. 31). Его противника с овальным щитом можно было бы определить как мирмиллона, которые и по упоминаниям в надписях, и в изображениях на малоазийской керамике, на рельефах (например, из Пескары: Junkelmann, 2008. S. 192. Abb. 328), на фреске из Помпей (Junkelmann, 2008. S. 191. Abb. 327), и на мозаиках² выступали противниками фракийцев (Mandel, 1988. S. 195, 196. Anm. 1400), однако мирмиллоны носили поножи только на левой ноге и были оснащены прямоугольным щитом (*scutum*). Интересно, что, судя по изображениям на мозаиках³, мирмиллоны обычно сражались именно с фракийцами или с гопломахами. Фракийцы сражались также с гопломахами⁴, но у гопломахов, которые были вооружены копьем и гладиусом, был маленький круглый щит, а не овальный. По аналогии с мозаикой в Злитене (Parrish, 1985. Fig. 20; Dunbabin, 1978. Pl. XX, 49; 1999. Fig. 124; Kondoleon, 1991. Fig. 5, 6) скорее как гопломаха можно определить правую одиночную фигуру (рис. 5, 3) кубка из Лебедевки.

Кого изображала левая фигура (рис. 5, 1) фриза, сказать трудно: шлем его (рис. 6, 2) как будто бы похож на шлем правого гладиатора центральной

сцены, но поножи и маника имеют другую раскраску, и его щит не овальный, а круглый. Маленькими круглыми щитами были оснащены не только гопломахи, но и эквиты, которые никогда не выступали с обнаженным торсом, были одеты в туники и сражались только между собой⁵. В отличие от правой одиночной фигуры, которую предположительно можно определить как гопломаха, у левой фигуры на фризе кубка не только шлем другого типа, но и набедренная повязка, маника и поножи выкрашены другими цветами. Таким образом, очевидно, что мастер, расписавший кубок из Лебедевки, не ставил перед собой задачу точно передать детали костюма, доспеха и оружия различных типов гладиаторов.

М.Г. Мошкова, основываясь на исследовании М. Меннингера, относит кубок из Лебедевки к середине II – второй четверти III в. н.э. (Мошкова, 2010. С. 347). Действительно, ближайшая параллель кубку из Лебедевки и по форме, и по сюжету, и по дополнительным деталям декора (фриз розетт из точек вдоль края) – сильно фрагментированный кубок с изображением гладиаторов из сокровищницы в Беграме (Афганистан) (Hackin, 1939. P. 39, 40. No. 199 (52). Pl. 14; Coarelli, 1962. P. 333. Fig. 16; 1963. P. 65–67. Pl. XIII, 2; Menninger, 1996. S. 56, 57. Taf. 19, 3, 4). Сцены сражений гладиаторов в двух горизонтальных регистрах представлены и на кубке из погребения Туннехульт 2 в Любсове (Померания) на территории Польши, который до недавнего времени считался утраченным (Eggers, 1951. S. 178. Form 186; 1953. S. 93, 94. Taf. 6, a, b; Coarelli, 1963. P. 61–65. Pl. 7, 1; 8–10, 1; Menninger, 1996. S. 59, 60. Taf. 20, 2; von Saldern, 2004. S. 442. Anm. 38). Мелкие фрагменты его были недавно обнаружены в Народном музее Щецина (Greiff, 2010. S. 342–378. Taf. 33; 59, 1; Schuster, 2010. S. 58–60).

Проанализировав эти сосуды, М. Менninger пришел к выводу о датировке кубка из Любсова временем около середины II в. н.э., а кубка из Беграма – второй половиной того же столетия (Menninger, 1996. S. 63–67). При этом, по мнению М. Меннингера, кубок с гладиаторами из Беграма относится к заключительному этапу стилистического развития беграмских стеклянных кубков, который может быть датирован временем вплоть до второй четверти III в. н.э. (Menninger, 1996. S. 68–70).

Еще один сосуд с изображением двух схваток четырех гладиаторов, представленных на одном фризе, происходит из погребения-кремации в Заборове в Польше. У. Лунд Хансен определила две фигуры, по одной в каждой группе: гопломаха и ретиария

² Например, из виллы в Злитене в Ливии (Dunbabin, 1978. P. 235–237, 278. Zliten 1e. Pl. 1; XX, 49; 1999. P. 121. Fig. 124; Kondoleon, 1991, 108. Fig. 5, 6; Junkelmann, 2008. Abb. 141, 142), инсулы 30 в Аугсте (ок. 200 г. н.э.) (Junkelmann, 2008. Abb. 136) и из так называемого дома гладиаторов в Курионе на Кипре (Michaelidis, 1987. P. 22–24. Nos. 21, 22. Pl. X: вторая половина III в. н.э.; Dunbabin, 1999. P. 229; Junkelmann, 2008. Abb. 326).

³ См. изображения на мозаике из Аугста и на фреске из виллы в Мехерне, Заарланд, II в. н.э. (Junkelmann, 2008. Abb. 134, 145).

⁴ См., например, терракотовую группу в Британском музее и рельеф, предположительно, из Рима (Junkelmann, 2008. Abb. 186, 324).

⁵ См., например, изображения на мозаике из Аугста (Junkelmann, 2008. Abb. 133) и Бад Крейцнаха в Германии (Parrish, 1985. Fig. 22).

(Stawiarska, 1999. S. 104, 243. No. 16; 243; Słowińska et al., 2008. P. 125–159; Lund Hansen, 2012. P. 227–233. Fig. 2–4). С датировкой комплекса, который издателями был отнесен к фазе B2/C1, однако, не все ясно, так как он был найден в кремации, не содержащей никаких других предметов, и, по мнению Я. Шустера, его можно скорее всего отнести к фазе B2 (Słowińska et al., 2008. S. 128; 136. Abb. 9; ср. Schuster, 2010. S. 59. Anm. 306), т.е. не позднее 150 г. н.э.

До сих пор специалисты не обращали внимания на еще один фрагмент расписного стеклянного сосуда, опубликованный сравнительно недавно. Он происходит из Виндоланды у Вала Адриана, и на нем представлено изображение схватки секутора и ретиария; фрагмент датируют II–III вв. н.э. (Allason-Jones, 2007. P. 149. Fig. 140; Junkelmann, 2008. S. 203. Abb. 343). То, что тема поединка гладиаторов использовалась в декоре стеклянных сосудов, расписанных эмалевыми красками, и в период поздней античности свидетельствует находка кувшина в Келлисе (совр. Исмант эль-Хараб) в Верхнем Египте (Hope, Whitehouse, 2003. P. 291–310. Pl. 5–7).

Впрочем различные точки зрения существуют по-прежнему и на датировку комплекса из Любсова: вторая половина I в. н.э. (von Saldern, 2004. S. 442); 70–180 гг. н.э. (Menninger, 1996. S. 59, 60), и сокровищницы Беграма. Если с погребением из Любсова ситуация проясняется, особенно после его недавней фундаментальной публикации Я. Шустером с датировкой около середины II в. н.э. (Schuster, 2010. S. 215–223), то конические кубки “группы Беграм” датируются разными исследователями в интервале от I до первой половины III в. н.э.⁶ Ситуация с датировкой контекста беграмской находки еще более неопределенная (Cambon, 2010. P. 75), хотя в последнее время вновь появляются мнения о необходимости датирования комплекса находок в пределах I – начала II в. н.э. (Mairs, 2012. P. 61–74).

Еще одна важная параллель кубку из Лебедевки – фрагментированный стеклянный кубок несколько меньших размеров, выполненный в аналогичной технике с подобным же декором в виде розетт, обрамляющих несохранившуюся центральную сцену.

Он происходит из засыпи ограбленной в древности гробницы аристократического некрополя Горгиппии (Алексеева, Сорокина, 2007. С. 53, 54. Табл. 35, 5. Рис. 5). Данных для определения времени этого сооружения нет, по поводу датировки погребений в соседних монументальных гробницах существуют различные точки зрения: от третьей четверти II до середины III в. н.э. (см. Treister, 2003. P. 43–85).

Никаких веских оснований, которые бы базировались на хронологии контекста, для узкой датировки кубка с гладиаторами из Беграма, ближайшей, пусть и не абсолютной параллели кубку из Лебедевки, нет. Еще меньше оснований для определения даты дает сопоставление с другими изображениями близких сцен, например на мозаике из Злитена, тем более что и с ее датировкой не все так однозначно и разные исследователи относят ее к интервалу от конца I до первой четверти III в. н.э.⁷ И тем более невозможно говорить о каких-то стилистических параллелях, хотя, безусловно, существуют определенные сходства в композиции фриза на мозаике из Ливии и на кубке из Лебедевки. Они проявились, в частности, и в том, что справа от группы сражающихся гладиаторов и на мозаике, и на кубке представлена *en face* фигура гопломахы с копьем в правой руке и круглым щитом в левой.

Комплекс находок в погребении 1 кургана 23 группы Лебедевка V, который датируется временем около второй четверти – середины III в. н.э., дает лишь *terminus ante quem* стеклянного сосуда и не может служить аргументом для отнесения таких сосудов к более раннему или более позднему времени в рамках конца I – первой половины III в. н.э. Вместе с тем, учитывая то, что в среде кочевников такое хрупкое изделие с очень небольшой вероятностью могло существовать столетиями и передаваться по наследству, его поздняя датировка в пределах обозначенного хронологического диапазона, а соответственно и отнесение кубка из Беграма ко второй половине II в. н.э. представляются более вероятными.

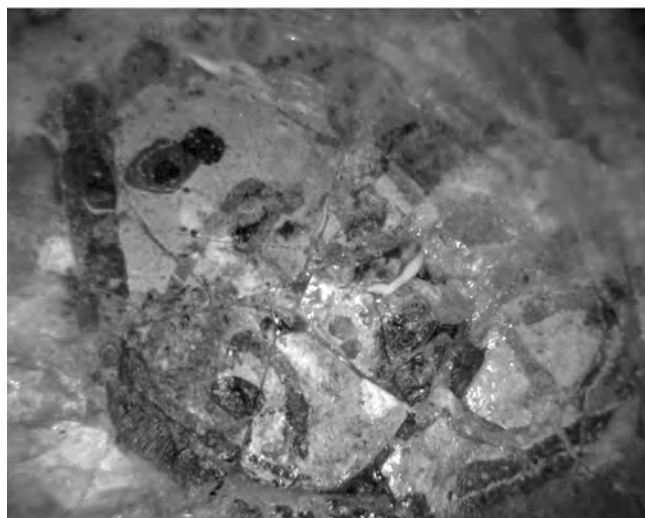
Вопрос центров изготовления таких сосудов оставался до недавнего времени открытым, хотя предположение об их изготовлении в Египте кажется предпочтительным. Возможная локализация мастерской в Египте как будто подтверждается и находками стеклянных сосудов и их фрагментов, расписанных в такой технике, на территории Египта

⁶ I в. н.э. (Kurz, 1954. P. 102, 103; La Gloire..., 1998. P. 155. No. 92); конец I – начало II в. н.э. (Whitehouse, 1989a. P. 153; 1989b. P. 97; 2001. P. 441, 444, 445; Hope, Whitehouse, 2003. P. 306; von Saldern, 2004. S. 437); середина II – вторая четверть III в. н.э. (Coarelli, 1962. P. 324; 1963. P. 71; Menninger, 1996. S. 71). См. также полезный обзор, посвященный стеклянным сосудам из Беграма: <http://www.pressglas-korrespondenz.de/aktuelles/pdf/pk-2009-3w-sg-afghanistan-begram.pdf>

⁷ Конец I – начало II в. н.э. (Ville, 1965. P. 151, 152); первая половина II в. н.э. (Kondoleon, 1995. P. 73; Dunbabin, 1999. P. 119. Note 49); ок. 150 г. н.э. (Dunbabin, 1978. P. 237); конец II – первые десятилетия III в. н.э. (Parrish, 1985. P. 158; Kondoleon, 1991. P. 108, 114. Note 18). См. также обзор, посвященный мозаике и проблемам ее датировки: http://www.mediterranees.net/art_antique/oeuvres/zliten/dation.html

1

2

Рис. 6. Детали росписи стеклянного кубка. 1 – щит правого гладиатора центральной сены; 2 – шлем левой одиночной фигуры. Фото М.Ю. Трейстера.

(Hope, Whitehouse, 2003. P. 300–306). Проведенное недавно археометрическое исследование фрагментов кубка из Любсова и других расписных стеклянных сосудов позволяет утверждать, что кубок из Любсова – изделие мастерской Ближнего Востока (Greiff, 2010. S. 377, 378). В этой связи привлекает внимание не только сходство техники росписи на кубках из Любсова и Лебедевки, но и близкий состав стеклянной основы сосудов (см. приложение).

Итак, сосуд из Лебедевки относится к группе редчайших сосудов эксклюзивного качества ближневосточного или египетского производства, а контекст находки подтверждает высказывание А. фон Зальдерна, что такие экзотические красочно расписанные кубки пользовались спросом варварской аристо-

кратии за пределами Римской империи (von Saldern, 2004. S. 444; см. также Schuster, 2010. S. 60).

Наряду с импортами с территории западных и восточных провинций Римской империи в богатые погребения Лебедевки III в. н.э. попадали предметы, происходившие с территории Боспорского государства, игравшего роль буфера между Империей и кочевым миром степей Северного Причерноморья (Мошкова, 1982. С. 84; Treister, 2013. S. 738). Так, светлоглиняная узкогорлая амфора варианта D (Багриков, Сенигова, 1968. С. 82, 83. Рис. 12), найденная в одном погребении кургана 1/1967 с бронзовым кувшином (см. выше) и тазом (Багриков, Сенигова, 1968. С. 83, 84. Рис. 14, 9; L'uomo d'oro..., 1998. P. 238. № 514; Treister, 2013. S. 734, 735. Anm. 18. Abb. 4), относится к продукции керамических мастерских Танаиса III в. н.э. (Шелов, 1983, С. 62, 63; Мошкова, 2000. С. 191; 2001. С. 241). К изделиям боспорских мастерских относится и небольшая серия бронзовых проволоочных так называемых лучковых и сильнопрофилированных фибул (Мошкова, 2000. С. 186, 187, 192. Рис. 3, 6, 10; 2001. С. 241).

Центральноазиатские и дальневосточные импорты представлены длинными мечами с халцедоновыми наконечниками и скобами. Не исключено, что в одном из курганов была найдена китайская лаковая шкатулка (Багриков, Сенигова, 1968. С. 80). Два зеркала типов, получивших распространение в эпоху Хань, найдены в Лебедевке: одно из них – упомянутое выше – относится к восьмиарочному типу, второе – к типу TLV (Мошкова, 1982. С. 84, 85. Рис. 2, 3; Mochkova, 1994. P. 84, 87; Боталов, Гуцалов, 2000. С. 126, 127, 130. Рис. 38, 103; Симоненко, 2010. С. 396)⁸; Берлизов, 2011. С. 224. Табл. 75, 4). Находки этих зеркал в Лебедевке примечательны. Китайские зеркала эпохи Хань и их подражания прекрасно маркируют так называемый Северный (или Степной, или Меховой) путь Великого Шелкового пути, шедший через Ферганскую долину к Приаралью и далее на северо-запад в степи Южного Приуралья. Переправу через Волгу в районе Самарской луки отмечают три компактно расположенные находки таких зеркал. Найденные на левобережье Волги и на Дону зеркала показывают их распространение через районы Среднего Дона на Нижний Дон вплоть до боспорского форпоста Танаис, в некрополе которого было также найдено подобное зеркало (Guguev et al., 1991. P. 32–50; Гугуев, Трей-

⁸ В работе А.В. Симоненко датировка – ранний I в. н.э. Основания такого точного определения даты не приводятся. См. аналогии зеркалу типа TLV из Лебедевки: Лубо-Лесниченко, 1975. С. 39. № 8. Рис. 6; Catalogue of..., 1986. P. 120, 121. Pl. 49; Ju-his Chou..., 2000. P. 42, 43. No. 25; Lai, 2006. P. 36, 37. Fig. 1–4. Г. Лай датирует подобные зеркала из могильника Тамир в Монголии на основании контекста I в. н.э. (Lai, 2006. P. 42, 43).

стер, 1995. С. 143–156; ср. Боталов, Гуцалов, 2000. С. 172, 173. Рис. 45; Brosseder, 2011. Р. 411, 412; Treister, 2013. S. 739, 740). Очерченный благодаря картографированию находок китайских зеркал путь на восток от устья Дона через Поволжье и Южное Приуралье в Центральную Азию дает объяснение и находкам в Лебедевке изделий, происходящих с территории Боспорского государства.

Стеклянный кубок с изображением гладиаторов и бронзовые сосуды и их фрагменты из погребений курганов 1 и 2, вероятно, изготовленные в мастерских Восточного Средиземноморья, позволяют, однако, предполагать, что к поздним сарматам, обитавшим в степях Западного Казахстана, могли (учитывая находку упомянутого выше расписного кубка в Горгии, нельзя полностью исключить и возможность попадания подобных вещей через Боспор) поступать и изделия, перевозившиеся по караванным путям, шедшим на восток из Египта и Сирии. Этот путь, который, по крайней мере частично, проходил по ахеменидской царской дороге (French, 1998. Р. 15–43; Briant, 2002. Р. 357–364),

шел с запада на восток к югу от Каспийского моря, т.е. на довольно значительном расстоянии к югу от Лебедевки. Тем не менее есть все основания полагать, что еще в ахеменидскую эпоху существовало северное ответвление этого пути, проходившее на север вдоль восточного побережья Каспия через территорию Дахистана и Хорезм в Южное Приуралье (Yagodin, 2010. Р. 53–58. Fig. 1, 2; Трейстер, 2012. С. 280). По сравнению с набором импортных в погребениях ранних сарматов Южного Приуралья находки и западных, и восточных импортных, во-первых, концентрируются в основном в Лебедевке; во-вторых, не столь многочисленны; в-третьих, среди них практически нет статусных предметов. В какой-то степени исключением является публикуемый кубок, безусловно, относящийся к группе *Luxusgläser*, попадание которого к воинско-кочевнику может объясняться и другими причинами, в частности военной добычей или наградой за воинскую службу, весьма вероятными в ходе римско-парфянских войн второй половины II – первой четверти III в. н.э.

Приложение

Исследование материала стеклянного сосуда с росписью эмалевыми красками из Лебедевки

С. Хартманн (Римско-Германский Центральный музей, Майнц)

Результаты. Исследованы стеклянные фрагменты без следов росписи (RGZM Wbl. Nr. 2012_0157). По своему составу они представляют собой классическое римское стекло, обесцвеченное сурьмой (Greiff, 2010. S. 362, 363). Для сравнения в таблице приведены результаты анализа стеклянной основы кубка с росписью эмалевыми красками из Любсова, которые демонстрируют очень близкий состав (Greiff, 2010. S. 355–357).

Метод измерения – микрорентген-флуоресцентный (μ -RFA) – позволяет определять как качественное, так и количественное содержание в пробе большинства элементов. Это неразрушающий метод, в результате которого необходимо удалить образовавшиеся в некоторых случаях слои коррозии или пробы должны быть взяты из внутренней части предмета. Ввиду того что точки измерения имеют очень небольшой размер, эти повреждения предмета в результате анализа незначительны.

В процессе анализа проба облучается рентгеновским лучом через тонкие капилляры из стеклянных нитей. Это первичное облучение вызывает в мате-

риале пробы вторичное рентгеновское излучение – флуоресцентное. Поскольку поверхность точек измерения имеет диаметр всего лишь 0.3 мм, таким образом можно изучать даже очень мелкие структуры. Каждый из имеющихся в пробе элементов посылает рентгеновское излучение определенной характерной энергии (так называемые линии).

Интенсивность линий зависит от концентрации соответствующего элемента в пробе. Детектор анализирует энергию и интенсивность рентген-флуоресцентного излучения и создает спектр, который может быть определен количественно методом калибровки стандартных образцов известного состава.

Подготовка пробы и измерение. При помощи алмазной фрезы на точках измерения трех фрагментов был удален слой коррозии.

Прибор: Eagle III фирмы Röntgenanalytik, Taunusstein. Родоновая трубка с макс. 40 kV, 1 mA, Oxford Instruments. Si(Li). Детектор, EDAX, разрешение 148 eV для MnK α . Камера для пробы – 75 × 75 × 135 см. Рентгеновская оптика: монокапилляры

Состав стеклянной основы кубков

Элементы	Кубок из Лебедевки				Кубок из Любсова
	Фрагменты №			Среднее значение	
	1	2	3		
Na ₂ O	21.26	22.06	21.66	21.66	20.29
MgO	0.71	0.81	0.80	0.77	0.70
Al ₂ O ₃	1.74	1.75	1.80	1.76	1.86
SiO ₂	69.39	68.69	68.74	68.94	70.55
SO ₃	0.35	0.33	0.34	0.34	0.24
K ₂ O	0.39	0.37	0.38	0.38	0.40
CaO	5.43	5.27	5.47	5.39	5.01
TiO ₂	0.06	0.06	0.06	0.06	0.01
MnO	0.02	0.02	0.02	0.02	0.01
FeO	0.26	0.24	0.30	0.27	0.22
PbO	0.03	0.03	0.03	0.03	0.02
SrO	0.04	0.04	0.04	0.04	0.02
ZrO ₂	0.01	0.01	0.01	0.01	0.01
Sb ₂ O ₃	0.32	0.31	0.36	0.33	0.49

с фокусным пятном 0.3 мм (соответствует площади анализа). EDAX-анализ, азотное охлаждение.

Параметры измерения: атмосфера – вакуум; напряжение рентгеновской трубки – 40 kV; ток рентгеновской трубки – 355 μ A; время измерения – 300 с; время формирования – 35 μ s; фильтр – Ti-25; количественное определение – сочетание методов фундаментальных параметров и стандартного с калибровочной кривой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М., Сорокина Н.П. Коллекция стекла античной Горгии. М.: Интербук-бизнес, 2007. 159 с.
- Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II–IV и XIV вв.) // Изв. АН КазССР. Сер. Обществ. науки. № 2. Алма-Ата, 1968. С. 71–89.
- Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов н/Д: Терра, 2000 (Матер. и исследования по археологии Дона; 1). С. 169–192.
- Берлизов Н.Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Краснодар: КГУКИ, Парабеллум, 2011. 320 с.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 269 с.
- Гугуев В.К., Трейстер М.Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // РА. 1995. № 3. С. 143–156.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Вост. литература, 1975. 167 с., ил.
- Малашев В.Ю. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV в. н.э.: поздне-сарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // РА. 2007. № 3. С. 111–121.
- Малашев В.Ю. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II–IV в. н.э.: поздне-сарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // РА. 2009. № 1. С. 47–52.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10). М.: Вост. лит., 2008. 364 с.
- Мошкова М.Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 80–87.
- Мошкова М.Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // Нижневолжский археологический вестник. 2000. Вып. 3. С. 186–200.
- Мошкова М.Г. Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1 / Ред. И.В. Сергацков. Волгоград: Волгогр. гос. ун-т, 2001. С. 236–249.
- Мошкова М.Г. Женское погребение в кургане 2 из Лебедевского могильного комплекса (раскопки Г.И. Багрикова) // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Ред. А.Г. Фурасев. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2009. С. 236–249.
- Мошкова М.Г. Стеклянные изделия Лебедевского могильника // Нижневолжский археологический вестник. 2010. Вып. 11. С. 345–351.
- Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев,

- Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 132–149.
- Симоненко А.В. “Гунно-сарматы” (к постановке проблемы) // Нижневолжский археологический вестник. 2010. Вып. 11. С. 392–402.
- Трейстер М.Ю. Ахеменидские импорты в Южном Приуралье. Хронология. Динамика. Состав. Мастерские. Местные подражания // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1 / Ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. С. 268–281.
- Шелов Д.Б. Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе // СА. 1983. № 4. С. 57–69.
- Allason-Jones L. Life and Society. Overview // *Frontiers of Knowledge. A research Framework for Hadrian's Wall. Part of the Frontiers of the Roman Empire World Heritage Site. V. 1. 2007. Resource Assessment* http://www.dur.ac.uk/resources/archaeology/pdfs/research/Vol_1_Resource_Assessment.pdf
- Briant P. From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire. Winona Lake: Eisenbrauns, 2002. 1196 p.
- Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennium // *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / Eds U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und frühgeschichtliche Archäologische, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology; 5). S. 349–424.
- Campan P. Begram – antikes Alexandria am Kaukasus und Hauptstadt der Kushana // *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul. Katalog. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, 2010. S. 65–85.*
- Catalogue of Special Exhibition of Bronze Mirrors in the National Palace Museum. Taipei: Art Media Resources Ltd, 1986. 266 p.
- Coarelli F. The painted cups of Begram and the Ambrosian Iliad // *East and West*. 1962. V. 13.4. P. 317–335.
- Coarelli F. Su alcuni vetri dipinti scoperti nella Germania indipendente e sul commercio Alessandrino in Occidente nei primi due secoli dell'Impero // *Archeologia Classica*. 1963. V. 15. P. 61–85.
- Dunbabin K. The Mosaics of Roman North Africa. Studies in Iconography and Patronage. Oxford: Clarendon Press, 1978. 303 p.
- Dunbabin K. Mosaics of the Greek and Roman world. Cambridge et al.: Cambridge Univ. Press, 1999. 380 p.
- Eggers H.J. Der römische Import im freien Germanien Hamburg: Hamburger Museum für Völkerkunde und Frühgeschichte, 1951 (Atlas der Urgeschichte; 1). 212 S.
- Eggers H.J. Lübsow. Ein germanischer Fürstensitz der älteren Kaiserzeit // *Praehistorische Zeitschrift*. 1949/50 (1953). Bd. 34/35. S. 58–111.
- French D. Pre- and Early-Roman Roads of Asia Minor. The Persian Royal Road // *Iran*. 1998. V. 36. P. 15–43.
- Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul. Katalog. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, 2010. 288 S.
- La Gloire d'Alexandrie. Catalogue. Paris: Association Paris musées, Musée du Petit Palais, 1998. 335 p.
- Greiff S. Von Allem einfach nur das Beste: Materialauswahl und Herstellungstechnik der mit Emailmalerei verzierten Glasfragmente aus Lübsow // *Schuster*, 2010. S. 342–378.
- Guguev V.K., Ravich I.G., Treister M.Ju. Han Mirrors and Their Replicas in the Territory of South of Eastern Europe // *Bull. Metals Museum*. 1991. № 16. P. 32–50.
- Hackin J. Recherches archéologiques à Begram. Chantier № 2 (1937). Paris: Les Éditions d'art et d'histoire, 1939 (Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan; X). 137 p.
- Hope C.A., Whitehouse H.V. The Gladiator Jug from Ismant el-Kharab // *The Oasis Papers 3. Proceed. Third International Conference of the Dakhleh Oasis Project* / Eds E. Bowen, C.A. Hope. Oxford: Oxbow, 2003 (Dakhleh Oasis Project; Monograph 14). P. 291–310.
- Ju-his Chou, Circles of Reflection. The Carter Collection of Chinese Bronze Mirrors. The Cleveland Museum of Art. Catalogue. Cleveland: The Cleveland Museum of Art, 2000. 132 p.
- Junkelmann M. Gladiatoren. Das Spiel mit dem Tod. Mainz: Zabern, 2008. 270 S.
- Kondoleon C. Signs of Privilege and Pleasure: Roman Domestic Mosaics // E.K. Gazda, A.E. Haeckl. *Roman Art in the Private Sphere New Perspectives on the Architecture and Decor of the Domus, Villa, and Insula*. Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press, 1991. P. 105–115.
- Kondoleon C. Domestic and Divine: Roman Mosaics in the House of Dionysos. Ithaca; L.: Cornell Univ. Press, 1995. 392 p.
- Kurz O. Begram et L'Occident Gréco-Romain // Hackin J., Kurz O., Hamelin P. *Nouvelles recherches archéologiques à Begram (ancienne Kâpicî) (1939–1940)* Paris: Imprimerie nationale – Presses Universitaires, 1954 (Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan; XI). P. 93–146.
- Lai G. The Date of the TLV Mirrors from the Xiongnu Tombs // *The Silk Road*. 2006. V. 4.1. P. 36–44.
- Lund Hansen U. The Early Roman painted glass from Zaborów, Poland // *Annales du 18e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre. Thessaloniki 2009* / Eds D. Ignatiadou, A. Antonaras. Thessalonike: Ziti Publishing, 2012. P. 217–223.
- Mairs R. Glassware from Roman Egypt at Begram (Afghanistan) and the Red Sea trade // *British Museum Studies in Ancient Egypt and Sudan*. 2012. V. 18. P. 61–74.
- Mandel U. Kleinasiatische Reliefkeramik der mittleren Kaiserzeit. Die Oinophorengruppe und Verwandtes. Berlin: de Gruyter, 1988 (Pergamenische Forschungen; 5). 270 S.
- Menninger M. Untersuchungen zu den Gläsern und Gipsabgüssen aus dem Fund von Begram/Afghanistan. Würzburg: Ergon, 1996. 257 S.

- Michaelidis D.* Cypriot Mosaics. Nicosia: Department of Antiquities, 1987 (Department of Antiquities, Cyprus; Picture Book No. 7). 126 p.
- Mochkova M.G.* Le cimetière sarmate de Lebedevka dans le sud de l'Oural // Les Dossiers de l'archéologie. 1994. № 194. P. 84–87.
- Parrish D.* The Date of the Mosaics from Zliten // African Antiquities. 1985. V. 21. P. 137–158.
- von Saldern A.* Antikes Glas (Handbuch der Archäologie). München: C.H. Beck, 2004. 708 S.
- Schuster J.* Lübsow – Älterkaiserzeitliche Fürstengräber im nördlichen Mitteleuropa. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2010 (Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie; 12). 497 S.
- Słowińska D., Dejrowska K., Lund Hansen U.* A Roman Painted Glass Beaker from a Przeworsk Culture Cemetery at Zaborów, western Mazowsze. Wiadomości Archeologiczne. 2008. T. 60. P. 125–159.
- Stawiarska T.* Naczynia szklane okresu rzymskiego z terenu Polski. Studium archeologiczno-technologiczne. Warszawa: Instytutu Archeologii i Etnologii PAN, 1999. 375 s.
- Treister M.* The Date and Significance of Tomb II at Gorgippia (1975 Excavations) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2003. V. 9. P. 43–85.
- Treister M.* Nomaden an der Schnittstelle von transeurasischen Karawanenrouten (Importobjekte aus den spätsarmatischen Gräbern von Lebedevka) // Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens / Hrsg. T. Stöllner, Z. Samašev. Bochum: Deutsches Bergbaumuseum, 2013. S. 733–748.
- L'uomo d'oro.* La cultura delle steppe del Kazakhstan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni. Mantua. Catalogo. Venezia: Electa, 1998. 253 p.
- Ville G.* Essai de datation de la mosaïque des gladiateurs de Zliten // La mosaïque gréco-romaine / Eds G. Charles-Picard, H. Stern. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche scientifique, 1965. P. 147–154.
- Yagodin V.N.* Strangers at the Gates. Nomads of the Aralo-Caspian Region on the Great Silk Road // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2010. Bd. 42. P. 53–58.
- Whitehouse D.* Begram, the *Periplus* and Gandharan Art // J. Roman Archaeology. 1989a. V. 2. P. 93–100.
- Whitehouse D.* Begram Reconsidered // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1989b. Jg. 22. P. 151–157.
- Whitehouse D.* Begram: The Glass // Topoi. 2001. T. 11.1. P. 437–449.

НОВЫЕ НАХОДКИ КРУГА ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

© 2014 г. В.Д. Березуцкий*, П.М. Золотарев**

*Воронежский государственный педагогический университет
(berezyski1@rambler.ru)

**Главное управление внутренних дел по городу Москва

Ключевые слова: римское время, Средний Дон, Журавский клад, выемчатые эмали.

The number of the finds of the champleve enamel set from the territory of the forest steppe Don region has recently been increasing. It proves the advance of communities of the late Zarubinetzskiy-Kyiv circle, which is connected to the early Slavs, from the West, away from the territory of Dnieper region to the territory of Don region and further to the East. New finds, especially the bracelets' hoard found near the farm Zhuravka in the Middle Don region and dated back to not earlier than the middle of the 3rd c., allow adding some information about the time and direction of migrations.

До сравнительно недавнего времени археологические свидетельства присутствия в лесостепном Подонье памятников римского времени ограничивались немногочисленными погребениями кочевников-сарматов на Среднем Дону. Ситуация изменилась после открытия в конце 70 – начале 80-х годов XX в. сарматских памятников первых веков н.э. на Верхнем Дону, а затем и многочисленных сарматских погребений на Среднем Дону. И количество их постоянно увеличивается.

Выдающимся событием при этом стало выделение, главным образом, А.П. Медведевым, А.М. Обломским на Верхнем Дону и А.А. Хрековым в Прихопоре археологических памятников III–V вв. В начале 90-х годов XX в. они были отнесены в отдельную группу (Обломский, 1999; Медведев, 1998; Хреков, 1991; 1997; Акимов, 2001). В их явно неоднородных материалах есть и элементы присутствия ранних славян, которые связываются исследователями с территорией Поднепровья. В то же время еще сравнительно недавно история славян на Дону начиналась с боршевской культуры IX–X вв.

Одним из показательных свидетельств культур римского времени Юго-Восточной Европы являются находки украшений так называемого круга выемчатых эмалей, до последнего времени не известных в лесостепном Подонье. Эти браслеты, подвески, фибулы-застежки, шейные гривны, булавки, пряжки и другие украшения имеют характерный для них геометрический стиль орнаментации. И хотя далеко не все предметы украшены разноцветными эмалями, название “выемчатые эмали” за ними закрепилось. В последние годы находки круга

выемчатых эмалей стали встречаться и в лесостепном Подонье.

Несмотря на давнюю историю изучения этих находок, до сих пор остаются спорными вопросы датировки эмалей, их происхождения и отношения к славянскому этносу.

Настоящая статья посвящена характеристике новых находок круга выемчатых эмалей, обнаруженных на Среднем Дону. Особого внимания заслуживает клад браслетов, найденный случайно в обрыве берега Дона у хут. Журавка в Нижнемамонском р-оне Воронежской обл.¹ К настоящему времени на территории Верхнего и Среднего Дона известно восемь местонахождений предметов круга выемчатых эмалей (рис. 1) – это как донское правобережье, так и левобережье².

Клад браслетов у хут. Журавка (рис. 2) состоит из шести литых бронзовых браслетов, находившихся в кожаном мешочке, от которого сохранился тлен. На двух браслетах сохранились также окислы железа, оставшиеся от какого-то предмета.

Браслет 1 (рис. 2, 1) – массивный, широкий с треугольным в сечении корпусом, с гребешками посередине и на окончаниях украшения. По краям – рельефные продольные жгуты. На них изображен геометрический орнамент в виде тонких насечек

¹ Материалы хранятся в фондах Острогжского историко-художественного музея им. И.Н. Крамского.

² В статье И.В. Зиньковской неверно названо село, где был обнаружен один из фрагментов украшения, – “Большое Сторожевое” вместо “Сторожевое” (“Большое Сторожевое” – название городища, но не села) (2011. С. 77. Рис. 1).

Рис. 1. Находки украшений круга выемчатых эмалей на Верхнем и Среднем Дону (Воронежская обл.): 1 – с. Терновое, Семилукский р-он; 2 – с. Губарево, Семилукский р-он; 3 – г. Семилуки, Семилукский р-он; 4–6 – с. Сторожевое, Острогожский р-он; 7 – г. Бобров, Бобровский р-он; 8 – хут. Журавка, Нижнемамонский р-он; 9 – с. Новый Лиман, Петропавловский р-он.

“елочкой” – по срединному ободу и поперечных – по краям. На окончании одного из гребней – окислы железа. Внутренний диаметр браслета – 6 см, ширина по центру – 2 см, у гребней – 3. Ширина гребней – 5 см.

Браслет 2 (рис. 2, 2) полностью аналогичен браслету 1. Единственное отличие – большая ширина между окончаниями гребней (3.5 см против 2.5 у браслета 1), а также взаимным смещением половинок украшения. Внутренний диаметр – 6.5 x 7 см, ширина по центру – 2 см, у гребней – 3. Ширина гребней – 5 см.

Браслет 3 (рис. 2, 3) – массивный, широкий с треугольным в сечении корпусом, с гребешками посередине и на окончаниях. По краям обода нанесены по две параллельные линии пуансонного орнамента. Пуансоном же украшены лицевые поверхности гребней в виде двойной зигзагообразной линии. Две параллельные линии отмечены с обеих сторон центрального гребня и у гребней на оконечностях браслета. Внутренний диаметр – 6 см, ширина по

центру – 2 см, у гребней – 2.8. Ширина гребней – 4.5 см.

Браслет 4 (рис. 2, 4) – полная аналогия браслету 3. Внутренний диаметр – 6 см, ширина по центру – 2 см, у гребней – 3. Ширина гребней – 4.7 см.

Браслет 5 (рис. 2, 5) – пластинчатый литой браслет с выделенными утолщенными прямоугольными окончаниями и выделенной срединной частью. На окончаниях – по три параллельные линии пуансонного орнамента. Такой же орнамент нанесен в срединном утолщении (четыре линии). На краях изделия по всему ободу пуансоном нанесены две зигзагообразные линии. На одном окончании – окислы железа. Внутренний диаметр – 5.5 x 6.8 см, ширина пластины – 1 см, толщина – 4 мм.

Браслет 6 (рис. 2, 6) – полная аналогия браслету 5, разница только в чуть больших размерах изделия – 5.5 x 7 см составляет внутренний диаметр.

Фрагмент пластинчатого бронзового браслета (рис. 2, 7) обнаружен в окрестностях с. Сторожевое Острогожского р-она Воронежской обл. (рис. 1).

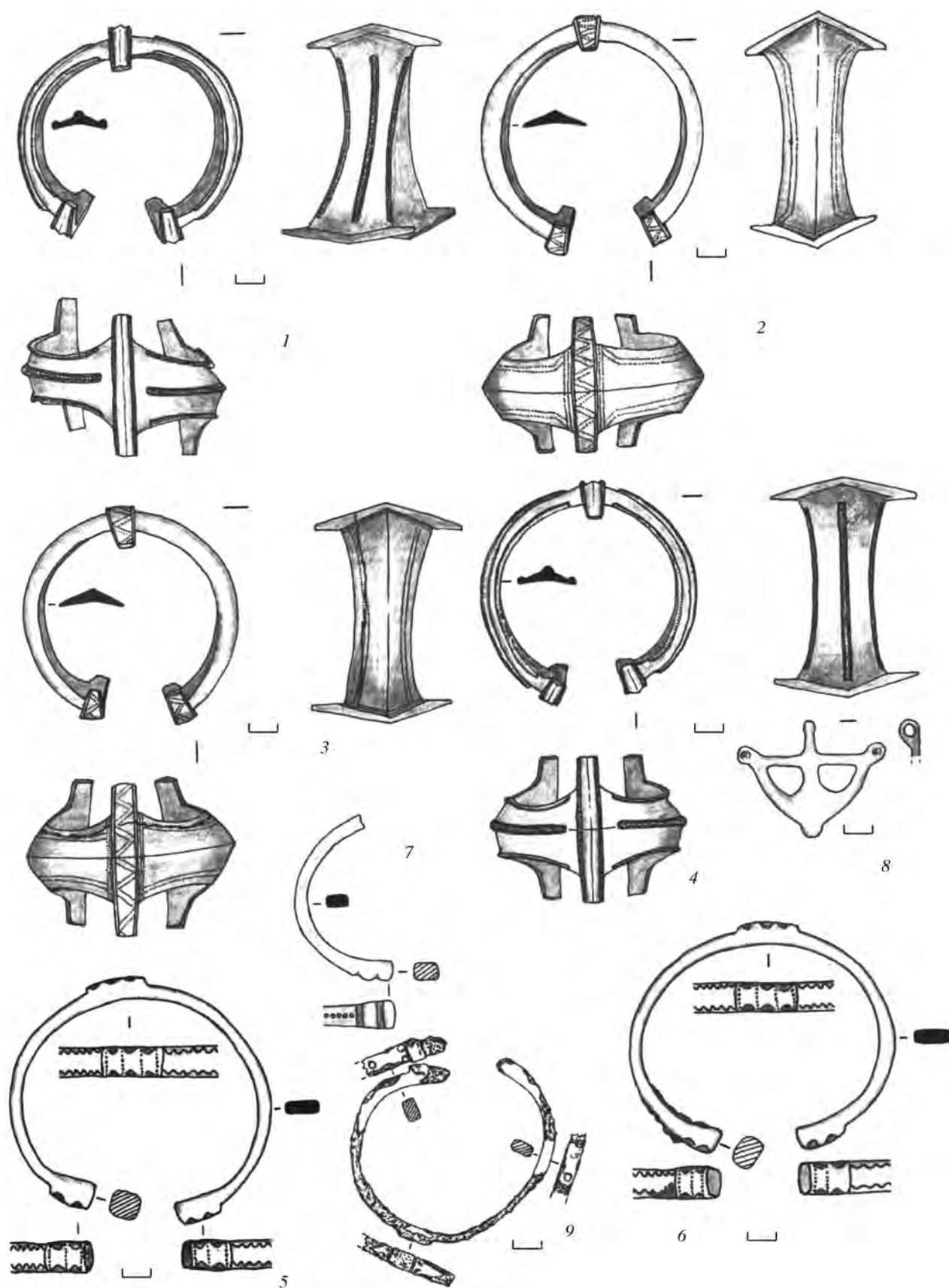

Рис. 2. Украшения круга выемчатых эмалей на Среднем Дону: 1–6 – клад у хут. Журавка; 7, 8 – с. Сторожевое; 9 – с. Новый Лиман.

Сохранилось обломанное окончание с утолщением прямоугольной формы, на которое нанесен орнамент в виде двух параллельных линий-вдавлений, а по центру пластины – в виде глубоких круглых вдавлений в одну линию. Длина сохранившейся части браслета – 5,5 см, ширина пластины – 7 мм, толщина – 4 мм.

Не исключено, что к отмеченному типу браслетов принадлежит и браслет, найденный в окрестностях с. Новый Лиман на пограничье Петропавловского и Богучарского р-ов – юг Воронежской обл., левый берег Дона (рис. 2, 9). Медный (бронзовый?) браслет был предварительно отнесен авторами публикации к украшениям скифо-сарматского времени (Березуцкий и др., 2005. С. 51). Однако в свете последних находок вполне вероятно отнесение браслета к типу пластинчатых круга выемчатых эмалей.

Браслет изготовлен из прямоугольного прута толщиной до 5 мм и шириной 7 мм. Внутренний диаметр – до 6,5 см. Одно окончание утолщено и имеет прямоугольную форму, на другом – змеевидная голова. Подобие двух змеиных голов изображено в центральной части пластины по обе стороны от прямоугольного утолщения. Браслет сохранился плохо, поэтому восстановить его первоначальный характер невозможно. На отдельных же сохранившихся участках отмечены округлости, насечки в виде глаз змеи (?).

Подвеска из бронзы типа трехрогой лунницы (рис. 2, 8). Найдена в окрестностях с. Сторожевое Острогжского р-на Воронежской обл. (рис. 1). Лунницы подвешивали к ожерелью – данное украшение имеет петлю для подвешивания с обратной стороны. На его крайних окончаниях – следы стертости и почти исчезнувшей эмали красно-бордового цвета. Размеры украшения составляют 4 × 5 см.

Обратимся к вопросам аналогий и датировок находок. В круге выемчатых эмалей массивные широкие браслеты с треугольным в сечении корпусом, с гребешками посередине и на окончаниях по Г.Ф. Корзухиной принадлежат типу 1. Это Мощинский клад (Калужская обл., раскопки конца XIX в. Н.И. Булычева; см. Седов, 1982. Табл. 15), Пакачине-Дембай (Литва; см. Корзухина, 1978. Табл. 26, 3), Шишинский клад (Белгородская обл., Северский Донец; см. Обломский, 1991. С. 179. Рис. 4). Обломки похожих браслетов обнаружены на территории распространения мощинской культуры (Воронцов, 2008. Рис. 1, 8).

Находки фрагментов браслетов типа 1 сравнительно недавно засвидетельствованы и в Подонье: на Семилукском городище на Дону (Пряхин,

Цыбин, 1996. Рис. 8, 9); на территории с. Сторожевое на Дону (Зиньковская, 2011. Рис. 3, 3), а также на поселении Ездочное 1 на р. Оскол (Зиньковская, Медведев, 2005. Рис. 5, 2).

Пластинчатые же браслеты, подобные браслетам из Журавского клада, редки. Наиболее близкие, хотя и неполные аналогии прослеживаются в Мощинском кладе (Седов, 1982. Табл. 15). Полные же аналогии нам не известны.

Нет полных аналогий и для подвески из бронзы типа “трехрогая лунница”, происходящей из окрестностей с. Сторожевое. Известные находки имеют лишь общее сходство (Корзухина, 1978. Табл. 1, 3; 8; 22, 10 и др.).

При решении вопроса об этнокультурной принадлежности украшений круга выемчатых эмалей в лесостепном Подонье необходимо исследовать этнокультурные истоки подобных украшений, рамки их бытования и, соответственно, этнокультурную ситуацию, сложившуюся в лесостепном Подонье в позднеримское время.

Украшения круга выемчатых эмалей одними исследователями воспринимаются как продукт деятельности непосредственно готских ремесленников (Хвойка, 1913. С. 43–49) или как результат распространения этого типа украшений готами при передвижениях в Восточной Европе (Гудименко, 1998. С. 96). Однако готская концепция на сегодняшний день имеет мало приверженцев.

Более обоснованные взгляды у сторонников прибалтийского происхождения украшений круга выемчатых эмалей, начало которым было положено исследованиями А.А. Спицына³, Л. Нидерле. Эстонский археолог Х.А. Моор, неоднократно обращавшийся к вопросу об истоках украшений с выемчатыми эмалью, пришел к выводу об их балтском происхождении, хотя корнями они и уходят к более ранним памятникам западно-европейских провинций Римской империи. От балтов (точнее, восточных балтов) в незначительном количестве они попадали к финнам и славянам (Моор, 1958. С. 27, 28). Схожее мнение имеет М. Гимбутас: из дунайских провинций Римской империи и Рейна изделия с эмалью были впервые завезены в Прибалтику, где местное население со II в. начинает их производство, а с IV украшения распространяются вплоть до Камы и Среднего Урала (2004. С. 140–142).

В русле прибалтийской концепции высказывали свои мнения Г.Ф. Корзухина, И.К. Фролов, В.В. Се-

³ Сначала А.А. Спицын связывал происхождение украшений с Поднепровьем, с днепровскими и донскими аланами, затем изменил свою точку зрения в пользу прибалтийской версии.

дов, М.Б. Щукин и другие исследователи. Один из главных аргументов в пользу прибалтийской версии – более раннее появление эмалей в Прибалтике (II–III вв.), чем на других территориях Восточной Европы, где они известны в IV–V вв. (Корзухина, 1978. С. 58–62; Фролов, 1980. С. 111–116).

Еще одна распространенная точка зрения на происхождение украшений круга выемчатых эмалей связывает их с Поднепровьем и славянским этносом. Она, как и другие версии, возникла на рубеже XIX–XX вв., однако серьезное научное обоснование получила в середине прошлого века. Б.А. Рыбаков отнес украшения сначала к антам III–IV вв., а позже – к славянскому племени полян (1947. С. 99).

В наиболее же полном виде эта точка зрения была обоснована В.Н. Даниленко (1955), который включил украшения с выемчатыми эмальями в круг памятников днепровского типа II–IV вв. (“киевский тип”, выделенный позже в отдельную киевскую культуру). Впоследствии она получила поддержку ряда исследователей, которые, вслед за В.Н. Даниленко, стали относить выемчатые эмали к позднезарубинецким и киевским древностям, подразумевая славянские племена. На памятниках позднезарубинецкой и киевской культур появились многочисленные находки украшений с эмальями (Максимов, Терпиловский, 1993; Обломский, Терпиловский, 2007 и др.). Их количество в Поднепровье стало уже большим, чем в Прибалтике. Но дело не только в количестве.

Одним из основных аргументов в пользу приднепровской версии послужила переоценка датировок украшений с выемчатыми эмальями в Поднепровье в сторону их удревнения по сравнению со временем появления в Прибалтике. Признавая, что в основе украшений с эмальями лежат образцы римского импорта, Е.Л. Гороховский пришел к выводу об их производстве мастерами из Среднего Поднепровья начиная со второй половины II в. (1982. С. 144). Им же была пересмотрена датировка Мошинского клада – III – начало IV в. (Обломский, Гороховский, 1986. С. 15–17), а украшения с выемчатыми эмальями были отнесены к особому художественному стилю III–IV вв., исчезнувшему в конце IV в.

А.Г. Фурасьев (2002. С. 86) определил основное время бытования украшений с эмальями в пределах первой половины III в. Появление кладов с украшениями исследователь связал с общей дестабилизацией политической обстановки в Европе и миграционными процессами 250–260-х годов (в частности, готские походы на земли сарматов и племен киевской культуры).

В настоящее время многие исследователи определились с культурной принадлежностью украшений круга выемчатых эмалей. Они относят период их наибольшего распространения к позднезарубинецким и раннекиевским памятникам, за которыми многие видят предков славян (Обломский, Терпиловский, 2007).

Вместе с тем, прибалтийская родина украшений с эмальями не может быть отвергнута как невыдержавшая испытания временем. Ведь в Прибалтике они появляются не позже II в. Другое дело, когда и насколько широко племена позднезарубинецкого круга усвоили и распространили перенятую ими и вошедшую в их культуру моду на эти украшения.

Для выяснения вопроса о носителях украшений с эмальями в Подонье необходим анализ общей этнокультурной ситуации, сложившейся здесь в позднеримское время. В общих чертах она выглядит следующим образом. На Верхнем и Среднем Дону в начале н.э. обитали сарматские племена. Причем, на Верхнем Дону это была, возможно, особая группа сарматов (“сарматы-конееды” по А.П. Медведеву), которые смешались с потомками скифоидных племен предыдущего времени, что нашло отражение в обряде погребения и материальной культуре верхнедонских сарматов (Медведев, 1990; 2008). На остальной части лесостепного Дона обитали сарматы среднесарматского и позднесарматского времени. В материальной культуре и тех, и других отсутствуют находки украшений типа выемчатых эмалей, хотя отмечены тесные контакты между поздними зарубинцами. Поскольку и позднескифским-сарматским населением Верхнего Подонья (Акимов, 2001. С. 19; Зиньковская, 2011. С. 79).

Исследованиями А.А. Хрекова в Прихотерье выделена целая группа памятников позднезарубинецкой культуры (1991; 2004). В настоящее время к востоку от Дона на р. Хопер украшений круга выемчатых эмалей пока не обнаружено. Что касается территории к западу от Верхнего и Среднего Дона, то ближайшие памятники поздних зарубинцев – группа типа Терновка 2 – Картамышево 2. И.В. Зиньковская в связи с этим полагает, что появление украшений типа выемчатых эмалей в Подонье связано с миграцией с запада на восток на рубеже II–III вв. позднезарубинецкого населения с территории Среднего Поднепровья на р. Оскол и далее на восток – на р. Хопер (2011. С. 79). Миграционные волны с запада на восток, как представляется, и привели к находкам отдельных украшений круга выемчатых эмалей и Журавского клада на Среднем Дону.

А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский сделали вывод о том, что основной период распространения украшений круга выемчатых эмалей на территории Днепро-Донской лесостепи приходится на позднезарубинецкий культурно-хронологический горизонт и ранний этап киевской культуры. В конце раннего этапа киевской культуры (около середины III в.) появляются ажурные предметы без эмали (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 122, 123; Любичев, 2011. С. 21). Таким образом, если принять мнение исследователей (о времени появления и бытования украшений с эмалью имеются и другие суждения), то нижняя дата Журавского клада, вероятнее всего, будет относиться ко времени не ранее середины III в. Верхняя дата может быть определена в пределах IV–V вв. – времени продолжавшихся миграционных процессов на Дон и исчезновения памятников, соотносимых с ранними славянами.

В том, что касается причин миграций населения из Поднепровья на восток и северо-восток, отмечается два важных события, происшедших в так называемый миграционный период. Первое – это изменение климата. В первые века н.э. происходит повышение температуры и понижение влажности, что приводит к сокращению площади лесных массивов и появлению остепненных пространств в лесостепи. С этими изменениями связывается усиление в лесостепном Подонье кочевого населения (Медведев, 1998. С. 8). Но с III в. начинается обратный процесс – увеличение влажности и наступление леса на остепненные ландшафты, в результате чего нарушается экологическая обстановка и хозяйственный уклад кочевников-сарматов лесостепи. Исчезают могильники верхнедонских сарматов как свидетельство их бывшего могущества на этой территории. Вместе с тем, сложившиеся благоприятные условия способствуют миграции в удобную экологическую нишу поздних зарубинцев и племен киевской культуры. Еще более суровые условия IV–V вв., когда происходит новое похолодание, окончательно приводят к покиданию сарматами неудобной территории, и она продолжает осваиваться пришельцами с запада.

Другие исследователи видят в миграционных процессах отмеченного времени события, связанные с вторжениями на юг Восточной Европы готов, войны гуннов (А.М. Обломский, А.Г. Фурсев и др.). При этом миграции населения с запада на восток, по их мнению, носили характер нескольких разнонаправленных накатывавшихся друг на друга волн. Первоначальным толчком могли послужить политические события на юге Восточной Европы. Но проникновение переселенцев, в частности на Верхний Дон, продолжалось неоднократно, а постоянно в течение III–V вв. (Акимов, 2001. С. 20).

В V в. население покидает обжитые районы Верхнего Дона и, по-видимому, мигрирует в район Самарской Луки, где известны поселения и городище Лбище, в материалах которых имеются свидетельства верхнедонских традиций (в частности, керамики) (Медведев, 1998. С. 10; Акимов, 2001. С. 20, 21).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимов Д.В. Лесостепное Подонье на рубеже древности и средневековья: Автореф. канд. дис. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 22.
- Березуцкий В.Д., Кравец В.В., Новиков Н.Л. Древности Богучарского края. Воронеж: ВГПУ, 2005. С. 130.
- Воронцов А.М. Хронология памятников мощинской культуры на территории Окско-Донского водораздела // Тр. II (XVIII) ВАС в г. Суздале. Т. 2 / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 202–206.
- Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 240 с.
- Гудименко И.В. Этнополитическая ситуация на Нижнем Дону в эпоху готских походов (по материалам поселений и могильников в дельте р. Дон) // Проблемы археологии юго-восточной Европы: VII Донская археолог. конф.: Тез. докл. Ростов на/Д.: РГУ, 1998. С. 95, 96.
- Гороховский Е.Л. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982. С. 125–139.
- Даниленко В.Н. Славянские памятники I тыс. н.э. в бассейне Днепра // КСИА АН УССР. Вып. 4. 1955. С. 27–29.
- Зиньковская И.В. О новом ареале украшений круга выемчатых эмалей // РА. 2011. № 2. С. 72–80.
- Зиньковская И.В., Медведев А.П. Позднезарубинецкое поселение Ездочное-1 на р. Оскол // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж: ВГУ; Истоки, 2005. С. 3–12.
- Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалью V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье / Под общей ред. Б.А. Рыбакова. Л.: Наука, 1978 (САИ; Вып. Е1-43). 124 с.
- Любичев М.В. О хронологии позднезарубинецких–раннекиевских памятников в области днепро-донецкого водораздела // ВІСНИК Харківського націон. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. № 965. Серія "Історія". Вып. 43 / Отв. ред. С.І. Посохов. Харків: ХНУ, 2011. С. 19–30.
- Максимов Е.В., Терпиловский Р.В. Киевская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э. / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1993 (Археология СССР). С. 106–120.

- Медведев А.П. Сарматы и лесостепь. Воронеж: ВГУ, 1990. 220 с.
- Медведев А.П. О времени появления славян на Дону // Археология и история Юго-Востока Древней Руси: Матер. науч. конф. / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 1993. С. 24–26.
- Медведев А.П. Верхнее Подонье в первой половине I тыс. н.э. (основные этапы и тенденции этнокультурного развития) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. / Отв. ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ, 1998 (Археология восточноевропейской лесостепи; Вып. 12). С. 4–18.
- Медведев А.П. Сарматы в Верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.
- Моор Х.А. О древней территории расселения балтских племен // СА. 1958. № 2. С. 9–33.
- Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. М.; Сумы, 1991. 287 с.
- Обломский А.М. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеримское и гуннское время // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПИ, 1999. С. 127–133.
- Обломский А.М., Гороховский Е.Л. О дате Мощинского и Межигорского кладов // Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья: Тез. докл. Первой Калужской историко-археолог. конф. Калуга, 1986. С. 14, 15.
- Обломский А.М. Терпиловский Р.В. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 10). С. 113–141.
- Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилуцкое городище (материалы раскопок 1987–1993 гг.) // На юго-востоке Древней Руси. Историко-археологические исследования / Науч. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 1996. С. 29–62.
- Рыбаков Б.А. Поляне и северяне // СЭ. Т. 5/6. М.: Наука, 1947. С. 81–105.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982 (Археология СССР). 327 с.
- Фролов И.К. Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига: Зинатне, 1980. С. 111–124.
- Фурасьев А.Г. Проблема датировки клада вещей с выемчатыми эмалями // Клады. Состав, хронология, интерпретация: Матер. тематической науч. конф. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 83–85.
- Хвойка В.В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913. 101 с.
- Хреков А.А. Грунтовой могильник с сожжениями на западе Саратовской области // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 2 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: СГУ, 1991. С. 150–160.
- Хреков А.А. Древности Прихоперья. Балашов: Николаев, 2004. 200 с.

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ МАЯЦКОГО СЕЛИЩА

© 2014 г. В.А. Сарапулкин

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(sarpulkin@bsu.edu.ru)*

Ключевые слова: *Маяцкое селище, трупоположения в ямах, аланы, скорченные погребения, шумящие подвески.*

In 2008 the archaeological expedition of Belgorod State University under the supervision of the author of the article was excavating the Mayaki ancient settlement. In the process of studying 5 phreatic burials were cleared. All of them were in coffins placed in square pits. The skulls were oriented to the North-West and South-West. In three of the burials the deceased were in supine position, in two others in flexed position on a side. The grave goods of the supine burials are presented with knives and weapon items, the flexed ones with jewelry. Remarkably, in the supine burials the anatomical order of bones was broken. Meanwhile, in the flexed burials almost all the bones were in situ. The obsequies of the barrow look very unusual for pit necropolis of the Saltovo-Mayaki culture. The nearest analogues can be found in the materials of the burial from the excavation area 8 of the Mayaki catacomb necropolis. The connection between the posture of the deceased and its sex and also the content of the grave goods typical for the Alan catacomb burials allow suggesting the Caucasus origin of the obsequies.

Входящее в состав Маяцкого археологического комплекса селище в настоящий момент является одним из наиболее изученных памятников данного вида салтово-маяцкой культуры. Помимо типичных для поселений построек и хозяйственных ям на его территории прослежено значительное количество погребальных комплексов, что, в общем, не характерно для бытовых памятников салтово-маяцкой культуры. Захоронения, выявленные на Маяцком селище, весьма разнообразны: это катакомбы, в качестве входных ям которых помимо прямоугольного дромоса могли использоваться котлованы построек и хозяйственные ямы; погребения в круглых ямах; одно погребение в прямоугольной яме (Винников, Афанасьев, 1991).

В своей работе “Погребальные обряды на севере Хазарского каганата” В.С. Флеров писал: “Позволю сделать прогноз о том, что наши раскопки пока не выявили всех вариантов ямных погребений Маяцкого комплекса” (Флеров, 1993. С. 37). Его предположение подтвердилось: в результате раскопок, проведенных экспедицией Белгородского государственного университета в 2008 г., на Маяцком селище был обнаружен могильник с погребениями, совершенными по обряду трупоположения в ямах. Совокупность элементов погребального обряда выделяет этот могильник из ряда ямных некрополей салтово-маяцкой культуры.

Два раскопа были заложены на южной оконечности селища, первый из них (раскоп 19) показал

отсутствие культурных отложений, второй (раскоп 20), расположенный в 150 м к северу от первого, напротив, выявил присутствие в слое чернозема керамического материала. Кроме того, на площади раскопа 20 были прослежены две постройки, одна из которых содержала безинвентарное скорченное погребение (погр. 1), а также пять погребений в могильных ямах (рис. 1). Присутствие в заполнении погр. 2–6 фрагментов керамики, аналогичных происходящим из слоя, свидетельствует в пользу того, что они были совершены после того, как бытовое использование территории, с каковым связаны постройки, было завершено. Вероятно, на момент завершения функционирования построек приходится и появление погр. 1.

Погребение 2 (рис. 2). Совершено в прямоугольной, со сглаженными углами, яме, ориентированной длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Длина ямы по дну – 2.65, ширина – 1.15, глубина от уровня материка – 1.25 м. Стенки имели неравномерный наклон, ко дну яма становилась уже и длиннее.

Заполнение ямы двухслойное. Верхний слой (0–0.8 м от уровня материка) – чернозем с примесью мела, ниже – гумусированный суглинок с примесью мела. В заполнении найдены два фрагмента стенок лепного и кругового кухонных сосудов.

Дно ямы ровное, горизонтальное. На высоте 0.25 м от дна прослежены остатки гроба. В северо-восточной и юго-западной (торцовых) частях они

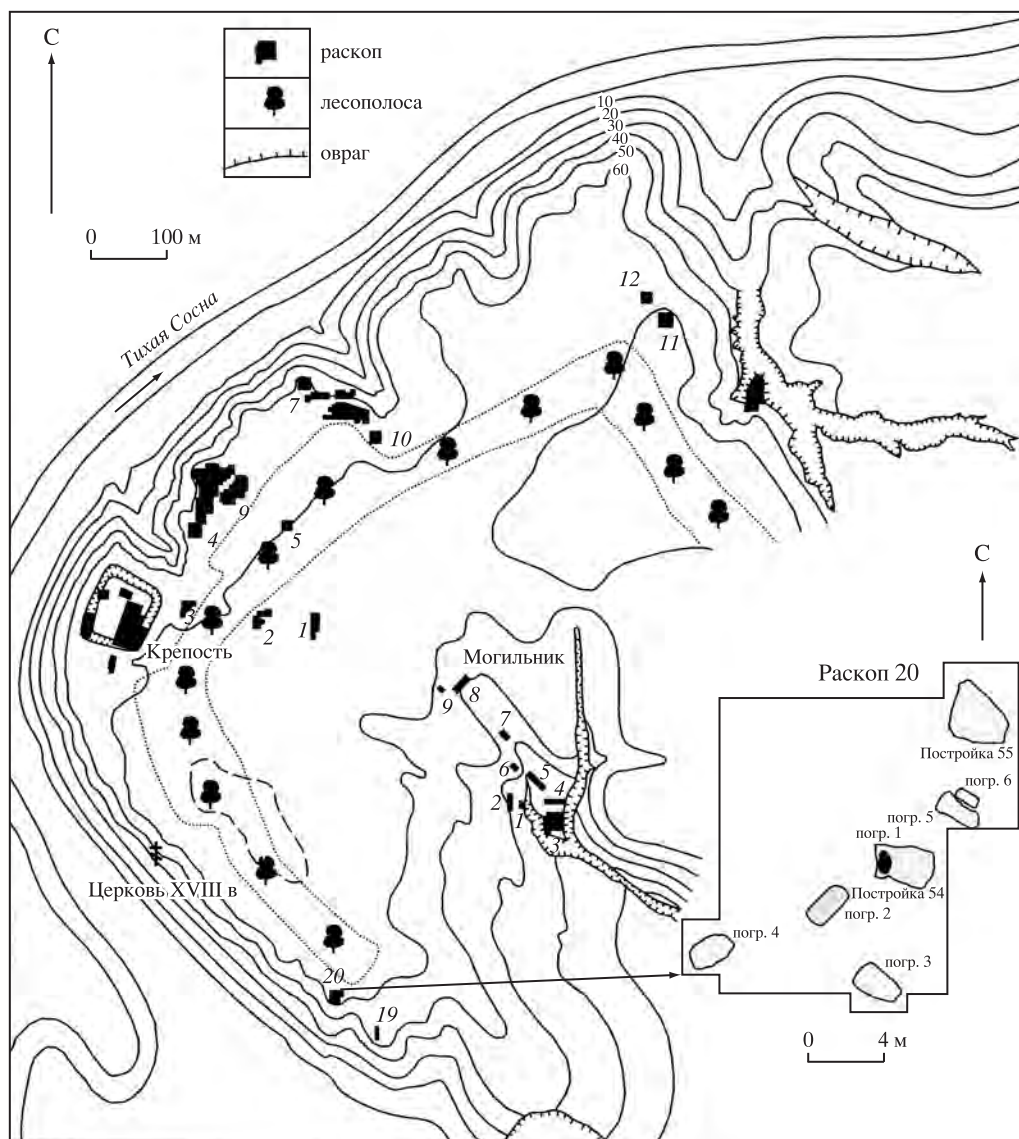

Рис. 1. План Маяцкого археологического комплекса (по: Винников, Плетнева, 1998) и раскопа 20.

представлены крупными скоплениями древесного тлена. Остатки длинных стенок гроба сохранились в виде полос тлена на дне ямы.

Анатомический порядок костяка (мужчина 18–23 года)¹ в значительной степени нарушен. В положении *in situ* или близком к нему сохранилась часть грудного отдела позвоночника, ребер, обе ключицы, левая лопатка и левая плечевая кость. Очевидно, первоначально погребенный был положен вытянуто на спине, головой на юго-запад. Череп лежал на левой стороне (смещен влево от линии позвоночника на 0.1 м), нижняя челюсть – на основании (смещена

вправо от линии позвоночника на 0.1 м). Кости рук, за исключением левой плечевой, смещены, кости таза и ног отброшены в северо-восточную часть ямы. Все кости выявлены в пределах гробовища.

Инвентарь погребения составляли: костяные накладки на лук, две из них – стержневидные, полукруглые в сечении, с вырезом для тетивы (рис. 2, 18, 19, 28), пять находок представляли собой фрагменты срединных накладок (рис. 2, 20–24, 27); фрагменты трех железных ножей (рис. 2, 8–10, 26); семь железных черешковых трехлопастных наконечников стрел (рис. 2, 1–7, 25); фрагмент бронзового ремennого распределителя (рис. 2, 17, 32); бронзовая поясная бляшка с неподвижным кольцом (рис. 2, 15, 30); бронзовая прямоугольная рамчатая поясная бляшка (рис. 2, 14, 29); бронзовое кольцо

¹ Определения пола и возраста погребенных выполнены м.н.с. отдела теории и методики ИА РАН И.В. Решетовой. Автор выражает благодарность за любезно представленные материалы.

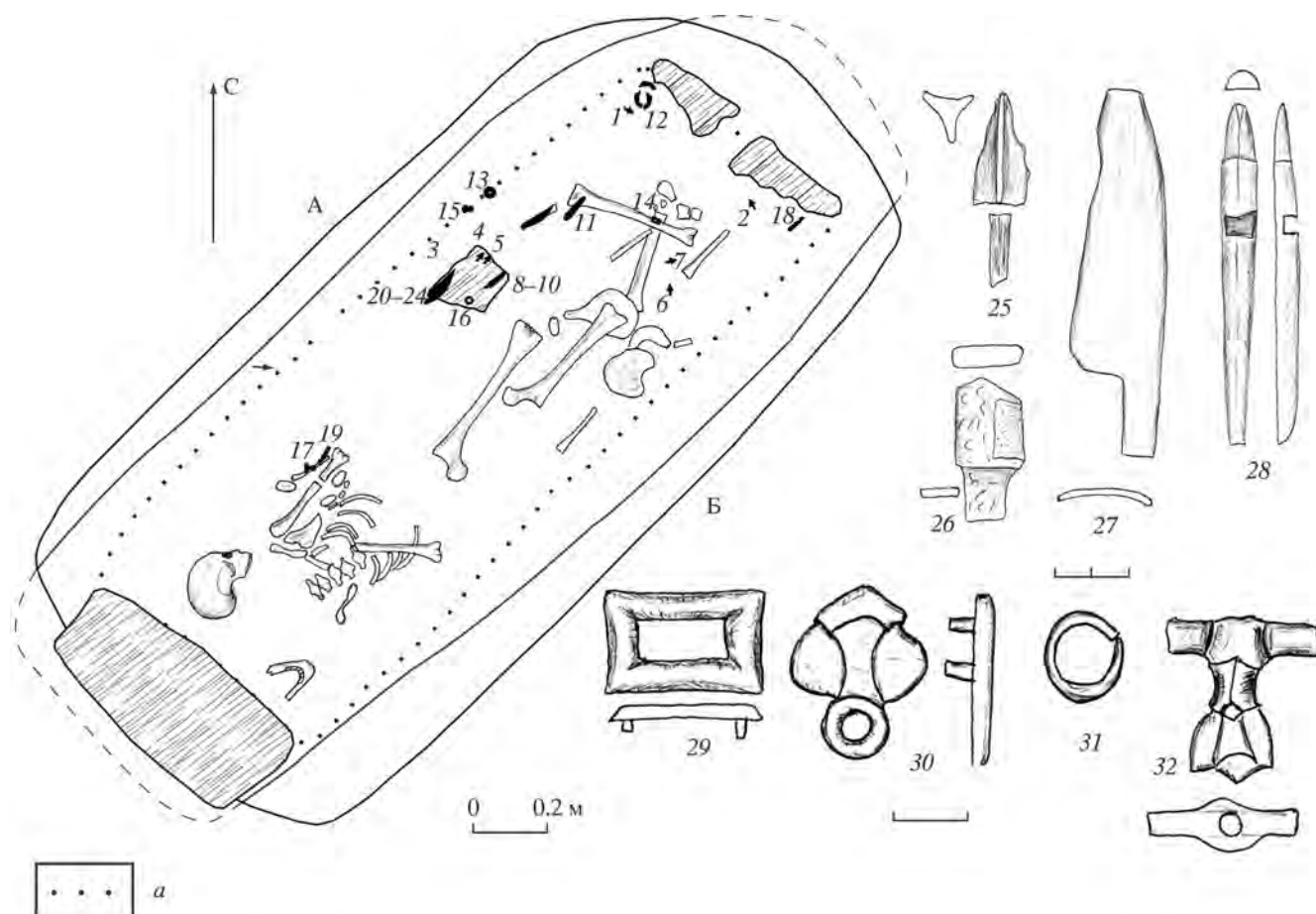

Рис. 2. Погребение 2: 1–7, 25 – наконечники стрел; 8–10, 26 – фрагменты ножей; 11 – стержень; 12–13 – кольца; 14, 15, 29, 30 – поясные бляшки; 16, 31 – кольцо; 17, 32 – распределитель; 18, 19, 20–24, 27, 28 – накладки на лук (1–7, 8–10, 11–13, 25, 26 – железо; 14–17, 29–32 – бронза; 18–24, 27, 28 – кость). Условные обозначения: а – граница распространения древесного тлена.

(фрагмент поясной бляшки с подвижным кольцом) (рис. 2, 16, 31); небольшое (диаметром 1 см) железное кольцо; железный стержневидный, трехлопастный в сечении предмет; железный сильно корродированный крюк.

Погребение 3 (рис. 3). Совершено в трапециевидной яме, ориентированной длинной осью по линии юго-восток – северо-запад. Размеры ямы по дну: длина – 2.3, ширина в северо-западной части – 0.9, в юго-восточной – 0.4, глубина от уровня материка 1 м. На высоте 0.8 м от дна яма расширялась за счет горизонтальных уступов по периметру до размеров 2.5 × 1.5–0.9 м. Стенки ямы вертикальны, дно ровное, горизонтальное.

Заполнение трехслойное (от уровня материка сверху вниз): первый слой (0–0.4 м) – чернозем с примесью мела; второй слой (0.4–0.6 м) – гумусированный суглинок с примесью мела; ниже – глина с примесью мела.

На высоте 0.3 м от дна прослежены остатки гроба. В торцовых северо-западной и юго-восточной

частях они представляют собой крупные фрагменты лежавших горизонтально плах, длинные стенки гроба прослежены в виде тлена. В северо-западной части выявлен фрагмент короткой вертикальной стенки гроба, вклинивающийся в горизонтальную плаху.

Анатомический порядок костяка (мужчина 35–45 лет) в значительной степени нарушен. В состоянии *in situ* сохранились длинные кости правой ноги, левая лопатка и частично позвоночник. Первоначально погребенный был положен вытянуто на спине, головой на северо-запад. Череп, обнаруженный в северном углу гроба, сильно фрагментирован (часть черепной крышки найдена рядом с правым бедром), кости верхних конечностей находились у черепа и рядом с позвоночником, фрагмент таза зафиксирован у юго-западной стенки. В юго-восточной части ямы, ближе к северо-восточной стенке прослежено значительное количество древесного угля и обожженные кости, которые, вероятно, являются остатками левой ноги. Часть ребер, левая

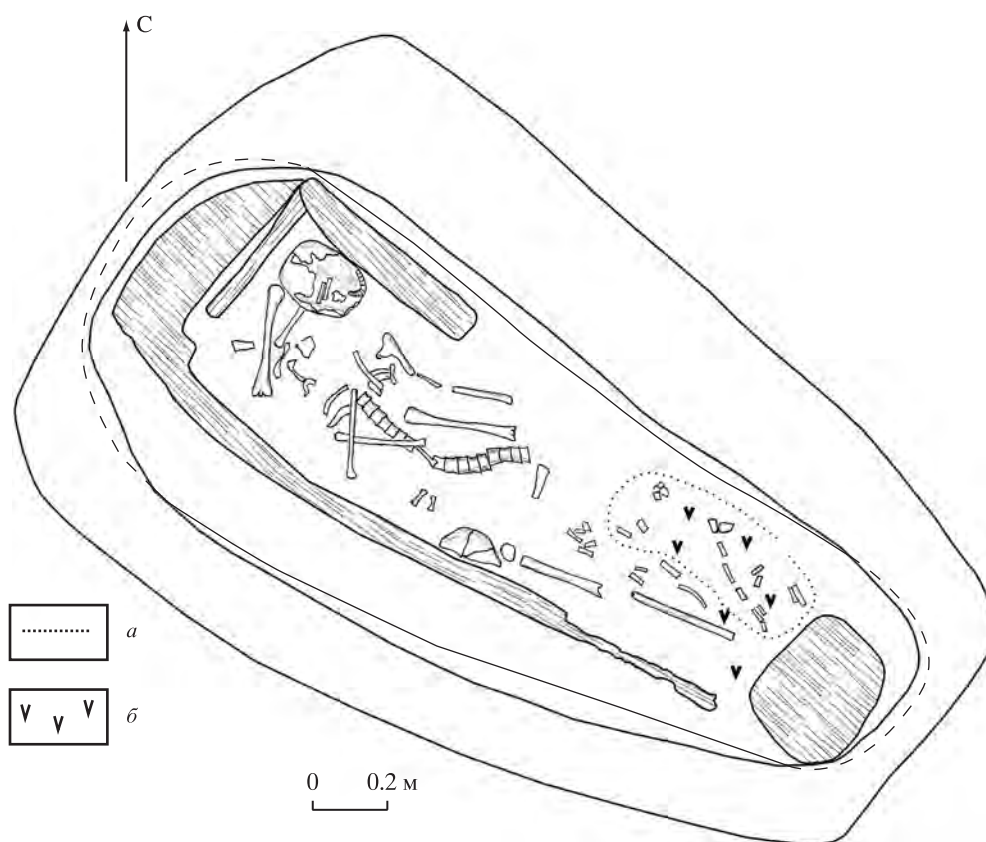

Рис. 3. Погребение 3. План. Условные обозначения: а – скопление обожженных костей; б – угольки.

ключица, кости кистей рук найдены в северо-западной части ямы, на 0.07–0.12 м выше уровня дна.

Инвентарь в погребении не обнаружен.

Погребение 4 (рис. 4). Совершено в прямоугольной, со сглаженными углами, яме, ориентированной длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Длина ямы по дну – 2.3, ширина – 1.2 м, глубина от уровня материка – 0.9 м. Вдоль северо-западной стенки, на высоте 0.75 м от дна, сделан горизонтальный уступ шириной 0.2 м. Заполнение представлено черноземом с примесью мела. Стенки ямы вертикальны, дно ровное, горизонтальное.

На высоте 0.2 м от дна прослежены фрагменты гроба. В северо-восточной и юго-западной частях он представлен крупными фрагментами лежавших горизонтально плах, а также остатками длинных стенок гроба, прослеженных в виде тлена. Отдельные фрагменты плах выявлены также в центральной части ямы.

Анатомический порядок костяка (мужчина 30–35 лет) частично нарушен. *In situ* сохранились череп (без нижней челюсти), часть позвонков грудного отдела позвоночника, левая плечевая кость, длин-

ные кости ног. Покойный располагался вытянуто на спине головой на юго-запад. Грудная клетка разрушена, правая плечевая кость лежала справа от черепа, кости правого предплечья – за черепом, кости левого предплечья – рядом с левой бедренной костью, правая часть таза рядом с левым коленом. Часть ребер в северо-восточной части ямы выходят за пределы границы распространения древесного тлена. В северо-восточной части ямы, в придонной части заполнения прослежены отдельные фрагменты древесного угля.

Инвентарь захоронения представлен железным трехлопастным наконечником стрелы (рис. 4, 2, 6); железным ножом (рис. 4, 1, 5); железной прямоугольной пряжкой (рис. 4, 3, 7); костяной трапецевидной пластиной (рис. 4, 4, 8).

Погребение 5 (рис. 5). Совершено в трапецевидной яме, ориентированной длинной осью по линии юго-восток – северо-запад. Длина ямы по дну – 2.1, ширина в северо-западной части – 1.1, в юго-восточной – 0.95, глубина от уровня материка – 0.7 м. По длинной оси яму пересекает трещина материкового разлома. Ко дну яма несколько сужалась и становилась короче, контур по дну более ровный, чем верхний, прослеженный на уровне материка.

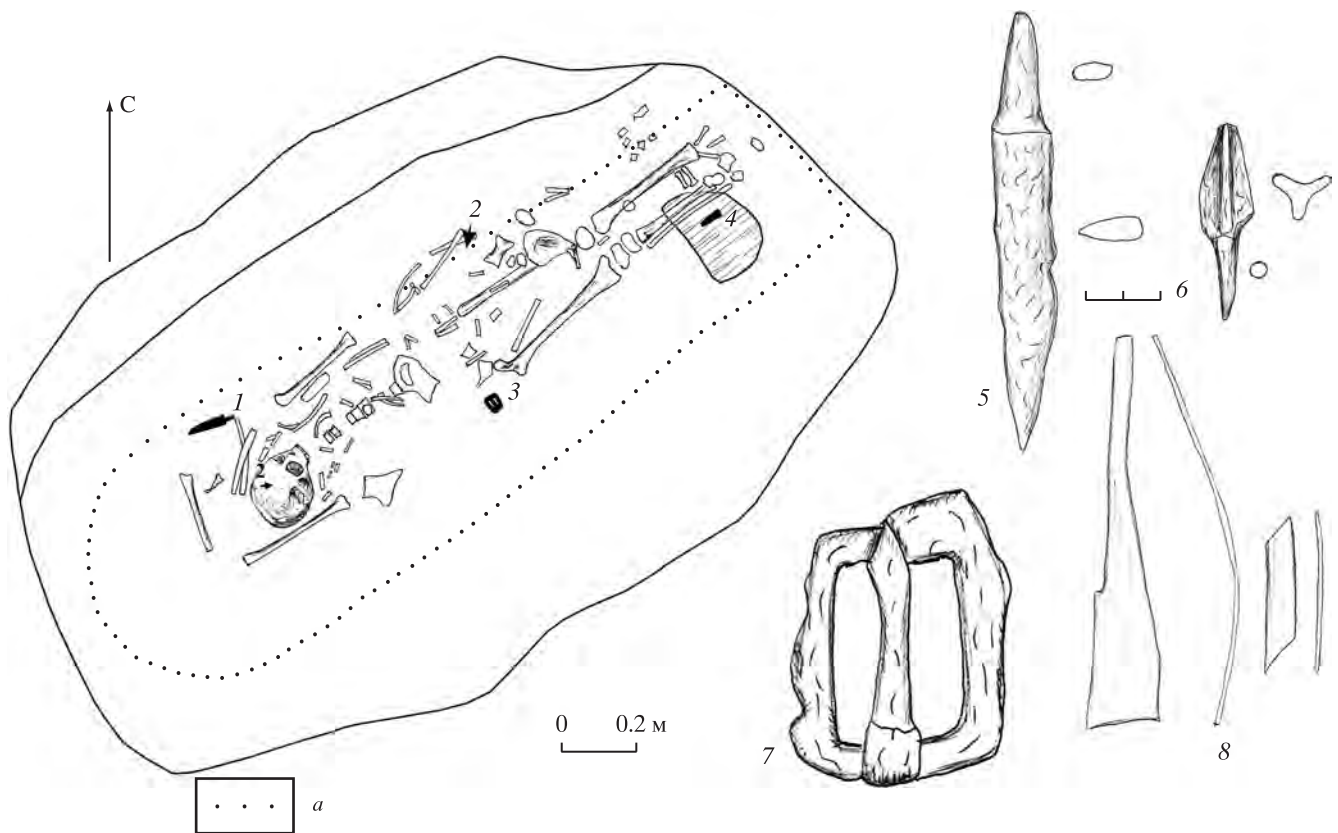

Рис. 4. Погребение 4: 1, 5 – нож; 2, 6 – наконечник стрелы; 3, 7 – пряжка; 4, 8 – пластина (1–3, 5–7 – железо; 4, 8 – кость).
Условные обозначения: а – граница распространения древесного тлена.

Все стенки имеют незначительный равномерный наклон, дно ровное, горизонтальное.

Заполнение ямы двухслойное: верхний, от уровня материка, слой (0–0.4 м) – чернозем с примесью мела, ниже – гумусированный суглинок с примесью мела. На границе слоев прослежена меловая линза мощностью 0.3 м. Стенки ямы вертикальны, дно ровное, горизонтальное.

На высоте 0.8 м от дна ямы обнаружен фрагментированный череп и отдельные кости мелкого рогатого скота. В заполнении найдена стенка кругового кулонного горшка.

На высоте 0.1–0.2 м от дна ямы выявлен древесный тлен – остатки длинных стенок гроба и его крышки.

Скелет (женщина 35–45 лет) располагался скорчено на левом боку, головой на северо-запад, лицом на северо-восток, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте так, что кисть находилась у нижней челюсти. Анатомический порядок костяка, в целом, сохранен. Смещены правая ключица, кости правого предплечья (отброшены к тазу), часть ребер. Все кости выявлены в пределах гробовища.

Инвентарь погребения представлен тремя бронзовыми браслетами, два из которых, овальных в сечении, лежали на 0.1 м выше уровня костяка, в массе древесного тлена, рядом с западным углом могилы (рис. 5, 15, 16, 28), третий, витой с привеской из зуба животного, был надет на левую руку (рис. 5, 17, 29). Две золотые серьги с привеской из жемчужных бусин (рис. 5, 18, 19, 30) находились рядом с правой и левой височными костями. Две литые бронзовые пуговицы (рис. 5, 20, 21, 31, 32) лежали рядом с правой тазовой костью. Железный нож (рис. 5, 27, 38), бронзовая копоушка с овальной прорезной ручкой (рис. 5, 25, 36), туалетная кисточка из конского волоса с бронзовой обоймой (рис. 5, 26, 37), два литых бронзовых бубенчика (рис. 5, 22, 23, 33, 34) располагались у левого локтя. Фрагмент железной рамки (рис. 5, 24, 35) лежал над правой кистью. От левого плеча к тазу была протянута бронзовая конструкция, состоявшая из четырех овальных в плане коробочек (рис. 5, 8, 9, 12, 13, 39, 41, 44, 45), украшенных пуансоном и соединенных бронзовой цепью. Нижняя часть конструкции завершалась бубенчиком (рис. 5, 14, 46), верхняя – двумя Т-образными фибулами (рис. 5, 10, 11, 42, 43). Крышки коробочек, в количестве семи,

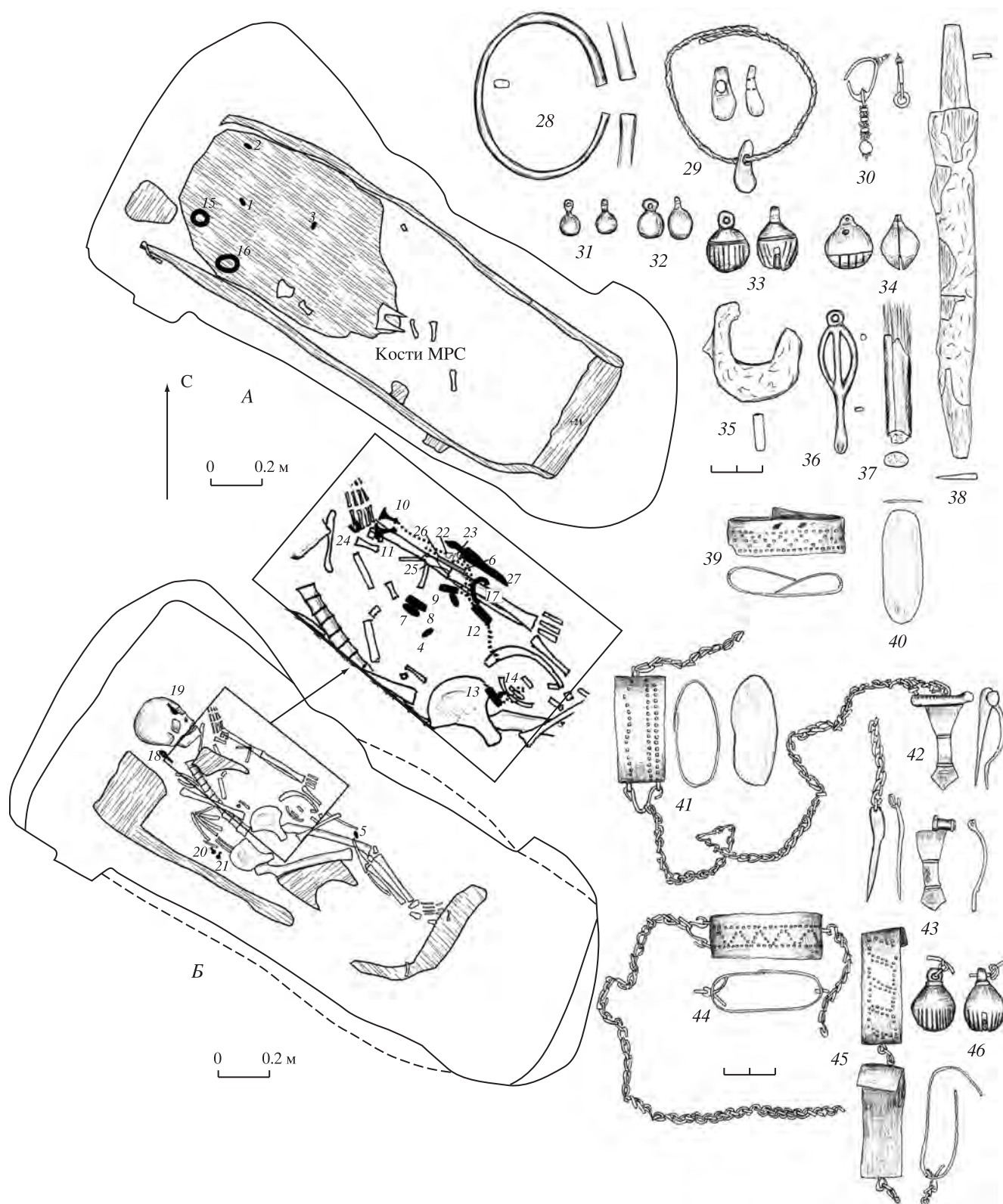

Рис. 5. Погребение 5: А – план верхнего горизонта фиксации; Б – план нижнего горизонта фиксации; 1–7, 40 – крышки коробочек; 8, 9, 12, 13, 39, 41, 44, 45 – коробочки; 10, 11, 42, 43 – фибулы; 14, 22, 23, 33, 34, 46 – бубенчики; 15–17, 28, 29 – браслеты; 18, 19, 30 – серьги; 20, 21, 31, 32 – пуговицы; 24, 35 – предмет; 25, 36 – копоушка; 26, 37 – туалетная кисточка; 27, 38 – нож (1–16, 20–23, 25, 28, 31–34, 36, 39, 40–46 – бронза; 17, 29 – бронза, кость; 18, 19, 30 – золото, жемчуг; 24, 27, 35, 38 – железо; 26, 37 – бронза, конский волос).

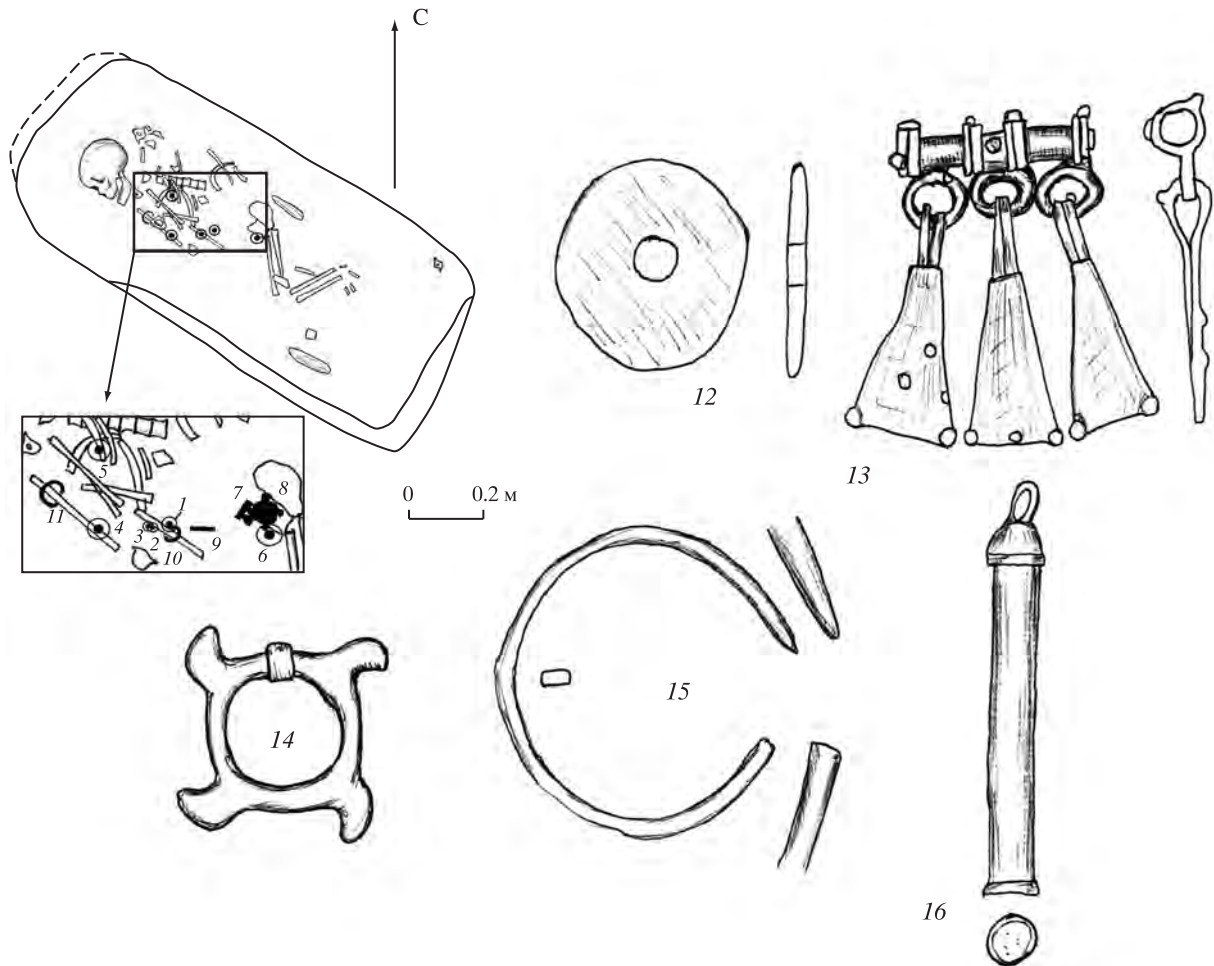

Рис. 6. Погребение 6: 1–6, 12 – пуговицы; 7, 13 – подвеска; 8 – амулет; 9 – кисточка; 10–11 – браслеты (1–6, 12 – раковина моллюска; 7, 8, 10, 11, 13–15 – бронза; 9, 16 – бронза, конский волос).

рассеяны в районе груди и живота (рис. 5, 1–7, 40). Две из них расположены на высоте 5 см от дна, одна – на высоте 2 см.

В северной части погребения обнаружены 124 бусины, большая часть которых сосредоточена в области грудной клетки и шеи: 60 бусин сердоликовых шаровидных, остальные стеклянные. Бусы образуют два скопления: скопление 1 располагалось в 0.05 м к северу от верхней части грудного отдела позвоночника; скопление 2 выявлено у правого угла нижней челюсти.

Погребение 6 (рис. 6). Совершено в прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии юго-восток – северо-запад. Яма располагалась рядом и параллельно с ямой погр. 5, примыкая к последней с северо-востока почти вплотную. Длина ямы по дну – 1.2, ширина – 0.6, глубина от уровня материка – 0.7 м. Стенки ямы, за исключением северо-восточной, имели небольшой равномерный наклон: ко дну яма незначительно

сужалась у южного угла и становилась длиннее у северо-западной стенки. Дно ямы ровное, горизонтальное.

Заполнение состояло из чернозема с мелом и содержало стенку подправленного на круге сосуда. На высоте 0.1–0.2 м от дна ямы выявлены отдельные фрагменты древесного тлена.

Покойный (ребенок 4.5–5.5 лет) располагался скорченно на правом боку, головой на северо-запад, лицом на юго-запад. Анатомический порядок скелета, в целом, сохранен. Локтевая и лучевая кости левой руки располагались кистевой частью у лицевого отдела черепа, обе кости предплечья правой руки – у живота. Таким образом, правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте так, что кисть находилась у нижней челюсти (т.е. поза в целом симметрична погр. 5). Смещены позвонки шейного отдела, часть ребер, плечевые кости. Поясничный отдел позвоночника, кости кистей и стоп отсутствовали.

Инвентарь погребения представлен двумя бронзовыми браслетами (рис. 6, 10, 11, 15), надетыми на руки; шестью круглыми перламутровыми пуговицами (рис. 6, 1–6, 12), лежавшими в районе груди и живота, у правого предплечья. Там же обнаружена туалетная кисточка из конского волоса с бронзовой обоймой (рис. 6, 9, 16). Бронзовые шумящая подвеска (рис. 6, 7, 13) и кольцевидный амулет с повернутыми в одну сторону птичьими головками (рис. 6, 8, 14) лежали на тазе. Десять стеклянных (шесть 16-гранных, четыре шаровидных) бусин обнаружены у правого предплечья.

Судя по и инвентарю, погребение принадлежит девочке.

Тип погребальных сооружений могильника раскопа 20 Маяцкого селища помещает его в ряд многочисленных ямных некрополей салтово-маяцкой культуры.

Погребальное сооружение в виде простой ямы с деревянным гробом, в сочетании с ориентировкой погребенных головой в западный сектор, характерно для Волоконовского, Лысогоровского, Красногорского, Червоногусаровского и Ржевского могильников салтово-маяцкой культуры (Плетнева, Николаенко, 1976; Михеев, 1990, 1994; Сарапулкин, 2006). При этом остальные элементы погребального обряда данных памятников отличаются весьма серьезно. Широкое распространение в VIII–X вв. данного варианта погребального сооружения на территории Восточной Европы делает его использование в качестве этномаркирующего признака весьма сомнительным. Гробы встречаются в мордовских погребениях (Голубева, 1987. С. 101), в некрополях Среднего Поволжья (Генинг, Халиков, 1964. С. 10; Халикова, 1971. С. 70) и Приуралья (Розенфельдт, 1987. С. 133; Голдина, Водолого, 1990. С. 72), на Северном Кавказе (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010. С. 113–114, 116–118), причем в ряде случаев гробы сочетаются с ориентировкой погребенных в западный сектор.

Гораздо менее распространена в хазарское время дифференциация поз погребенных в зависимости от пола. Скорченные захоронения фиксируются в основном на Кавказе. Причем они характерны как для некоторых могильников с грунтовыми катакомбами, так и с иными типами погребальных сооружений. Скорченные погребения женщин типичны и для части катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры, генетически связанных с Северным Кавказом. Для остальных памятников хазарского времени скорченное положение погребенного является скорее исключением.

Ряд черт погребального обряда могильника 20 выглядит нетипично для некрополей салтово-маяцкой культуры в целом: к таковым относится отсутствие керамических сосудов, частичное сожжение костяка, прослеженное в погр. 3.

Большинство предметов могильника раскопа 20 имеют аналогии в материалах салтово-маяцкой культуры. Исключение составляют обнаруженные в погр. 5 копоушка и фибулы, и, соответственно, конструкция из фибул, овальных коробочек и бубенчика, скрепленных цепью, хотя в катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры известны находки цепей, скрепляющих овальные коробочки, бубенчики, амулеты.

Подчеркнем, что состав и топография погребального инвентаря могильника раскопа 20 Маяцкого селища близки именно катакомбным могильникам салтово-маяцкой культуры. В частности, он включает в себя предметы, не встречающиеся в ямных некрополях и типичные для катакомбных захоронений – туалетные кисточки, пуговицы из раковин моллюска, овальные бронзовые коробочки.

Если сравнивать инвентарь могильника раскопа 20 с материалами других погребений Маяцкого комплекса, то обращает на себя внимание присутствие гладких, круглых в сечении браслетов с тупыми концами, не встреченных в катакомбных захоронениях данного памятника. Не были известны здесь также серьги, аналогичные найденным в погр. 5.

Не характерными для Маяцкого комплекса являются амулеты с “соколиными головками”. Сам тип амулета относится к числу редко встречающихся. Большинство предметов данной категории из катакомб Маяцкого комплекса представлено когтями и зубами животных либо подражаниями им. Амулеты с четырьмя головками, повернутыми в одну сторону, обнаружены при раскопках Верхнесалтовского (Флерова, 2001. С. 41) и Ютановского могильников (Афанасьев, 1980. Рис. 53, 4).

Шумящая подвеска (привеска ожерелья), имеющая широкие аналогии в захоронениях мордовских могильников IX–X вв. (Воронина, 2007. С. 15, 73), является третьей подобной находкой на Маяцком селище. В отличие от подвесок из катакомб I и VII (Винников, Плетнева, 1998. С. 181), она не является коньковой.

Наиболее полные аналогии погр. 5 и 6 раскопа 20 мы находим на Маяцком могильнике. Это погр. 111, совершенное в гробу. Скелет (женщина, 40–45 лет) располагался скорченно на боку; его сопровождали украшения (Флеров, 1989. С. 35, 46, 47). В погр. 126 остатков гроба не прослежено, однако большой размер могильной ямы позволяет пред-

положить его наличие (Флеров, 1993. С. 35, 121). Костяк (женщина, 35–40 лет) развернут влево, ноги подогнуты, инвентарь представлен золотыми серьгами, ножом, бусами (Флеров, 1993. С. 35).

Эти погребения входят в компактную группу грунтовых могил, выявленных на раскопе 8. Помимо погр. 111 и 126 в эту группу входят: скорченное (девочка-подросток) погр. 125, содержавшее кружку и браслеты; вытянутое детское погр. 126, инвентарь которого составили бусы, зеркало, серьга, пуговица из раковины моллюска, лепной горшок; разрушенное детское погр. 128 и погребение грудного ребенка 135. Отметим, что остальные четыре погребения в ямах, выявленные на Маяцком могильнике, рассредоточены среди катакомб и компактной группы не образуют.

Примечательно, что группа захоронений раскопа 8 находится на границе селища и могильника, расстояние между ней и раскопом 20 составляет около 400 м. Можно предположить, что погребения юго-восточной части раскопа 8 Маяцкого могильника и раскопа 20 Маяцкого селища представляют собой окраины обширного некрополя, расположенного в южной части Маяцкого мыса. В пользу того, что погребения раскопа 8 Маяцкого могильника являются частью отдельного некрополя, свидетельствует и процентное соотношение ямных и катакомбных захоронений на аланских могильниках салтовской лесостепи. На наиболее изученных катакомбных некрополях салтово-маяцкой культуры (Верхнесалтовском, Дмитриевском и Нижнелубянском) процент ямных захоронений колеблется в пределах 0.7–2.2% (Афанасьев, 1987. С. 148), тогда как на Маяцком могильнике они составляют 8%. Если мы допустим, что погребения раскопа 8 представляют собой отдельный некрополь, то оставшиеся 4 ямных погребения дадут схожий с остальными могильниками процент (3%) от общего числа погребальных сооружений. Естественно, предположение о существовании в пределах Маяцкого мыса еще одного крупного некрополя можно будет подтвердить либо опровергнуть лишь после проведения полевых исследований.

В целом, видимо, следует признать отсутствие генетической связи между погребальным обрядом захоронений раскопа 20 Маяцкого селища и ямных могильников салтово-маяцкой культуры. Поза женских костяков и состав инвентаря сближают его с кавказской погребальной традицией, представителями которой в донской лесостепи были носители катакомбного обряда захоронения. Собственно грунтовая могила с деревянными конструкциями внутри, типична для ряда раннесредневековых могильников Кавказа, при этом в некоторых из них

женские костяки размещены скорченно на боку (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010. С. 113, 114).

Малое количество изученных погребений не позволяет сделать окончательных выводов об этнической принадлежности могильника из раскопа 20. Можно предположить, что он оставлен группой населения близкой аланам. Это может быть собственно аланская община со специфическим погребальным обрядом, либо группа иноэтничного населения, переселившаяся с аланами с Северного Кавказа на Дон. Практически все элементы погребального обряда могильника раскопа 20 Маяцкого селища широко представлены в древностях салтово-маяцкой культуры, но сочетание этих элементов в рамках отдельных погребений нетипично.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. М.: Таус, 2010. 492 с. (МОАИ. Т. 11).
- Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). М.: Наука, 1987. 198 с. (Археологические открытия на новостройках. Вып. 2).
- Афанасьев Г.Е. Работы Оскольского отряда Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции по изучению Ютановского могильника. М., 1980 // Архив ИА РАН. Р-1, 7205.
- Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культовые комплексы Маяцкого селища (материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 1991. 192 с.
- Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 1998. 227 с.
- Воронина Р.Ф. Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 годов. М.: Наука, 2007. 180 с.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.
- Голдина Р.Д., Водолого Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ, 1990. 176 с.
- Голубева Л.А. Мордва // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987 (Археология СССР). С. 97–107.
- Михеев В.К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1990. С. 45–71.

- Михеев В.К.* Новый грунтовый могильник салтовской культуры в с. Червоня Гусаровка // Древности 1994 г. Харьковский историко-археологический ежегодник / Ред. В.И. Кадеев, Ю.В. Буйнов, С.И. Берестенев. Харьков: Бизнес Информ, 1994. С. 195–196.
- Плетнева С.А., Николаенко А.Г.* Волоконовский древне-болгарский могильник // СА. 1976. № 3. С. 279–298.
- Сарапулкин В.А.* Ржевский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 2006. С. 195–203.
- Розенфельдт Р.Л.* Поломская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987 (Археология СССР). С. 130–135.
- Флеров В.С.* Болгарские погребения Маяцкого могильника // Ранние болгары в Восточной Европе / Ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1989. С. 46–59.
- Флеров В.С.* Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград: Перемена, 1993. 142 с.
- Флерова В.Е.* Образ и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим-М.: Гешарим – Мосты культуры, 2001. 159 с.
- Халикова Е.А.* Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ АН СССР, 1971 (Археология и этнография Татари. Вып. 1). С. 87–115.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ВЕРХНЕМ ПОНЕМАНЬЕ

© 2014 г. С.П. Витязь

*Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы НАН Беларуси, Минск (vit@history.by)*

Ключевые слова: *балты, славяне, дреговичи, кривичи, ятвяги, этнические контакты, Верхнее Понеманье.*

The article discusses Balto-Slavic contacts in Upper Neman, based on the generalized results of archaeological studies. The statement, that the forming of a wide contact line but not a sharp border region has become the result of the mentioned contacts suggested by researches, is pointed out. The ethnic context of the contact line is mostly Eastern Slavic and Western Baltic (the Dregoviches and Yatvingians) but not Eastern Slavic and Eastern Baltic as it has been assumed before.

Тематика формирования ранней государственности на территории Беларуси включает этап перехода от моноэтнических социальных образований к полиэтничным. В частности, вызывают интерес обстоятельства перехода от княжеств Туровского (дреговичи) и Полоцкого (кривичи) к Великому княжеству Литовскому. Дреговичи достоверно оцениваются как восточные славяне. Положение кривичей сложнее, традиционный взгляд на их восточнославянскую принадлежность получил существенные уточнения в работах Е.А. Шмидта, который выделил этап их этнической модификации от балтской принадлежности к славянской в X в. (2012. С. 112–122). Это соответствует времени, когда славянские поселенцы из бассейна Припяти достигли бассейна Западной Двины (Віцязь, 2011). Особое внимание при обсуждении балто-славянских контактов традиционно уделяется региону Верхнего Понеманья. Отмечается несколько этапов этих отношений и соответственно возможных влияний балтов на местные этнические и социальные процессы: накануне сложения белорусского этноса (до XIII в.), во время его формирования (XIII–XVII вв.) и в поздний период (образование белорусской нации). В целом балтское влияние на становление этноса белорусов оценивается как малозначительное, вторичное относительно доминирующего восточнославянского компонента. С точки зрения этнологии считается, что ранние славяно-балтские контакты имели результатом определенное влияние на формирование “этнической специфики западных групп восточнославянского населения IX–XIII вв., из которых сложилась белорусский народность” (Чаквін, 1989. С. 48). Формы славяно-балтских контактов могли быть разные, однако предполагается, что реальный

результат принесла субстратная форма, т.е. контакты относительно малочисленных балтов-автохтонов со значительно более массовым и мобильным пришлым славянским населением. При этом выделяется “балто-славянская граница” периода раннего средневековья между ареалами с явным преобладанием балтского и славянского населения соответственно. Существенная часть этой границы располагается в Верхнем Понеманье и соотносится с ареалом сложения начальной территории Великого княжества Литовского. Это в свою очередь вызывает вопрос о содержании балто-славянского взаимодействия в социальном плане, его вероятной роли в процессах образования Великого княжества Литовского (Краўцэвіч, 1998. С. 81–103). Отсутствие письменных источников раннего средневековья придает особую источниковедческую значимость результатам археологических исследований.

Присутствие балтов в Верхнем Понеманье в начальной фазе средневековья соотносится с рядом культур: штрихованной керамики, банцеровской и восточнолитовских курганов. Культура штрихованной керамики занимала преимущественно регион Северной и Центральной Беларуси и исчезла с этой территории (Егарэйчанка, 1999) в канун появления первых славян далеко на юге, в бассейне Припяти (культура Прага-Корчак, V–VII вв.) (Вяргей, 1999). Контакты между восточными балтами, носителями культуры штрихованной керамики, и славянами маловероятны. Непосредственными потомками первых полагают носителей культуры восточнолитовских курганов (Мядзведзеў, 1999), которые во второй половине I – начале II тыс. занимали (рис. 1, а) бассейн Вилии и ее притока Швян-

той, в том числе регион западной части Северной Беларуси (Tautavicius, 1996. Р. 1; Мядзведзеў, 1999. Рис. 96). Контакты носителей культуры восточно-литовских курганов со славянами широко фиксируются с начала II тыс. Между культурами штрихованной керамики и восточнолитовских курганов хронологически (VI–VIII вв.) и территориально (регион Центральной Беларуси, в частности, восточная часть Верхнего Понеманья) отмечается существование банцеровской культуры. Однако ее представители покинули Понеманье еще до прихода славян (или, по мнению некоторых исследователей, под определенным влиянием раннего славянского расселения); судьба самой культуры и ее этнокультурная принадлежность пока надежно не выяснены (Русанова, 1976. С. 56–63; Шадыра, 1999. С. 373–376). Очевидно контакт между местными носителями банцеровской культуры и поселенцами – восточными славянами (носителями культуры Луки-Райковецкой, VIII–X вв.), которые двигались на север из бассейна Припяти (Вяргей, 1999. С. 337–348), – теоретически возможный вариант субстратного балто-славянского взаимодействия. Однако сегодня значимость этого контакта оценить сложно – если он имел место, то был непродолжительным. Конец I тыс. отмечен появлением в Верхнем Понеманье единичных памятников восточных славян (преимущественно дреговичей, также волянян) и западных балтов (ятвягов), при отсутствии других обитателей в регионе (Седов, 1970. С. 161, 192; Таутавичюс, 1977; Зверуго, 1989. С. 14, 15; Віцязь, 2009).

Славяно-балтские контакты в Верхнем Понеманье периода развитого средневековья получили особое внимание исследователей, результатом чего стало оформление ряда вариантов балто-славянской границы в регионе. Первые попытки выделения такой границы (в авторском определении содержания – “славяно-литовской”) предпринимали российский археолог Ф.В. Покровский (конец XIX в.), польский археолог В. Голубович (первая половина XX в.). Их разработки касались в основном региона Повиля и лишь в пограничье затрагивали Понеманье. Польский историк Х. Ловмянский (вторая половина XX в.) предложил аргументированное по сведениям письменных источников определение двух “литовско-русских” границ: для XII–XIII вв. южной границы (рис. 2, в) с преобладанием “русского” населения (Lowmianski, 1967. S. 81, 82) и для XIII–XIV вв. северной границы (рис. 2, г) с преобладанием “литовского” населения (Lowmianski, 1985. S. 96. Мара). Варианты балто-славянской границы, близкие к южной границе Х. Ловмянского, предлагали также польский историк Я. Тышкевич (Tyszkiewicz, 1973. S. 20. Мара): “граница восточ-

ная и южная смешанного балто-славянского населения” для X–XIII вв. (рис. 2, б); белорусский археолог Я.Г. Зверуго (1989. С. 15): “этническая славяно-литовская граница” для X–XI вв. (рис. 2, а), в XII–XIII вв., по мнению исследователя, граница сдвигалась к западу и северо-западу.

Наличие не одной, а двух “балто-славянских” границ в Верхнем Понеманье не случайна. Ведущий исследователь региона Я.Г. Зверуго неоднократно подчеркивал этнически смешанный характер местного населения в обширном ареале, что достоверно прослежено по археологическим материалам (Зверуго, 1989. С. 15; Звяруга, 2005. С. 142). А.К. Кравцевич предложил определить выделенную территорию как “контактную зону”, “пограничную полосу смешанного балто-славянского населения” (Краўцэвіч, 1998. С. 90–92). Видится целесообразным конкретизировать, о каком именно населении идет речь. Так, в начале II тыс., по археологическим данным, Верхнее Понеманье активно заселялась по встречным направлениям преимущественно западными балтами-ятвягами (рис. 1, б) с северо-запада, из бассейна Среднего Немана (Віцязь, 2009; 2011) и восточными славянами-дреговичами (рис. 1, в) с юго-востока, из бассейна Средней Припяти (Лысенко, 1991; Віцязь, 2009), а также, в меньшей степени, рядом других поселенцев: кривичей (рис. 1, г) и локально волянян, древлян, мазовшан (Зверуго, 1989; Штыхаў, 1992; Віцязь, 2012). Соответственно эти межплеменные взаимодействия носили контактный характер (т.е. равнозначный в отличие от субстратного, доминантного).

Так, в направлении с северо-востока (с Повиля) на юго-запад (до Среднего Немана) для периода XI–XII вв. выделяются следующие ареалы межэтнических взаимодействий (рис. 2, 1–7) (далее по тексту предлагаются сокращения этнических определений населения: ВС – восточные славяне, ЗС – западные славяне, ВБ – восточные балты, ЗБ – западные балты): 1 – от оз. Дрисвяты до верховьев Березины Неманской – контактная зона кривичей (ВС) и аукштайтов (ВБ); 2 – от верховьев Березины Неманской до устья Мяркиса с Неманом – контактная зона аукштайтов (ВБ) и ятвягов (ЗБ); 3 – от верховьев Березины Неманской до устья Гауи с Неманом – контактная зона кривичей (ВС) и ятвягов (ЗБ); 4 – междуречье рек Сервеч и Молчадь, по левобережью Немана – контактная зона дреговичей (ВС), кривичей (ВС), древлян (ВС), волянян (ВС) и ятвягов (ЗБ); 5 – междуречье Молчади и Свислочи, по левобережью Немана – контактная зона дреговичей (ВС) и ятвягов (ЗБ); 6 – бассейн Свислочи – контактная зона дреговичей (ВС), волянян (ВС), мазовшан (ЗС) и ятвягов (ЗБ); 7 – междуречье рек

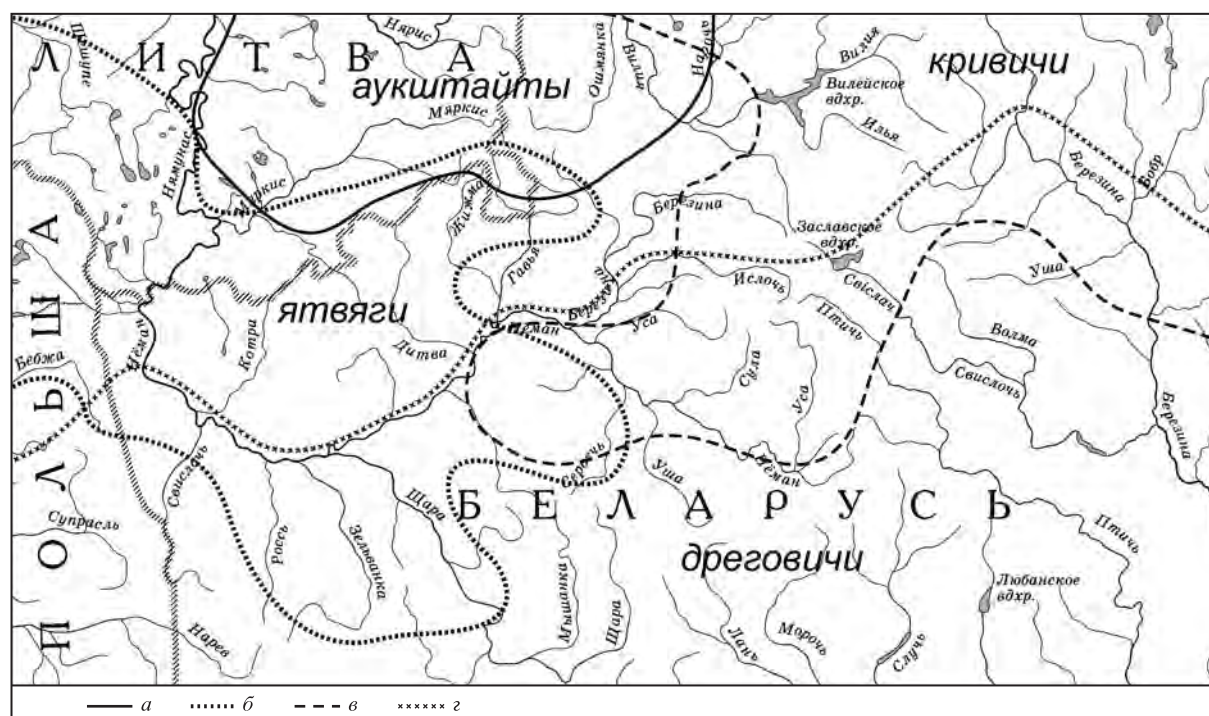

Рис. 1. Ареалы поселенцев Верхнего Понеманья в XI–XII вв. Условные обозначения: а – аукштайты (по: Таутавичюс, 1977; Tautavičius, 1996); б – ятвяги (по: Віцязь, 2009); в – кривичи (по: Штыхаў, 1992); з – дреговичи (по: Лысенко, 1991).

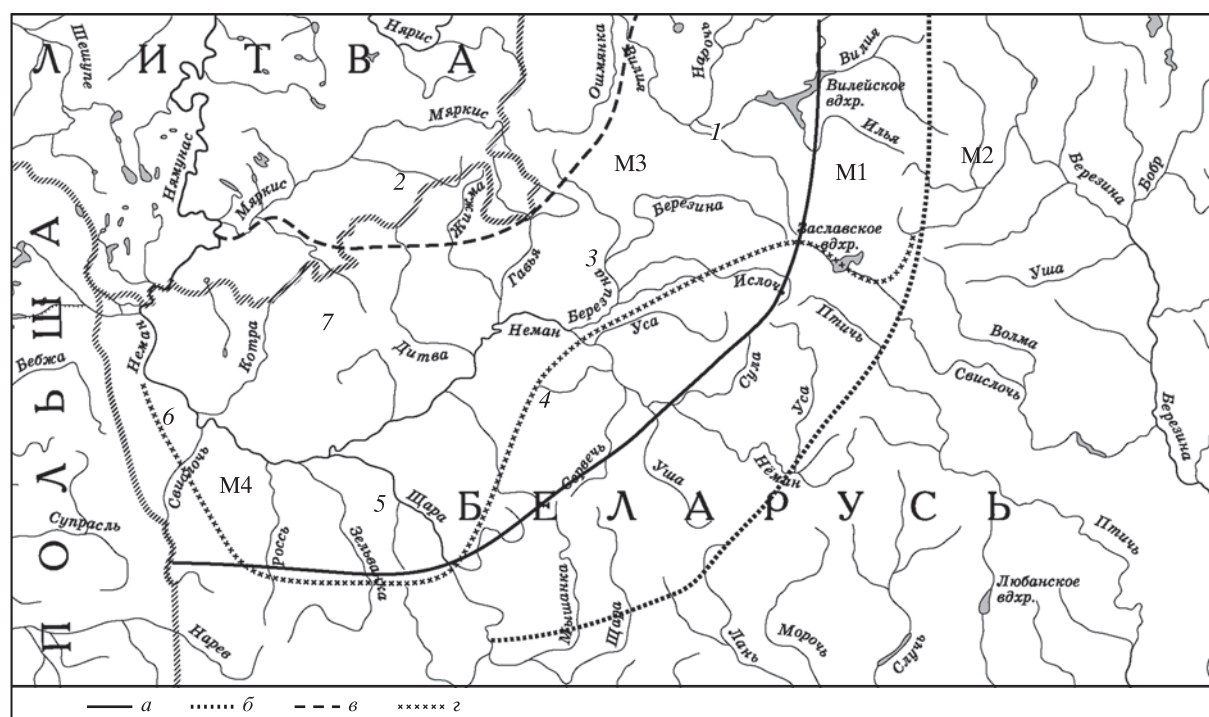

Рис. 2. Этнические границы (M1–M4) и контактные зоны (1–7) в пограничной полосе смешанного балто-славянского населения Верхнего Понеманья в первой половине II тыс. Условные обозначения: а – M1 – граница X–XI вв. (по: Зверуго, 1989); б – M2 – граница X–XIII вв. (по: Tyszkiewicz, 1973); в – M3 – граница XII–XIII вв. (по: Lowmianski, 1967); з – M4 – граница XIII–XIV вв. (по: Lowmianski, 1985).

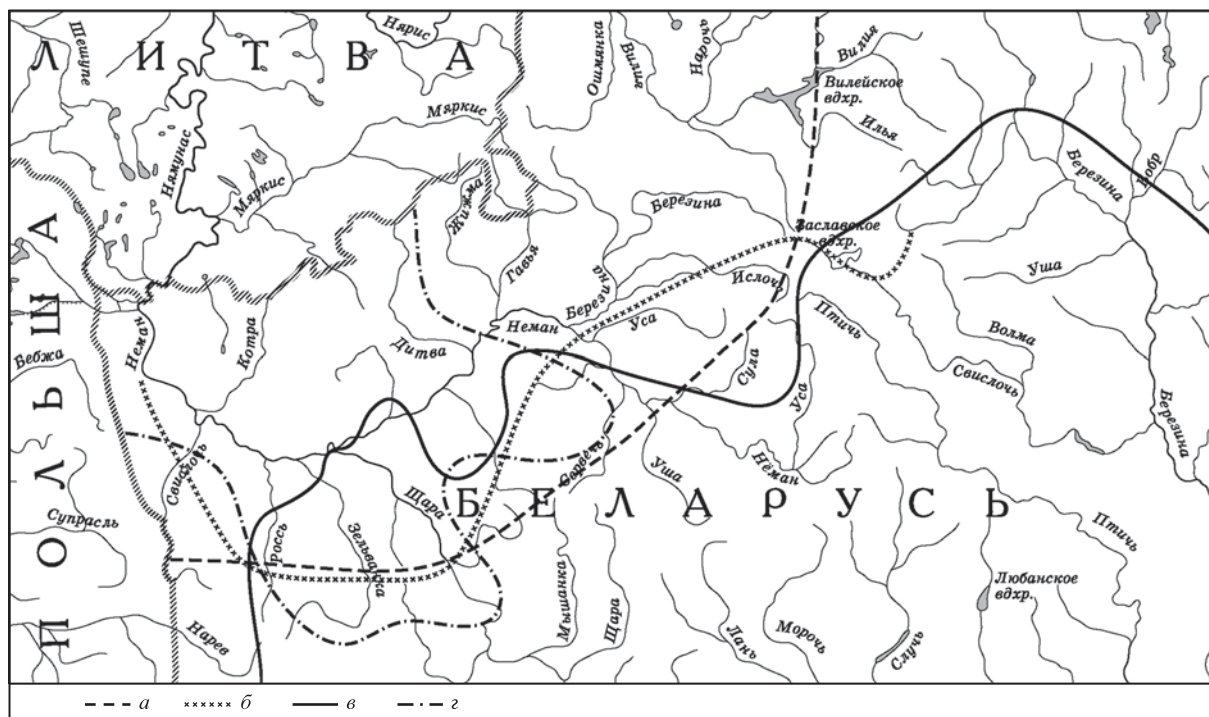

Рис. 3. Соотношение эмпирических этнических границ и ареалов погребальных памятников балтов и славян в Верхнем Понеманье в первой половине II тыс. Условные обозначения: *a* – граница балто-славянских контактов X–XI вв. (по: Зверуго, 1989), соответствует M1; *b* – граница балто-славянских контактов XIII–XIV вв. (по: Lowmianski, 1985), соответствует M4; *v* – граница ареала дреговичей XI в. (по: Лысенко, 1991); *z* – граница ареала ятвягов XI в. (по: Віцязь, 2009).

Гауя и Мяркис, по правобережью Немана – область преимущественного проживания ятвягов (ЗБ).

Как видно, обобщенному содержанию “балто-славянской пограничной полосы” наиболее соответствуют разработки Х. Ловмянского (рис. 2, *в*, *z*), а также для южной границы “полосы” – оценка Я.Г. Зверуги (рис. 2, *а*). При этом пограничная полоса M1–M4 (рис. 2) в высокой степени совпадает с ятвяжско-дреговичской контактной зоной начала II тыс., выделенной на основании материалов погребальных памятников (рис. 3) (Віцязь, 2011. С. 223). Тезис о содержательном участии ятвягов в этнических процессах средневекового Верхнего Понеманья высказывал полвека назад М.Я. Гринблат (1959). Между тем исследователь базировался на материалах лингвистических источников (топонимические сведения этнонимического типа, обобщенные М.П. Барсовым в конце XIX в.), что было недостаточным аргументом для оформления надежных выводов, но открывало продуктивное концептуальное направление исследований.

Предложенная конкретизация состава пограничной полосы уточняет положения М.Я. Гринבלата с учетом археологических данных и в комплексе принципиально отличается от предыдущих разработок. В определенной степени она меняет суще-

ствующие представления о формах, направлениях и результатах сложения пограничных зон разных этнических групп населения региона, представляет новую точку зрения на проблему содержания балто-славянских контактов периода раннего средневековья. Так, общепринятая формулировка этнического содержания – “славяно-литовские” контакты – оказывается свойственна только зоне 1, которая едва затрагивает пограничье Верхнего Понеманья. Все остальные контакты восточных славян в регионе касаются не восточных, но западных балтов – ятвягов. Это важно в фактологическом плане, а также существенно с точки зрения методологии исторических, этнологических, языковедческих и других исследований в регионе, в том числе с тех позиций, что западные балты оцениваются (см., например: Загорюльский, 1981; Мартынов, 1988) как наиболее близкие к славянам в этногенетическом плане (этот аспект не выделял М.Я. Гринблат, говоря о “славяно-литовских”, но не о “славяно-балтских” отношениях). Соответственно можно ожидать проявления различий между восточнославянскими и западно-балтскими материалами менее контрастными по сравнению с материалами восточнобалтскими.

Можно добавить, что в отношении раннесредневекового Верхнего Понеманья исследователя-

ми отмечались черты преимущественно мирного, конструктивного содержания балто-славянских отношений (Седов, 1964, 1968; Зверуго, 1989, С. 30, 160; Краўцэвіч, 1998. С. 98–103; Віцязь, 2009, 2012). Такие ориентиры предоставляют свидетельства археологии. Однако существует немало иных историографических подходов, в том числе выделяющих конфронтационные аспекты балто-славянских отношений в Верхнем Понеманье. Очевидно, эта противоречивость мировоззренческих позиций послужила причиной того, что в новейшей обобщающей работе, посвященной реконструкции истории Древней Руси на основе материалов археологии (Русь в IX–XI веках..., 2012), отсутствует раздел по Верхнему Понеманью, что подтверждает насущную значимость источниковедческих и методологических аспектов всестороннего изучения истории средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Віцязь С.П.* Помнікі яцвягаў перыяду ранняга сярэднявёўя ў Верхнім Панямонні // Весці НАН Беларусі. Сер. гум. навук. 2009. № 2. С. 44–54.
- Віцязь С.П.* Поліфункцыянальныя аспекты засялення Верхняга Панямоння ў ранням сярэднявеччы // Актуальныя праблемы ранняй гісторыі славян. Мінск: Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2011 (Гістарычна-археалагічны зборнік; Вып. 26). С. 213–228.
- Віцязь С.П.* Прусы і яцвягі ранняга сярэднявечча: этнакультурныя трансфармацыі ў Верхнім Панямонні. Мінск: Беларуская навука, 2012. 411 с.
- Вяргей В.С.* Помнікі тыпу Прага-Карчак і Лукі-Райкавецкай // Археалогія Беларусі. Т. 2: Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск: Беларуская навука, 1999. С. 317–348.
- Гринблат М.Я.* К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959 (Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции; Т. 1). С. 523–543.
- Егарэйчанка А.А.* Культура штрыхаванай керамікі // Археалогія Беларусі. Т. 2: Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск: Беларуская навука, 1999. С. 113–173.
- Загорюльский Э.М.* К проблеме происхождения западных балтов // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс: Ин-т истории, 1981. С. 21–24.
- Зверуго Я.Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Мінск: Навука і тэхніка, 1989. 208 с.
- Звяруга Я.Г.* Беларускае Павілле ў жалезным веку і ранням сярэднявёўі. Мінск: Ін-т гісторыі НАНБ, 2005 (Матэрыялы па археалогіі Беларусі; Вып. 10). 174 с.
- Краўцэвіч А.К.* Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. Мінск: Беларуская навука, 1998. 208 с.
- Лысенко П.Ф.* Дреговичи. Мінск: Навука і тэхніка, 1991. 244 с.
- Мартынов В.В.* Праславянский язык и его место в западнобалтийском диалектном континууме. Минск: Наука и техника, 1988. 50 с.
- Мядзведзеў А.М.* Культура усходнелітоўскіх курганоў // Археалогія Беларусі. Т. 2: Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск: Беларуская навука, 1999. С. 384–430.
- Русанова И.П.* Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. М: Наука, 1976. 100 с.
- Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / Ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. 496 с.
- Седов В.В.* Курганы ятвягов // СА. 1964. № 4. С. 36–51.
- Седов В.В.* Ятвяжское племя Дейнова // КСИА. 1968. Вып. 113. С. 24–30.
- Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М: Наука, 1970 (МИА; Вып. 163). 199 с.
- Таутавичюс А.З.* Погребальные памятники Литвы I–XIII вв. // Lietuvos TSR Archeologijos Atlasas: per 4 t. Т. 3: I–XIII a. pilkapynai ir senkapiai. Vilnius: Mokslas, 1977. Р. 173–181.
- Чаквін У.І.* Балты // Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя. Мінск: БелСЭ, 1989. С. 47–48.
- Шадыра В.І.* Банцараўская культура // Археалогія Беларусі. Т. 2: Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск: Беларуская навука, 1999. С. 359–376.
- Шмидт Е.А.* Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2012. 168 с.
- Штыхаў Г.В.* Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 191 с.
- Lowmianski H.* Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n.e. Т. 3. Warszawa: Państw. Wyd. Naukowe, 1967. 519 s.
- Lowmianski H.* Geografia polityczna Baltów // Lituanos-Slavia Posnaniensia. Studia Historica. 1985. № 1. S. 1–105.
- Tautavicius A.* Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius: Lietuvos pilys, 1996. 367 p.
- Tyszkiewicz J.* Proces słowizacji ziem dorzecza Niemna w VI–XI ww. // Przegląd historyczny. 1973. Т. 64. Z. 1. S. 1–23.

КОРАЛЛЕНБЕРГЕ (ХВОЙНОЕ). СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2014 г. В.И. Кулаков

Институт археологии РАН, Москва (drkulakov@mail.ru)

Ключевые слова: *эпоха викингов, Куршская коса, курши, поселение, украшения, керамика.*

Two building horizons were elicited on the territory of 85 square meters in 2001, 2002 and 2008 in the course of the excavations in the south-west dune in the district Korallenberge (Kaliningrad region, Curonian Spit). The date of the low horizon, which consisted of the remains of the pillar building and pise floor, is fixed on the basis of the pottery material in the frames of the 10th – the beginning of the 11th c. Probably the find of the bone comb gives the much narrower frames of the existing and the death of the lower layer dated to about 950–1010 yy. The high horizon which includes the amber workroom and distinguishes by the minimization of the fragments of the moulded vessels is dated steadily to the pottery material and fibulas of 11th c. – probably the first years of the 12th c. The south-west dune Korallenberge is a unique settlement for the territory of Russia of the end of the Vikings' epoch and the beginning of the post-Vikings' time when the Kurshi, who were under the Scandinavian ethno-cultural influence, lived.

Впервые археологический памятник, располагающийся в 6 км к юго-западу от Rossitten, Kr. Fischhausen/Samland (ныне пос. Рыбачий Зеленоградского р-на Калининградской обл.), в 0,25 км к юго-западу от пос. Хвойное (самое северное строение в пос. – бывшая усадьба А.И. Григорьева, также находится на поселении эпохи викингов, занимающем северную дюну Коралленберге), на южной дюне урочища, именовавшегося местными жителями Коралленберге, известен науке с 1869 г. Данное поселение – единственный (состоящий из двух дюн) памятник археологии в юго-западной части Куршской косы, расположенный на морском берегу (рис. 1). Он был обнаружен в ходе археологических разведок, проводившихся на Куршской косе по инициативе Физико-экономического общества профессорами фон Виттихом, Г. Берендтом и Р. Ломейером. Их основной задачей были раскопки грунтового могильника Штангенвальде (Кулаков, 1990. С. 86, 87), расположенного к востоку от уроч. Коралленберге. Видимо, наткнувшись при шурфовке на южной и северной дюнах указанного урочища под дерном на слой “стерильного” дюнного песка, упомянутые выше коллеги из Кенигсберга посчитали этот памятник грунтовым могильником, уничтоженным эрозией (Schifferdecker, 1873. S. 51). После того как дюны Коралленберге были исследованы в 1870 г. П. Шиффердеккером не осталось сомнений в том, что в уроч. Коралленберге обнаружены остатки поселения (Schifferdecker, 1873. S. 60). На

это указывают найденные в нескольких пунктах на южной и северной дюнах остатки скоплений древесных углей, слой сгоревшей “хижины” на южном краю холма I, колотой гальки (консервант тепла на очаге в ночное время), камни с остатками “глиняного раствора” между ними, керамика и несожженные кости животных. В конце XIX в. местная детвора добывала на поселении находки, продавая их потом за “пару пфеннигов” (Schifferdecker, 1873. S. 55–60). П. Шиффердеккер считал, что поселение Коралленберге связано с расположенным в “120 шагах” южнее грунтовых могильников Штангенвальде, датировал оба памятника XIV–XV вв. и связывал их с деятельностью аллохтонов-ливов (Schifferdecker, 1873. S. 60, 65). Тезис о синхронности и связи между собой этих двух памятников у О. Тишлера и других прусских археологов XIX в. сомнения не вызывал (Bezenberger, 1889. S. 251).

На площадке данного поселения Балтийской экспедицией ИА РАН были вскрыты раскопы I (2001 г.), II и III (2002 г.), IV (2008 г.)¹ (рис. 2, 3). Общая площадь исследованной части площадки поселения достигла 85 м². Все раскопы объединены наличием в их пределах остатков двух строительных горизонтов. На глубину до 0,4 м присутство-

¹ Работами на раскопе IV площадью 16 м² руководил Е.А. Тюрин, по техническим причинам не сдавший полевой отчет в архив ИА РАН.

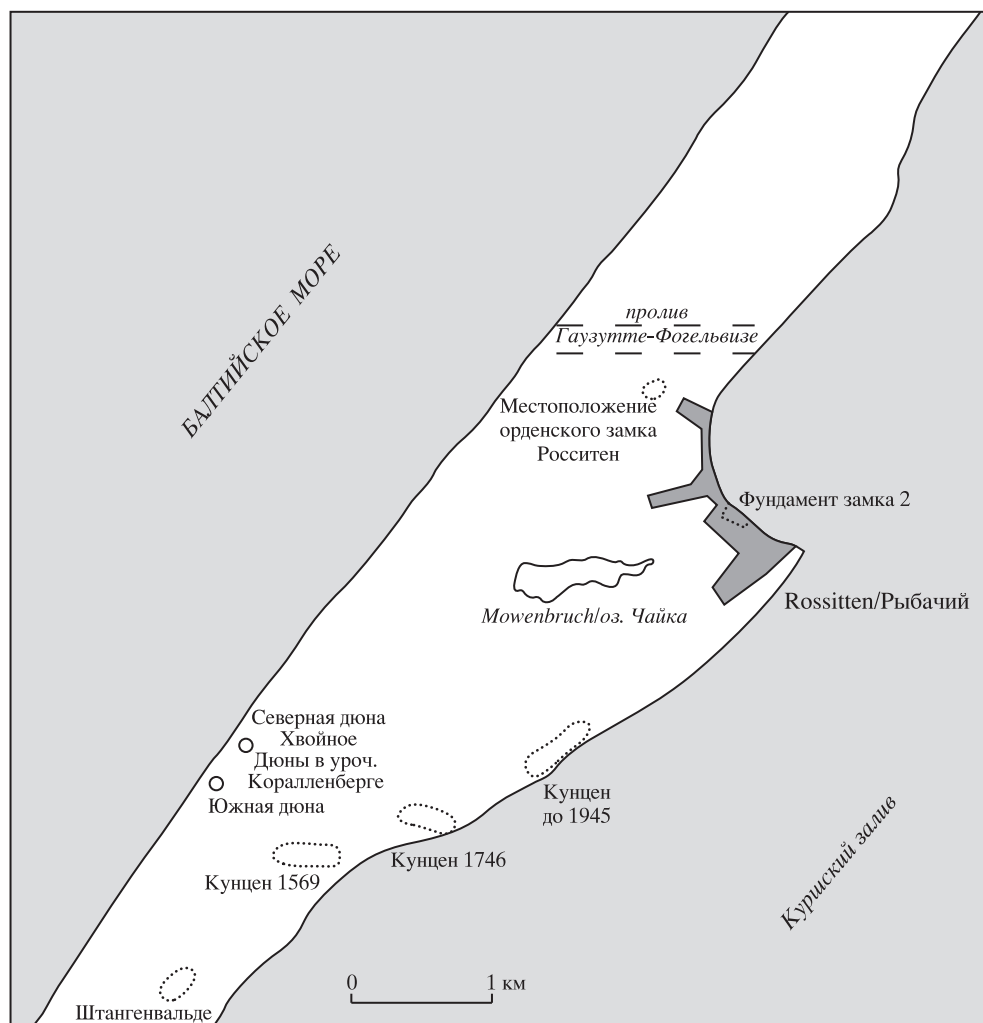

Рис. 1. Памятники археологии в окрестностях Rossitten/пос. Рыбачий.

вал дюнный песок, свободный от находок и включений антропогенного происхождения. Именно такой грунт в своих шурфах на дюнах Коралленберге встретили немецкие коллеги в разведочном полевом сезоне 1869 г. Это и привело их к мысли о гибели под эоловым воздействием располагавшегося здесь могильника, с которым связывались отдельные находки в подъемном материале. Слой дюнного песка мощностью от 0,25 до 1 м – результат позднейшей эоловой агрессии – в шурфах и обнажениях грунта был принят за материк. Его эоловое происхождение выявлено междисциплинарными исследованиями, проведенными в 2002 г. на дюне географами Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова и Калининградского гос. ун-та (Кулаков и др., 2003. С. 105). После зачистки на глубине около 0,4 м на раскопе I стало очевидным наличие под массивом дюнного песка нетронутых культурных напластований, с которыми было связано скопление камней (в значительной мере коло-

тых) в северо-восточном углу раскопа (рис. 3). Сам по себе феномен присутствия такого большого числа камней на территории Куршской косы уникален, ибо геологические параметры косы как осадочно-намывного объекта не предполагают присутствие здесь валунных образований. После упомянутой зачистки по оси С–Ю его поверхность оказалась рассечена извилистой линией, которая разграничивала плотный серо-желтый песок (восточная часть раскопа) и рыхлый светло-серый песок (западная часть раскопа). Позднее выяснилось, что была обнаружена западная граница слоя разрушения верхнего строительного горизонта.

Верхний горизонт культурных напластований на раскопах I–III характеризуется следующим образом.

Под дерном располагается массив дюнного песка новейшего происхождения, перекрывающий напластования, состоящие из слоев золистого супеси и

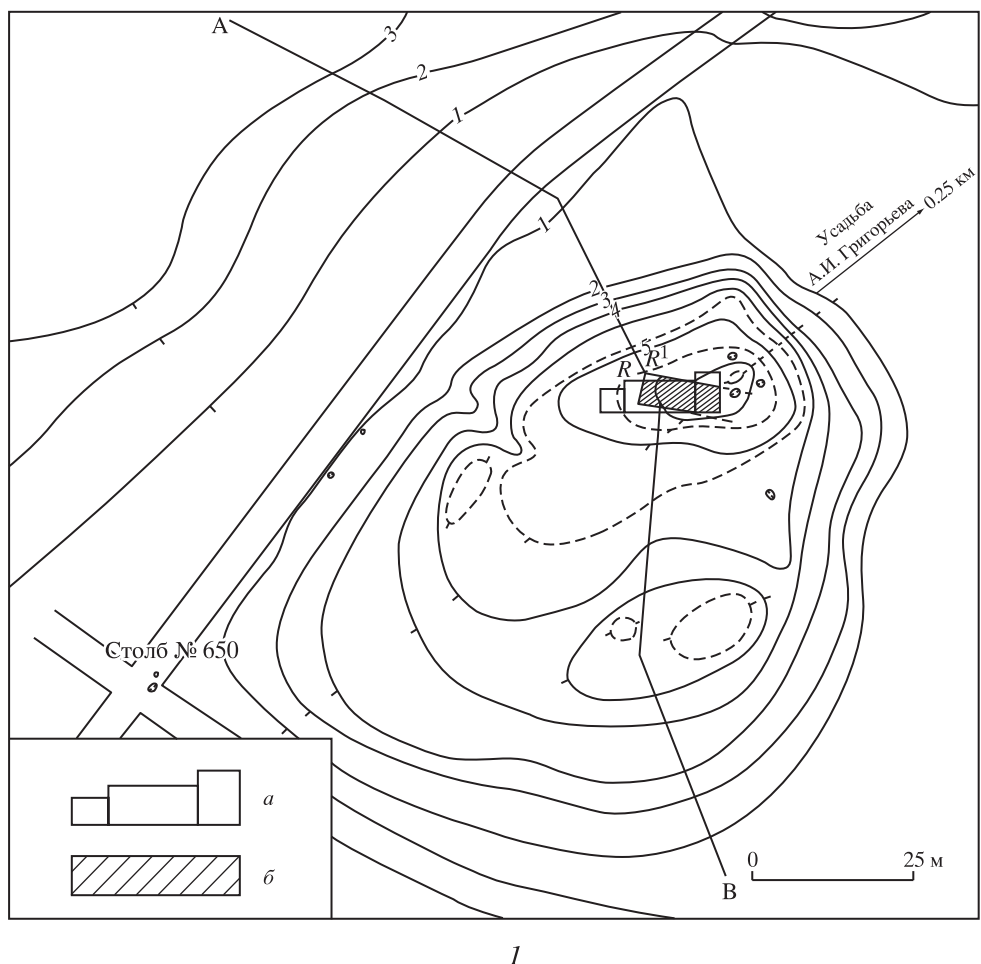

Рис. 2. План (1) и сечение (2) поселения на южной дюне Коралленберге. Условные обозначения: а – раскопы I–IV (2001, 2002, 2008 гг.); б – остатки постройки. R – реперная точка для раскопа 2001 г.; R¹ – реперная точка для раскопов 2002 г. Сечение горизонталей – 1 м.

крупнозернистого песка с обильным содержанием частиц золы. В северо-восточном секторе раскопа I совокупная мощность двух последних прослоек достигает 0,3 м. Планиграфически эти две прослойки, наполненные продуктами горения, совпадают с каменным развалом в кв. 5 и 10, являясь слоем разрушений объектов позднейшего строи-

тельного яруса (рис. 4), выявленных в раскопе I. Этот слой подстилается напластованием интенсивно золистой супеси, имеющим мощность от 0,18 до 0,3 м и отложившимся в процессе жизнедеятельности верхнего горизонта. Слой супеси в свою очередь на всей площади раскопа подстилается тонкой (не более 7 см) прослойкой сте-

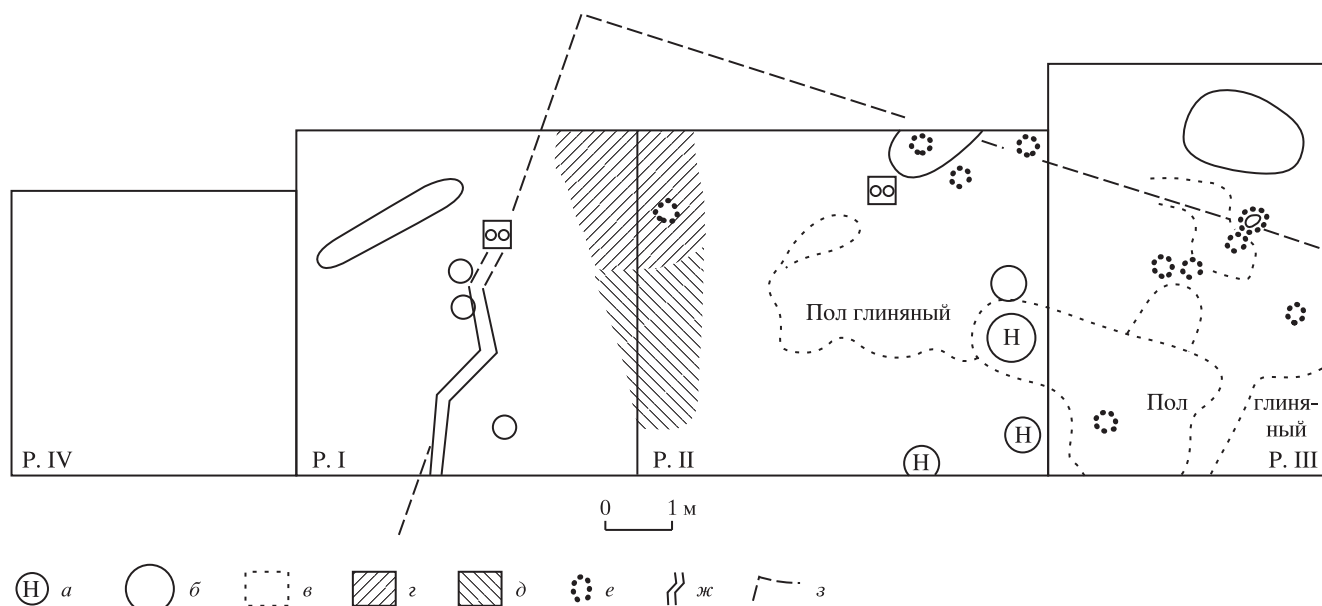

Рис. 3. Схема расположения археологических объектов в раскопах I–IV на южной дюне Коралленберге. Условные обозначения: а – очаг; б – яма хозяйственная; в – глиняная обожженная вымостка; г – обожженные колотые камни; д – необожженные колотые камни; е – камни, окружающие основание столба; ж – следы плетеной конструкции стены; з – условные границы жилища.

рильного светлого песка или погребенного дерна. Означенные стерильные прослойки представляют собой нижнюю границу верхнего горизонта. Общая мощность его напластований колеблется в пределах от 0,35 до 0,5 м, планиграфически этот горизонт сконцентрирован в восточной части раскопа I (рис. 3). На раскопе III (2002 г.) на

глубине около 1 м был найден фрагмент витого браслета (рис. 5, 5).

В числе объектов, входящих в верхний горизонт, выявлены следующие.

Яма 1 (Р. I) – столбовая, овальной в плане формы, размерами 0,3 × 0,26 м, глубиной от верхней границы верхнего горизонта 0,13 м, заполнена супесью с

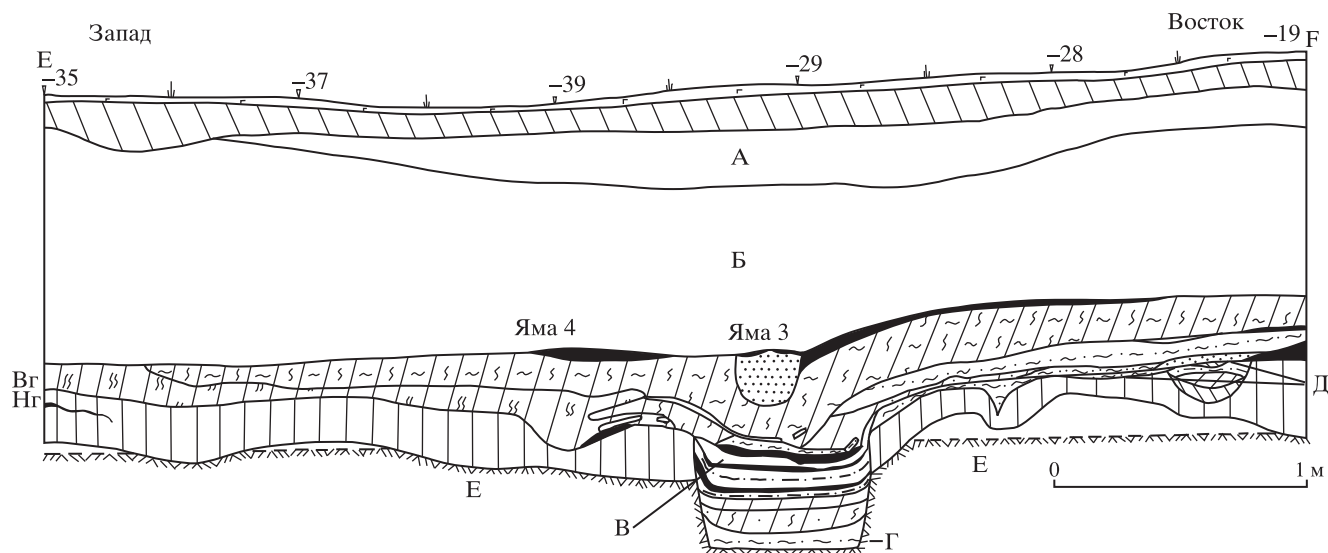

Рис. 4. Сечение (Е–F) раскопов II и III на юго-западной дюне Коралленберге с двумя строительными горизонтами. Индексы напластований: А – слой аллювиального субстрата; Б – дюнный песок (позднейшая эоловая агрессия); В – слой необожженной глины; Г – слой слабо золистого супеси; Д – погребенный дерн; Е – слой аллювиального фильтра; Бг – остатки верхнего горизонта; Нг – остатки нижнего горизонта.

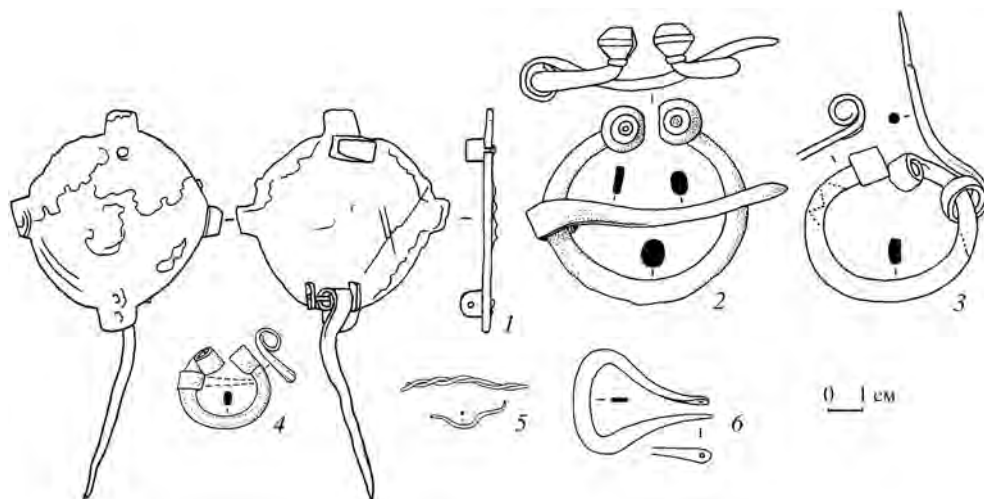

Рис. 5. Бронзовые украшения из верхнего горизонта на юго-западной дюне Коралленберге. 1 – фибула (Р. I, № 8); 2 – фибула (Р. III, № 19), найдена в остатках кожного кошелька (?); 3 – фибула (Р. III, № 16), найдена в остатках кожного кошелька, выстланного берестой, вместе с куском янтаря; 4 – фибула (Р. I, № 135); 5 – фрагменты браслета (гривны?), р. II, № 24; 6 – рамка пряжки (Р. II, № 132).

большим количеством золистых и углистых включений. В 0.2 м к северу от ямы 1, на 0.53 м выше уровня ее дна обнаружена обожженная пластинчатая бронзовая фибула. На ее лицевой стороне сохранились остатки оловянисто-цинковой плакировки (рис. 5, 1). На тыльной стороне фибулы виден прорезной знак в виде “косого креста”, соответствующий руне *gebu*. Аналогии этой застежке известны лишь на куршском городище Бирутес Калнас, где такая фибула датируется IX–XII вв. (Žulkus, 1997. Рав. 176. Lent. 7, 32). Кроме того, в ближайших окрестностях ямы 1 найдены фрагменты лепных (рис. 6, 2) и круговых сосудов. Обломки лепной керамики в верхнем ярусе имеют, как правило, серо-

охристый цвет, в примеси – мелкая дресва. Круговая керамика на примере развала кухонного сосуда № 65г – охристо-серая, со следами нагара извне, в примеси – песок. Данный сосуд предварительно можно отнести к подтипу *Žulkus B1a*, XI–XII вв. (Žulkus, 1997. Р. 215). Прототип такой пластинчатой фибулы, относящейся к куршским древностям, известен в зольнике (нем. *Aschenplatz*) могильника Гора Великанов, г. Пионерский, Зеленоградский р-н (Kulakov, 2006. S. 155, 156).

Яма 2 (Р. I) оставлена в древности деревом. Рядом найдены обломки венчиков лепных и круговых сосудов. Фрагмент венчика № 73 относится к типу “стреловидные” и изготовлен в древнерусской тра-

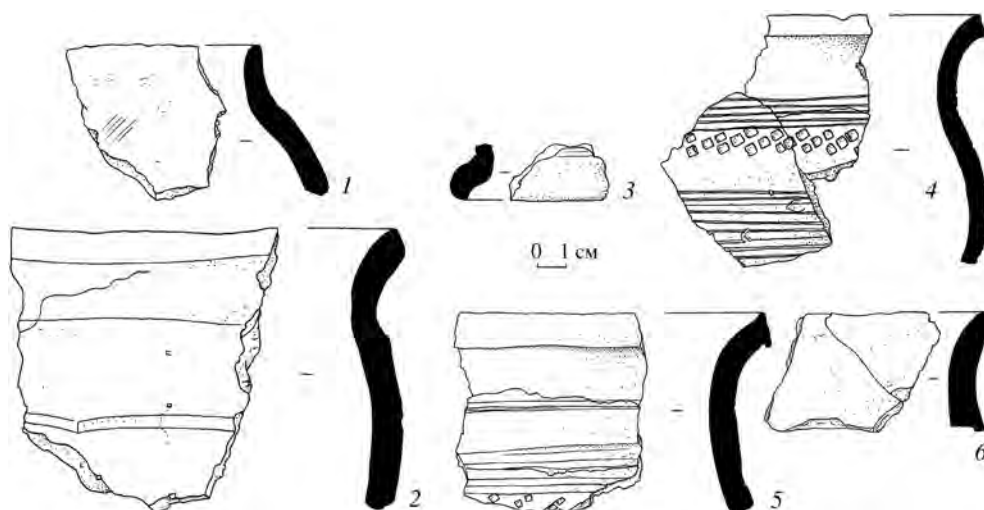

Рис. 6. Фрагменты лепных (1, 2, 6), раннегончарных (4, 5) сосудов и керамической крышки (3) из верхнего горизонта юго-западной дюны Коралленберге. 1 – р. I, № 111; 2 – р. I, яма 1, № 65г; 3, 4 – р. II, № 59; 5, 6 – р. III, № 65.

диции. Вплотную с запада к яме 2 примыкает, перекрывая ее, глиняная вымостка (Р. I) подквадратной в плане формы, размерами 0.36×0.39 м, глубина слоя обожженной глины – от 6 до 8 см. Практически по оси 3–В глиняную вымостку пронизывают ямки от парных столбов, каждая из которых имеет стандартный диаметр 0.1 м и глубину 0.2. Эти ямки заполнены интенсивно золистой супесью с большим содержанием золы и выбраны в слое супеси. Первоначально были сделаны эти ямки, затем в них поставили столбы и по основанию их была создана глиняная подквадратная в плане вымостка. Затем столбы были временно изъяты для проведения обжига вымостки. После завершения процесса столбы были водружены на свои места. Такой домостроительный прием, чуждый балтским традициям, был популярен в Скандинавии эпохи викингов.

Как и эта вымостка, яму 2 перекрывал слой обожженной глины (Р. I) – остатки глиняной обмазки стены (?), рухнувшей в процессе разрушения существовавшего в северо-восточном секторе раскопа I сооружения верхнего горизонта. В плане скопление глины имеет овальную форму, размеры – 1.72×1.33 м, мощность – до 0.06. Это скопление глины перекрывало и вымостку, указанную выше. Аналогичное по составу скопление глины выявлено севернее, его размеры – 0.52×1.16 м.

Ямы 3, 6, 7, 8 (Р. I) оставлены древними деревьями. Вблизи ямы 3 найдены фрагменты лепных и круговых сосудов (последние подтипа Žulkus B-1a).

Яма 5 (Р. II) диаметром 0.5 м, глубиной (с уровня – 119) 0.25, округлая в плане, заполнена различными фракциями золистой супеси, перекрытой практически на уровне устья ямы слоем обожженной глины толщиной 0.03 м.

Важнейшая характеристика верхнего горизонта раскопа I – наличие в его северо-восточной части значительного числа сожженных древесных остатков (доски толщиной до 3 см). Возможная интерпретация этих углистых прослоек – остатки сгоревшего дважды возобновлявшегося пола. В нижнем углистом слое, под массивом золы в кв. 10 найдена бронзовая подковообразная фибула № 135 (рис. 5, 3) с закрученными концами. Характерная черта этой фибулы – овальные очертания ее дуги – указывает на ее скандинавское происхождение. А. Карлссон на основе анализа готландского материала относит такие застежки к типу RUL:SM (*rullarna smala*) и датирует IX–XI вв. Учитывая отсутствие у фибулы из Коралленберге характерных для X в. фасетированных граней на дуге, эту находку можно отнести к XI в. (Carlsson, 1988. Р. 69). Две аналогичные бронзовые фибулы обнаружены на одной из дюн

Коралленберге в 1870 г. (Schifferdecker, 1873. S. 58. Taf. XI, 6, 7).

Массив грунта верхнего горизонта подстилался линзой чистого песка эолового происхождения, являвшегося нижней границей верхнего горизонта.

Нижний горизонт. В раскопе I мощность его напластований не превышает 0.3 м и состоит на всей площади раскопа из предматерикового песка, перекрытого и в ряде случаев подстилаемого тонкими линзами золистой супеси. Выявлены следующие объекты.

Яма 4 (Р. I) – овальное в плане углубление в материке размерами 2.5×1.52 м, ориентированное по линии СВ–ЮЗ, глубиной до 0.17. Яма заполнена интенсивно золистой супесью. В заполнении ямы и в непосредственной близости от нее найдены бронзовые накладка, бусина, игла от пластинчатой фибулы; пронизка синего стекла; ладейные и “щитовая” заклепки, шило; точило сланцевое, обломок венчика кругового горшка со следами починки, подтип Žulkus B-1b=Gruppe Teterov, XI в. (Žulkus, 1997. Р. 216, 217; Pav. 119, 2). Среди образцов орнаментики на фрагментах круговых сосудов из ямы 4 и в слое раскопа II обращает на себя внимание фрагмент с декором типа Rollenstamp. У северо-западного борта ямы найден обломок глиняного диска от вертикального ткацкого станка (грузило от рыболовной сети?) с имитацией оттиска птичьей лапы. Распространенные на скандинавских и куршских поселениях, такие диски на рубеже X–XI вв. выходят из употребления (Штакельберг, 1962. С. 115; Žulkus, 1997. Р. 255). В яме найдены фрагменты лепных сосудов подтипа Žulkus A-1a (рис. 7, 3), который литовский коллега выводит из традиций раннего и среднего железного века (Žulkus, 1997. Р. 199).

Яма 9 (Р. I) – канава шириной 0.7 м, длиной не менее 1.5, глубиной от 0.3 в своей северной части до 0.06 м в своей южной части, заполнена золистой супесью с линзой песка с примесью золистой супеси. По бортам и дну ямы (в ее южной части), а также предматериковая поверхность к западу от нее вплоть до западного борта раскопа покрыты тонким слоем обожженной глины.

Комплекс ям 4 и 9 – система водостоков, обеспечивавших отвод осадочной влаги с северо-западной части площадки дюны Коралленберге.

Яма 1 (Р. II) – овальной в плане формы (в пределы раскопа вошел лишь северный сектор ямы), шириной не менее 0.7 м, общей глубиной 0.75, заполнена у своего дна слоем предматерикового песка. На восточном краю этой столбовой ямы найден типичный для куршских древностей эпохи

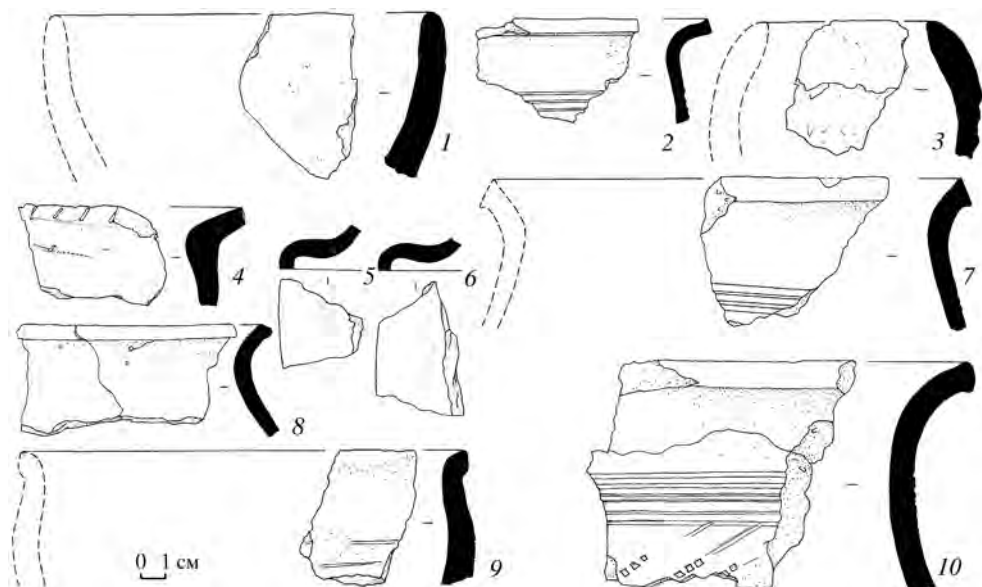

Рис. 7. Фрагменты лепных (1, 3, 4), раннегончарных (2, 7–10) сосудов и керамических крышек (5, 6) из нижнего горизонта южной дюны Коралленберге. 1 – у янтарной мастерской (юго-западная часть р. I), № 216А; 2 – р. I, № 244В; 3 – р. I, № 259; 4–6, 8, 9 – у янтарной мастерской, № 227, 270В, 239, 246; 7 – в скоплении рыбьей чешуи, № 254, 229; 10 – р. II, № 102.

викингов бронзовый спиральный перстень (рис. 8, 4) из проволоки круглого сечения.

Яма 2 (Р. II) – овальной в плане формы, шириной не менее 1.5 м, общей глубиной около 0.9, заполнена в придонной части различными формами предматериковой золистистой супеси. Видимо, на дне ямы первоначально находилась деревянная колода (например, для сбора дождевой воды, при теоретическом наличии деревянных подпорок – для умывания большого количества людей), впоследствии сожженная. На позднейшем этапе существования поселения частично засыпанная золистистой супесью яма использовалась в качестве углубления для столба. Его основание было укреплено камнями, вдавленными в грунт раннего горизонта. Между этими камнями найдено глиняное грузило № 47 для вертикального ткацкого станка скандинавского типа (Zulkus, 1985. Р. 10).

Яма 3 (Р. II–III) – вытянутая фактически по линии С–Ю, овальной в плане формы, размерами 0.85×0.75 м, общей глубиной 0.75, у своего дна заполнена песком в смеси с золистыми фракциями. Выше этого напластования зафиксированы три слоя глиняных подов (два нижних обожжены), перемежающихся прослойками древесного угля (рис. 4). В сечении прослойки имеют ладьевидную форму, соответствуя чашеобразным ямным очагам, которые устраивали в центре своих домов скандинавы эпохи викингов. Как правило, в таких очагах ночью сохранялись тлеющие угли для костра следую-

щего дня. К северо-западу от ямы зафиксирована небольшая вымостка из обожженной глины, соединяющая эту яму с соседней

Яма 4 (Р. II) – круглой в плане формы, диаметром 0.4 м, глубиной около 0.15 м, заполнена интенсивно золистистой супесью (рис. 4). Эта яма была выкопана на финальной фазе существования соседнего ямного очага (яма 3) для помещения в нее продуктов горения (небольшое число остатков костра отмечено в южной части ямы 4). Вблизи ямы найдены точило и зуб коня.

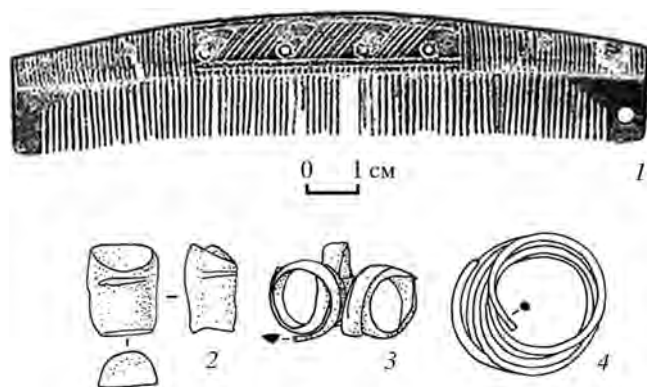

Рис. 8. Индивидуальные находки в нижнем горизонте на южной дюне Коралленберге. 1 – гребень, найден к западу от скопления рыбьей чешуи (Р. I); 2 – фрагмент гривны “литовского типа” (Р. II, № 66); 3 – подвеска (Р. III, № 91); 4 – перстень из восточного края ямы I (Р. II, № 144). 1 – кость; 2–4 – бронза.

Яма 1 (Р. III) – вытянута по линии СЗ–ЮВ, овальная в плане, размерами 1.9 x 1.05 м, общая глубина ямы – 0.55, заполнена в придонной части фракциями предматериковой супеси с различными вариантами золисто-углистых включений, на уровне материка перекрытой прослойками древесного угля и песка общей мощностью 0.14 м. В раннем строительном горизонте это была хозяйственная или, скорее, мусорная яма, в которой происходило выжигание (случайное или намеренное) органических остатков. На этом уровне у края северного борта ямы найден обломок заготовки каменного якоря, ниже на 20 см – нижняя челюсть животного в кв. 4А.

На месте скопления сожженных досок в кв. 10 была отмечена высокая концентрация находок. Здесь найдены 40 костей животных (в том числе лося), часть копыта оленя, 2 козьих рога, обточенный фрагмент рога косули (?) и фрагмент лопатки лося (?) с заровненной внешней поверхностью, на которой видны прорезанные острием знаки, напоминающие руны младшего футарка *kaun / turs / gebo*² (Kulakov, 2006. S. 156). Севернее, под одним из скоплений обожженной глины, в кв. 4 найдены фрагменты венчиков лепных, тип Tonkumpf, IX–X вв. (Lingström, 1992. S. 65) и круговых (подтипов Žulkus B-1a и B-1b) сосудов. Такие керамические формы, как тип Tonkumpf, для керамики окрестностей Паланги сведены В. Жулкусом в подтип A-3d (рис. 7, 1). По справедливому мнению литовского коллеги, такие сосуды имеют скандинавское происхождение и датируются IX–X вв. (Žulkus, 1997. P. 209).

В кв. 15 обнаружен обломок венчика лепного светло-серого сосуда с крупной дресвой и шамотом в примеси, обе поверхности сосуда заглажены, снаружи – дополнительные расчесы. Подобные формы лепных сосудов яйцевидной формы характерны для скандинавских древностей X–XI вв., найдены на поселении Экеторп-III на о. Оланд (Selling, 1998. P. 88. Fig. 58) вместе с круговыми сосудами с секировидным венчиком группы Selling A/BI и с керамическими крышками с S-видным профилем группы Selling BII, аналоги которым также найдены на раскопе I Коралленберге.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о сходстве керамических комплексов поселений типа Экеторп и Коралленберге, что указывает на их синхронное существование на поздней фазе эпохи викингов. Учитывая приведенное выше мнение В. Жулкуса о дате существования лепных

скандинавских сосудов яйцевидной формы и производных от нее (общий признак – неструктурированный венчик) форм, керамический комплекс нижнего горизонта в целом можно отнести к X в. и уверенно предположить участие скандинавов в его создании.

Комплекс янтарной мастерской (юго-западная часть р. I) – пятно янтарной пыли характерного темно-оранжевого цвета (с включениями соответствующих крошек), размерами не менее 2 × 0.5 м, вытянутое по линии СВ–ЮЗ, мощность слоя пыли – до 0.005. При снятии слоя янтарной пыли в южной части скопления найдены фрагменты лепных (рис. 7, 1) и круговых сосудов, по типологии соответствующие упомянутому выше керамическому материалу Экеторп-III. У северо-восточной границы янтарной мастерской найдены кусок янтаря и янтарная заготовка, кремневый резец, каменный молоток для дробления янтаря и калачевидное кресало. Аналогичные упомянутой янтарной пластине находки известны на городище Бирутес Калнас (Žulkus, 1997. Att. 183).

Кроме того, к западу от скопления рыбьей чешуи на нижнем горизонте в раскопе I найден костяной односторонний сложносоставной гребень (рис. 8, 1) с циркульным и прорезным орнаментом. Согласно типологии О.И. Давидан эту находку можно предварительным образом отнести ко второй группе, датируемой IX–XI вв. (1962. С. 101). Современные исследования в Западной Европе позволяют уточнить датировку таких артефактов в пределах 950–1010 гг. (Tweddle, 1992. S. 326).

Керамический материал из янтарной мастерской дает достаточно обильный спектр форм лепных сосудов: яйцевидные горшки, сосуды с прямым и слабоотогнутым венчиком, украшенным насечками (рис. 7, 4 – архаичный для эпохи викингов подтип Žulkus A-1a). Найденные вместе с этими находками фрагменты круговых сосудов с секировидным венчиком подтипа Žulkus B-1a и линейным (нередко вместе с гребенчатым штампом) орнаментом (рис. 7, 10) сходны с находками из верхнего горизонта (рис. 6, 4, 5). Это замечание позволяет предполагать кратковременный hiatus, разделяющий на временной шкале верхний и нижний горизонты на юго-западной дюне Коралленберге.

Весьма скромные параметры и отсутствие валов и рвов не позволяют считать данное поселение классическим городищем. Скорее всего, это – укрепленная усадьба, возможно, прототип позднейшего замка.

Дата нижнего горизонта устанавливается в общих параметрах по керамическому материалу

² По определению канд. ист. наук Ф.Б. Успенского, которому автор выражает свою признательность.

(лепные яйцевидные сосуды и раннегончарные горшки подтипа Žulkus B-1a) в пределах X – начала XI в. Возможно более узкие рамки, как уже упомянуто, для существования и гибели нижнего яруса дает находка костяного гребня с датой около 950–1010 гг.

Верхний горизонт, заметно отличающийся от подстилающего горизонта сведением к минимуму фрагментов лепных сосудов (яйцевидные формы отсутствуют), уверенно датируется по керамическому материалу и находкам фибул XI в., быть может, первыми годами XII в.

Находки с поселения Коралленберге дают редкую для Балтии и уникальную для территории России возможность представить себе поздние и пост-викингские поселенческие древности в пределах закрытых комплексов. Дело в том, что после начала эрозии юго-западной дюны Коралленберге в ее культурные напластования никто не вторгнулся до 2001 г., времени начала археологических раскопок. Более того, отсутствуют повреждения напластований между горизонтами, которые удалось выявить в культурном слое этого поселения. Наконец, закрытые комплексы (ямы и очаги) не несут следов повреждений своих заполнений. Таким образом, в отличие от грунтовых могильников, слои которых перемешивались устроителями погребальных церемоний, корнями деревьев, раскопщиками XIX – начала XX в. и крестьянами, находки из Коралленберге могут дать надежную информацию комплексного, прежде всего, хронологического порядка.

Обломки раннегончарных сосудов, в том числе подтипа Žulkus B-1a, в массе найденные в верхнем горизонте, позволяют датировать его *terminus ante quem* – до начала XII в. Этой дате не противоречат сделанные здесь находки подковообразных фибул с закрученными концами типа Carlsson RUL:SM (*rullarna smala*). Овальные очертания их дуг указывают на скандинавское происхождение находок, известных в Балтии уже с X в. Они заметно отличаются от однотипных застёжек, известных в Балтии позднее, вплоть до начала XIII в., когда сечения дуг фибул обретают овальное (а не плоское, как в Коралленберге) очертание, а рулонные навершия дуги раскованы гораздо шире диаметра ее дрота (Biermann et al., 2011. S. 253. Abb. 22).

Сходная хронологическая характеристика приуса фибуле с маковидными навершиями дуги (рис. 5, 2). Для Балтии они характерны в X/XI–XIV/XV вв. Правда, для раннеорденского времени такие фибулы, как правило, имеют или дротовую, весьма тонкую дугу или же, напротив, дугу с расширенной частью, противостоящей навершиям (Biermann et

al., 2011. S. 255. Abb. 24). Фибула из Коралленберге, относящаяся к типу Carlsson VAL, не ранее начала XI в. (Carlsson, 1988. p. 73–75), представляет собой генетически раннюю версию таких застёжек. Также не позднее начала XII в. может быть датирована пластинчатая крестовидная фибула № 8 (рис. 5, 1). Несмотря на то, что типология таких застёжек не разработана, она не может быть изготовлена много позже финала эпохи викингов в соответствии с общей датировкой того горизонта, в пределах которого она обнаружена.

Нижний ярус, который, как показывает стратиграфия памятника, не имеет длительного разрыва с верхним горизонтом, по лепной и раннегончарной керамике, найденной в его напластованиях, уверенно датируется X – началом XI в. Этому временному отрезку не противоречат те индивидуальные находки, которые были обнаружены в нижнем горизонте. Примечательно, что серия находок, характерная для этого горизонта, известна из ряда погребений грунтового могильника Малый Кауп (г. Зеленоградск), находящегося в 34 км к юго-западу от Коралленберге. Речь идет о фрагментах костяных односторонних гребней с прорезным и циркульным орнаментом, обрубках гривен “литовского типа” (исключительно бронзовых, а не серебряных, как на территории современной Литвы), обломках спиральных перстней. Все эти и многие другие категории вещей представлены и в нижнем ярусе Коралленберге (рис. 8), и в могилах Малого Каупа (Кулаков, 2011а. С. 94), указывая тем самым на синхронное существование этих памятников. В их создании активное участие принимали курши.

Как было показано в статье, фактический материал, полученный при раскопках поселения, убедительно свидетельствует в пользу первых десятилетий XII в. как времени завершения существования поселения Коралленберге³.

Жизнь на обоих горизонтах усадьбы (так предположительно можно обозначить тип рассматриваемого поселения, не именуя его городищем из-за малых размеров) Коралленберге замирает ввиду обрушившихся на ее обитателей катастроф. Для нижнего горизонта это следует из обилия внезапно оказавшихся на поверхности земли предметов высокой стоимости (бусины, кресало, гребень, боевой нож), затоптанных в песок и не отысканных позднее. Для интерпретации гибели верхнего горизонта применим такой же довод (находки фибул с остатками органики) и оставление продуктов

³ Существует мнение о более поздней дате (Широухов, 2011. С. 194, 195), высказанное без анализа комплексов и данных стратиграфии, т.е. фактически не обоснованное.

горения деревянных сооружений *in situ*. После фатального пожара, бушевавшего здесь в начале XII в.⁴, жизнь на юго-западной дюне Коралленберге не возобновлялась.

Для верхнего горизонта можно констатировать наличие остатков столбовой постройки. В угловые столбы (их основания укреплены глиняной вымосткой) врезаны доски с пазами, в которые вертикально ставились брусья стен с оплеткой хворостом. Такая техника типа *Spaltbohlenwand* характерна для домостроительства эпохи викингов (Klindt-Jensen, 1982. S. 154; Schietzel, 1984. S. 146). Внешняя поверхность стены была покрыта по хворосту слоем глины с беленой лицевой плоскостью. В процессе пожара глина подверглась термическому воздействию. Изнутри поверхность стены была укреплена слоем мелких камней на глиняной связке. Этот тонкий слой стоял на двойных досках пола. Видимо, этот строительный материал (наряду с точильно-полировальными плоскими камнями и галькой-“обмылками”) обитатели Коралленберге могли позаимствовать с ладей: в эпоху викингов на всех них использовали скандинавский плоский камень в качестве балласта.

Этнокультурная принадлежность обитателей усадьбы на южной дюне Коралленберге, судя по очевидным параллелям в вещевом материале, идентична такому же признаку жителей городища Бирутес-Калнас, чей куршский этнос считается бесспорным. Правда, весомое присутствие здесь (и на Бирутес-Калнас) скандинавского поселенческого элемента подчеркивается наличием в нижнем горизонте североевропейской керамики.

Занятия обитателей усадьбы на дюне были связаны с добычей и обработкой янтаря (нижний горизонт) и некими металлургическими процессами или связанными с ними торговыми акциями (верхний горизонт). Обитатели обоих горизонтов активно занимались охотой для заготовки мяса и для добычи костно-рогового сырья.

Социальный статус местных жителей, по данным археологии, не выходит за рамки полиэтничных дружинных обществ эпохи викингов. Само название дюнного комплекса Коралленберге было связано, по мнению П. Шиффердеккера, с лит. *koralis* – “король”, “вождь”. Сохранилась до наших дней память о местной легенде, согласно которой на Коралленберге две-три сотни лет тому назад (от 1870 г.) жили в хижинах шведские рыбаки, приплывавшие сюда из Скандинавии ради удачного лова

(Schifferdecker, 1873. S. 51). Известный прусский языковед А. Беценбергер полагал, что не следует упускать из виду происхождение топонима Коралленберге от куршск. *kareles* – “бусины”. Связь этого топонима с производившимися на поселении или продававшимися (правда, ни гирьки, ни складные весы на поселении не найдены) его жителями янтарными (?) бусинами, по мнению указанного автора, подчеркивалась находками на южной дюне таких бусин (Bezenberger, 1889. S. 295). В своде прусских саг есть сказание о Генрихе фон Кунцене (селение в ближайших окрестностях уроч. Коралленберге, см. рис. 1), которое, видимо, сохранило память о свирепом вольном воине, хозяине усадьбы на дюнах. Этот разбойник был злейшим врагом Тевтонского Ордена и стремился возродить языческие традиции пруссов. Свидетельством этих устремлений было принесение в жертву языческим богам каждого христианина, который попадал в руки Генриха фон Кунцена. Дошло до того, что Великий Магистр Винрих фон Книпроде из своей резиденции в Мариенбурге отдал приказ захватить Генриха живым или мертвым (Lojewski, 1956. S. 22–25).

Прекращение жизни на южной дюне Коралленберге самое позднее в начале XII в. ставит под сомнение тезис представителей прусской археологической школы о прямой связи этого поселения и могильника Штангенвальде (XII–XIV вв., расположен в 0,75 км к югу от бывшего одноименного поселка, ныне разрушенного). Раскопками 1870 и 1931 гг. на могильнике обнаружено не менее 29 куршских трупоположений в гробах, сопровождавшихся бронзовыми фибулами, браслетами, гривнами и т.п. (Кулаков, 1990. С. 86, 87; см. также: Pietsch, 1982. S. 93).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Давидан О.И. Гребни Старой Ладогои // Археол. сб. Гос. Эрмитажа. Вып. 4. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. С. 97–106.
- Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. М.: Наука, 1990 (САИ; Вып. Г 1–9). 167 с.
- Кулаков В.И. Балтская часть могильника Кауп // *Archaeologia Lituana*. Vilnius: Vilniaus universitetu, 2011a. Т. 12. С. 87–98.
- Кулаков В.И. Клад 1892 г. из окрестностей Кранца/Зеленоградска (Калининградская область) // РА. 2011б. № 2. С. 133–141.
- Кулаков В.И., Жиндарев Л.А., Волкова И.И. Korallen-Berg (Süd): опыт палеогеографической реконструкции поселения викингов // Проблемы изучения и охраны природного и культурного наследия. М.: НИИ-Природа, 2003. С. 95–107.

⁴ Эта дата – серьезный исторический рубеж для Самбии, что подтверждается соответствующей датой клада из Гарбика (Кулаков, 2011б. С. 133–141).

- Широухов Р.А.* Контакты пруссов и куршей X–XIII вв. по археологическим источникам // *Lietuvos archeologija*. Vilnius: Vilniaus universiteto, 2011. T. 37. С. 167–206.
- Штакельберг Ю.И.* Глиняные диски из Старой Ладogi // Археол. сб. Гос. Эрмитажа. Вып. 4. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. С. 112–118.
- Bezenberger A.* Die Kurische Nehrung und ihre Bewohner. Stuttgart: Grafe und Unzer, 1889. 163 S.
- Biermann F., Hergeligiū C., Voigt G., Bentz M., Blum O.* Das Gräberfeld des 13. bis 15. Jahrhunderts von Stangenwalde bei Rossitten auf der Kurischen Nehrung – Auswertung der Materiellen im Berliner Bestand des Prussia-Sammlung (ehemals Königsberg/Ostpreussen) // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz, 2011. Bd. 43. S. 215–352.
- Carlsson A.* Vikingatida ringspännen från Gotland. Stockholm: Stockholm Universitet, 1988. 275 p.
- Klindt-Jensen O.* Frühstädte und Befestigungen // Herrmann J. Wikinger und Slawen. Zur Frühgeschichte der Ostseevölker. Berlin: Akademie-Verlag, 1982. S. 153–160.
- Kulakov W.* Die Runen des Samlands: Funde Saison 2001 // *Archaeologia Baltica*. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla, 2006. T. 6. S. 152–156.
- Lojewski E.* Die Memelhexe. Sagen und wundersame Geschichten aus Ostpreußen. Rendsburg: Buchverlag Heinrich Möller Söhne, 1956. 101 S.
- Pietsch R.* Fischerleben auf der Kurischen Nehrung. Berlin: Verlag Ulrich Camen, 1982. 324 S.
- Schifferdecker P.* Bericht über eine Reise zur Durchforschung der Kurischen Nehrung in archäologischer Hinsicht // *SPÖG*. 14. Jahrg. 2. Abt. Königsberg: Kommission Verlag, 1873. S. 33–71.
- Schietzel R.* Die Baubefunde in Haithabu // Handelsplätze des frühen und hohen Mittelalters. Weinheim: Akademie Verlag, 1984. S. 135–152.
- Selling D.* Keramiken i Eketorp-III // Eketorp-III. Den medeltida befästningen Öland. Artefakterna. Stockholm: Statens Historiska Museet, 1998. P. 53–92.
- Tweddle D.* Zwei Kämme // Wikinger, Waräger. Normannen. Die Skandinavier und Europa 800–1200. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz, 1992. S. 326.
- Žulkus V.* Birutės kalnas ir Palanga // *Baltija*. Vilnius: Mokslas ir gamta, 1985. P. 9–11.
- Žulkus V.* Palangos viduramžių gyvenvietės. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla, 1997. 423 p.

КЛАД № 17 ИЗ СТАРОЙ РЯЗАНИ

© 2014 г. И.Ю. Стрикалов, А.В. Чернецов

Институт археологии РАН, Москва (igor.strikalov@gmail.com)

Ключевые слова: *русский средневековый город, ювелирное дело, монгольское нашествие, клад, ювелирные украшения.*

The article is devoted to the first scientific publication of the archaeological find of 2013 – the hoard of jewelry on the territory of the site Staraya Ryazan. The article considers being preliminary and appeals to introduce the readers to the content of the hoard, its peculiarities and first hypothesis about the origin and ownership.

The hoard, which was found during the field studies of the Staraya Ryazan expedition organized by the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences (IA RAS) and Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve (RHAMR), belongs to the treasures that were hidden by the citizens of the Middle Age city during the Mongol-Tatar invasion in 1237. It has been pointed out by the archaeological context of the location of the find and the traditional set for such kind of complexes, as well as the technology, the style of jewelry including two necklaces made of silver beads with pendants and lockets, two pairs of kolts on silver ribbons, a headband with three-beaded semi rings and two twined bracelets decorated in the techniques of granulation, filigree and niello. However, in spite of the non-exceptional character of the hoard's content, it also contains some items making it unique against similar ones from Staraya Ryazan. This includes the set of nine stone crosses partially modeled with small metal settings at their ends and also raw materials and semi products for jewelry (such as matrices and unfinished works of non-ferrous metals) which allows us to suggest that the hidden items belonged to a jeweler. This fact is also pointed out by the hoard's location on the Northern fortified settlement of Staraya Ryazan, the earliest part of the city, which became a trade quarter of Ryazan capital in the beginning of the 13th c. The correlation between the hoard and a residential city manor will become the topic of the future studies.

7 июля 2013 г. при предварительном обследовании участка планируемых раскопок на Северном городище Старой Рязани был найден очередной, 17 по счету, клад ювелирных изделий (рис. 1).

Клад был найден в ходе работ экспедиции, однако обстоятельства его находки не совсем обычны.

Участок северо-восточного склона Северного городища уже на протяжении нескольких лет является предметом исследования. В последние годы в Старой Рязани произошли довольно крупные разрушения периферийных зон площадки городища, вызванные активизацией оползневых процессов. Наиболее пострадал западный склон Южного городища, обращенный к р. Ока и, особенно, северный и северо-восточный склоны Северного городища, обращенные к ручью Серебрянка, где в 2006 г. сошел крупный блоковый оползень, уничтоживший участок культурного слоя длиной около 40 и шириной до 5 м. С целью получения информации об этой части средневекового города в 2007 г. были проведены исследования тела оползня, показавшие хорошую сохранность как самого культурного слоя, так и его стратиграфии и объектов в нем, а с 2010 г.

начались широкомасштабные работы на кромке берега (раскоп 40).

В течение трех сезонов удалось исследовать около 300 м² площади, на которой были открыты многочисленные ямы подполий жилых и хозяйственных построек, датируемые XI–XIII вв., а также остатки оборонительных сооружений Северного городища. Последние в настоящее время визуально не выражены: северо-восточная оконечность вала была скрыта в XIX в. в ходе благоустройства территории. Однако в культурном слое сохранились остатки нижней части древо-земляных конструкций, относящихся к трем строительным периодам XI–XII вв.

Планировка жилой застройки позволяет предположить существование на исследованном участке не менее двух усадеб, разделенных дорогой, от которой сохранились углубленные в материк траншеи. Дорога протянулась с запада на восток полосой шириной около 2 м и, как и линия оборонительных сооружений, была срезана оползнем.

Археологические исследования этой части памятника уже проводились ранее: в 1926 г. В.А. Городцов заложил на Северном городище восемь траншей, одна из которых (№ 8) протянулась

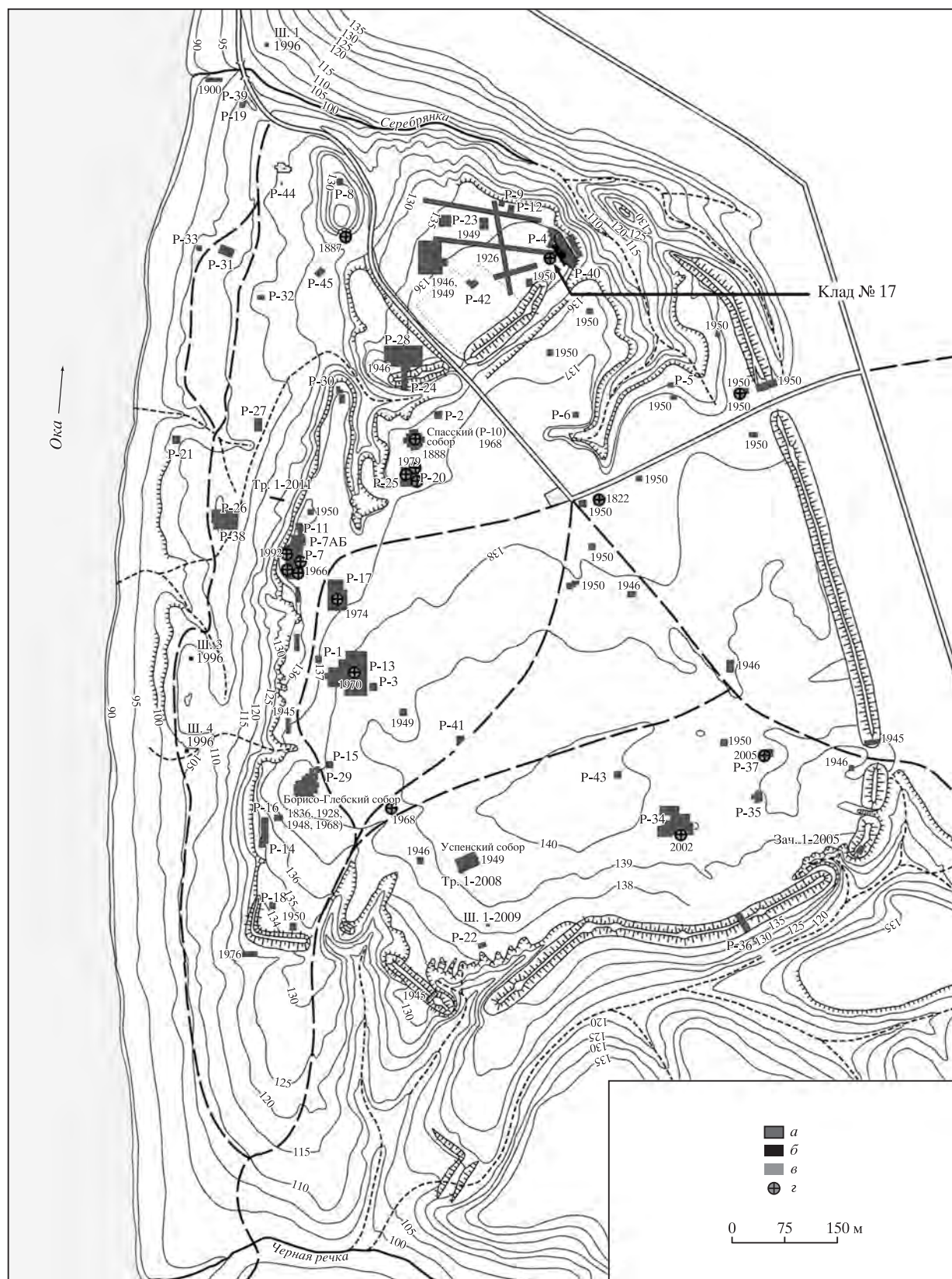

Рис. 1. План Старорязанского городища с указанием мест раскопок и находок кладов. Условные обозначения: *a* – раскоп 40 2010–2012 гг. (участки 1–4); *b* – раскоп 40 2013 г. (участок 5); *в* – раскопы, шурфы и траншеи предшествующих лет; *z* – клад. Номера раскопов даны с 1966 г., когда была введена сплошная нумерация; для раскопов предшествующих лет указана дата.

от центральной части городища к его восточной кромке (Даркевич, 1991; Монгайт, 1955. С. 12; Стрикалов, 2005. С. 37. Рис. 1, 4). В 1966–1967 гг. А.Л. Монгайт проводил исследования к северу от раскопа 40 (раскоп 4) (Стрикалов, 2005. С. 42). Южная граница этого раскопа была выявлена при работах 2012 г. И в траншее 1926 г., и в раскопе 4 были открыты остатки материковых ям построек, а также следы средневекового кладбища с безынвентарными погребениями, совершенными по христианскому обряду. На раскопе 4 была выявлена северная граница некрополя, в траншее В.А. Городцова зафиксированы погребения его южной части. Судя по контексту находок и стратиграфии культурного слоя, кладбище датируется XII–XIII вв. Оно располагалось к югу от дороги, открытой исследованиями 2010–2012 гг. Таким образом, в северо-восточной части города были открыты остатки нескольких усадеб, улицы, оборонительных сооружений и средневекового кладбища.

В связи с этим в 2013 г. планировалось соединить новым участком 5 раскопа 40 три зоны исследований разных лет – 1926, 1966–1967 и 2010–2012 гг., чтобы более полно исследовать планиграфию этой части Старой Рязани.

При расчистке участка перед началом исследований с использованием землеройной техники были проведены работы по подготовке площадки, занятой отвалами раскопов 1926, 1966 и 2010–2012 гг. Помимо практической цели – подготовки площадки для раскопок – работы стали началом благоустройства территории Северного городища, поверхность которого сильно потревожена перекопками (котлованами траншей раскопов и отвалами грунта).

Работы по нивелировке участка проводились под наблюдением археологов, с использованием металлодетектора, с помощью которого исследовались старые отвалы и вскрытые ранее участки поверхности. Этому предшествовала разбивка территории на квадраты размером 10×10 м с их последующим делением на квадраты со сторонами 2×2 м. Квадратам 10×10 присваивалось наименование, состоящее из порядкового номера римскими цифрами и года работ, – например, I-2013.

Всего было обследовано три квадрата 10×10 м, два из которых частично стали местом исследований участка 5 (I-, II-2013), а в западном углу третьего квадрата (III-2013) был обнаружен клад, получивший порядковый номер 17.

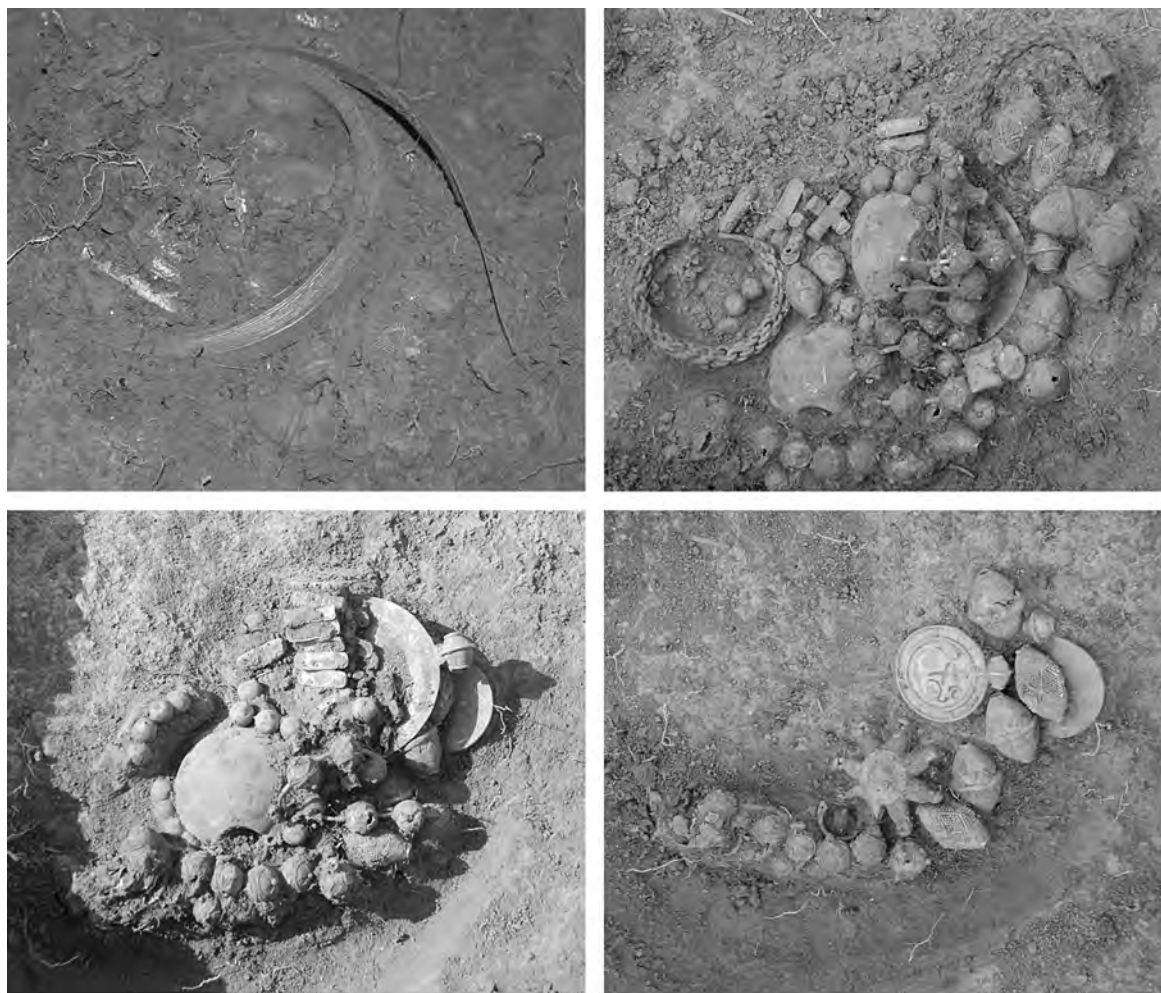
При предварительном обследовании участка были найдены отдельные частично поврежденные серебряные предметы, зафиксированные на расстоянии до 8 м друг от друга. Зона наиболее

мощной аномалии, где предполагалось компактное залегание нескольких предметов (и в итоге было выявлено место сокрытия клада), исследовалась ручным способом с графо-, фото- и видеофиксацией этапов расчистки скопления (рис. 2, 1). С этой целью использовалась сетка с 10-см ячейками. В ходе выборки клада был исследован квадрат 2×2 м на глубину до 30 см от дневной поверхности. В течение прошедшего сезона работы на раскопе были сосредоточены на участке 5, на месте же находки клада полномасштабные исследования планируется провести в 2014 г. Тем не менее предварительный анализ состава клада, его местоположения и контекста окружающих находок позволяет предположить, что он был сокрыт скорее всего зимой 1237 г., когда Рязань осаждали войска Бату-хана.

Основное скопление предметов лежало компактно в 10 м к северо-западу от участка 5 в кв. 4А кв. III-2013 под отвалом траншеи 1926 г. на глубине 10–20 см от современной поверхности. Небольшая глубина захоронения клада связана со спешкой и затруднениями, вызванными необходимостью рыть мерзлую землю. Хорошая сохранность изделий в значительной степени объясняется тем, что клад был перекрыт отвалом старых раскопок. Все же верхняя часть клада пострадала от пахоты или работ на огороде, и несколько находок были смещены на значительные расстояния (в пределах 5 м как под старыми отвалами, так и вблизи них) (рис. 2, 2). Вместе с тем основная часть находок осталась непо потревоженной и сохранилась в виде компактного комплекса. Отдельные предметы из клада включают поврежденный пахотой серебряный медальон (кв. 4Д); крестообразную серебряную подвеску и серебряную бусину (кв. 5А); две серебряные бусины (кв. 4А).

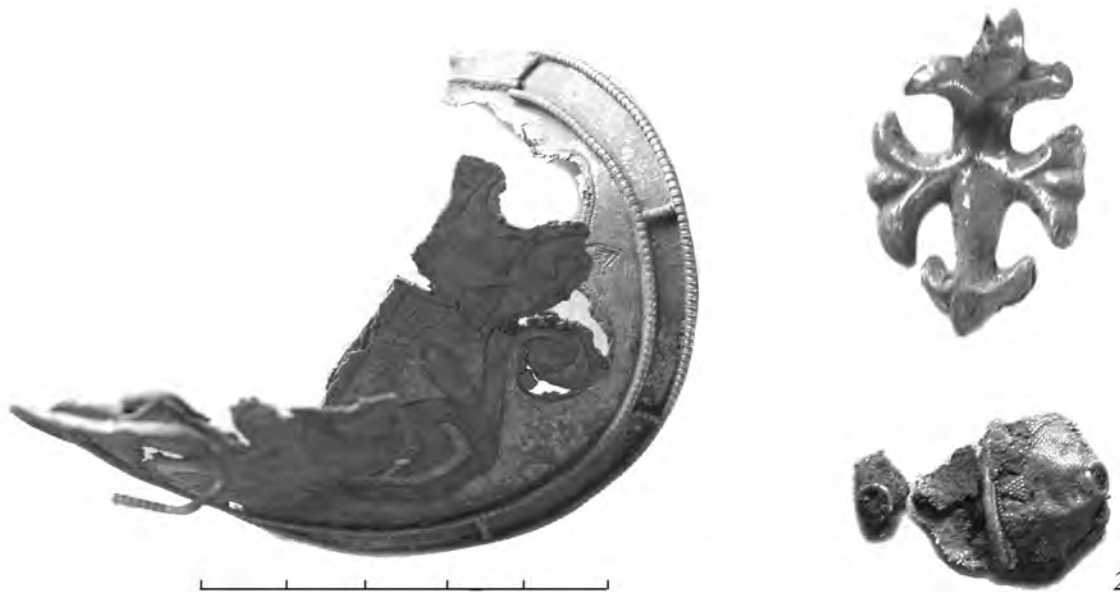
Еще одна бусина (№ п/о 1/140) и крестообразная подвеска (№ п/о 1/141) лежали над основным скоплением клада в дерновом слое и были выбраны отдельно. Кроме того, в этой зоне было найдено несколько бронзовых матриц для оттискивания ювелирных изделий, связь которых с кладовым комплексом неясна.

Основное скопление предметов из серебра и золота лежало в виде округлого пятна диаметром около 20 м на глубине 10–20 см от дневной поверхности с небольшим наклоном к западу. Вероятно, вещи были сложены в лубяной туесок диаметром около 10–12 и высотой около 5–7 см, следы которого в виде тонкой (2–3 мм) прослойки тлена были зафиксированы на дне скопления. Туесок, вероятно, был спрятан под досками пола наземного дома или во дворе усадьбы. Более точная характеристика местоположения клада относительно топографии

1

0 5 10 см

2

Рис. 2. Клад № 17 2013 г. 1 – основное скопление клада на разных стадиях расчистки; 2 – предметы, найденные вне основного скопления.

Рис. 3. Детали ожерелий в составе клада: 1 – образцы основных разновидностей бус; 2 – подвески; 3 – медальоны (см. цветную вклейку № 4)

жилой усадьбы будет возможна только после полного исследования участка. В данном случае можно отметить, что предметы из клада (как и предполагаемый туесок) не подверглись воздействию огня, что свидетельствует скорее в пользу второго предположения.

Предметы в основном скоплении лежали в несколько слоев и включали три основных комплекса. Первый составляют ювелирные украшения – два ожерелья, головной венчик, височные украшения и два браслета.

Два набора ожерелий (рис. 3) состояли из искусно выполненных и украшенных в технике зерни 25 целых и фрагментированных серебряных бус,

3 криновидных подвесок и 3 медальонов. Бусы относятся к четырем разновидностям (рис. 3, 1): крупные (34–42 × 21–23 мм) с ободком – 8 шт.; крупные (34–42 × 21–23 мм) без ободка – 6 шт.; мелкие (26–29 × 16–19 мм) с ободком – 7 шт.; мелкие (26–29 × 16–19 мм) с ободком и дополнительными поясками из зерни – 4 шт.

Бусы образуют два скопления в клада: малые по размеру располагались в верхнем слое в западной части скопления, крупные – в нижнем слое клада в восточной части. Кроме того, все бусины за пределами основного скопления относятся к числу сравнительно мелких, т.е. принадлежали первому, верхнему, скоплению.

Рис. 3, 3

Рис. 4, 1

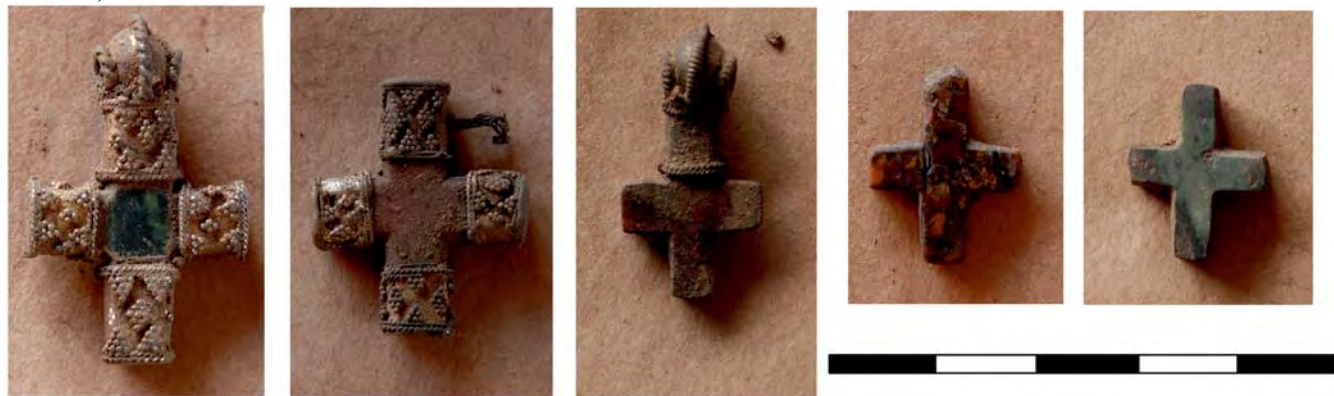

Рис. 5, 3

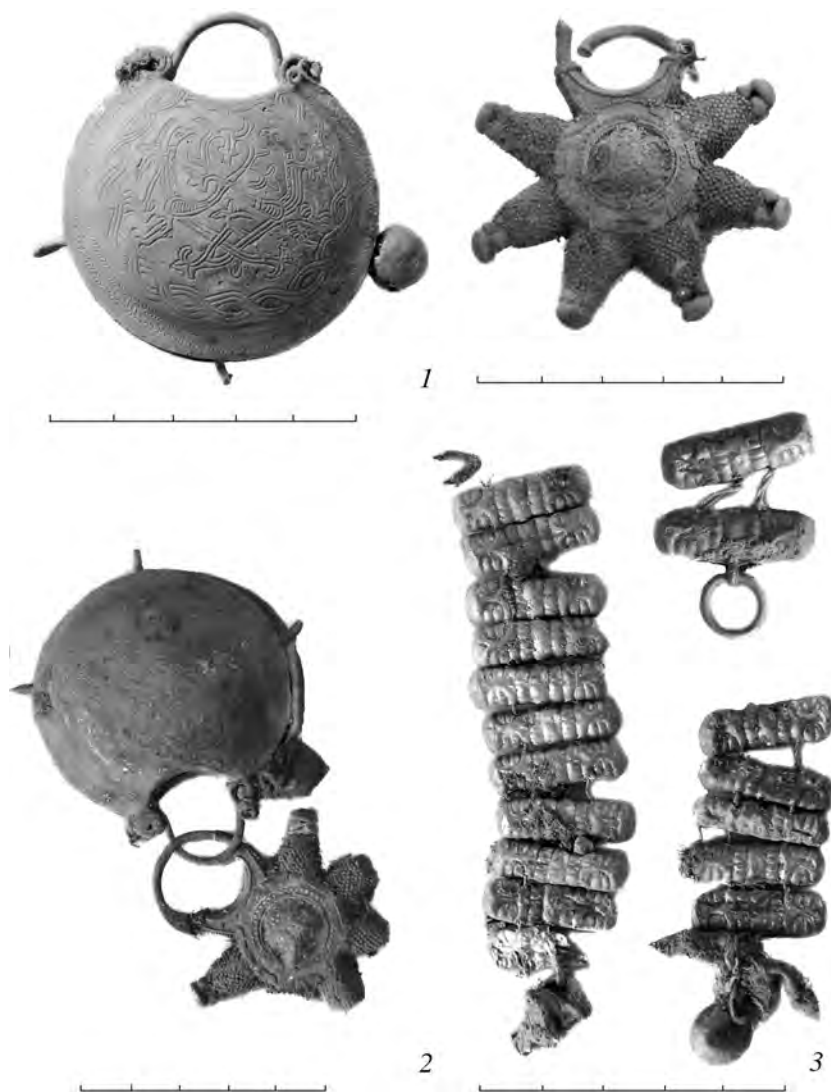

Рис. 4. Детали височных украшений в составе клада: 1 – чечевицеvidный и звездчатый колты; 2 – пара колтов, скрепленных дужками; 3 – детали ленты из колодочек для подвешивания колтов с фрагментами креплений (см. цветную вклейку № 4).

Подвески двух типов: две – крестовидные с криновидными концами, одна – криновидная. Вероятно, они лежали в верхнем слое в западной части клада (одна из них была выпажана) (рис. 3, 2).

Медальоны – два больших и два малых – были украшены процветшими крестами (рис. 3, 3). Рисунок на трех из них (малые и большой, найденные вне основного комплекса) выполнен в технике черни, на четвертый нанесено врезное изображение. По периметру медальонов расположен кант из зерен скани. Один из крупных медальонов, вероятно, не входил в ожерелье. Во-первых, он был найден в стороне от основного скопления. Учитывая положение остальных медальонов на дне скопления в восточной части (вместе со скоплением крупных бусин), можно предположить, что этот медальон

лежал отдельно от остальных в верхней части клада, поэтому и был выпажан. Во-вторых, его рисунок выполнен в иной стилистике: с грубо прочерченными и более широкими линиями.

Анализ расположения деталей ожерелий позволяет реконструировать их состав. В первое ожерелье входили 3 медальона и 14 бус. Судя по положению предметов в клада, первоначально в его состав, вероятно, входило 16 бусин (отсутствуют 2 бусины с ободком). Длина украшения составляла около 70 см. Второе ожерелье включало мелкие бусины (11 шт., первоначально, вероятно, их было 12) и 3 подвески. Его длина составляла около 40 см.

Височные украшения включали 4 колта (2 чечевицеvidных с черными изображениями переплетенных птиц и 2 звездчатых, украшенных зернью,

сцепленных креплениями попарно) и ленты из соединенных нитями серебряных колодочек (найден 61 шт.), на которых эти колты подвешивались вдоль висков (рис. 4). Расположение колодочек не позволяет реконструировать облик украшений: они образуют 5 фрагментов лент (соответственно по 10, 7, 9, 11 и 17 колодочек в каждом). Фрагменты лент скреплены двумя нитями каждая. Однако среди колодочек присутствуют четыре с кольцами крепления. В одном случае у кольца сохранился фрагмент красной тесьмы, с помощью которой колодочка дополнительно крепилась к колту. Возможно, в состав клада набор височных украшений попал в разобранном виде. Об этом свидетельствует и попарное соединение колтов через дужки, что скорее способ хранения, а не ношения этих украшений. Вероятно, в состав этой детали набора входили четыре колта с лентой для каждого.

В составе головного венчика были тканые ленты (сохранились фрагменты ткани красного цвета) с нашитыми на них серебряными полукольцами с тремя нанизанными на каждое ажурными серебряными бусинами (рис. 5, 1). Таких полуколец в кладе было 14. Они различались по типам нанизанных бусин: шесть имели бусины с четырьмя шестилучевыми сканными звездами, вписанными в круги из сканной проволоки, восемь – бусины с четырьмя четырехконечными крестами, выполненными в технике зерни и также вписанными в круги из сканной проволоки. Они образовывали две группы по семь предметов в каждой (соответственно по три – первого и по четыре – второго типа полукольца). Одна из групп с остатками ткани была взята единым массивом.

Возможно, головной венчик был украшен серебряными с позолотой нашитыми бляшками и бисером – они также входили в состав клада и располагались компактно в его центральной части между двумя названными группами полуколец (рис. 5, 4, 5). Найдено 14 нашитых бляшек: 11 – прямоугольных размером 11–13 × 5–9 мм; 3 – близких по форме к квадрату 11–13 × 11–12 мм и 13 стеклянных бусин бисера белого, красного и зеленого цветов.

Два браслета, плетенных из серебряной проволоки, отличаются в оформлении концов: один из них – со стеклянными или каменными вставками в обоймицах на концах, второй – с плетеными концами (рис. 5, 2).

Кроме этого набора украшений в состав клада входили девять каменных крестов, выполненных из разных пород камня: семь – из сланца (шифера), один – из агата, один – из лазурита (рис. 5, 3). Два креста (из сланца и лазурита) украшены на концах серебряными с зернью и сканью обоймицами, один

(из сланца) несет обоймицу с кольцом только на верхней ветви креста, остальные – без дополнительных украшений. Кресты лежали в скоплении двумя группами: в восточной части компактно – шесть крестов без обоймиц и крест с обоймицей на верхнем конце, в западной – два креста с обоймицами на концах. Возможно, последние входили в состав второго ожерелья: они лежали вместе с бусинами этой группы. Но более вероятно, что деление на две группы определяется степенью готовности изделий: два законченных креста лежали отдельно от тех, над которыми мастеру еще предстояло поработать.

Третью группу предметов клада образуют полуфабрикаты и сырье мастера-ювелира (рис. 6). В южной части скопления среди вещей лежали рулон золотой фольги (25.18 г), а также слитки – три серебряных (16.45, 34.55 и 27.74 г) и один небольшой золотой (12.39 г) (рис. 6, 2–4). Вместе с сырьем оберег – каменный наконечник стрелы эпохи камня или бронзы (“громовая или перунова стрелка” – рис. 6, 5). Кроме того, в верхнем слое клада, над вещами, был положен весьма необычный предмет – серебряная лента, скрученная в кольцо, с позолотой с внутренней стороны (рис. 6, 1). На внешней стороне четко видны следы прокатки из проволоки или дрота. Длина ленты – около 5 м, концы аккуратно закруглены, толщина и ширина выдержаны почти идеально по всей длине (соответственно 0.7 и 12 мм). Вес – около 345.3 г, что близко весу двух гривен серебра. Назначение предмета пока неясно. Возможно, это полуфабрикат, предназначенный для окантовки каких-либо крупных предметов, или удобная форма торговли сырьем. Несомненно, это самая неординарная находка в кладе.

Пока нам не удалось найти аналогий этой ленте, однако примеры изображений подобных предметов встречены в западноевропейской средневековой миниатюре (любезная консультация Н.В. Ениосовой). В частности, в немецком манускрипте XV–XVI вв. “Das Hausbuch der Mendelschen Zwölfbrüderstiftung in Nürnberg” из Нюрнберга присутствует несколько рисунков, на которых изображены ювелиры, занятые раскаткой подобных лент (рис. 7). При этом часть лент показана свернутой в кольцо, как и предмет из клада. Однако, судя по описанию, мастера на этих рисунках работают с бронзой, а не с серебром. Неясно также, что из себя представляют изображенные ленты. Вероятнее всего, это полуфабрикаты. Дальнейшие поиски, возможно, внесут ясность в понимание назначения найденного предмета.

Состав клада косвенно говорит о его владельце. Клад был сокрыт на территории древнейшей части средневекового города – Северном городище, где

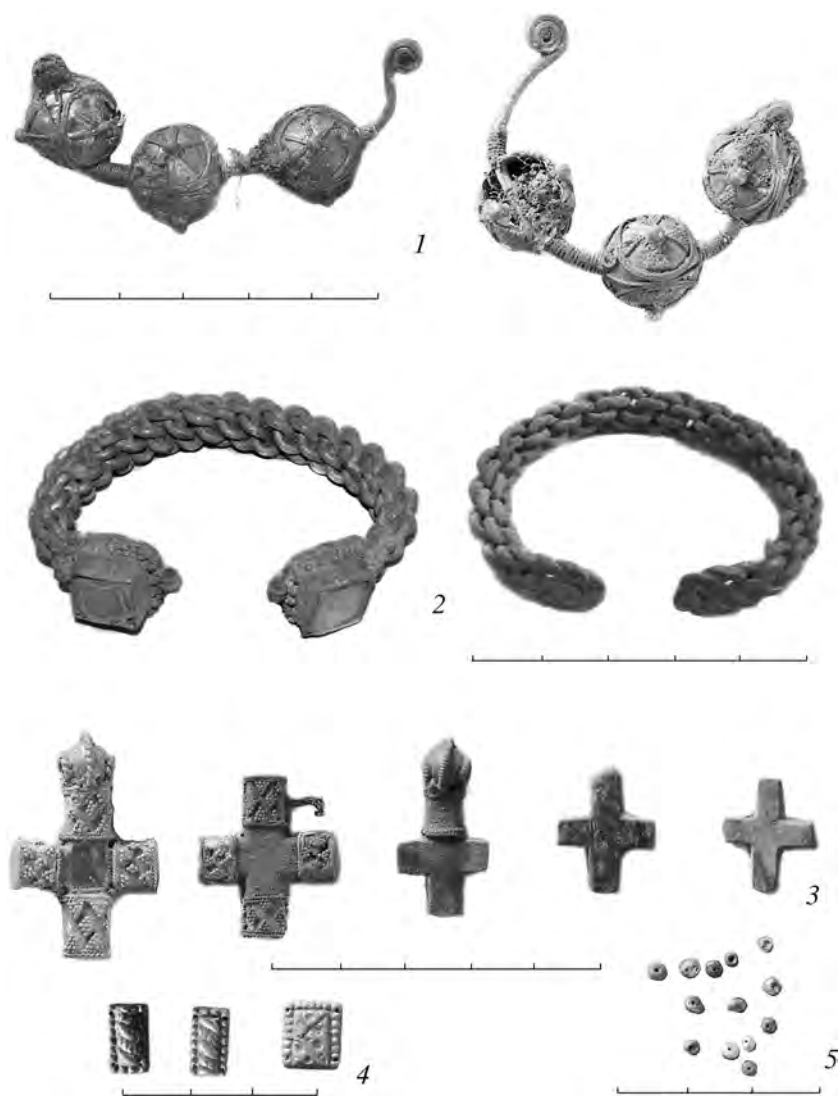

Рис. 5. Предметы из основного скопления клада: 1 – образцы трехбусинных полуколец; 2 – плетеные браслеты; 3 – каменные крестики; 4 – серебряные с позолотой нашивные бляшки венчика; 5 – стеклянный бисер (см. цветную вклейку № 4).

ранее подобных комплексов не находили. Вместе с тем поблизости были встречены находки, свидетельствующие о том, что здесь находились усадьбы и мастерские ремесленников-ювелиров. Такие предметы из клада, как лента, слитки и золотая фольга, также, вероятнее всего, могли принадлежать ювелиру.

Набор крестов, большая часть которых представляла собой незавершенные изделия, скорее всего, был одним из заказов, над которым мастер работал перед сокрытием драгоценностей в землю. Ювелирные украшения, несомненно уже носившиеся ранее (на это указывают остатки тканей и тесьмы, которыми были подвязаны некоторые колодочки), в первую очередь височные, скрепленные для хранения, вероятно, были вторым за-

казом мастера. Украшения, видимо, находились в ремонте или чистке.

На профессию этого рязанца указывают и другие находки, собранные поблизости. Вместе с разрозненными вещами, нарушенными пахотой, было обнаружено несколько ювелирных матриц, возможно также входивших в комплекс клада (рис. 8). Среди них – матрица для оттискивания криновидной подвески, сходной с представленной в комплексе клада (рис. 8, 2). Такая же матрица была найдена на участке 4 раскопа 40 в 2012 г. Еще одна матрица предназначалась для оттискивания колодочки для подвески колта (рис. 8, 3). Она представляет собой недоработанное изделие (не сняты заусенцы и другие дефекты литья) и свидетельствует о местном производстве не только ювелирных изделий, но и

Рис. 6. Сырье и полуфабрикаты ювелира из состава клада: 1 – серебряная лента с позолотой; 2 – рулон золотой фольги; 3 – золотой слиток; 4 – серебряные слитки; 5 – каменный наконечник стрелы – оберег “громовая стрелка”.

Рис. 7. Работа мастеров по металлу с латунной лентой (по: Hausbuch der Mendelschen Zwölfbrüderstiftung in Nürnberg, 1426–1549): 1 – лист 81, 1462 г.; 2 – лист 145об., 1530 г.

матриц для их тиражирования – т.е. о полном цикле ювелирного производства. Неподалеку от места находки клада (участок 5) обнаружены литейные отходы, связанные с производством бронзовых пуговиц, – литник с бракованными бронзовыми пуговицами грибовидной формы и несколько незавершенных (неразрезанных и с дефектами литья) пуговиц (рис. 8, 1). Вероятно, это свидетельствует о присутствии на соседнем участке (соседней усадьбе?) бронзолитейного производства более широкого потребления. Соотношение клада и обнаруженных поблизости находок с усадебной застройкой и отдельными жилыми и хозяйственными сооружениями до завершения работ на участке остается не до конца ясным. Возможно, здесь мы имеем дело с целым ремесленным комплексом, в состав которого входило несколько мастеров со своими мастерскими и жилыми усадьбами. На это указывает топография находок ювелирных матриц на Северном городище: все они происходят с участка, протянувшегося полосой вдоль валов этой части городища. Ответ на этот вопрос помогут найти дальнейшие раскопки.

На данном этапе исследований можно лишь сделать вывод, что клад, найденный в 2013 г., совершенно очевидно относится к числу тех, которые были в спешке зарыты в декабре 1237 г. в момент осады города полчищами Батые. Подобные ценности, несомненно, могли принадлежать исключительно богатым людям. Ремесленник-ювелир,

сокрывший предметы последнего клада, вряд ли был их владельцем. В домонгольской Руси это были люди невысокого социального ранга, они не были собственниками создававшихся ими изделий. Но в момент опасности в их руках могли находиться незавершенные и неоплаченные заказы. Как показывают многолетние раскопки в Старой Рязани, большая часть кладов сконцентрирована в богатых усадьбах или, по крайней мере, в наиболее престижной части города (Даркевич, Борисевич, 1995). Примером тому может служить так называемая усадьба воеводы, исследованная в прибрежной части Южного городища. В ее пределах найдены четыре клада ювелирных изделий, в том числе клад 1992 г., включавший золотые изделия (а таких кладов на Старой Рязани пока известно только два!), и клад, в состав которого входит широко известный браслет “с гусяром” – несомненный шедевр ювелирного искусства (Даркевич, 1974. С. 28–35; Чернецов, 2005). Но известны клады, происходящие и из рядовых усадеб, подобные тому, что был найден в 2005 г. в юго-восточной части Южного городища. Более того, на этой усадьбе был сокрыт не один, а, как минимум, два клада. Помимо целого, спрятанного в подпечной яме на значительной глубине, в кладоискательских ямах и выбросах из них было собрано значительное число обломков ювелирных изделий другого комплекса, который, к сожалению, утрачен для науки (Буланкина и др., 2005; Чернецов, 2006).

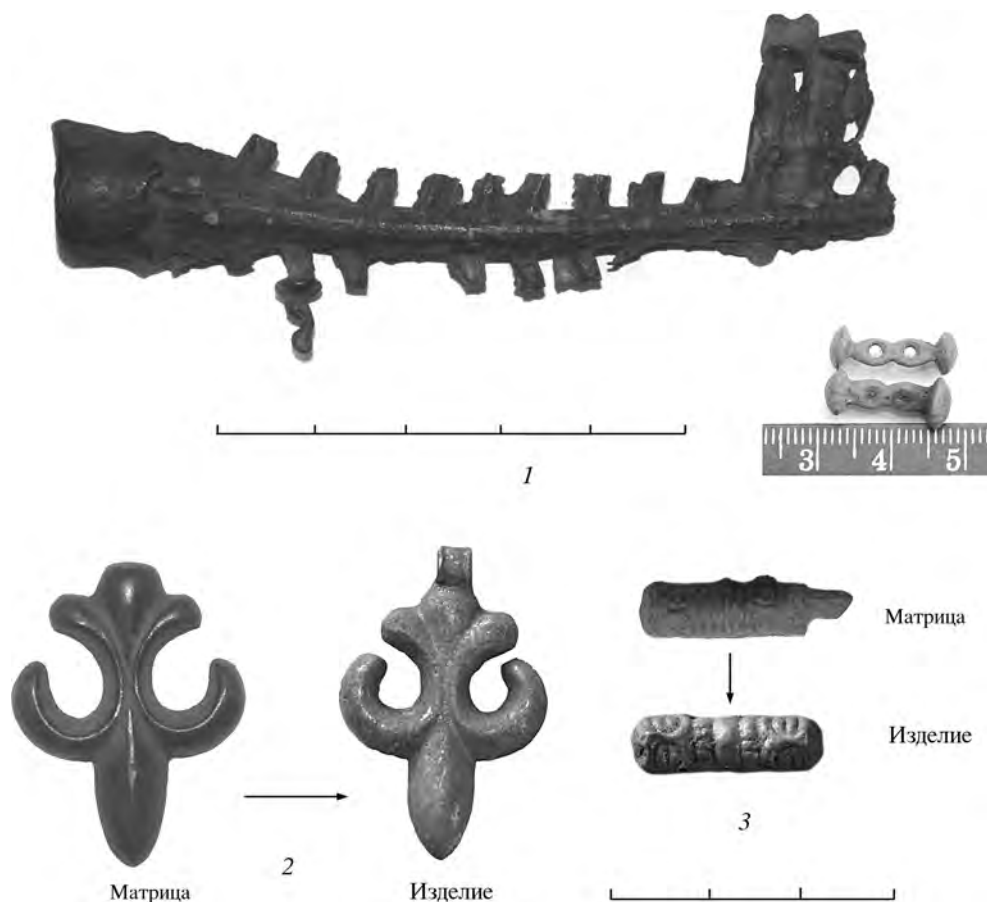

Рис. 8. Предметы ювелирного и бронзолитейного производств окружающих клад участков: 1 – бронзовый литник с бракованными пуговицами и парой неразрезанных пуговиц (участок 5, раскоп 40); 2 – матрица и подвеска из клада; 3 – матрица колодочки и колодочка из клада.

Вероятно, сокровища мог прятать не только сам владелец, но и кто-то из его родных или служителей (не обязательно ключник или управитель, в экстремальных обстоятельствах – возможно и рядовой слуга). Кроме того, сокровища могли быть похищены в обстановке суматохи, связанной с взятием города, как “своими” ворами, так и захватчиками (кто-то из них мог что-то припрятывать до поры до времени от сослуживцев и начальников). Наконец, как это показывает клад 2013 г., сокровища в момент осады города оставались и у местных ювелиров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буланкина Е.В., Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В. Клад 2005 г. из раскопок на Южном городище // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 198–210.
- Даркевич В.П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974. С. 19–71.
- Даркевич В.П. Раскопки В.А. Городцова в Старой Рязани // Проблемы изучения древних культур Евразии. М.: Наука, 1991. С. 140–163.
- Даркевич В.П., Борисевич В.Г. Древняя столица Рязанской земли. М.: Круг, 1995. 448 с.
- Монгайт А.Л. Старая Рязань. М.: АН СССР, 1955. 228 с. (МИА; № 49).
- Стрикалов И.Ю. Северное городище. Стратиграфия и планиграфия // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 36–89.
- Чернецов А.В. Историко-археологическое изучение Рязанской земли: современное состояние и перспективы // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 7–33.
- Чернецов А.В. Шестнадцатый клад из Старой Рязани // Природа. 2006. № 6. С. 58–66.
- Hausbuch der Mendelschen Zwölfbrüderstiftung in Nürnberg. Bd. 1. Nürnberg, 1426–1549 // Stadtbibliothek Nürnberg. Amb. 317.2°. Via <http://www.nuernberger-hausbuecher.de>.

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ДАТИРОВКИ СТАДУХИНСКОГО ОСТРОГА

© 2014 г. З.Ю. Жарников*, Г.П. Визгалов**, Е.В. Князева*,
М.В. Коноваленко**, В.С. Мыглан*

* Сибирский федеральный университет, Красноярск (zaxari1@yandex.ru)

** ООО НПО “Северная археология-1”, Нефтеюганск

Ключевые слова: археология, дендрохронология, Стадухинский острог.

The article is devoted to the questions of the tree-ring analysis use for the dating of the buildings of the Stadukhino prison. The aspects connected with the location of the wood procurement, cross and calendar dating are also considered. The results of the work have allowed identifying the periods of the prison development in the first half of the 17th c., the first decade of the 18th c. and the 1940-s of the 18th c.

Важное место в истории освоения северо-восточной Сибири занимает Нижнеколымский (Стадухинский) острог. Его появление связано с именем М.В. Стадухина, которого в 1641 г. якутский воевода П. Головин отправил на поиски земель к востоку от р. Яны. Во время похода, на месте впадения в р. Колыма р. Большой Анюй, М.В. Стадухиным было заложено Нижнеколымское зимовье (Сергеев и др., 1994; Бурыкин, http://www.zaimka.ru/to_sun/burykin1.shtml). Именно сообщение самого М.В. Стадухина о постройке зимовья с нагородней в 1643 г. на месте селения оседлых юкагиров стало рассматриваться как основание Среднеколымского зимовья (Полевой, 1982). Хотя, по мнению ряда исследователей, время сооружения поселения приходится на 1644 (Зуев, 2002) или 1645–1647 гг. (Полевой, 1982). Таким образом, в современной научной литературе нет единой точки зрения относительно времени основания Стадухинского острога.

Вооруженные конфликты с чукчами и желание промышленных и торговых людей ходить на Омолон, Анюй и Анадырь через Нижнеколымское зимовье привели к тому, что почти сразу после основания поселение стало значимым административным и торгово-промысловым центром. В августе–сентябре, когда возвращались звероловы, а из г. Якутска прибывали купцы, в Нижнеколымском зимовье устраивалась ярмарка, по объему товарного и денежного оборотов превышавшая Якутскую (История..., 1956). Уже в 1655 г. колымский приказчик К. Дунай сделал Нижнеколымское зимовье своей главной резиденцией, а в Среднеколымское поселение послал своего представителя Г. Татаринова (Полевой, 1982). В связи с напряженной

военной обстановкой, по распоряжению К. Дуная, поселение было обнесено палисадом из острожин. Учитывая, что рядом с “нижним ясачным зимовьем” лес отсутствовал, древесина для строительства заготавливалась на участках, расположенных выше по течению р. Колыма на 20 верст, а затем сплавлялась до поселения. Из леса, расположенного вокруг Нижнеколымского зимовья, был построен “косой острожек в длину 22 сажени, поперек 11 сажень”, кроме того были произведены перестройки внутри самого зимовья (оно состояло из двух изб – ясачной и аманатской длиной четыре печатных сажени, между ними находились сени; Полевой, 1982. С. 73). Основная функция острога сводилась к подчинению местного населения и сбору ясака. В 1648–1659 гг. против колымско-алазейских чукчей было предпринято несколько походов, оказавшихся практически безрезультатными. По данным А.С. Зуева, во второй половине XVII в. между служилыми людьми и местным населением произошло около 19 столкновений, при этом чукчи 8 раз – в 1653, 1656, 1659, 1662, 1678, 1679, 1685, 1687 гг. – осаждали Нижнеколымский острог (2002). Вооруженные стычки прекратились только после 1710 г., однако за весь этот длительный период русским так и не удалось объяснить местное население.

В 80-е годы XVII в. на северо-востоке Сибири произошло общее сокращение торгово-промысловой деятельности, оно привело к упадку Нижнеколымского острога. В определенной мере этому поспособствовали и эпидемии оспы: по сведениям одного из приказчиков, в 1692 г. в Нижнем зимовье умерло около 200 ясачных юкагиров (История..., 1956. С. 181). К моменту прибытия в Нижнеколым-

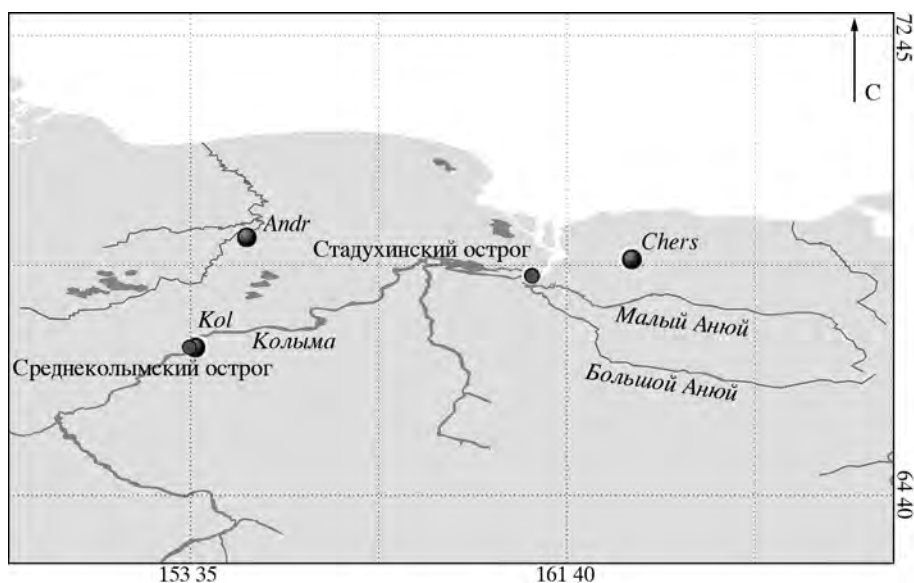

Рис. 1. Карта-схема расположения Стадухинского и Среднеколымского острогов и использованных для датировки ДКХ *Kol*, *Andr*, *Chers*.

ский острог Д.Я. Лаптева в 1740 г. поселение находилось в сильном запустении – в нем сохранилось около 10 рубленых изб. Д.Я. Лаптеву пришлось прислать плотников, чтобы построить еще три избы для команды (История..., 1956. С. 322). В 1760-х годах из-за наводнений поселение было перенесено на левый берег Колымы, напротив устья Анюя, на место современного с. Нижнеколымск.

Стадухинский острог расположен в Нижнеколымском р-не Республики Саха (Якутия), в 15,5 км на ЮЗ от районного центра, пос. Черский, на левом берегу р. Колыма, на правом берегу протоки Стадухинской (рис. 1). Впервые археологический памятник был обследован в 1959 г. С.А. Федосеевой – участницей комплексной Юкагирской экспедиции на Колыму АН СССР. Она сняла глазомерный план памятника, вскрыла одно захоронение и расчистила оклады двух домов (Федосеева, 1959. С. 2; 1971. С. 26). В 1989–1990 гг. на памятнике экспедицией Якутского государственного университета под руководством А.Н. Алексеева проводились археологические раскопки. В ходе работ был снят топографо-геодезический план, за два полевых сезона раскопами площадью 284 м² были исследованы остатки четырех построек, собрана богатая археологическая коллекция, состоящая из нескольких тысяч находок из металла, дерева, стекла, фарфора, фаянса, ткани, камня, кости, бересты (Алексеев, 1996).

В ходе исследований на Стадухинском остроге, проведенных в 2009 г. экспедицией ООО НПО “Северная археология-1” под руководством Г.П. Визга-

лова, был осуществлен мониторинг состояния памятника и установлено его ежегодное интенсивное разрушение по естественным причинам – размыву берега протокой Стадухинской. Была выполнена тахеометрическая съемка памятника и уточнены его границы, проведены археологические исследования в недокопанном раскопе 1 1990 г. на площади 9 м², получена коллекция находок, состоящая из 91 предмета. В 2010–2011 гг. ООО НПО “Северная археология-1” были проведены комплексные археологические исследования Стадухинского острога в границах раскопов 1–3 1990 г. на общей площади 165 м². В результате работ 2010 г. были изучены остатки жилой (№ 2) и хозяйственной (№ 3) построек. В 2011 г. работы были продолжены – культурный слой в границах раскопов 1 и 2 изучен полностью. В ходе раскопок 2010–2011 гг. (Визгалов, 2011) были собраны археологическая (1400 предметов), остеологическая (около 9000 костных останков) и дендрохронологическая (24 образца лиственницы сибирской, *Larix sibirica* Ledeb: таблица) коллекции.

С целью дендрохронологической датировки в лаборатории “Естественно-научные методы в археологии и истории” ФГАОУ ВПО СФУ отобранные поперечные спилы древесины были подвергнуты стандартной процедуре обработки (Шиятов и др., 2000). Измерения ширины годовичных колец были выполнены на полуавтоматической установке “LINTAB” (с точностью 0.01 мм). Датировка измеренных серий была выполнена по стандартной методике, посредством сочетания графической перекрестной датировки (Douglass, 1919) и кросс-

корреляционного анализа в пакете специализированных программ для дендрохронологических исследований – DPL (Holmes, 1984) и “TSAP V3.5” (Rinn, 1996). При обработке образцов были проведены подрезка и измерение каждого как минимум по двум, а чаще – по трем-четырем радиусам для поиска подкорового кольца. Процедура перекрестной датировки осложнялась плохой сохранностью образцов, наличием креновой древесины. С целью удаления из полученных древесно-кольцевых хронологий (ДКХ) возрастного тренда, индивидуальные серии прироста были подвергнуты процедуре стандартизации сплайном в 2/3 длины каждой серии (Cook, Kairiukstis, 1990).

Для календарной датировки образцов со Стадухинского острога были привлечены ДКХ по лиственнице сибирской, построенные Ф. Швайн-грубером: *Chers* (с 1538 по 1991 г.), *Kol* (с 1556 по 1991 г.), *Andr* (с 1440 по 1991 г.), находящиеся на удалении от памятника в 90, 320 и 260 км соответственно (<http://www.ncdc.noaa.gov/paleo/treering.html>) (рис. 1).

Измеренные индивидуальные серии прироста по каждому образцу были датированы относительно друг друга. Полученные результаты показали, что коллекция археологической древесины по происхождению географически делится на группы 1 и 2 (таблица), не датирующиеся относительно друг друга. Для выполнения календарной привязки по каждой группе образцов была построена обобщенная стандартизированная ДКХ (это позволило усилить общий сигнал, содержащийся в выборке), продатированная с ДКХ по живым деревьям – *Chers*, *Kol*, *Andr*. Выполненный анализ показал, что по древесно-кольцевой хронологии *Chers* датируется обобщенная серия прироста, построенная по первой группе образцов (коэффициент корреляции – 0.52, для общего периода в 229 лет при $p \geq 0.95$); с хронологией *Kol* – обобщенная серия прироста по второй группе образцов (коэффициент корреляции – 0.51, для общего периода в 160 лет при $p \geq 0.95$); с хронологией *Andr* ни одна группа образцов не датируется. На рис. 2 хорошо видно качество выполненной датировки – синхронный и согласованный ход кривых прироста. Таким образом, в результате перекрестной датировки обобщенных хронологий по археологической древесине была осуществлена календарная привязка каждого образца с памятника (таблица).

Наличие двух групп образцов археологической древесины, которые датируются с хронологиями, расположенными на удалении 90 и 320 км от памятника, свидетельствует как минимум о двух источниках заготовки древесины. Сопоставление с исто-

рическими данными позволяет предположить, что в качестве одного из них, из-за “скудных” лесных ресурсов на месте основания зимовья, выступал участок, расположенный примерно в 21 км выше по р. Колыма (данные образцы датирует ДКХ *Chers*). Вторым источником древесины служил участок леса, расположенный в районе Среднеколымского зимовья (таблица). Высокая связь прироста образцов st11_01, st11_05, st11_06, st11_09, st11_10 с хронологией *Kol* и годы формирования периферийных колец свидетельствуют о том, что строительный материал был заготовлен на одном участке примерно в одно время. Сибирская лиственница плохо плавает; учитывая, что участок заготовки был расположен на значительном расстоянии, шанс, что стволы деревьев самостоятельно приплыли в Нижнеколымский острог, достаточно низкий. Скорее всего, служилые люди, зная об отсутствии хорошего строевого леса рядом с Нижнеколымским зимовьем, отправляясь из Среднеколымского зимовья, сплавливались вместе с заготовленными заранее бревнами.

Результаты проведенного анализа образцов выявили сложную систему соотношения дат по дендрохронологическим, археологическим и историческим источникам. Из раскопа 1989 г. было отобрано три образца (st10_12 – с северного сруба, st10_06 и st10_14 – с южного) с постройки № 1, охарактеризованной А.Н. Алексеевым как трехчастный дом (1996. С. 29). Результаты дендрохронологического анализа показали, что годы формирования последних периферийных колец данного жилища приходятся на 1696 (st10_12, источник древесины – группа 2) и 1738, 1742 гг. (st10_06 и st10_14, соответственно, источник древесины – группа 1). Так как постройка № 1 представляет собой трехчастную избу-связь, а в анализируемой выборке присутствует только один образец с северного сруба, разницу в датировках между срубами можно объяснить следующим образом: возможно, при строительстве северного сруба были использованы бревна разобранной ранее постройки, или он был сделан прежде, чем второй сруб и сени; образец st10_12 – “топляк”, т.е. погиб раньше и не связан с датой заготовки древесины. В этом случае, учитывая время строительства южного сруба, следует предположить, что сооружение постройки № 1 пришлось на начало 40-х годов XVIII в. Последняя дата может соотноситься со временем приезда в острог Д. Лаптева и последовавшими работами по подновлению обветшалых строений.

С раскопа 2 было отобрано семь образцов: пять привезены из района Среднеколымского зимовья, два имеют местное происхождение. К сожалению, по причине плохой сохранности древесины в кол-

Результаты перекрестной датировки образцов со Стадухинского острога

№	№ образца	№ лабо- раторный	Год		г	Дополнительная информация
			роста	гибели		
1 группа						
1	СП-10 Р3.002	sh10_01	1611	1707	0.66	Бревно второго сруба постройки № 3, подкорковый слой
2	СП-10 Р3.005	sh10_02	1338	1625	0.52	Бревно третьего (внутреннего) сруба постройки № 3, следы обработки, подкорковый слой
3	СП-10 Р3.003	sh10_03	1527	1707	0.56	Бревно второго сруба постройки № 3, подкорковый слой
4	СП-10 Р3.001	sh10_04	1577	1707	0.63	Бревно второго сруба постройки № 3, комлевая часть, подкорковый слой
5	СП-10 № 13 П-1	sh10_06	1441	1738	0.47	Образец из раскопа 1989 г., обрыв, южный сруб постройки № 1, подкорковый слой
6	СП-10 Р3.009	sh10_07	1612	1749	0.64	Бревно из внутреннего заполнения постройки № 3, подкорковый слой
7	СП-10 Р3.004	st10_04	1384	1588	0.49	Бревно третьего (внутреннего) сруба постройки № 3, следы рубки
8	СП-10 Р3.006	st10_06	1647	1727	0.62	Раскоп 3, кол, подкорковый слой
9	СП-10 Р3.007	st10_07	1665	1766	0.58	Бревно из внутреннего заполнения постройки № 3, подкорковый слой
10	СП-10 Р3.008	st10_08	1600	1741	0.65	Бревно из внутреннего заполнения постройки № 3, сохранилась фрагментарно кора
11	СП-10 Р3.010	st10_10	1398	1662	0.74	Бревно из внутреннего заполнения постройки № 3, следы обработки
12	СП-10 № 14	st10_14	1626	1742	0.66	Образец из раскопа 1989 г., обрыв, южный сруб постройки № 1
13	СП-11 № 2	st11_02	1507	1576	0.64	Раскоп 3, обрубок бревна (архитектурная деталь, отдельная от построек), подкорковый слой, два данных образца принадлежат одному бревну
14	СП-11 № 3	st11_03	1497	1576	0.51	
15	СП-11 № 4	st11_04	1586	1707	0.67	Раскоп 2, подкладка под окладной венец постройки № 2, подкорковый слой
16	СП-11 № 7	st11_07	1538	1709	0.61	Раскоп 3, архитектурная деталь с пазами, подкорковый слой
17	СП-11 № 8	st11_08	1389	1647	0.68	Раскоп 2, обгорелая деталь с пазами, под восточным окладным венцом постройки № 2
2 группа						
18	СП-10 Р3.011	sh10_05	1489	1636	0.39	Бревно из внутреннего заполнения постройки № 3, кренивая древесина
19	СП-10 №12 П1	st10_12	1553	1696	0.36	Раскоп 1989 г., обрыв, северный сруб постройки № 1, широкие благодущные кольца, плохая сохранность периферийных колец
20	СП-11 № 1	st11_01	1527	1706	0.61	Раскоп 2, длинное бревно “порожка” (архитектурная деталь, отдельная от построек)
21	СП-11 № 5	st11_05	1542	1709	0.65	Раскоп 2, короткое бревно “порожка” (архитектурная деталь, отдельная от построек)
22	СП-11 № 6	st11_06	1477	1691	0.58	Раскоп 2, длинная подкладка под южный окладной венец постройки № 2
23	СП-11 № 9	st11_09	1448	1704	0.50	Раскоп 2, короткий обрубок бревна, межжилищное пространство
24	СП-11 № 10	st11_10	1506	1715	0.60	Раскоп 2, обрубок бревна, межжилищное пространство, у постройки № 2

Примечание. Второй столбец – образцы, полученные в ходе археологических работ 2010 (СП-10) и 2011 (СП-11) гг.; третий – лабораторные номера; образцы sh были получены для анализа в 2011 г., st – в 2012; r – межсерийный коэффициент корреляции.

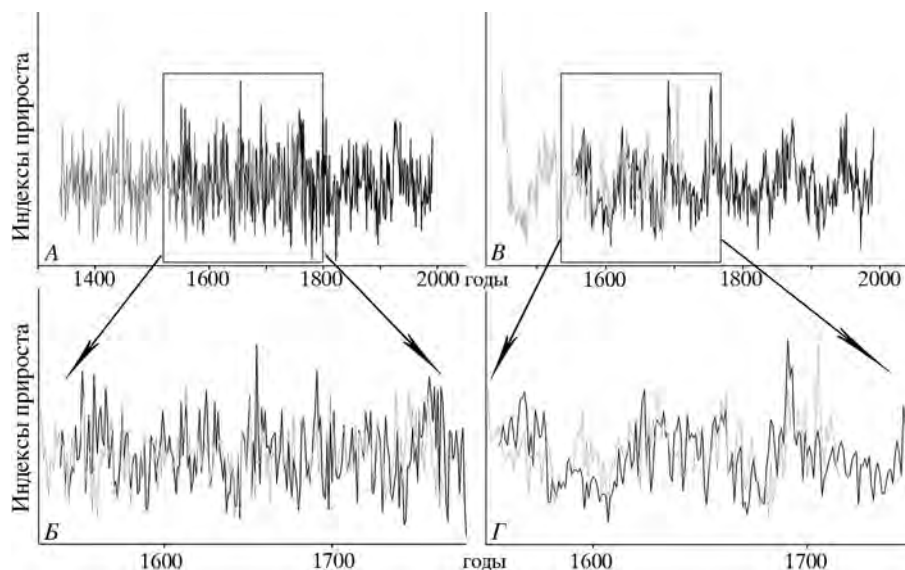

Рис. 2. Иллюстрация перекрестной датировки группы 1 образцов с ДКХ Chers (А, Б) и группы 2 образцов с ДКХ Kol (В, Г).

лекции отсутствуют образцы со сруба постройки № 2. Анализ подкладок под окладные венцы постройки (образцы st11_08, st11_06, st11_04) показал, что время формирования периферийных колец приходится на 1647, 1691 и 1707 гг. соответственно. Вероятно, образец st11_08 можно отнести ко времени строительства зимовья М.В. Стадухиным. Однако, учитывая возможность повторного использования древесины, более корректно предположить, что постройка была сооружена не ранее 1707 г. В значительной мере ситуацию прояснили четыре образца, с архитектурных деталей и межжилищного пространства (расположены на небольшом расстоянии от постройки № 2), из которых три относятся к первому десятилетию XVIII в. (st11_1 – 1706 г., st11_5 – 1709 г., st11_9 – 1704 г.). Образец st11_10, последнее периферийное кольцо которого приходится на 1715 г., вероятно, использовался при ремонтных работах. В результате археологических исследований было установлено, что постройка № 2 погибла от пожара. На ее полу и под полом найдено 26 монет, из которых самые поздние – 20 монет сибирской деньги 1749 г., т.е. пожар случился не ранее 1749 г. Таким образом, время строительства постройки № 2 пришлось на конец первого десятилетия XVIII в., а ее гибель наступила не ранее середины XVIII.

С раскопа 3 было отобрано 11 спилов со сложносоставного объекта – постройки № 3 (рис. 3), состоящей из трех срубов, размещенных друг в друге. Внутренний имел размеры 3×2.9 м, средний – 3.8×4 , внешний – 5.1×5.2 (по периметру последнего, снаружи и изнутри, обнаружены остатки больших и малых колец). Образцы, за исклю-

чением sh10_05, имеют местное происхождение. С бревен среднего сруба были взяты три образца (sh10_01, sh10_03, sh10_04) с подкорковым слоем, они датируются 1707 г. Это позволяет утверждать, что средний сруб, как и в случае с постройками № 1 (северный сруб) и 2, был возведен в конце первого десятилетия XVIII в. Внутренний сруб представлен двумя поперечными спилами с бревен – st10_02 (1625 г.) и st10_04 (1588 г.). Исходя из наличия коры на образце st10_02, можно предположить, что сруб был сооружен не ранее конца первой четверти XVII в. При этом нельзя исключать вариант повторного использования (возможно, сухостойной) древесины, учитывая, что острог был заложен позднее – во второй половине 40-х годов XVII в. Внутреннее пространство постройки № 3 (заполнение внутреннего сруба) представлено пя-

Рис. 3. Стадухинский острог. Постройка № 3. Внешний, средний и внутренний срубы. Вид с востока. Фото 2010 г.

тью спилами, два из которых срублены в 40-х годов XVIII в. и на внешней стороне сохранили остатки коры (sh10_07 – 1741 г., st10_08 – 1749 г.). Образец st10_07, датированный 1766 г., предположительно, был использован при последующем ремонте постройки. Два образца из внутреннего пространства относятся к XVII в. Если привязка образца st10_10 (1662 г.) к какому-либо периоду строительства затруднительна, то образец sh10_05, у которого периферийное кольцо приходится на 1636 г., а на внешней стороне видны следы подтесов, можно отнести ко времени строительства зимовья в 40-х годах XVII в.

В настоящее время наиболее дискуссионен вопрос об интерпретации постройки № 3. А.Н. Алексеев предположил, что она является амбаром-ледником с тройными стенами для теплоизоляции (1996. С. 29). Однако при раскопках 2010 г. были выявлены следы сильного пожара во внутреннем помещении, в результате которого прогорели даже бревна нижнего венца, что заставляет усомниться, что постройка была ледником. Скорее всего, она реконструируется как двустенный амбар с завалинкой снаружи, которая первоначально укреплялась горизонтальными жердями, подпертыми кольями или плетнем, а впоследствии – срубом из тонких бревен – жердей (Визгалов, 2011). Пространство между конструкцией завалинки и средним срубом заполнено синей глиной. Речная глина и песок часто используются в качестве заполнения завалинок, например, в постройке № 2 Стадучинского острога (Визгалов, 2011. С. 42), постройках 1а, 1, 3, 5 городища Мангазея (Визгалов, Пархимович, 2008. С. 58). Постройки, состоящие из двух срубов, вставленных один в другой, известны в материалах исследований Старотуруханского городища (Новая Мангазея; Визгалов, Рудковская, 2011. С. 183, 184); двустенная постройка № 1, внутренний сруб которой был надземным подпольем, раскопана на посадке Березовского городища (Визгалов, 2010). Постройка с теплоизоляцией из двойного сруба и гидроизоляцией из глиняной завалинки могла использоваться для хранения в постоянной холодной температуре ценных в Заполярье продуктов, например муки или пороха.

Согласно данным дендрохронологического анализа, внутренний и средний срубы постройки № 3 относятся к разновременным сооружениям, косвенным подтверждением чего выступают различия в способе их рубки (“в лапу” и “в обло”), расположение окладных венцов внутреннего сруба ниже венцов среднего (рис. 3). В этом случае можно предположить, что первоначально был построен амбар, от стен которого примерно на расстоянии

1 м был расположен плетень (остатки больших и маленьких кольев). Данная реконструкция хорошо соотносится с описанием 1620 г. казенного погреба Лальского острога: “а в остроге государев казенный погреб, а на нем – амбар, кругом у амбару тын стоячий вострой на иглах, а в нем за замком и за печатью у острожных приказчиков у Овдейки Паламошнова с товарищи государева казна...” (Любимов, <http://archidesignfrom.ru/2150-lalsk.html>). С этим описанием согласуются найденные половинки двери в амбар (толщиной до 10 см) с накладным деревянным замком изнутри (Алексеев, 1996. С. 31). После пожара, вероятно, нижние венцы внутреннего сруба, благодаря близкому залеганию вечной мерзлоты, вмерзли и сохранились, после чего на данном участке уже в первое десятилетие XVIII в. было вновь отстроено хозяйственное сооружение (средний сруб и завалинка).

Анализ дендрохронологической информации показал, что на протяжении существования Нижнеколымского (Стадучинского) острога заготовка древесины для его строительства проводилась на двух участках, расположенных выше по течению р. Колымы: рядом с острогом (на удалении в 20 верст) и в районе Среднеколымского зимовья. Проведенная датировка образцов археологической древесины позволила выделить следующие периоды застройки острога: первая половина XVII в., на которую приходится ряд образцов (st11_08, sh10_05), в том числе из внутреннего сруба постройки № 3; первое десятилетие XVIII в. – незафиксированная в письменных источниках перестройка прослеживается на материалах постройки № 1 (северный сруб), № 2 и среднего сруба постройки № 3; 40-е годы XVIII в., возможно, связанные с периодом пребывания в остроге Д.Я. Лаптева (подтверждается материалами с южного сруба постройки № 1 и внутреннего заполнения постройки 3). Надеемся, что дальнейшие археологические работы в сочетании с историческим, дендрохронологическим и архитектурным анализом позволят уточнить имеющиеся по данному памятнику дискуссионные вопросы.

Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 12-06-33040, президента РФ № МК-1675.2011.6 и РГНФ № 12-34-01024.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1996. 152 с.
- Бурыкин А.А. Походы Михаила Стадучина и открытие Камчатки (Эл. ресурс) // Сибирская заимка. URL: http://www.zaimgka.ru/to_sun/burykin1.shtml.

- Визгалов Г.П.* Отчет о НИР: Проведение аварийно-спасательных археологических работ на культурном слое исторического поселения Березово // Архив НПО СА. 2010. Ф. 1. Д. 303/2, 302/3.
- Визгалов Г.П.* Новые археологические исследования Стадухинского поселения на Нижней Колыме. Результаты и перспективы комплексных исследований // Культура русских в археологических исследованиях: Междисциплинарные методы и технологии. Омск: Из-во Омского ин-та (филиала) РГТУ, 2011. С. 40–46.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Из-во “Магеллан”, 2008. 296 с.
- Визгалов Г.П., Рудковская М.А.* Первые результаты археологических раскопок Старотуруханского городища (Новой Мангазеи) // Культура русских в археологических исследованиях: Междисциплинарные методы и технологии. Омск: Из-во Омского ин-та (филиала) РГТУ, 2011. С. 180–186.
- Зуев А.С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. Новосибирск: Новосибирский ГУ, 2002. 330 с.
- История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1 / Отв. ред. М.И. Белов. М.: Морской транспорт, 1956. 592 с.
- Любимов В.А.* Лальск (Электронный ресурс). URL: <http://www.archidesignfrom.ru/2150-lalsk.html>.
- Полевой Б.П.* Открытие Камчатки со стороны Пенжины // Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока и др. 1982. № 5 (Изв. АН СССР. Сер. географическая). С. 130–138.
- Сергеев О.И., Чернавская В.Н., Казак М.В.* Стадухин – исследователь Северо-Востока Азии // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX веках (Историко-археологические исследования). Т. 3. Владивосток: ИИАиЭ ДВО РАН, 1994. С. 56–69.
- Федосеева С.А.* Отчет археологического отряда Юкагирской комплексной экспедиции АН СССР // Архив ИА РАН. 1959. Р-1. № 2039.
- Федосеева С.А.* Археологическое изучение Якутии за 50 лет // Вопросы историографии и источниковедения Якутии. Якутск: Книжное изд-во, 1971. С. 18–32.
- Шиятов С.Г., Ваганов Е.А., Кирдянов А.В., Круглов В.Б., Мазепа В.С., Наурзбаев М.М., Хантемиров Р.М.* Методы дендрохронологии. Красноярск: КрасГУ, 2000. 80 с.
- Douglass A.E.* Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity. Washington, DC: Carnegie Inst., 1919. 127 p.
- Holmes R.L.* Dendrochronological Program Library. Tucson: The University of Arizona, 1984. 51 p.
- Rinn F.* TSAP V3.5: Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. 269 p.
- Cook E.R., Kairiukstis I.* Methods of Dendrochronology: applications in environmental sciences. Dordrecht; Boston; L.: Kluwer acad. publ., 1990. 394 p.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**Резепкин А.Д. НОВОСВОБОДНЕНСКАЯ КУЛЬТУРА
(НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ МОГИЛЬНИКА “КЛАДЫ”).
СПб.: Нестор-История, 2012 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXXVII).
342 с., 206 табл. ил. (16 цв. табл.)**

Книга А.Д. Резепкина представляет собой прежде всего издание богатейших материалов эпохи раннего периода бронзового века (IV тыс. до н.э.) могильника “Клады” у станицы Новосободной в Республике Адыгея. Первая монографическая публикация этих древностей хорошо известна специалистам (Rezepkin, 2000). Что же нового дает рецензируемая работа?

Во-первых, яркие материалы раскопок А.Д. Резепкина, проведенных в конце 70-х и в 80-х годах, наконец-то как книга представлены на русском языке. Более того, автор дополняет их сведениями о поселении, культурный слой которого содержал керамику, близкую курганным комплексам. Во-вторых, в книге представлен богатый иллюстративный материал, выполненный и опубликованный на высоком уровне. Третий аспект, который отличает работу 2012 г. от монографии 2000 г., связан с расширением проблематики исследования¹.

Во Введении (с. 7, 8) автор рассматривает историю изучения памятников “круга новосободненских гробниц” в рамках трех этапов. Начало первому этапу положил в 1898 г. Н.И. Веселовский своими раскопками двух гробниц у ст. Новосободной (Царской). К этому этапу относятся работы Северо-Кавказской экспедиции под руководством А.А. Миллера, исследования А.В. Шмидта, А.М. Тальгрена и А.А. Иессена 20–30-х годов. Второй этап открывает знаменитая статья А.А. Иессена (Иессен, 1950), заложившая многие современные основы понимания рассматриваемых древностей. На этом этапе во второй половине 50-х годов Е.И. Крупнов предложил объединить группу “больших кубанских курганов” (по терминологии А.А. Иессена) со стадийно близкими памятниками Центрального Предкавказья в майкопскую культуру (Крупнов, 1957). В дальнейшем ее изучению были посвящены работы Р.М. Мунчаева, А.Л. Нечитайло, И.М. Чеченова 60–70-х годов.

Третий этап (с конца 70-х годов по настоящее время) связан с резким расширением круга источников по майкопской культуре и новым витком в их осмыслении. На этом этапе, пишет А.Д. Резепкин, сложились две точки зрения на древности круга памятников Майкопского кургана и Новосободненских гробниц. Согласно одной из них, обе группы объединяются в единую культуру (Иессен, 1950², Мунчаев, 1975, 1994). С.Н. Корневский в 2008 г., отмечает далее автор монографии, так же рассматривает их как два этапа одной культуры (Корневский, 2008. С. 100, 101).

¹ В связи с ограничением объема статьи правилами журнала, я затрагиваю лишь некоторые, на мой взгляд, особо важные аспекты рецензируемой работы.

² Деление на два этапа майкопской культуры А.А. Иессена прежде всего относится к формам металлических изделий. Ссылка на объединение А.А. Иессеном памятников раннекубанской группы в одну культуру в статье 1950 г. не верна (Резепкин, 2012. С. 7). А.А. Иессен использовал термин “майкопская культура” только в 1962 г.

Согласно другой точке зрения, новосободненская группа памятников представляет собой самостоятельное явление (культуру). Первым сформулировал этот тезис на материалах Мешоко А.Д. Столяр (1964)³. Это положение воспринял В.А. Сафронов, в 70-х годах связавший появление носителей культуры новосободненских гробниц с воздействием культуры шаровидных амфор (Сафронов, 1974). Существенно ранее на сходство некоторых форм посуды этих двух культур указал Г. Чайлд (1952, С. 214).

Отмечу, что моя точка зрения отражена А.Д. Резепкиным в искаженном свете. На страницах работы 2008 г. мной был представлен тезис о том, что в настоящее время майкопская культура, или майкопско-новосободненская общность (МНО) как многокомпонентное явление, состоит из четырех вариантов: галюгаевско-серегинского, долинского, псекупского, новосободненского. Каждый из них может рассматриваться как отдельная культура, обладающая своим происхождением⁴. (Корневский, 2008. С. 74, 75). Их общее название – “майкопская культура” – прочно укрепились в отечественной и зарубежной литературе и в иной трактовке иногда просто не проводится (Корневский, 2012. Р. 7–36)⁵.

В целом историографический очерк А.Д. Резепкина излишне краток и явно нуждается в расширении и коррекции. Совершенно не упомянуты публикации самого автора, в которых он проводит мысль о влиянии культуры воронковидных кубков на появление носителей новосободненской группы (Резепкин, 1989, 1991а,б, 1995, 1996, 2004). Нет сведений о критической реакции на них в российской и немецкой археологической литературе (Мунчаев, 1994. С. 163; Häusler, 1994. S. 192 – 246). Ни слова не сказано об издании самим А.Д. Резепкиным в 2000 г. материалов могильника “Клады” в Германии (Rezepkin, 2000) и о рецензии на эту книгу в российской печати (Корневский, 2002). Остался без внимания также целый раздел “Новосободненский вариант” в давно уже изданном монографическом исследовании, содержавшем выделение диагностических типов керамики и альтернативный подход к периодизации погребений могильника “Клады” (Корневский, 2004. С. 57–61).

³ Нельзя не отметить, что проблема выделения новосободненской культуры А.Д. Столяром была поставлена на не относящихся к майкопской культуре материалах поселения Мешоко.

⁴ Это положение не противоречит представлению о том, что памятники круга Майкопского кургана и Новосободненских гробниц представляют собой многокомпонентную по сложности культуру или общность, имеющую свои отличительные признаки: облик керамики, черты быта и особенности погребального обряда.

⁵ Так мне объяснили мои сербские коллеги при издании моей статьи по майкопской тематике в Сараево.

Глава 1 (с. 9–50) рассматривает погребальные комплексы могильника “Клады”.

Глава 2 (с. 51–54) посвящена описанию раскопок 1998 и 2000 гг. на Новосвободненском поселении. Последнее располагается под насыпями курганов, возведенными над дольменами № 39, 40, и находилось поблизости от места раскопок Н.И. Веселовским в 1898 г. знаменитых Новосвободненских гробниц № 1 и 2. Текст главы в основном является конспектом более ранней публикации автора (Резепкин, 2008. С. 156–187).

Глава 3 “Систематизация погребений и артефактов могильника “Клады” (с. 55–63). В ней рассматривается типология погребальных комплексов, которые, как пишет автор, в “массе своей еще и разделены стратиграфически” (с. 55). Но в этой главе не разъяснено, что представляют собой постоянно упоминаемые А.Д. Резепкиным стратиграфические горизонты – о них речь пойдет только в главе 5. Для отнесения к разным горизонтам погребений автор использует свои представления о разной хронологии типов керамической посуды.

Ниже приведу описание выделенных типов погребальных сооружений с моими комментариями.

“Тип I. ...Прямоугольная со слегка закругленными углами яма. ...Нередко дно и стены обложены камнем, по периметру могилы – деревом (сруб). ...Опираясь на стратиграфию в “Кладах” этот тип погребальной конструкции можно разделить на два варианта: ранний и поздний” (с. 55). Предваряя дальнейшее изложение, надо отметить, что с точки зрения формальной логики тип на типы не делится, и варианты типа не следует называть типами, чтобы не запутать читателя в предлагаемой номенклатуре. Тем не менее автор это делает.

“Тип I – ранний”. Эта ранняя подгруппа (84 захоронения, из них 65 – в “Кладах”, остальные происходят из неназванных памятников) представлена небольшими ямами со средней длиной 1.9 м. Поза покойного в них – скорченно на боку. В состав инвентаря входит “ранняя новосвободненская керамика”. Уместен вопрос к автору, что это за керамика? На предшествующих страницах о типологии посуды ничего не было сказано. Одиннадцать погребений “содержали и майкопские сосуды”. (Опять неясно, какие это сосуды.) Дно захоронений иногда выстлано камнем. “В Прикубанье в двух случаях погребения этого типа находились во втором горизонте,” – пишет А.Д. Резепкин (с. 56). Тут появляется новый вопрос: как соотносятся неизвестные еще читателю стратиграфические горизонты “Кладов” со “вторым горизонтом в Прикубанье”? И что это за “второй горизонт Прикубанья”?

«Тип I-A – поздний. ...Учено 70 погребений. ...В “Кладах” их насчитывается 16, они занимают все стратиграфические горизонты, начиная со второго». Ямы, как правило, более крупные со средней длиной 2.45 м. Дно их часто выстлано галькой. В 18 случаях отмечен сруб. Поза покойных прежняя, скорченно на правом боку. Могилы перекрыты насыпью из камня (с. 56). Снова возникает тот же вопрос, какие конкретно погребения имеются в виду? Из каких памятников происходят 54 погребения, открытые вне “Кладов”? Далее автор рецензируемой книги пишет, что погребения этого типа распространены по ареалу всей культуры, но в массе тяготеют к Центральному Предкавказью (а там где они найдены?). В “Кладах” насчитывается 16 захоронений, которые занимают второй, третий и четвертый горизонты. Однако сами захоронения не перечислены.

“Тип I-B – погребения на древней дневной поверхности, выделяемые как разновидность типа I-A. Всего учтено 21 погребение. В “Кладах” имеется 6”, они встречены в первом и втором горизонтах. Распространены по всему ареалу культуры (с. 56). Сразу возникает вопрос, о каких памятниках и о

какой культуре идет речь? Пока А.Д. Резепкин еще ничего не сказал читателю про выделение им новосвободненской культуры. Кроме того непонятно, почему погребения на дневной поверхности (тип I-B) представляют собой “разновидность” погребений в ямах (тип I-A)?

Тип II. Гробницы. “Учено 7 таких сооружений: 5 двухкамерных и 2 однокамерные”, – пишет А.Д. Резепкин. Но где они найдены, в “Кладах” или в Предкавказье? Гробницы – это наземные сооружения. Они имеют отверстие в одной из передних поперечных плит. Однокамерную гробницу на р. Псыбе надо отнести к первому стратиграфическому горизонту, так как в ней найден кубок типа I, отмечает автор. Двухкамерные гробницы занимают третий и четвертый горизонты могильника “Клады” (с. 56). Далее следует критический пассаж, а именно: С.Н. Корневский “ошибочно отнес” ко II типу погребальных сооружений майкопско-новосвободненской общности дольмен 11/54, содержавший позднюю керамику”. В этом случае, однако, ошибается сам А.Д. Резепкин, так как у меня сооружение 11/54 не отнесено к майкопско-новосвободненской общности. В тексте отмечено (со ссылкой на А.Д. Резепкина), что оно принадлежит к эпохе средней бронзы (Корневский, 2004. С. 18, 19).

“Тип III. Ящики (“цисты”) из каменных плит”, не имеющие входного отверстия. Учено 9 погребений, которые “спорадически встречаются по всему ареалу культуры”. К этому же типу А.Д. Резепкин относит погребение на уровне древней дневной поверхности в срубе: “По сути это тот же ящик, но из дерева” (с. 57). Мысль автора в этом месте не вполне ясна, так как погребения в срубах – это все же изделия из дерева, а не из камня. Чуть выше по тексту главы срубы в ямах и на площадках были отнесены автором к типу I.

В итоге можно прийти к выводу, что раздел о типологии погребальных сооружений нуждается в серьезной правке.

Изложение представлений о типологии керамики (второй раздел главы 3) начинается с критики моей классификационной схемы, объединившей “генетически разные по происхождению материалы” майкопской и новосвободненской культур (с. 57).

Сразу замечу, что формальная типология и интерпретация культурной принадлежности полученных типологических рядов – это разные области формализации, которые решаются на признаках из неодинаковых областей знания. Представление о культурной принадлежности памятников круга Майкопа – Новосвободной имеет не только трактовку А.Д. Резепкина. У них есть еще и иное восприятие в виде майкопской культуры как общности памятников (Е.И. Крупнов, А.А. Иессен и Р.М. Мунчаев). Очевидно, чтобы выделить посуду интересующей А.Д. Резепкина “новосвободненской традиции” из всего керамического массива раннебронзовых памятников Предкавказья, необходимо сначала классифицировать весь этот массив источников (Корневский, 2004). Поэтому отмеченный подход А.Д. Резепкина к типологии вещей выглядит как методически неверная установка.

В типологии керамики А.Д. Резепкиным не представлены какие-либо промеры сосудов или их отдельных частей. На уровне ассоциативного восприятия им обозначаются типы кубков, реповидных сосудов, горшков. Для иллюстрации особенностей новосвободненской посуды используются находки из “Кладов” (рис. 126, III), а также иных памятников (рис. 126, I, B). В тексте отмечено, что на Новосвободненском поселении найдено множество кубков. Но об их формах мало что можно узнать из приведенных иллюстраций. Восстановлен только один сосуд с высоким прямым горлом.

Вместе с тем в книге много фотографий сосудов из погребений. Это поистине “золотой фонд” рецензируемой работы.

Каков же результат типологии керамики? Автор упоминает разные типы кубков без ручек, амфоры, миски, реповидные и горшковидные сосуды (С. 254. Рис. 126). В основном все эти формы уже были выделены ранее, например, кубки (тюльпановидные сосуды) с низким и высоким горлом (Кореневский, 2004. С. 171. Рис. 43; группы ЛТ-1а, 1б; ЛТ-2). Более того, в 2004 г. в классификации керамики майкопско-новосвободненской общности мной были обозначены диагностические типы новосвободненской группы (Кореневский, 2004. С. 224. Рис. 102). Тогда же отмечено, что формы мисок из памятников этой группы имеют большее число вариантов. Например, в типологии А.Д. Резепкина совершенно нет мисок с убранным внутрь бортиком (Кореневский, 2004. С. 173. Рис. 43; группа МФ-3), сосуда с обломком “носика”, охристого сосуда с тремя слепыми ручками (Кореневский, 2004. С. 172. Рис. 43; группа ТР-3; Резепкин, 2012. С. 293. Рис. 165, 4), а также сосудов иных форм с округлым дном (например, Резепкин, 2012. С. 290. Рис. 162, 1, 3, 4). Списки комплексов, в которых обнаружены сосуды выделенных автором типов, отсутствуют. Карт распространения типов тоже нет. Поэтому вопрос, какие типы керамики встречаются в захоронениях могильника “Клады”, остался невыясненным.

Ниже в разделах главы 3 (с. 59–63) рассматривается типология остального металлического и неметаллического инвентаря. В отношении форм изделий из металла А.Д. Резепкин полностью полагается на свои представления, не используя уже опубликованные ранее типологические схемы. Автор справедливо указывает (с. 60) на то, что в классификации кинжалов С.Н. Коренева 2009 года (Кореневский, 2009. С. 15–44) допущена ошибка в отображении форм кинжалов с отверстием в черенке. Она была сделана на основе публикации материалов “Кладов” (Rezepkin, 2000), в которой на концах рукоятей кинжалов были показаны некие черные пятна; как выяснилось, так изображался разрез окончания черенка. Обычно его помещают рядом с изделием. Отмеченная ошибка уже исправлена (Кореневский, 2011. С. 47–55). Но, видимо, для А.Д. Резепкина последний факт совсем не важен. Разрезы как “отверстия” на концах рукояток кинжалов сохранились на рисунках его монографии 2012 г. (Резепкин, 2012. Рис. 95, 14, 15).

При описании типологии бронзовых предметов вдруг речь заходит о “гибридных” комплексах, таких как Иноземцевский курган 1976 г., комплекс 1/18 могильника Марьинский-3. Подобную трактовку материалов как “гибридных” можно воспринимать как сугубо авторское ощущение⁶.

Вывод о том, что изделия майкопской культуры (кинжалы с невыделенным черенком, мотыга, топор-мотыга, тесла с

овальной пяткой, топоры клиновидной в плане формы) сформировались под воздействием восточноанатолийской халколитической традиции (с. 61), является заблуждением автора. В восточноанатолийском халколите неизвестны ни мотыги, ни топоры-мотыги, нет тесел майкопских пропорций, втульчатых топоров. Кинжалы без черенка начала IV тыс. до н.э. найдены также, например, в Иране (Гиссар Тепе I, II; Тепе Габристан, слой II, 9).

Глава 4 (с. 64–70). Специальный раздел А.Д. Резепкин посвящает составу металла изделий из могильника “Клады” и вопросам технологий их производства. Автор придерживается точки зрения о местном производстве изделий на медной основе из рассматриваемых памятников, что отражает и современные взгляды по этому вопросу целого ряда исследователей (Кореневский, 1988, 2011; Мунчаев, 1994; Рындина, Равич, 2012).

Глава 5 (с. 71–75) “Сравнительно-стратиграфический анализ погребальных комплексов новосвободненской культуры” рассматривает стратиграфию могильника “Клады” и соотношение с ней иных памятников. Такая периодизация представлена в виде так называемых стратиграфических горизонтов. Стратиграфические свидетельства перекрывания одних погребений другими прослежены в 12 курганах могильника “Клады”. По мысли автора, все это дает прочную базу для периодизации всех новосвободненских погребений на Северном Кавказе (с. 71). Так ли это?

Для того чтобы обосновать такое заключение, надо опираться на сплошную типологию артефактов из погребений и поселений, особенности их взаимовстречаемости в закрытых комплексах, стратиграфические ситуации в курганах вне зоны могильника “Клады”. А в настоящее время – еще и на радиоуглеродную хронологию. А.Д. Резепкин еще в 1989 предложил четырехступенчатую группировку погребений могильника “Клады”, но нигде не написал, какие погребения к какому стратиграфическому горизонту принадлежат. По его мысли, читатель сам все это должен за него додумать, глядя на картинку в его таблице синхронизации. В тексте рецензируемой монографии такой прием снова применен (с. 261, 262). Для меня очевидно, что такой подход методически совершенно не обоснован и не правомерен.

Разбор стратиграфических ситуаций рассматриваемого могильника, сделанный мной ранее, приводит к заключению о возможности выделения ранней группы погребений, предшествовавших захоронениям в гробницах (первый и второй горизонты по А.Д. Резепкину), и поздней группы погребений в гробницах и иных могильных сооружениях (третий и четвертый горизонты по А. Д. Резепкину), (Кореневский, 2004. С. 57–61, 224–230. Рис. 102–109). Последняя представляет собой так называемый горизонт гробниц с характерной для них керамикой и богатейшими комплексами вещей в наземных мегалитических сооружениях.

Сопоставление с выделенными горизонтами могильника “Клады” комплексов иных территорий в рецензируемой работе производится выборочно и не всегда последовательно. Так, автор пишет, что с известной долей условности ко второму горизонту относится гробница, раскопанная М.К. Тешевым в 1981 на р. Псыбе (с. 73). Но как же так! Она уже была отнесена ранее к первому горизонту могильника “Клады” на основании ранней формы кубка (с. 56). Неужели автор потерял контроль над логикой изложения к концу пятой главы?

Теперь коснемся главного аспекта в хронологии могильника “Клады”. Как выделенные горизонты и соотносимые с ними комплексы определяются радиоуглеродными датами. Последние помещены на таблице 6 (с. 91), но это да-

⁶Ниже автор развивает мысль об этой “гибридности”. Так, он упоминает “целую серию подобных комплексов”, где в металле и формах сосудов наблюдается урукское влияние, отличное от восточноанатолийского (с. 60, 61). В целом, под ней, видимо, имеется в виду смешение черт не только майкопской и новосвободненской посуды, но и керамики разных культур, в том числе смешение южномесопотамской урукской посуды с сильно расширенным в верхней части туловом с шаровидными или оvoidными формами и раннемайкопской керамики. Но где расположена Южная Месопотамия и где находится Предкавказье? Такая версия основана на эмпирическом, чувственном или эмоциональном восприятии автором археологических источников и без должной формализации и аргументации находится за гранью объективно доказуемых рассуждений.

леко не полный список дат для круга сопоставляемых комплексов⁷.

Погребения первого стратиграфического горизонта (№ 43, 48, 50, 55, 53) дают диапазон в целом 37–34 вв. до н.э., В тот же диапазон укладываются даты Новосвободненского поселения, отсюда происходит керамика, свойственная горизонту гробниц, но есть и более молодые значения конца IV тыс. до н.э. для этого памятника (Кореневский, 2011. С. 30).

Даты комплексов, соответствующих второму горизонту: Марьинский курган погр. 18–34 вв. до н.э. (3350 до н.э. – дендродата), Иноземцевский курган 1976 г. – 35–34 вв. до н.э. (Кореневский, 2011. С. 29, 30).

Даты для третьего горизонта из гробницы 31 кургана 5 имеют диапазон 38/37–34 вв. до н.э. (дважды). Дата жертвенника в кург. 31 по кости (рог) – 37–34 вв. до н.э. (как подтверждение диапазона дат погребения 31 кургана 5). Дата гробницы 1 кург. 30 – 35–34 вв. до н.э. Дата из кургана у ст. Костромская – 34–31 вв. до н.э. (Кореневский, 2011. С. 29, 30).

Одни из самых поздних дат, явно подходящих четвертому горизонту⁸ могильника “Клады”, дает гробница 2 1898 г. из кургана у ст. Новосвободной. Они связаны с диапазоном 30–29/29–27 вв. до н.э., как и ряд других поздних дат памятников МНО, соответствующих времени Джемдет-Наср в Месопотамии (Кореневский, 2011. С. 29, 30).

Таким образом, периодизация погребений могильника “Клады” в виде четырех горизонтов не имеет подтверждения в радиоуглеродных датах, выделяющих каждый горизонт. Причины тут могут быть разные, в том числе и достаточно широкие доверительные интервалы полученных радиоуглеродных определений. Эта схема имеет локальное значение и не является опорной для внутренней хронологии МНО в целом. Более того, надо иметь в виду, что не каждое перекрытие одной могилы другой может означать новый этап культуры или новый “горизонт”.

Наконец-то на с. 73 рецензируемой монографии приводится перечисление типичных черт новосвободненской культуры: “наличие галечной вымостки на дне могил, небольшие каменные насыпи над погребениями, хорошо выраженные типы металлических изделий”. Ранее Р.М. Мунчаевым эти признаки рассматривались как показатели позднего новосвободненского этапа майкопской культуры (Мунчаев, 1975. С. 315, 321). Неплохо было бы А.Д. Резепкину сослаться на это положение. Ведь иных критериев “новосвободненской культуры” у него самого нет. И, по сути, более раннее понятие “новосвободненского этапа” майкопской культуры по А.А. Иессену и Р.М. Мунчаеву в трактовке А.Д. Резепкина просто названо новосвободненской культурой. Р.М. Мунчаев неоднократно возражал против такого голословного переименования (Мунчаев, 1975. С. 323; 1994. С. 161, 166). На это замечание в монографии А.Д. Резепкина нет ответа.

Глава 6 “Истоки основных форм керамики и орнамента развитого этапа новосвободненской культуры” (с. 76–79). Тема главы касается передневожосточных влияний. Последние трактуются как воздействие восточноанатолийского халколита и среднего этапа “урукской цивилизации”. В результате восточноана-

толийского влияния проявились памятники типа Майкопского кургана, а в результате урукских воздействий – сформировался поздний этап новосвободненской культуры. Реповидная форма сосудов новосвободненской культуры – это и есть урукское влияние. По логике автора, чем больше реповидность, тем это влияние сильнее (с. 76–79). Ввиду ограниченного объема рецензии я не буду подробно разбирать положения этой главы. Отмечу лишь, что тема связей носителей майкопско-новосвободненской общности с Южным Кавказом и Передним Востоком требует особых исследований. Отдельные ее аспекты нашли отражение в работах последних лет, посвященных находкам в Дагестане (Мунчаев и др., 2010. С. 316–351). Явно, что контакты с югом не ограничились только периодом становления майкопско-новосвободненской общности, а продолжались долго, и каждый сюжет здесь нуждается в обсуждении. Например, трудно сказать, является ли приземистая форма плоскостных лепных сосудов новосвободненской группы (так называемая реповидность) следствием влияния южномесопотамской культуры Урука. Эта форма имеет очень широкое распространение. Она известна хорошо и для куро-араксской культуры.

Глава 7 “Хронология новосвободненской культуры” (с. 80–93). Начало существования ее раннего этапа А.Д. Резепкин относит к времени Триполья конца В-I-II (Кукутени А-4-АВ). Дата периода Кукутени АВ (Триполье ВІВІІ) – 4300/4200–4100 ВС (Відейко, 2003. С. 113, Rassamakin, Menotti. 2011 P. 645–657). Материалы, привлеченные для обоснования этой синхронизации (скипетр, флажковидные наконечники стрел, браслеты из камня), не убеждают в своей правоте. Ни один памятник с чистым майкопским слоем или поселение Новосвободненское не содержит находок скипетров. Константиновское поселение, откуда поднят обломок желобчатого скипетра, как известно, относится к местной константиновской культуре, которая пока не располагает собственными радиоуглеродными датами. Хронология каменных скипетров в целом связана с эпохой энеолита времени конца Триполья А – Триполья ВІ-ВІВІІ и предмайкопским периодом в Предкавказье (Дергачев, 2000; 2005. С. 67; Кореневский, Калмыков, 2010. С. 116–127)⁹.

Радиоуглеродные даты памятников майкопско-новосвободненской общности не указывают на время Кукутени АВ – Триполье ВІВІІ. Они синхронизируют начало этой общности с диапазоном дат Триполья ВІІ (4100–3800 ВС) или с временем перехода от убойской эпохи к урукской на Переднем Востоке, а также с временем слоя Тепе Гавра XII, как уже отмечали разные авторы в отечественной литературе (Мунчаев и др., 2004. С. 309; Кореневский, 2008. С. 89).

Не все ладно в хронологической таблице этапов новосвободненской культуры (с. 93), которая без изменений перешла в монографию 2012 г. из работы 1989 г. Этап Триполья ВІ – ІІ – Кукутени АВ у А.Д. Резепкина датируется временем 3900–3600 ВС. Далее следует этап Триполья СІ 3600–3450 ВС, Триполья С-I-II 3450–3250 ВС, Триполья С-II 3250 – 3100 ВС. В таблице А.Д. Резепкина пропущен целый этап Триполья ВІІ. А этап Триполья С-I-II коллеги-триполеведы вообще не упоминают, ввиду его отсутствия (Відейко, 2003. С. 106–117).

Даты Триполья, используемые А.Д. Резепкиным, – это даты “старой хронологии” Трипольской культуры. Сейчас специалисты по трипольской культуре разработали даты для ее “новой хронологии” (Відейко, 2003. С. 106–117). А.Д. Резепкину

⁷ Более полный список дат для новосвободненской группы был издан ранее (Кореневский, 2011. С. 27–30). В связи с необходимостью сжатого изложения в тексте рецензии даты приводятся в сокращенном варианте – без значений ВР, индексов лабораторий и ссылок на первую публикацию каждой даты. См. сноски выше.

⁸ В тексте рецензируемой монографии не названо ни одно захоронение четвертого горизонта из могильника “Клады”. Поэтому читателю приходится определять такие комплексы самому.

⁹ В.А. Дергачев убедительно датирует скипетры в ареале Трипольской культуры и дунайских культур энеолита временам Триполья ВІ. В слое Константиновского поселения присутствует майкопская керамика, но связь с ней обломка скипетра совершенно не безусловна.

было бы необходимо на них отреагировать и не оставлять свою хронологическую схему трипольских периодов с ошибками в колонке, застывшей на уровне 1987–1989 гг.

Глава 8 (с. 94–116) посвящена проблеме происхождения новосвободненской культуры. Она сведена к темам происхождения мегалитических сооружений и некоторых форм посуды. В рецензируемой монографии автор старается подкрепить свою правоту иллюстрациями из двухтомной монографии Р. Коссиана (Kossian, 2005). Всего мной в этой книге учтено более 190 изображений сосудов из погребений и разрозненных комплексов культуры воронковидных кубков. Конфигурация многих характерных сосудов характеризуется резко сужающимся к плоскому дну туловом, сильно расширенным венчиком и горловиной, выступающей на пределы диаметра тулова сосуда. Ученные в книге Р. Коссиана сосуды представлены в виде фотографий и графических рисунков, а также схематичными контурами профилей сосудов. Из нашей выборки в 190 сосудов из монографии Р. Коссиана орнаментированы 154, т.е. 87%. В число 13% неорнаментированных сосудов попадает 63% всех рисунков, выполненных как контуры. Таким образом, можно сказать, что для культуры воронковидных кубков наиболее показательны орнаментированные горшочки. Орнаменты на них нанесли в виде вертикальных линий по тулову сосуда или прямоугольных фигур, заполненных вертикальными линиями. Иногда венчик снабжался насечкой¹⁰.

Среди сосудов, представленных на иллюстрациях работы Р. Коссиана, есть экземпляры, изображенные только контуром, которые напоминают майкопские горшочки. Но скорее всего тут мы идем дело с конвергентным совпадением очертаний не очень хорошо нарисованных керамических изделий, поскольку на предкавказских находках нет одного из важных признаков центральноевропейских горшочков – специфических орнаментов культуры воронковидных кубков. Самый показательный признак декора посуды новосвободненской группы – орнамент в стиле “елочка” на тулове вокруг венчика сосуда – для посуды культуры воронковидных кубков совершенно не характерен.

Глава 9 “Социально-этнические аспекты культуры” (с. 107–117). Материал могильника “Клады” дает широкие возможности для социальных реконструкций. Пути обработки данных тут могут быть различными. Но наличие богатейших погребений знати отмечается всеми исследователями. А.Д. Резепкин описывает свое видение этого вопроса без ссылок на иные мнения.

Антропологических определений (важного источника для социальных реконструкций) сделано, к сожалению, не много.

Появление значительного числа чрезвычайно разнообразных типов металлического инвентаря у носителей новосвободненской культуры было полностью обусловлено непосредственным воздействием “урукской цивилизации”, пишет А.Д. Резепкин. Ядро этой культуры, как он полагает, находилось в среднем течении р. Кубань, откуда культура распространялась на восток и запад (с. 108). Но чем автор обосновывает такое направление распространения культуры?

Приведенные выше утверждения А.Д. Резепкина вводят очередной раз читателя в недоумение. В комплексах урукской культуры Южной Месопотамии до периода Джамдет Наср не известно ни металлической посуды из меди, золота и серебра, ни бронзовых втульчатых топоров, ни ряда украшений из драгоценных металлов, характерных для майкопско-новосвободненской общности. Решать вопрос о таком воздействии вообще без разбора конкретной типологии и специального исследования бронз и изделий из благородных металлов Кавказа и Переднего Востока просто неправомерно.

В заключение монографии А.Д. Резепкин рассматривает вопрос об индоевропейской прародине, соотнося ее с Центральной Европой. По этому поводу уместно привести мнение крупнейшего специалиста по бронзовому веку Евразии, профессора Г. Парцингера. “А.Д. Резепкин предполагал, что новосвободненский вариант майкопской культуры появился под влиянием культуры воронковидных кубков, особенно из областей культуры Михельсберг, а столь характерная для Новосвободной чернолощенная керамика была стимулирована западным импульсом, что было отклонено (вариант перевода: опровергнуто. – С.К.) дальнейшими исследованиями. Даже если и существовали какие-то неясные связи, все же можно исключить решающую роль Центральной Германии в культурном развитии степной зоны Северного Кавказа” (Парцингер, 2013. С. 29).

Подведем итоги. Монография А.Д. Резепкина является важным источником по археологии раннего периода бронзового века Предкавказья; она содержит уникальные материалы из раскопок автором могильника “Клады”. Вместе с тем для печати текст работы остался “сырым”. Вероятно, для издания книги необходима была бы научная редакция, но к сожалению, научного редактора издания нет, а рецензенты монографии ничем автору не помогли.

Стремление выделить особую новосвободненскую культуру вступает в противоречие с рассуждениями самого А.Д. Резепкина, который пишет: “на третий, поздний новосвободненский этап майкопской культуры приходится расцвет развития Триполья С-II” (с. 86). Так значит, понятие “майкопская культура” и ее “новосвободненский этап” автор оставляет в силе как правомерные.

Новосвободненская группа, конечно, имеет своеобразие, прежде всего, в керамическом комплексе и погребениях в двухкамерных гробницах. Она отчетливо выделяется по своим диагностическим типам лепной посуды именно на позднем этапе, т.е. в “горизонте гробниц” в предгорной Адыгее на высоте от 300 до 600 м. В Центральном Предкавказье синхронно ей развивалась группа долинского варианта МНО, имевшая принципиальные отличия от новосвободненской группы в разных формах охристой плоскодонной керамики из теста без минеральных примесей, а также в металлокомплексе (Кореневский, 2011).

Пути сложения этих двух групп населения Предкавказья были неодинаковы (хотя мы сейчас не можем о них говорить в деталях), но контакты между группами очевидны (Кореневский, 2004, 2008, 2011). Поэтому объединение их в одну новосвободненскую культуру неправомерно, если исходить из того, что культура имеет свои диагностические типы вещей, пути формирования, даже если последние отражали многокомпонентные процессы. В силе остается прежнее представление об общности памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц (точка зрения Е.И. Крупнова, А.А. Иессена, Р.М. Мунчаева), как о майкопско-новосвободненской общности с делением ее на типологические варианты¹¹.

¹¹ По сути такое выделение группировки в рамках кубанских и терских памятников не ново. Ранее для уточнения формальной внутренней терминологии майкопской культуры уже было предложено рассматривать новосвободненскую группу и долинский вариант МНО как ее долинско-новосвободненскую разновидность (ветвь или общность) в отличие от галюгаевско-псепкупской разновидности (ветви, общности) майкопско-новосвободненской мегаобщности (Кореневский, 2008. С. 75), но с сохранением индивидуальности в происхождении каждого из составляющих ее культурных комплексов.

¹⁰ Мне трудно описывать технологию такого орнамента, судя только по рисункам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Відейко М.Ю. Нова хронологія Кукутені – Трипілля. // Трипільська цивілізація у спадщині України / Ред.И. Черняков. Київ: Просвіт, 2003. С. 106–117.
- Дергачев В.А. Два этюда в защиту миграционной концепции // Рождение Европы. Stratum plus. 2000. № 2. С. 188–236.
- Дергачев В.А. О скипетрах. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас / Ed. E. Sava. Chişinău, 2005. 166 p. (Revista arheologică. Ser. nouă. V. I. № 2).
- Иессен А.А. К хронологии больших кубанских курганов // СА. 1950. XII. С. 157–202.
- Иессен А.А. Майкопская культура и ее датировка // Тезисы докладов на заседаниях ИА АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М.; Л.: ГЭ, 1962. С. 20.
- Кондрашов А.В., Резепкин А.Д. Новосвободненское погребение с повозкой // КСИА. 1988. Вып. 193. С. 91–97.
- Кореневский С.Н. О металлических топорах майкопской культуры // СА. 1974. № 3. С. 14–32.
- Кореневский С.Н. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи / Ред. П.У. Аутлев. Майкоп: Адыгейский НИИ ЭЯЛИ, 1988. С. 86–104.
- Кореневский С.Н. Rezekin A.D. Das frühbronzezeitlich Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien (Archäologie in Eurasien. Bd.10). Rahden/Westf.: Verlag Marie Leindorf, 2000. 259 S. // РА. 2002. № 4. С. 170–175.
- Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 244 с.
- Кореневский С.Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. Сб. ст. к 80-летию Р.М. Мунчаева / Ред. Н.Я. Мерперт, С.Н. Кореневский. М.: Таус, 2008. С. 71–122.
- Кореневский С.Н. Черенковые кинжалы майкопско-новосвободненской общности и проблема локальных вариантов ее металлообработки // МИАСК. Вып. 10. / Ред. Е.И. Нарожный. Армавир, 2009. С. 15–44.
- Кореневский С.Н., Калмыков А.А. Энеолитический скипетр-уток из Ставрополя // РА. 2010. № 4. С. 110–119.
- Кореневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология, историко-культурный аспект. М.: Таус, 2011. 336 с.
- Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М.: Наука, 1957. 175 с.
- Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 415 с.
- Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Ред. К.Х. Кушнарева, В.И. Марковин. М.: Наука, 1994. С. 158–225.
- Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., Магомедов Р.Г. Восточный Кавказ и проблема кавказско-месопотамских связей в IV–III тыс. до н.э. // Исследования первобытной археологии Евразии. Сб. ст. к 60-летию Х.А. Амирханова / Ред. М.С. Гаджиев и др. Махачкала: Наука ДНЦ, 2010. С. 316–334.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. Тель Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. М.: Палеограф, 2004. 486 с.
- Парцингер Г. Особенности культурных воздействий от Волги до Рейна в эпоху бронзы // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое-первое тысячелетия до н.э. Каталог выставок. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 23–47.
- Резепкин А.Д. Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней и средней бронзы. Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1989. 24 с.
- Резепкин А.Д. Курганы 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья / Ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1991а. С. 161–197.
- Резепкин А.Д. Проблема генезиса майкопской культуры // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Материалы междунар. симпозиума “Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла” / Ред. К.Н. Пицхелаури и др. Тбилиси: Мецниереба. 1991б. С. 72–77.
- Резепкин А.Д. Культурно-хронологическая ситуация на Северном Кавказе в эпоху энеолита–ранней бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита–бронзы Средней и Восточной Европы. Материалы конф. и дискуссии (Саратов, 21–25 августа 1995 г.). (Археологические изыскания. Вып. 25) / Ред. В.С. Бочкарев и др. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 59–62.
- Резепкин А.Д. К проблеме соотношения хронологии культур эпохи энеолита – ранней бронзы Серного Кавказа и Триполья // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. Материалы конф., посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Иессена / Ред. Ю.Ю. Пиотровский СПб.: ГЭ, 1996. С. 50–54.
- Резепкин А.Д. Поселение эпохи ранней бронзы Чишхо и некоторые аспекты происхождения и хронологии майкопской культуры // Археолог: детектив и мыслитель. Сб. ст., посвященный 77-летию Л.С. Клейна / Ред. Л.Б. Вишняцкий и др. СПб.: Изд-во СПб ГУ, 2004. С. 422–436.
- Резепкин А.Д. Поселение Новосвободненское // Археология Кавказа и Ближнего Востока. Сб. ст. к 80-летию Р.М. Мунчаева / Ред. Н.Я. Мерперт, С.Н. Кореневский. М.: Таус, 2008. С. 156–170.
- Рындина Н.В., Равич И.Г. О металлопроизводстве майкопских племен Северного Кавказа (по данным химико-технологических исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 4–20.
- Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Сообщения научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М., 1974. С. 23–173.
- Столяр А.Д. Поселение Мешоко и проблема двух культур Кубанского энеолита // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам научной работы Государственного Эрмитажа за 1963 год. Л.: ГЭ, 1964. С. 31–32.
- Чайлд Г. У истоков Европейской цивилизации / Ред. Т.С. Пасек. М.: Иностран. лит., 1952. 466 с.
- Häusler A. Die Mäikop-Kultur und Mitteleuropa // ZA. 1994. V. 28. № 2/94. S. 247–259.
- Korenevskij S. N. Majkopska kultura na sjevernom Kavkazu // Godišnjak/Jahrbuch. Sarajevo, 2012. V. 4. P. 7–36.
- Kossian R. Nichtmegalithische Grabanlagen der Trichterbecherkultur in Deutschland und den Niederlanden. Haale (Saale): 2005. 793 S.
- Rassamakin Y., Menotti Fr. Chronological development of the Tripoye culture gantsettlement of Talianki (Ukraine): 14 C Dating VS Pottery Typology // Radiokarbon. 2011. V. 53. N 4. P. 645–657.
- Rezekin A.D. Das frühbronzezeitlich Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien (Archäologie in Eurasien. Bd.10). Rahden/Westf.: Verlag Marie Leindorf, 2000. 259 S.

**Казарян А.Ю. ЦЕРКОВНАЯ АРХИТЕКТУРА СТРАН ЗАКАВКАЗЬЯ
VII ВЕКА: ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИИ.****М.: Locus Standi, 2012–2013. 4 т. Т. I (2012). 388 с.; Т. II (2012). 640 с.;
Т. III (2012). 690 с.; Т. IV (2013). 340 с. Ил.**

В последние годы “физический” объем научного издания, количество гляцевых иллюстраций в нем, наличие мощного переплета, дизайнерского макета и прочего сильно девальвируются. Все перечисленное не воспринимается более как признак фундаментальности работы – слишком много разрозненных, неподъемных томов дарят начальству и разносят по пригородным электричкам. Ученые все чаще обращают внимание на небольшие, традиционных форматов, и не слишком роскошно оформленные книги – зачастую только они содержат новые данные, глубокие анализы и серьезные мысли. Книга Армена Юрьевича Казаряна может показаться относящейся к числу первых: ее не положишь в портфель, чтобы читать в метро, и даже от магазина до дома ее желательно везти на машине – это четыре толстеньких, почти квадратных тома *in quarto*. Однако первое впечатление обманчиво. Перед нами исключительно основательное, трудоемкое и при этом вполне оригинальное по замыслу исследование, несколько лет назад положенное в основу докторской диссертации автора (получив архитектурное образование в Армении, он работал в реставрации, а позже учился в Москве у выдающегося исследователя архитектуры средневизантийского периода А.И. Комеча). Автор хорошо известен в среде историков византийской архитектуры как России, так и Запада, и, разумеется, Армении хотя бы по большой монографии о соборе Эчмиадзина (Кафедральный собор Сурб Эчмиадзин и восточнохристианское зодчество IV–VII веков. М., 2007).

Армен Юрьевич строит изложение по историко-хронологическому принципу, переходя от эпохи рубежа VI–VII вв. (начало расцвета в строительстве Армении, время распространения купольных храмов и активной деятельности католиков Иоанна Багаранци и Комитаса Ахцеди) к эпохе расцвета (два крупных раздела по архитектуре второй четверти и середины VII в., посвященных композиции и стилистике храмов эпохи византийского императора Ираклия и проблеме рождения нового стиля в русле архитектурных идей армянского католика Нерсеса Строителя). Затем следует очень важный третий период (соответственно и том) о памятниках Армении, Восточной Грузии и Кавказской Албании последней трети VII – начала VIII в., когда из долин, оказавшихся в зоне досягаемости набегов арабов, строительство переносится в предгорья и на возвышенные плато. Хотя количественно в 670–690-е годы церковью становится больше, это время завершения классической традиции, начало которого ознаменовано достижениями правителя Армении Григора Мамиконяна, строителя собора в Аруче и ц. Зорава, и более поздними шедеврами архитектуры Армении (Сисаван и Талин) и Грузии (Цроми и Самшвилде). Зодчие, оказавшись вне сферы обмена идей ведущих архитектурных центров, переходят к воспроизведению ранее освоенных типов (что характерно для средневизантийского периода в целом), появляются признаки близкого упадка, вслед за которым в связи с ужесточением арабского ига наступает полутрагический перерыв в строительстве. Если в первых трех томах анализ базируется исключительно на рассмотрении памятников “классической” традиции, то четвертый посвящен особенностям “провинциального” зодчества Закавказья (об этих дефинициях см. ниже). Сюда же отнесены завершающие выводы по типологии, строительной технике и развитию сти-

ля в архитектуре VII в., а также значительный аппарат: большое резюме на английском языке, списки иллюстраций и литературы, указатели.

Нужно отметить, что композиция труда оригинальна: в ней сочетается принцип свода памятников с методом аналитической интерпретации, причем материалы каталога широко включены непосредственно в изложения. При этом сам каталог не вынесен в отдельный том (как можно было бы ожидать), а распределен по соответствующим главам–томам, хотя и с сохранением сплошной нумерации (всего 123 объекта). Анализ включенных памятников, изученных, как правило, *de visu*, обмеренных, подробно отснятых, реконструированных самим автором (конечно, с привлечением и архивных материалов), становится рабочим инструментом и служит основой дискуссии. Благодаря этому выводы автора обретают исключительную весомость и доказательность.

Сам по себе каталог столь же незауряден и может смело именоваться сводом памятников. Его статьи строго структурированы: архитектурный тип – функция и посвящение – историческая топография – современная топография – исторические сведения – библиография – сохранность и реставрация – строительная техника – композиция и вопросы реконструкции – убранство – датировка и атрибуция – литература. Таким образом, каталог построен так, чтобы представить объекты исчерпывающе, и в этом смысле свод имеет право именоваться археологическим. Материал по некоторым памятникам столь нов и объемен, что, собственно, из каждой статьи можно было бы сделать небольшую монографию – тем более, что и визуальных данных для этого более чем достаточно.

Трудно представить, что все это – дело рук одного ученого. Несомненно, такой ученый должен быть подлинным тружеником. Исследуя памятники в бесчисленных поездках Армен Юрьевич собрал такое множество графического, обмерного и фотографического материалов для каталога, что создал абсолютно необходимую для построения фундированной истории искусства “критическую массу” достоверных археологических сведений о строительной технике, резьбе, маркировках, размерах строительных элементов и других деталях (таких, например, как исключительно полное собрание меток на каменных блоках, позволяющих составить карту перемещений каменотесов в пространстве). Фактически, перед нами подробнейшая энциклопедия архитектуры христианского Закавказья конца VI – начала VIII в., превосходящая по методическому подходу все известные к настоящему времени труды и, несомненно, способная выдержать сравнение с любым из корпусов архитектуры, существующих в западной науке.

Недаром в исследовании постоянно проступает источниковедческая линия, что делает его особенно важным и для археологов, и для историков искусства. Это необычный, но очень точный аналитический прием, который с большим успехом можно применить и при исследовании других традиций: с самого начала за круг архитектурно-иконографического исследования выведены памятники крайне простых типов (часто – из необработанного камня), построенные в горных областях. Памятники сознательно делятся на “классические” и “провинциальные”. Последние в прошлом пытались рассматривать как древнейшие, возводя к ним генетические линии “местных”,

“автохтонных школ”. Но, по мнению А.Ю. Казаряна, только “классические” постройки могут выразить линию самостоятельного развития зодчества и отразить его связь с мировым архитектурным процессом (в то время как храмы глухих провинций просто ориентированы на “классические” постройки как на образцы).

Замечательно, что каталог существует не в отрыве от интерпретации – напротив, он структурирует ее пространство. Ведь во многих областях византийской и не только истории архитектуры до выхода рецензируемой работы господствовал подлинный хаос хронологических представлений, усугубляемый волонтеризмом построения типологии и установления взаимосвязей между группами и отдельными памятниками. Теперь в них введен известный порядок, но при этом (что естественно) старые конструкции пришлось полностью перебрать, и последовательность развития выглядит во многом по-новому.

Не менее основателен, и к тому же крайне актуален, историко-теоретический контент труда. VII в. – ключевой для развития архитектуры Армении, Восточной Грузии и Кавказской Албании, а следовательно, – и для более поздних периодов. Именно в это время сложились основы художественного стиля архитектуры этих территорий, а также местные оригинальные типы зданий – прежде всего, христианских храмов. Это эпоха первого подлинного расцвета монументального церковного зодчества – мощной ветви на стволе раннехристианского зодчества Византии. Не удивительно, что ее памятники, и в первую очередь архитектурные шедевры, хорошо известны специалистам. Но закавказская архитектура VII в. в значительной степени разделила общую судьбу византийской: искусствоведение долго не могло найти для нее подобающего места в общей истории средиземноморской культуры. Положение изменилось только в последние 20–30 лет, вслед за большими (поистине всемирными) выставками искусства Византии. Соответственно, до недавнего времени оставалось неясным и место архитектуры стран Закавказья в общей картине культуры. Что это? “Протуберанец” восточной дохристианской традиции? Отдаленная периферия римского архитектурного процесса на окраинах (и за границей) империи?

К делу примешивались внеученные воздействия, особенно идеологические. Развитию интерпретационной работы препятствовала и недостаточность источников, прежде всего археологических и вообще натурных: далеко не все памятники христианского Закавказья и в настоящее время являются легко доступными, в том числе и по геополитическим причинам. А.Ю. Казарян напоминает, что уже 100 лет назад делались попытки интерпретировать раннюю христианскую архитектуру Закавказья как единый поток (Н.Я. Марр), получившие развитие в широко известных трудах западных ученых середины XX в. (Р. Краутхаймера, Д. Талбот Райса), а в России использовавшиеся при попытках построить стилиевую панораму (возможно, слишком широкую) общих тенденций в мировом зодчестве от античности до позднего средневековья (А.Л. Якобсон).

В то же время вкупе с социально-политическими процессами пресловутая “ориентальная” концепция Й. Стржиговского легла в основу представлений об автохтонности местных школ, в рамках которых и рассматривалось развитие отдельных групп памятников. Образу причудливую мозаику, эти части упорно не желали складываться в одно целое, да и сами рамки групп все меньше могли удерживать как напор новых фактов, так и воздействие общих изменений в движении концепций византийского искусства. Важно, что А.Ю. Казарян возвращается к “правильным” истокам и сознательно не пытается отделить памятники или их группы один от другого по принципу включенности в рамки границ существующих на сегодняшний день

(или, скажем, на начало XX в.) государственных образований Закавказья, а восстанавливает единое пространство, хотя и подчеркивая (на мой взгляд, вполне закономерно и справедливо) особую роль Армении в развитии закавказской архитектуры.

За последние десятилетия стали заметны тенденции к расширению картины и включению всей архитектуры Закавказья в состав византийского зодчества; аналогичным образом развиваются исследования, касающиеся всей архитектуры Северного Причерноморья. Далеко не все из них имели по-настоящему фундированный характер, многие были основаны на частных наблюдениях или поверхностных интерпретациях. Но, так или иначе, они отразили стремление современной истории культуры разрешить один из “проклятых вопросов”.

Поэтому так важен выход монографии Армена Юрьевича Казаряна, создавшей прочную основу не только для авторских интерпретаций, но и для пересмотра общего подхода к истории архитектуры Армении другими исследователями. Автор смог собрать исчерпывающий натурный (в том числе археологический) материал, но не ограничился этим, решительно преодолел расстояние от типологического метода и стилиевого анализа до архитектурной иконографии. Это очень важный и смелый, но и рискованный шаг. Сегодня стали уже привычными представления об *аддитивном* (термин Р. Оустерхаута) характере всей средневизантийской архитектуры, рассматриваемой как бесконечный (хотя по-своему мастерский) розыгрыш немногих, но устойчивых архитектурных решений, рождающихся иногда чуть ли не случайно, под влиянием конкретных обстоятельств. Но, по мнению Армена Юрьевича, разнообразие пространственных композиций храмов Закавказья не могло быть достигнуто в результате такого (сколь угодно творческого) переосмысливания традиционных или даже вновь привнесенных образцов. Для него метод соединения давно усвоенных или копийных элементов с включением их в традиционную схему не мог быть достаточным. Необходимо было такое качество, как креативность, и комбинаторное мышление “строителей-творцов” оказывается гораздо сложнее. Оно предполагает способность осознанного выбора для дальнейшего развития одной или нескольких особых черт памятника-образца (причем не обязательно конструктивных) и, фактически, выводит мастера на уровень современного архитектурного сознания.

Признаться, общее представление о той зоне ответственности в средневековом строительстве, которая несколько позже, в силу исторических обстоятельств, будет взята на себя зодчими, генетически связанными с Арменией VII в. (их участие в формировании исламской архитектуры – сельджукская Малая Азия и Крым, османский Стамбул, некоторых областей Южной и Восточной Европы, не говоря уже о развитии армянской и грузинской национальных архитектурных традиций), делает такой подход, по меньшей мере, допустимым. Следует принять во внимание и то, что характеристика строительства после иконоклазма далеко не всегда может быть приложена к более раннему периоду: как известно, для классического Ближнего Востока эпохи эллинизма и римского господства креативный подход в архитектуре, при наличии соответствующего заказа, был чрезвычайно распространен (достаточно вспомнить об Ироде Великом). Таким образом, Армен Юрьевич Казарян строит своего рода мост, призванный перекрыть “провал” средне- и поздневизантийского периода, соединив при посредстве строителей Закавказья ближневосточную античность с поздним Средневековьем и Ренессансом в Европе. Недаром он широко привлекает к анализу архитектурные памятники не только Византии, но и Востока в целом (Иран), обнаруживая незаурядные знания и в этой области, причем основанные не только на знании литературы – автор судит о многих объектах, исходя из непосредственного опыта. В построениях А.Ю. Ка-

заряна работа по определению места закавказской архитектуры в культуре Средиземноморья и Переднего Востока вообще играет значительную роль.

Достаточно необычно и то, что весь текст А.Ю. Казаряна, начиная со вступления, – род основательно подготовленной, непрерывной и острой по существу дискуссии. Рассмотрев воззрения своих многочисленных предшественников, автор обозначает возникающие противоречия и демонстрирует сохраняющиеся проблемы, а затем предпринимает усилия для их решения, обращаясь к методическому опыту современной архитектурной медиавистики, до сих пор мало освоенному коллегами, работающими на материале архитектуры Закавказья.

Конечно, не все гипотетические построения можно считать доказанными. Так, потребуется гораздо больше доказательств присутствия “изобразительных” форм в архитектуре VII в. (таких, как “царская корона” у купола с зигзагообразным карнизом в Эчмиадзине). Но у автора, собравшего подобный свод, нельзя отнять права на дополнительные гипотезы. Могут возникнуть и проблемы с использованием каталога – у тех, кто привык мыслить исключительно типологическими

общностями. Ведь А.Ю. Казарян, опираясь на фундаментальный свод, отказывается (причем сознательно и решительно) писать “истории типов в строительстве”, предпочитая им собственно историю архитектуры, погруженную в культурную историю региона и, соответственно, распадающуюся на ряд последовательных “томограмм”, временных срезов, в которые попадают памятники разных типов. Конечно, движение разнесенных по томам-главам памятников одного и того же типа рисуется не столь наглядно, как это удалось бы сделать на примере типологических таблиц. Однако для прилежного и ориентирующегося в материале читателя это компенсируется тем, что автор обращается к генезису типов и истории их развития в аналитической части работы.

Значение незаурядного труда А.Ю. Казаряна выходит за пределы изучения архитектурной традиции Закавказья, для которой он призван стать одним из краеугольных камней. Четырехтомник станет одной из опорных точек и в общей картине архитектуры и археологии раннехристианского Восточного Средиземноморья, византийского и средневекового искусства. В методическом отношении он, безусловно, окажется полезным для всех тех, кто изучает древнюю архитектуру.

Институт археологии РАН, Москва

Л.А. Беляев

Levandauskas, Vytautas. LIETUVOS MŪRO ISTORIJA. Kaunas: Vytauto Didžiojo universiteto leidykla, 2012. 465 p., il.

Издательство университета Витовта Великого в г. Каунас выпустило в свет капитальное исследование историка архитектуры Витаутаса Левандаускаса. Оригинально уже название книги, которое, вероятно, следует перевести на русский язык как “Историю каменной кладки в Литве”, но можно буквально и короче – “История литовской стены”. В. Левандаускас, действительно, изучает именно кладки стен и сводов монументальных зданий с момента их появления в XII–XIII вв. на землях будущего Великого княжества Литовского и до середины XX в. Его интересуют преимущественно сами стены, но зато интересуют всесторонне. Ученый и исследователь архитектуры, В. Левандаускас занят в первую очередь технологией производства строительных материалов; техникой возведения стен и сводов (включая возведение временных конструкций); элементами отделки (но не декора как такового); видоизменением всех этих элементов во времени.

Работа создана на основе трех групп источников: европейской строительной иконографии, опубликованных и архивных источников, натурных обследований. Строительная традиция Запада (Польша, Германия, Италия, Швеция) знакома автору *de visu*, а для литовских памятников он привлекает не только данные осмотров и обмеров, но и лабораторные анализы (физико-технические и физико-химические). Для анализа размеров кирпича и качества раствора разработаны специальные методики, дающие достаточно убедительные результаты.

Книги по истории строительной технологии известны давно: к ним, собственно, относится и знаменитый “Витрувий”, и многочисленные трактаты эпохи Ренессанса, и специальные разработки ученых XX в., хронологически и методически близкие труду Витаутаса Левандаускаса. Он знаком с ними и, следуя в мейнстриме, одновременно развивает подход П.А. Раппопорта, его белорусского ученика О.А. Трусова, во многом

сходного с ним по приемам Р. Оустерхаута и его западных коллег, например, Ж.-П. Эдэма и Р. Тэйлора (Раппопорт, 1994; Трусаў, 2001; Ousterhout, 1999; Оустерхаут, 2005; Adam, 1994; Taylor, 2003 и другие работы этих авторов; см. также Беляев, 2002. С. 184–189).

Но труд имеет ряд особенностей. Во-первых, это не столько интерпретационная работа, сколько своего рода обширное пособие для реставратора, информационно чрезвычайно богатое, и в то же время строгое с точки зрения комплексности исследования. Во-вторых, В. Левандаускас – глубокий знаток предмета, представляющий его гораздо шире, чем предполагает название, и владеющий не только приемами историко-архитектурного, но и технологического-строительного анализа, последним, возможно, даже в большей степени, чем первым. Во-вторых, он применяет архитектурно-археологический подход ко всей хронологической толще исследования – от самого зарождения в XII в. до начала блочного строительства в XX. В русской литературе мне не известно аналогичного труда, хотя “в разбивку” все приемы, используемые В. Левандаускасом, знакомы и современным русским аналитикам-реставраторам (назову не столь всеобъемлющие, но крайне полезные работы: Киселев, 1990; 2005; Чернышев, 2007 и др.).

Монография включает пять глав, Вступление, Заключение и Приложения. Структуру глав сам автор характеризует как не вполне традиционную, так как, стремясь развернуть работу лицом к охране культурного наследия и реставрации, он изучает процессы хронологические, от зарождения до расцвета технологий, но при этом движется по нескольким направлениям, раздельно разбирая вопросы производства и типы материалов, строительное оборудование, инструментальный и конструкции. Можно сказать, что к тем или иным сторонам строительной технологии автору приходится обращаться снова и снова в более чем 20 хронологических подразделах книги, но это оку-

пается простотой ее применения как справочника и возможностью подчеркнуть детали развития.

Автор поочередно обсуждает использование валунов; процесс производства кирпича (добычу глины и других составляющих, формовку, сушку и обжиг); его технологические, археометрические и визуальные особенности (расчеты и борозды, знаки и надписи, размеры и профили); производство извести (добычу и дробление известняка, обжиг и гашение) и особенности и свойства раствора. Особые главы посвящены инструментарию каменщиков, использованию камня в архитектуре Литвы и развитию кирпичной кладки (перевязка кирпича, типы арок, ниш и проемов), сводам и куполам, отделке и декорации из кирпича и раствора. Отдельно рассматривается фахверк – смешанная кладка с применением деревянных балок. К работе приложен словарь строительных терминов и архивные документы в переводе на литовский язык с польского и русского, в том числе много ранее не публиковавшихся чертежей.

В историографическом очерке рассматривается литература, связанная с историей строительства в Литве и восходящая к немецким и российским изданиям второй половины XIX в., в межвоенный период – к местным литовским и польским авторам, реставраторам и археологам, особенно исследователям замков. В. Левандаускас признает, что специальное изучение строительной техники как научное направление возникло в Литве только после Второй мировой войны, но почему-то связывает его с началом политической “оттепели” и считает нужным подчеркнуть, что Литва в это время была изолирована от европейского научного процесса. Ему представляется, что главными факторами науки в это время стали потребность национального возрождения в условиях “оккупации”, стремление лучше осознать свои культурные особенности, научно оценить их, прибегнуть к защите памятников как к методу национальной самоидентификации. В этом процессе ему видится позитивной только роль соседней Польши, действительно много сделавшей для восстановления разрушенных памятников истории, а абсолютно передовые для того времени методики архитектурно-археологического исследования, разработанные на памятниках Гродно и Волыни русскими учеными (школа Н.Н. Воронина и П.А. Раппопорта), хотя и рассматриваются, но оцениваются не так высоко, как это принято даже в современной западной науке.

Первым серьезным историком литовского строительного дела В. Левандаускас называет исследователя архитектуры XIII–XVI вв. С. Абрамаускаса (Stasys Abramauskas) и его преемников, работавших в 1970-х годах на конкретных памятниках или изучавших историю технологии. В части исследования региона и г. Клайпеда отдается должное работам таких исследователей, как В. Жулкус (Vladas Žulkus), Й. Таторис (Jonas Tatoris); подчеркивается, что исследования поздней строительной традиции (барокко, классицизм, историзм) начались только с рубежа XX–XXI вв.

Источники подразделяются автором на пять групп, при этом выделяются 1) письменные (архивные) документы; 2) ранняя литература по строительному делу; 3) иконография; 4) неопубликованные исследования (диссертационные и другие научные работы, предпроектная реставрационная документация); 5) сами памятники. Отмечу, что позиции 1, 2 и 4 составляют одну общность письменных источников и их излишнее дробление только запутывает дело (что отчасти признает и автор, подчеркивая скудость архивных данных по строительным технологиям, особенно для раннего периода, их малую достижимость в силу разбросанности по разным документам и местам хранения – Государственному историческому архиву Литвы, отделу рукописей библиотеки Литовской академии наук, областному архиву г. Каунас, архивам г. Санкт-Петербург

и др.). Важно, что автор был существенно ограничен и в сборе натурной информации: в значительной степени он опирается на наблюдения и обмеры неоштукатуренных кладок (чердаки, подвалы, лестничные марши) и лишь изредка – на данные зондажей. Пробы для анализа раствора взяты, в том числе, из фундаментов, стен, сводов, куполов и опор, а также с фасадов стен и из подготовки под фреску и сграфитто.

Для демонстрации взаимосвязи европейской и литовской строительной практик, а также их связи с архитектурной теорией автор использует труды классиков архитектуры итальянского Ренессанса, указывая, что трактат Витрувия, занимавший умы архитекторов и теоретиков Ренессанса, был известен в Польше уже в XV в., а, значит, текст или комментарии к нему могли проникнуть и в Литву. Собственно, литовская литература по изучаемой теме зародилась только в эпоху Просвещения, и строительство средневековой Литвы не отражено в графике того времени. Но В. Левандаускас собрал такой объем визуальной информации по общеевропейской строительной традиции (миниатюры хроник, ранняя гравюра, иллюстрации к Библии, чертежи и иная проектная документация, энциклопедии и строительные справочники из коллекций Британии, Голландии, Франции, Австрии и США), что она компенсирует недостаток данных не только исследователям Литвы, но и ученым, занимающимся историей строительных материалов в России.

Материал натурных обследований памятников распределен довольно равномерно по стилям и периодам, хотя памятники нового времени, конечно, многочисленнее (10 зданий “предготического” периода, 23 – готики, 26 – Ренессанса, 36 – барокко, 18 – классицизма, 10 – романтизма, 33 – историзма и модерна). Для археологов интереснее две первых и часть третьей группы, далее наступает Новое время. Но цельность линий развития, демонстрируемая автором, убедительна, и невозможно отрицать, что поздний материал найдет применение в практике современной археологии, много работающей с позднейшими слоями и архитектурными объектами.

Первая глава (“Начало каменного строительства в Литве”) изучает вопрос о времени появления и типах первых монументальных построек. Балтские племена Северной Литвы не были с ними знакомы до конца XII в. (первый контакт фиксирует Ливонская хроника). Но в южной части Литвы, в Гродно, входившем в состав Древнерусского государства, каменные здания строились с XII в. и в середине XIII, с образованием Великого княжества Литовского, литовцы восприняли и сохранили это ценное наследие. Окончательно обосновавшись в Гродно, они возвели новую (“Верхнюю”) церковь в Замке, поставив ее на руины “Нижней”. В. Левандаускас допускает, что это первая или одна из первых каменных построек, принадлежавших Великому княжеству Литовскому. В самой Литве каменные здания XIII в., возможно, есть в Вильнюсе: остатки квадратной в плане постройки под Вильнюсским собором, открытой Н. Киткаускасом (Napalys Kitkauskas) и отождествляемой с первым городским собором князя Миндовга середины XIII в. (пожалуй, без достаточных оснований), и каменное квадратное основание соборной звонницы (ранее – часть оборонительной башни).

Таким образом, литовцы и жившие в Литве балты познакомились с каменными зданиями в конце XII в., но строить их начали не ранее XIII. Видимо, техника кирпичной кладки была принесена в Литву князьями Древней Руси, построившими церкви в Гродно, Полоцке и других городах (интересно, что В. Левандаускас предпочитает не говорить о государствах XII–XIII вв., каковыми, безусловно, являлись древнерусские княжества). По мнению автора, в Литве можно ожидать “встречи” двигающихся с юга, из Византии, кирпичных зданий с прибал-

тийской традицией строить из камня, известной неподалеку, например, на о. Готланд.

Глава вторая (“В камне и в дереве”) исследует строительные механизмы и строительные леса; деревянные обрамления проемов и фахверк; структуру групп строителей. Дерево и камень оказываются здесь связанными в буквальном смысле слова. В историях строительной техники стал уже традиционным интерес к всевозможным лесам и подмостям, поскольку они дают возможность увидеть, так сказать, мастеров за работой. Обычно в средневековых лесах один конец горизонтальной балки уходил в кладку, а другой опирался на деревянную стойку, так что в кладке оставались отверстия. В Литве следы лесов есть уже в стенах первых замков, например в Крево (горизонтальные ряды отверстий с интервалом по вертикали 1.8–2.0 м поднимаются до самого верха сторожевой башни) и в стенах готических церквей (на западном фасаде ц. Св. Георгия, г. Каунас, ряды отверстий, 20 × 20 см, идут через каждые 2.4 м, с шагом 1.7–2.0 м, вплоть до карниза – вероятно, на них лежал рабочий настил для строительства кровли).

Не менее яркое представление о строительных лесах и механизмах дает обширная иконография (включая две уникальные фрески из церкви Пажайслисского монастыря эпохи барокко). Средневековая лебедка и ворот были похожи на современные краны с вращающейся стрелой. Автор приводит схематичное изображение подъемного механизма на триптихе Костела Бернардинцев во Вроцлаве (правая часть ретабля алтаря, около 1430–1440 гг.), где показано движущее колесо, и, особенно, на гравюре к III Книге Царств из “Библии” Франциска Скорины (Прага, 1518 г.) с сюжетом строительства Иерусалимского Храма. Здесь изображены даже два ворота с барабанами, стоящие на лесах. Позже, в конце XVII в., известный ученый Речи Посполитой, Станислав Сольский (Stanisław Solski), описал около дюжины строительных механизмов, включая подъемные.

Другой пример сочетания дерева и камня – деревянный ростверк в основании фундамента и деревянные горизонтальные связи, своего рода рамы в теле каменной кладки, известные в Литве с конца XIV – XV в. Они на время соединяли части кладки в монолит, обеспечивая устойчивость на слабых почвах и предохраняя от неравномерной осадки. Уложенные квадратными ячейками обвязки помогали ускорить строительство, так как стену можно было вывести до того, как раствор окончательно наберет прочность. Бревна для связей отесывали с двух или трех сторон, а иногда – под квадрат и прямоугольник, чтобы они лучше прилегали к камню; выходящие наружу торцы закладывали (замки Лишява и Каунас) или оставляли видимыми (фасады Тракайского замка). В готических зданиях деревянные связи использовали гораздо реже, чем в замках, но иногда они позволяли вывесить выступающие из стен компартименты (эркер “Дома Перкуна” в г. Каунас), усилить верх стены и т.п. Внутренние связи из дерева сохраняли и некоторые ренессансные здания Литвы (ими усилены стены дома на площади Ратуши (Rotušės a. № 10 в г. Каунас), но с этого времени связи все чаще делают металлическими.

Равноправное соединение камня и дерева обеспечивал фахверк или прусская кладка – своего рода брэнд средневековых германских земель: деревянная рама образует каркас, а промежутки заполняют кирпич, камень и даже глина. Большинство фахверков Литвы, особенно торговых (склады), сохранились в округе г. Клайпеда, где работали немецкие мастера из Ливонии и Пруссии; в других городах они крайне редки (дом № 16 на ул. Mūitinės в г. Каунас, рядом с домом Наполеона) также как в сельской местности. Автору удалось выявить до двух десятков зданий из фахверка в Užnemunė (округа Marijampolė и Vilkaviškis), в Жемайтии (округа Raseiniai и Клайпеда) и Се-

верной Литве (округа Биржай, Joniškis, Pasvalys, Radviliškis), где также сильно влияние германской строительной традиции.

Фахверк типичен для стран, где дерево встречалось реже и было дорого: балочные конструкции позволяли его экономить. Но в Литве и Пруссии, где лес был доступнее, фахверк столкнулся с сопротивлением местной традиции строить здания из цельного дерева. Кроме того, климат здесь более влажный и холодный, а фахверк хуже держит тепло, и для жилищ подходит странам с мягким климатом. Не удивительно, что его использовали в основном в служебных постройках, хранилищах, летних домах.

Третья глава (“Камень в литовской архитектуре”) рассматривает историю кладки из камня. В Литве нет залежей легкого в теске строительного камня, зато оставленные ледником валуны встречаются повсеместно и дешевы. Но их очень трудно обрабатывать. Обычно валун применяли в простых кладках и как бут, а в более сложных конструкциях – крайне редко. В Новое время валун шел только на фундаменты, но в эпоху романтизма и историзма вновь оказался востребован уже для фасадной декорации.

Ранние литовские кладки (XIII в.) – полубутового типа: внешний панцирь клали из кирпича или крупного (более 30 см) камня, а в заполнение пускали булыжник (только с началом XVII в., в эпоху Ренессанса, этот тип сменит сплошная кирпичная кладка). Во второй половине XIV – XVI в. валун шел в фундаменты, стены подвалов, усиливающие конструкции крепостных стен и жилых зданий. Готические оборонительные стены сооружали, чередуя ряды камня и кирпича, видимые с фасадов по всей высоте кладки (в местной специальной литературе это называют “литовской кладкой”).

Декоративные свойства камня, возможно, ценились в ранний период, но с началом готики его заменяет кирпичный декор, а позже – оштукатуренная поверхность, так что природный камень уходит с фасадов ренессанса и барокко. Но в эпоху подготовки национального возрождения, в XIX–XX вв., каменная кладка стала распространяться в церковных зданиях и усадебных домах как символ “фольклорности” и национальный признак. Из валуна и гальки клали фасадные художественные мозаики, в том числе в сельских домах поместий (Dukštas, округ Ignalina; Noriūnai, округ Kupiškis) и даже на фасадах церквей (Tiltgaliai, округ Panevėžys). С эпохи Ренессанса в литовской архитектуре встречаются, хотя крайне редко, песчаник и мрамор, импортированные итальянскими мастерами вместе с новой архитектурной традицией.

Две ключевые главы книги посвящены кирпичу и раствору. Глава четвертая охватывает технологии производства кирпича и способы кладки из него. Производство керамических строительных материалов в Литве до XIX в. почти не менялось: кирпич формовали вручную; сохранялся с XVI в. и тип обжигательного горна на 20 000–25 000 кирпичей (машинное оборудование для приготовления глины и формовки появится только к концу XIX в., также как и горны). Физические анализы и тесты показывают, что, несмотря на архаическую технологию, производимые материалы были высокого качества, прочны и устойчивы к холоду и влаге. Это достигалось точностью традиционной рецептуры и тщательным воспроизводством процесса.

Особая черта литовской строительной керамики – присутствие углубленных борозд, оставленных пальцами изготовителя на кирпиче или черепице. С XV (в ряде случаев и раньше) и до середины XVII в. бороздки (желобки) стали обязательным признаком кирпича почти всего Великого княжества Литовского. В русскоязычной литературе такой кирпич называют “пальчаткой”. Позднее он встречается реже, но все же в церковных

постройках попадаете вплоть до раздела Речи Посполитой. Интересно, что независимо от назначения здания пальчатку готических зданий всегда клали бороздками вниз.

Интерес для историков русского строительного искусства представляют также знаки и клейма на кирпичах, явно зависящие от древнерусской строительной традиции и, возможно, имеющие с ней общее (европейско-готическое) происхождение. Знаки (граффити по сырому) на торцах (в Литве приобретающие признаки геральдических) и клейма на постелях (звездчатые, крестообразные и др.) унаследует и московская позднесредневековая традиция, в середине XVII в. претворившая их в широко известные изобразительные и буквенные клейма (см. Беляев, 2006. С. 67–88; 2010. С. 12–24). Весьма показательно и появление с конца XIV в. в Литве латинских надписей на кирпичах (так, кирпичи храма Швянто Микалояус, Св. Николая, 1380-х годов, старейшего в Вильнюсе, сохранили граффити по сырому, в числе которых – латинский алфавит и текст, открывающийся словами псалма “*Hic duo latrones...*” (“Здесь двое разбойников...”).

Наиболее разнообразны в Литве, начиная уже с XIII в., кирпичные профилировки (не менее 150 типов), особенно характерные для финальной готики XVI в. В XVII в. разнообразие иссякает, остаются лекальные кирпичи для выкладки колонн зданий барокко и классицизма. В эпоху историзма профильный кирпич вновь входит в моду, однако уже не достигает разнообразия готической эпохи, в каждом здании можно теперь насчитать не более 10 разных профилированных форм. Работа В. Левандаускаса содержит отлично составленные таблицы-реконструкции всех известных форм профилированных кирпичей.

Много внимания В. Левандаускас уделяет и хронологии кирпича, обращаясь к его размерам. Все их разнообразие и главные тренды ему удалось ввести в таблицы и картограммы. Так, в таблице 4 собраны 200 усредненных и наиболее часто встречающихся форматов. Метод усреднения (чрезвычайно важный для массового и не очень стандартного материала, имеющего тенденцию к флуктуациям) автор разработал самостоятельно. Учитываются семь параметров – что существенно больше, чем обычно применяется в России для характеристики размеров кирпича. Берутся не только три традиционных замера в миллиметрах – 1) длина, 2) ширина и 3) высота, но и пропорциональные соотношения – 4) длина к ширине, 5) длина к высоте, 6) ширина к высоте и, наконец, 7) объем в кубических дециметрах.

Полученные промеры и соотношения образуют 42 группы, где даты постройки близки или тождественны, а временные промежутки составляют от половины (Средневековье) до четверти (Новое время) века. Получив таблицы средних размеров в каждой группе в пределах таких интервалов, автор счел возможным вычислять год строительства зданий с неизвестной датой как средний внутри интервала. То есть для здания с параметрами кирпича, характерными для первой половины XIV в. (1300–1350 гг.), условный год строительства – 1325. Этот, возможно, слишком механический подход к хронологии, вероятно, пригоден для общностей с большим количеством однородных памятников, но вряд ли сработает в более сложной историко-архитектурной ситуации.

Так или иначе, изменение размеров кирпича в Литве великолепно демонстрируется таблицей 7. Прежде всего, заметно значительное, хотя и постепенное уменьшение его объема, который на протяжении 500–600 лет падает примерно вдвое – от 3.9 (XIV в.) до 1.95 (XX в.) дм³. Но кривая, конечно, не плавная, а волнистая (рис. 141); например, во второй половине XV в. упавший было до 3 дм³ объем кирпича поднимается вверх –

к 3.9 дм³ (таблица 4) благодаря отдельным образцам огромного размера, достигающим 5 дм³ и более (максимум – 6.8). Работающим в Москве археологам такой огромный кирпич должен напомнить о невероятно тяжелых “двояручных” кирпичах и пустотелых декоративных деталях из керамики, известных в кладках собора Покрова на Рву. В век Ренессанса объем сократится до 2.7 дм³, в век барокко возрастет – до 3.6, в зданиях Вильнюса эпохи классицизма резко снизится до 1.8 дм³. Тенденцию к сокращению объема диктовал учет физических возможностей каменщиков и стремление рационализировать их работу.

По отдельности дрейф каждого размера имеет отличия, но отражает ту же тенденцию. Нагляднее всего это заметно по высоте кирпича (илл. 142). Она растет до конца XV в., достигая почти 10 см (92 мм), затем уменьшается почти вдвое (53 мм в первой половине XIX в.) и снова взлетает к стандартному значению (около 65 мм в XX в. постепенное уменьшение высоты кирпича характерно также для соседней Польши). Изменения длины и ширины кирпича в Литве имеют больше “отскоков” от гладкой кривой (например, узкие кирпичи готических зданий XV в.), но наименьшие значения длины и ширины также достигаются к XX в. (рис. 143, 144).

Оценками развития форм кирпича, по В. Левандаускасу, являются не только прямые промеры и вычисление объема (соответственно, и веса), но и пропорции. Как представляется автору, именно они диктовали линейные параметры. Особенно показательно отношение длины к ширине, которое строго зависит от типа перевязки рядов, художественных пристрастий к украшению фасадов и требований к качеству теста и обжига. Вплоть до середины XIV в. соотношение длины к ширине – меньше двух. У готических мастеров второй половины XIV – второй половины XVI в. кирпич узок и пропорция превышает два (2.1–2.2). В ренессансной традиции XVI в. это соотношение уходит к 1.94 и вновь восходит к двум в XVII. Среднее значение около двух (колебания – 2.1–1.96) сохраняют барокко и классицизм. Кирпич вновь сужается, и отношение будет устойчиво превосходить два, не достигая, однако, готических пропорций, только во второй половине XIX в., когда опять распространятся нештукатуренные фасады и потребуются более искусная декоративная перевязка (рис. 145).

Отношения “длина : высота” и “ширина : высота” меняются примерно так же: с середины XIII до XV в. они уменьшаются и останутся минимальными до второй половины XVI в.; в эпоху Ренессанса оба соотношения вырастут (максимум – в первой четверти XIX в.), затем снова уменьшатся и станут стандартными в межвоенный и советский периоды (рис. 146, 147).

В той же четвертой главе изучены приемы перевязки кладок в XIII–XVII вв. В стенах замков конца XIII – первой половины XIV в. кирпич использован только для отделки и в сложных конструкциях (углах, арках, ребрах сводов и т.д.), а также в венчающей части стены с бойницами для стрелков (южная стена замка в Лиде). Кирпичной кладки тут не более 15% от общего объема. Интересно, что кирпич для кладки отбирали (или производили) более прочный и толстый, чем для облицовки.

В замках второй половины XIV – начала XV в. кирпичные панцири образуют уже значительную поверхность и около 20–30% объема кладки стен. В частных и общественных зданиях готики кирпича еще больше – в нем выкладывали панцирь несущих стен над землей. Если в XIV–XV вв. кладка панцирей делалась в один и даже в полкирпича, то в XVI в. их клали уже в полтора кирпича и даже шире. Некоторые верхние части стен и узкие разделяющие конструкции между проемами (ширина – около 0.5 м) – целиком кирпичные. С использованием кирпича

строили не только панцири стен, но и аркбутаны, ступени и арки. Кроме того, в постройках он играл декоративную роль.

Ренессансные здания сохранили многие технологические достижения, накопленные готической кладкой, но постепенно чисто кирпичная кладка победила, камни сохранились только в контрфорсах и основаниях зданий. Строительная техника эпохи Ренессанса стала базой архитектуры нового времени: кладка без использования валунов; связи; конструкция арок, сводов и других элементов дожили вплоть до XIX в. Это было обеспечено прогрессом технологий в производстве кирпича.

Соответственно, в Литве развивалась и система перевязки кирпичных рядов, которые были тесно связаны с изменениями стиля. Древнейшие здания романской или византийской архитектуры строили, используя хаотическую, бессистемную перевязку кирпичей. “Монастырская перевязка” господствовала в доготических зданиях конца XIII – начала XIV в. “Фламандская кладка” второй половины XIV – первой четверти XVII в. – интегральная часть готической конструктивной системы, сохранявшейся и в раннем Ренессансе. “Английская кладка” (конец XVI – XX в.) характерна для архитектуры Нового времени. Английская и английская крестовая кладки часто использовались параллельно или даже одновременно, хотя английская перевязка считается более архаичной. В барокко и классицизме можно найти примеры кладки хаотичной (или, во всяком случае, с невыраженной системой), перевязка временами противоречива, встречается и фламандская система. В историзме архаическая монастырская кладка не вернулась – использовали английскую или английскую крестовую. Последняя господствовала в нештукатуренных фасадах, где были важны эстетические качества перевязки.

Высота рядов кирпича в кладке варьировала в зависимости от размера кирпича, качества раствора и перевязки. В замковых стенах первой половины XIV в. высота 10 рядов кирпича в среднем составляла 96 см. В поздних готических постройках этот размер, хотя и с вариантами, вырос и достиг, максимум, 111 см в первой половине XVI в., а затем стал постепенно уменьшаться и уменьшался до тех пор, пока не достиг 69 см в зданиях классицизма первой половины XIX в., немного вернувшись в эпоху историзма к 78–82 см, а затем устоявшись (рис. 191).

В этой же главе исследуются способы кладки арок, сводов и проемов в Литве; керамические конструкции покрытий, распространившиеся в эпоху барокко; кирпичная отделка и декор из кирпича (от замковых оград до кирпичного стиля начала XX в.).

Пятая глава (“Известь, кладочный раствор и штукатурка”) анализирует связующие на основе извести и их применение. Архивные документы и инструктивная литература позволили автору восстановить развитие технологии производства извести, способы ее получения путем обжига известняка и гидратации (гашения). Производство извести не особенно изменилось в Литве с XIII до XX в. Камень обжигали в архаичных маленьких печах неизменной конструкции, а производство росло за счет умножения самих горнов.

Автор получил 230 образцов кладочного раствора из зданий всех периодов. Используя специально созданный метод, он сравнил состав раствора и тип извести по пяти главным химическим показателям, выраженным в процентах: 1) потери при кальцинации; 2) нерастворимые фракции; 3) количество CaO ; 4) количество MgO ; 5) количество SO_3 . Как ведущие учитывались особенности связующего; особенности песка как наполнителя (модуль размера M_f по результатам гранулометрического анализа); соотношение извести и тощих добавок в готовом растворе.

Данные в таблице 5 (“Состав раствора”) и на диаграмме (рис. 333) обнаруживают очевидные тенденции, которые нужно учитывать при датировании. В древнейших памятниках Великого княжества Литовского (Гродно, XII в.) раствор – жирный, отощающие добавки составляют только 30–40% объема. В кирпичной (но не каменной) кладке наземных стен XIII–XIV вв. их уже 40–60%, в XV – начале XVI в. – до 65–75, а в XVII и больше – подчас до 80. Похожий или еще более тощий раствор – в памятниках позднего барокко, классицизма, романтизма и историзма (предел 85% достигнут около 1800 г.). По сути, это идеальная пропорция, найденная еще в XVII в.

Причина уменьшения доли извести в растворе – экономия дорогого связующего (для разных частей одного здания могли замешать раствор разного состава). В замках первой половины XIV в. для валунных кладок брали более тощий раствор, чем для кирпичных, а в готических и ренессансных постройках на таком растворе клали подземные части здания, сохраняя более жирный для стен. Это, действительно, допустимо технологически: испытания образцов показали, что прочность раствора не зависит напрямую от процентного соотношения извести и песка – важнее качество подготовки самой извести и соблюдение технологии смешивания, а также природные условия кладки.

Изменения касались не только общих пропорций, но и свойств наполнителя. В зависимости от близости источника материала, использовали речной песок или песок из карьеров. Изменения представлены в таблице 6 и диаграмме 334, показывающих общий дрейф к менее грубым сортам песка. Проверка подтвердила корреляцию между тенденциями к отощению раствора и уменьшению грубости наполнителя (рис. 335). Очевидно, что до конца готического периода корреляции между жирностью раствора и степенью грубости связующего нет, но столь же очевидна и тяга к тонким наполнителям и тощим растворам в эпохи Ренессанса, Барокко и Классицизма. Именно в пору Ренессанса для раствора специально подобрали мелкозернистые пески, составляя смесь с особой тщательностью. Возможно, за этим стоит требование Витрувия, советовавшего брать на одну часть извести три части песка из каменоломен или две части речного песка. В Средние века Витрувия еще не знали, зато с эпохи Ренессанса и до конца Классицизма его авторитет был непререкаем (во второй половине XIX в., с развитием научного подхода к производству и строительству, были установлены определенные технические нормы). Химический анализ показал, что в Литве XIII–XVII вв. как связующее использовали слабо или полностью погашенную известь, богатую или бедную магнием, иногда – с содержанием доломита (очень редко – чисто доломитовую). В XIII в. в раствор добавляли также тонко тертую керамику, но с XIV по XVI в. этой добавки уже нет (спорадически она встречается в постройках 1610–1630 гг. и позже). Гипс в Литве для растворов не употреблялся.

Не позднее XIV в. появляется гладкая штукатурка на основе извести, но покрытие ею интерьера и фасадов придет с эпохой Готики и, особенно, Ренессанса, когда она станет главным элементом отделки, полностью закрыв кладку. Штукатурку составляли из многих ингредиентов, обеспечивая устойчивость росписи. В ее раствор шли самые мелкие фракции песка; состав был очень тощим (1 : 0.7 – 1 : 1.8); средний пласт грунта под сграффито содержал древесный уголь и т.д. Штукатурку расписывали или окрашивали (с эпохи Барокко на менее заметных частях фасадов храма могли оставить подписи с сообщением года строительства и именами строителей). Важную роль играла штукатурка и в создании стиля классицизма. В конце XIX – начале XX в. появилась и штукатурка с грубой текстурой, выявляющая или имитирующая другие материалы (район Клайпеды, Жемайтия).

Автор подчеркивает, что изучение строительных технологий и материалов помогает датировать памятники и определить вклад литовцев в архитектурное наследие. Большая вариативность техники не дает точных датировок, но для общего стилистического датирования такие анализы очень важны. Авторские хронологические схемы включили 70 визуально читаемых признаков кладки. Некоторые из них определяются с помощью простого наблюдения и промера; другие требуют лабораторного анализа и сложных вычислений (состав раствора и штукатурки, гранулометрия, археомагнитные показатели) или не имеют строго фиксированных границ (10 рядов кладки). Удастся выделить продолжение привнесенных традиций, особенности работы местных мастеров и пр. Выделяются и уникальные примеры кладки, созданные литовскими мастерами и зависевшие от местных условий. Самые важные из них – литовская кладка готических замков; бороздчатый кирпич-пальчатка; уникальная по экспрессивности декоративная кирпичная готическая кладка (ц. Св. Анны в Вильнюсе, Дом Перкуна в Каунасе); народные формы декоративного искусства (мозаики из камней в зданиях эпохи Романтизма).

Особое значение имеет сводная таблица-диаграмма, в которой охарактеризованы основные черты каменной и кирпичной кладок (68 характеристик) на всем протяжении истории Литвы (по векам). Следует отметить, однако, что таблица, как и вся работа, сосредоточена именно на кладках, общего обзора строительных материалов Литвы в ней нет. Читатель не найдет рассказа ни о хорошо развитом в Литве производстве печных изразцов (печь – важнейшая малая форма архитектурно оформленного интерьера), ни о покрытии полов, ни о многих других элементах здания.

Труд В. Левандаускаса – настоящий подарок для тех, кто занят исследованием средневекового строительного производства не только Литвы или Центральной и Восточной Европы. Многие страницы, особенно в средневековой части, окажутся исключительно полезными для российских археологов, прежде всего для тех, кто работает в бывшей Пруссии (Калининградская обл.) и на северо-западе и западе домонгольской Руси, ведь география труда охватывает земли Великого княжества Литовского, включая многие города нынешней Беларуси. Кроме того, дискуссия о роли строителей из западнорусских и литовских земель в развитии русского зодчества до сих пор не закрыта и вновь поднимается всякий раз, как археологи

открывают остатки каменных зданий XIV–XVII вв. в Смоленске, Твери, Москве и других городах Центральной России, а также при обращении к истории отдельных строительных материалов, таких как кирпич.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А. (реп.) “Естественная история” византийской архитектуры: Ousterhout Robert, Master builders of Byzantium. New Jersey, 1999 // РА. 2002. № 1. С. 184–189.
- Беляев Л.А. Маркировка древнерусского кирпича как культурно-историческое явление // ΣΟΦΙΑ: Сб. статей по искусству Византии и Древней Руси к 70-летию А.И. Комеча / Ред. А.С. Преображенский. М.: Северный паломник, 2006. С. 67–88.
- Беляев Л.А. Романо-готический след в строительстве западных городов Руси (середина XII – первая треть XIII в.) // История: дар и долг: Юбилейный сб. в честь Александра Васильевича Назаренко / Отв. ред. Н.Н. Лисовой. М.: Изд-во Олега Обышко, 2010. С. 12–24.
- Киселев И.А. Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальным характеристикам. М.: Институт “Спецпроектреставрация”, 1990. 33 с.
- Киселев И.А. Архитектурные детали в русском зодчестве XVIII–XIX веков. Справочник архитектора-реставратора. М.: Academia, 2005. 496 с.
- Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб.: Наука, 1994. 140 с.
- Чернышев М.Б. Клейма на железе в русском строительстве XVII–XIX вв. М.: Институт Наследия, 2007. 252 с.
- Трусаў А.А. Манументальнае дойлідства Беларусі XI–XVIII стагоддзяў. Мінск: Лекцыя, 2001. 204 с.
- Оустерхаут Р. Византийские мастера-строители / Пер. Л.А. Беляева. Киев; М.: Корвин-пресс, 2005. 332 с.
- Adam J.-P. Roman Building: Materials and Techniques. Bloomington: Routledge, 1994. 360 p.
- Ousterhout R. Master Builders of Byzantium. Philadelphia, PA: Penn Press, 1999. 320 p.
- Taylor R. Roman Builders. A Study in Architectural Process. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 303 p.

19 КОНГРЕСС МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПО ИСТОРИИ СТЕКЛА. Г. ПИРАН (СЛОВЕНИЯ), 2012 г.

17–21 сентября 2012 г. в г. Пиран (Словения) прошел 19 конгресс Международной ассоциации по истории стекла, основанной в 1956 г. в Бельгии. Ее целью является объединение усилий археологов, искусствоведов, музейных хранителей, коллекционеров, химиков и технологов в области изучения истории стекла; его художественных достоинств; социальных, экономических и культурных аспектов стекольного производства; применения стекла начиная со времени его возникновения и до наших дней. Сейчас почти в каждой стране созданы свои стекольные общества, входящие на правах коллективных членов в международную ассоциацию. Россия не стала исключением: в 2011 г. в Москве на Международной конференции “Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время: изучение и реставрация” было учреждено Российское объединение историков стекла (РОИСт).

Начиная с 1958 г., Международная ассоциация по истории стекла, раз в три года в разных странах проводит международные конгрессы. Организаторами 19-го конгресса выступили Университет Приморья (г. Копер, Словения) и Научно-исследовательский центр Института средиземноморского наследия (г. Пиран, Словения) при финансовой поддержке культурных организаций Словении, Хорватии и Италии.

В работе конгресса приняли участие 192 исследователя из 32 стран (Австралия, Белоруссия, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Греция, Израиль, Италия, Корея, Люксембург, Македония, Нидерланды, Польша, Португалия, Россия, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, США, Таиланд, Турция, Украина, Франция, Хорватия, Чехия, Швейцария, Япония). Россию на конгрессе представляли С.И. Валиулина (Казанский (Приволжский) федеральный университет), Ю.А. Лихтер (ООО АИСТ, г. Москва), О.С. Румянцева (ИА РАН, г. Москва) и Е.К. Столярова (ИА РАН, г. Москва). Отметим также приехавших на конгресс зарубежных коллег, принимавших участие в прошедшей в Москве в 2011 г. конференции “Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время: изучение и реставрация”, – К.А. Лавыш (Белоруссия), Г. Седлачкову (Чехия), Л. Седлачкову (Чехия) и Д. Сташикову-Щуковскую (Словакия).

Программу конгресса составили 78 устных и 74 постерных доклада, поделенные на две параллельные секции по хронологическому принципу: секция А была посвящена периоду от II тыс. до н.э. до эпохи позднего Рима, секция Б – от византийского периода до современности. Каждая секция дополнительно подразделялась на пять хронологических тем.

Доклады и постеры, представленные на конгрессе, можно сгруппировать по проблематике. Основная часть касалась истории стекла определенных эпох и регионов, характеристики археологических культур по стеклянным находкам. Хронологически они охватывали период от середины II тыс. до н.э. до XVIII в. Географически представляли всю Европу – от Скандинавии до Италии и от Португалии до России, включая Поволжье, а также Азию (Турцию, Сирию, Израиль, Китай, Индонезию, Таиланд, Японию) и Северную Африку (памятники Древнего Египта и Карфагена).

Среди докладов, посвященных древнейшему периоду истории стекла, можно отметить выступление британских иссле-

дователей *П.Т. Николсона* и *К.М. Джексон*, представивших, возможно, один из самых ранних сосудов Древнего Египта – потир (кубок) из раскопок в Гуробе, относимый ко времени 18-й династии (1550–1069 гг. до н.э.).

Римскому периоду был посвящен доклад испанских и португальских коллег *М. да Круза* и *М.Д. Санчеса де Прадо*, собравших все опубликованные данные о мастерских неполного цикла римского времени на Иберийском полуострове. Кроме того, ими были учтены и новые, еще не опубликованные материалы. Выполненная работа позволила оценить стекольное производство на данной территории как продуктивное и значимое, сравнимое с производствами, находившимися в других римских провинциях, например, в Галлии и Британии.

Эпоха раннего Средневековья была представлена в докладе словацкой исследовательницы *Д. Сташиковой-Щуковской*, рассмотревшей сегментированные бусы (многочастные – в русскоязычной литературе), происходившие из труположений VII–IX вв. на Среднем Дунае. Статистический и сравнительный анализы, изучение технологии изготовления бус и химического состава стекла позволили выявить типы бус и их изменения в течение указанного периода.

Эпохе Средневековья также посвятили доклад турецкие исследователи *У. Джанав-Озгумус* и *С. Каняк*, представившие новые находки стекол средневизантийского периода из ц. Пантократора в Стамбуле. Находки стекольных глыб и полуфабрикатов-лепешек, сходных по цвету со смальтой, использованной в церкви, указывают на местное производство стекла для украшения храма. Помимо этого авторы приводят находки круглых витражных стекол диаметром 30 см с росписью и без.

Доклад белорусской исследовательницы *К.А. Лавыш* был посвящен новым находкам исламских стеклянных сосудов, открытых на территории Беларуси в Новогрудке, Витебске, Минске, Друцке, Гродно, Полоцке и Волковыске, дополняющих существующий свод находок, составленный в 1960–1980-е годы *Ф.Д. Гуревич*.

Перспективы исследования средневековых стеклянных изделий Среднего Поволжья (украшений, посуды, оконного стекла) были обозначены в докладе российской исследовательницы *С.И. Валиулиной*. По ее мнению, ключевое значение региона в этнокультурных и политических процессах русской истории и массовый характер источника позволяют не только установить направления и динамику международных связей, уровень развития ремесла и городской культуры, но и создать подробную хронологическую шкалу памятников, стратифицировать города Волжской Булгарии по социальному статусу.

Рассмотрению посудного стекла из Братиславы, датирующегося начиная с XIII по первую половину XVI в., был посвящен доклад чешских и словацких исследователей *Г. Седлачковой*, *П. Коошовой* и *Б. Лесака*. Исследование показывает разные по интенсивности хронологические периоды контактов города с Южной Европой, в том числе с Италией, а также с Венгрией, Австрией, Германией, Моравией (Брно).

Бусам нового времени был посвящен доклад российской исследовательницы *Е.К. Столяровой*, представившей результаты изучения комплекса стеклянных бус и бисера, найденных при раскопках одного из двух погребений одиночного кургана

у д. Холмы Солнечногорского района Московской обл. Бусы датированы XVII – первой половиной XVIII в. и отнесены к продукции венецианской и голландской стеклоделательных школ. Их место в погребении позволило предположить, что они использовались для украшения косы погребенной женщины.

Серьезное внимание на конференции уделялось археометрическому изучению стекла. В связи с этим значительное количество докладов было посвящено технологии и химическому составу стекол, проблемам производства стекла, раскопкам мастерских, реставрации стеклянных находок. Среди них отметим доклад большого коллектива авторов во главе с британским исследователем *Я. Фристоуном* (*Дж. Куницки-Гольдфингер, А. Уордл, Дж. Шеферд, И. Макдональд, М. Гутьяр, А. Пайк*), посвященный исследованию стекольной мастерской II в. н.э. в Лондоне на ул. Бейсингхолл, которая в тот период входила в ремесленный район, где располагались кожевенные, металлургические и керамические мастерские. Уникальный комплекс общим весом около 70 кг включал глыбы стекла разных размеров, фрагменты сосудов и оконниц, а также многочисленные осколки стекла. Проведенные исследования (SEM-EDXA, ICP-MS, изотопный анализ) позволили интерпретировать обнаруженную мастерскую как комплекс неполного цикла, работавший на привозном сырье с территории Восточного Средиземноморья. Кроме того, удалось установить наличие трех последовательных варок стекла, каждая из которых отличалась друг от друга по количеству добавленного стекольного боя.

Исследованию остатков мастерской более позднего времени – XVIII в. был посвящен доклад российских авторов *Ю.А. Лихтер, А.Г. Векслера и Н.И. Сударева*. Производственные отходы мастерской в виде бус, бесформенных кусков стекла, обломков стеклянных нитей и каплей были обнаружены в Москве, в районе Замоскворечья, на ул. Якиманка, в 2002 г. при раскопках Центра археологических исследований ГУОП. Мастерская, по-видимому, осуществляла неполный производственный цикл и изготавливала бусы из полуфабрикатов европейского, а возможно, и российского производства, на что указывает состав стекол и технологические приемы получения бус. Рынок сбыта мастерской очерчивают находки аналогичных бус в разных районах Москвы.

Важной дискуссионной проблеме средиземноморской торговли “сырым” стеклом в I тыс. н.э. был посвящен доклад *Я. Фристоуна* и его израильских коллег *Г.-Р. Йаэль и Г. Еху-да*. Авторы исследовали глыбы стекла, найденные во время подводных раскопок, проводимых в течение последних 50 лет в прибрежной зоне Израиля. Часть из них найдена в древних портах или рядом с ними, некоторые – в местах кораблекрушений, среди обломков кораблей, на которых их перевозили. В докладе проводится сравнение химического состава этих находок с материалами из центров производства “сырого” стекла, обнаруженного в этом регионе, что позволило авторам сделать важные выводы об их значении для торговли стеклом в Средиземноморье в течение I тыс. н.э.

Тему торговли “сырым” стеклом продолжил доклад американской исследовательницы *А. Фишер*. Привлечение результатов этнографических исследований, проведенных в 2010 и 2012 гг. в Иордании, позволило автору создать модель для интерпретации производства выдувного стекла на поселении Сепфорис (Израиль) в течение византийского периода. Речь идет о сложной системе импорта на поселение не только готовой продукции и “сырого” стекла, но и технологий в виде странствующих мастеров-стеклоделов.

Решению дискуссионной проблемы происхождения фасетированных сосудов (типы Ковалк, Тыргшор, Штрауме-VIII и пр.), найденных на территории черняховской культуры позд-

неримского времени – начала эпохи Великого переселения народов, на основании изучения химического состава стекол, был посвящен доклад российской исследовательницы *О.С. Румянцева* и украинских коллег *К.Н. Беликова и М.В. Любичева*. Исследование стекол методом энергодисперсионной рентгенофлуоресцентной спектроскопии подтвердило высказанную ранее версию о происхождении черняховских толстостенных кубков из западно-римских мастерских.

Несколько докладов было посвящено проблеме идентификации кобальтсодержащего сырья, используемого в стеклоделии с глубокой древности для окрашивания стекла в синефиолетовый цвет. В частности, японские исследователи *Йо. Абе, Р. Харимото, Т. Кикугава, К. Йазава, А. Нишизака, Н. Каваи, С. Йошимура, И. Накаи*, на основании проведенного изучения стекол и фаянсов методом рентгеновской флуоресценции, сделали вывод о разных источниках кобальта в период 18-й династии Нового царства (XV–XIII вв. до н.э.) и в эпоху 19–20-й династий Нового царства (XIII–XI вв. до н.э.).

Различные методы (SEM-EDX, XRF, Raman spectroscopy) определения источников кобальтсодержащего сырья, использованные для англосаксонских стеклянных бус, происходящих с поселения Рингмилл, были представлены в докладе исследователей из Великобритании *А.С. Мика и С. Мажинзик*.

Химическому составу и художественным особенностям богемского стекла XIV–XVII вв. был посвящен доклад чешских исследователей *Д. Рогановой и Я. Фролика*. Применение таких методов изучения состава стекла, как SEM/EDS и XRF для находок сосудов из г. Хрудим (Восточная Чехия), представленных чашами, кубками и кувшинами, показало, что в этот период богемские стеклоделы для варки одной порции стекла использовали два щелочных компонента – золу бука и поташ.

Недостаточное отражение на конгрессе нашли общетеоретические проблемы изучения стекла. Однако следует отметить доклад исследователей из Греции и Кипра *Дж. Стратиса, К.Н. Макароны, Е.Н. Харалампуса, Н.П. Калоджурис*, в котором было показано, что изучение истории стекла дает возможность изучать историю человека в разных ее аспектах – психологическом, экономическом, технологическом, энергетическом и даже медицинском.

Несомненно, большой интерес представил доклад исследовательницы из Нидерландов *М.Е. Штерн*, которая, используя археологические и письменные, в том числе литературные источники, пыталась решить проблему интерпретации женских имен, упоминавшихся в связи со стеклоделием в эпоху античности.

Помимо заседаний для участников конгресса были организованы экскурсии в Национальный музей Словении (г. Любляна) и Национальный археологический музей г. Аквиле (Италия), которые осуществляли финансовую поддержку мероприятия. После завершения конгресса для желающих была организована экскурсия для ознакомления с коллекциями стекла в Музее Доленска (г. Нове Место, Словения); Археологическом музее, Музее прикладного искусства и Музее Мимара (г. Загреб, Хорватия); Археологическом музее (г. Сплит, Хорватия); Музее древнего стекла (г. Задар, Хорватия); Музее кораблекрушения у о. Гналич (г. Биоград-на-Мору, Хорватия). В Археологическом музее в Сплите к посещению участников конгресса было приурочено открытие выставки античного стекла “Следы Эниона и Аристея в римской провинции Далмация”.

К открытию конгресса были опубликованы тезисы докладов: 19th Congress of the International Association for the History of Glass. 17–21 September 2012. Piran, Slovenia. Programme and Abstract Book / Ed. by Irena Lazar. Piran: Univerza na Primorskem, 2012. 196 p.

ООО АИСТ, Москва

Институт археологии РАН, Москва

Ю.А. Лихтер

Е.К. Столярова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ “СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ В АРХЕОЛОГИИ”. Москва, 29–31 октября 2013 г.

На протяжении всей истории археологической науки керамика из раскопок древних памятников неизменно привлекала пристальное внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Связано это с тем, что глиняная посуда, первые опыты по изготовлению которой относятся еще к верхнему палеолиту, начиная с эпохи неолита становится одним из наиболее массовых продуктов человеческого труда. Поэтому она оказалась наиболее тесно связана со всеми сторонами жизни древних коллективов – от хранения продуктов и приготовления пищи до обрядовой сферы. Соответственно, изменения, происходившие в разных сторонах жизни человека, вели к закономерным изменениям в глиняной посуде, затрагивая все ее стороны – технологию изготовления, формы и орнаментацию.

В ходе изучения древней керамики внимание исследователей направлено, прежде всего, на решение двух вопросов: какая конкретно информация о прошлом содержится в многочисленных обломках глиняных сосудов и как, с помощью каких методов, эту информацию можно сделать доступной для изучения. Как показывает многолетняя практика археологических исследований, изучение древней керамики нацелено преимущественно, во-первых, на выяснение относительной (а в последние десятилетия и абсолютной) хронологии исторических явлений; во-вторых, на анализ историко-культурных связей между разными группами древнего населения; в-третьих, на реконструкцию различных этнокультурных процессов, имевших место в древности и средневековье и приведших в конечном счете к сложению современной этнической картины мира.

Решение этих и многих других проблем осуществляется в археологической науке с позиций трех основных исследовательских подходов: эмоционально-описательного, формально-классификационного и историко-культурного. В рамках каждого из них исследователями используется обширный арсенал конкретных методических средств и приемов, включающий приемы изучения гончарной технологии, форм сосудов и их орнаментации. Исключительно важную роль играют при этом различные естественно-научные и экспериментальные методы анализа, а также этнографические данные о гончарстве разных народов.

В октябре 2013 г. в Москве, в Институте археологии РАН прошел Международный симпозиум “Современные подходы к изучению древней керамики в археологии”.

Основное внимание участников симпозиума было нацелено на решение различных аспектов двух фундаментальных научных проблем и было сосредоточено на обсуждении традиционных и новых методов исследования древней керамики и выяснении ее роли в изучении истории и культуры человеческого общества. В соответствии с этими общими проблемами была сформирована и программа симпозиума, включавшая две секции: подходов и методов изучения древней керамики (Секция 1) и приложения этих методов к решению конкретных историко-культурных проблем (Секция 2).

В рамках Секции 1 были представлены 22 доклада, а в Секции 2 – 17 докладов. В общей сложности на заседаниях было заслушано 40 докладов.

В работе симпозиума приняли участие российские исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Самары, Иркутска, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Владивостока, Петрозаводска, Оренбурга, Азова, Уфы, Барнаула, Омска, Тюмени, а также зарубежные специалисты по керамике из стран СНГ (Украина, Казахстан), Западной Европы (Великобрита-

нии, Франции, Германии, Швеции, Нидерландов) и Южно-Африканской Республики.

К сожалению, в силу объективных причин целый ряд исследователей, представивших заявки и тезисы докладов, не смогли принять непосредственное участие в работе симпозиума. Это О. Стилборг (Швеция) “Изучение позднемезолитической и раннеолитической керамики балтийского региона”, М.Г. Косменко (Петрозаводск) “Теоретические основания и практическая методика изучения лепной керамики бронзового и железного веков Карелии”, Е.В. Долбунова, М.А. Кулькова, А.Н. Мазуркевич (Санкт-Петербург) “Керамические традиции и роль глиняной посуды в культуре раннего неолита Восточной Европы”, О.Д. Мочалов (Самара) “Местные компоненты в керамических традициях населения эпохи бронзы северной части Волго-Уральского междуречья”, В.Г. Ломан (Казахстан) “О составе населения саргаринско-алексеевской культуры (по данным технико-технологического анализа керамики)”, Н.В. Войцешук (Украина) “Технология изготовления керамической посуды VIII–XII вв. на территории Западного Побужья”, А.Л. и Е.В. Щербань (Украина) “О функциях украинских глиняных сосудов”, А.И. Михеева (Йошкар-Ола) “Гончарство населения Марийского Поволжья в XIII–XV вв.”.

Симпозиум открылся приветственным словом Председателя Оргкомитета чл.-корр. РАН П.Г. Гайдукова, затем директор Института археологии РАН академик Н.А. Макаров и заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН академик В.И. Молодин поздравили участников симпозиума и пожелали им успешной работы.

Рабочие заседания начались с краткого доклада В.И. Молодина “Неизвестная Сибирь – новейшие археологические открытия”, в котором он познакомил участников симпозиума с последними достижениями сибирских археологов.

Секция 1. Методы изучения керамики. В докладе Г.Н. Поплевко (Санкт-Петербург) “Методический подход к комплексному изучению древней керамики” проводится мысль, что современный подход к исследованию керамики должен базироваться на применении типологического, морфологического, трасологического, технологического, петрографического, геохимического, экспериментального и статистического анализов. Были приведены некоторые результаты исследования ракушечной и майкопской керамики. Доклад И.Н. Васильевой (Самара) “О выделении видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики и их ареалов в эпоху неолита (по материалам Поволжья и сопредельных регионов)” был посвящен характеристике трех ареалов раннеолитических гончарных традиций Поволжья: 1 – нижневолжская культура, где использовалось илестое сырье, 2 – елшанская культура, где керамика изготавливалась из илестых глин с примесью шамота и 3 – камская культура, носители которой использовали дробленую глину с большой примесью шамота и органического раствора. И.В. Калинина (Санкт-Петербург) выступила с докладом “Антропология движения и технологическая традиция”, посвященного обоснованию мнения, что по сравнению с археологическими культурами технологические традиции надэтничны. Это проявляется в существовании разных традиций в рамках одной культуры и сходных традиций у носителей разных (даже удаленных на большое расстояние) археологических культур. Большой интерес вызвал доклад В.И. Молодина (Новосибирск) “Керамика как этнокультурный индикатор в Западно-Сибирь-

ских общностях позднего средневековья – нового времени”. На примере керамических комплексов барабинских, чатских и тарских татар, а также южных хантов и селькупов показана несомненная специфика формы и орнаментации посуды, а в ряде случаев удалось проследить эволюцию орнаментальных традиций на несколько столетий вглубь, что делает возможным доказательную реконструкцию по керамике этногенеза аборигенного населения.

Выступление Дж. Медоуса и Х. Пицонки (Германия) “Хронология керамики и радиоуглеродная датировка по нагару – как определить, какие даты надежны, а какие удревнены?” было посвящено важной проблеме выяснения степени влияния “резервуарного” эффекта на даты по пищевому нагару на керамике при использовании древним человеком пресноводной, морской или наземной диеты. Доклад А.А. Выборнова и М.А. Кульковой (Самара, Санкт-Петербург) “Радиоуглеродное датирование керамики неолита Восточной Европы” подвел итоги большой работы по определению возраста керамики методом конвенционного датирования (около 250 дат), разработанного в радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины. Показана достаточно высокая надежность большинства дат, подтвержденная анализом одних и тех же образцов керамики в различных лабораториях Западной Европы. В докладе Е.Н. Дубовцевой (Екатеринбург) «“Чистые” и “синкретические” традиции керамического производства в неолите Урала и Западной Сибири» был проведен сравнительный анализ несмешанных и смешанных гончарных традиций в рамках конкретных жилищных комплексов, показаны причины их сложения, а также приведены данные о распространении ранней керамики на территории таежной зоны Западной Сибири.

Доклад Н.П. Салугиной (Самара) “Социально-культурная интерпретация гончарной технологии населения срубной культуры позднего бронзового века Волго-Уралья” убедительно показал, что в социальном составе мужского населения позднего бронзового века существовала особая профессиональная группа – рудокопов-горняков, о чем свидетельствует наличие в поселениях и могильниках срубной культуры, расположенных вблизи древних медных рудников, особой группы керамики с искусственной примесью дробленого шлака и обожженной кости. Е.В. Волкова (Москва) в докладе “Что может рассказать керамика о социальной структуре и социальной иерархии древних обществ?” по данным всестороннего анализа фатьяновской керамики и погребального обряда обосновала дуально-родовую структуру этого общества, наличие в нем семей как с патрилинейным, так и с матрилинейным счетом родства, а также выделение разных по полу социально значимых и рядовых членов общества. Эти выступления наглядно продемонстрировали практическую неисчерпаемость древней керамики как важнейшего источника исторической информации.

Доклад А. Гибсона (Великобритания) “Связь между типологией и хронологией: керамика Британии 3000–2000 гг. до н.э.” посвящен сложной проблеме объяснения сходства между средненеолитической керамикой Петербору (или штампованной) и погребальной керамикой раннего бронзового века, сложившейся под влиянием культуры колоколовидных кубков. Автор предлагает свое решение этого спорного вопроса, заполняя имеющуюся хронологическую лауну путем прослеживания опосредованных связей между этими культурами через другие керамические комплексы.

Большой интерес вызвало выступление А. Линдаля (Швеция) “Древняя керамика железного века Южной Африки и историческая современность: некоторые спорные вопросы”. На основе имеющихся этнографических и археологических данных из Зимбабве и Южной Африки автор обосновывается вывод о том, что керамика дает ценную информацию по широкому кругу социальных и технологических вопросов, важней-

шими из которых являются развитие гончарной технологии во времени и анализ нефункциональных (социальных) аспектов глиняной посуды.

Доклад А.Н. Мазуркевича и Е.В. Долбуновой (Санкт-Петербург) “Мастера и технология изготовления глиняной посуды жилищной культуры строителей озерных свайных поселений” основан на анализе технологии, морфологии и орнаментации керамики поселения Сергея II (Велижский район Смоленской обл.), который позволил выявить особенности разных построек, обусловленные, по мнению авторов, как появлением новых мастеров, так и копированием старыми гончарами новых приемов изготовления и орнаментации сосудов. Оживленную дискуссию вызвал очень интересный доклад И.В. Шевниной (Казахстан) “Эксперименты с добавлением шерсти в формовочные массы в контексте изучения неолитической керамики Торгая, посвященный экспериментальному выделению признаков использования шерсти разных животных в составе формовочной массы и анализу влияния этой примеси на свойства керамики при сушке, формовке и обжиге сосудов.

Положительный отклик получил доклад О.А. Лопатиной (Москва) «“Текстильные” отпечатки на дьяковской керамике (экспериментальное изучение)», посвященный выделению и уточнению признаков отпечатков, возникающих на поверхности глиняных сосудов в результате выбивания или прокатывания рельефными колотушками или широкими штампами. Автору удалось обнаружить признаки, указывающие на разное положение сосуда по отношению к мастеру во время такой обработки поверхности. Доклад Л.Н. Мыльниковой (Новосибирск) “Методы естественных наук в изучении керамического комплекса поселения переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Линево-1” был посвящен применению для изучения керамики бинокулярной микроскопии, петрографического, рентгенофазового, термического, микронзондового и дериватограмметрического анализов и характеристике полученных результатов. В коллективном докладе Г. Маммзена, У. Шлотхауэра (Германия) и Д.В. Журавлева (Москва) “Античная керамика Азиатского Боспора: новые результаты исследований методом нейтронной активации (НАА)” изложен метод статистического анализа данных об элементном составе керамики, который позволил выделить на побережье Малой Азии несколько локальных производственных центров и проследить пути распространения керамики в бассейне Азовского моря.

Ряд докладов был посвящен отдельным методическим вопросам изучения средневековой керамики. Так, например, в докладе А.Н. Масловского (Азов) “Опыт обработки массового керамического материала из раскопок золотоордынского Азака” была изложена авторская методика визуального описания морфологии и технологии керамики (около 50 тыс. обломков) из так называемых закрытых комплексов, что, по мнению автора, позволило ему “детально проследить эволюцию керамического производства и импорта”. Доклад Н.В. Лопатина (Москва) “Керамическая шкала Изборска и проблемы его периодизации” был посвящен изложению и обоснованию авторской гипотезы о том, что отсутствие на городище керамики с растругообразным горлом следует объяснить временным затуханием городской жизни с переходом населения в близлежащие деревни. Этот вывод используется для объяснения статуса и характера развития Изборска в XI–XII вв. В коллективном докладе С.Г. Бочарова (Украина), В.Ю. Коваля (Москва), А.Н. Масловского (Азов) и Я.В. Френкеля (Санкт-Петербург) “Методика археометрического исследования поливной керамики Юго-Восточного Крыма XIII–XV вв.” представлены результаты петрографического и рентгено-флюоресцентного анализа формовочных масс и глазурей более 500 сосудов из Юго-Восточного Крыма, золотоордынского Поволжья, Волжской Булгарии, Турции, Ирана, Армении и соседних регионов. В результате получен

уникальный банк данных, который может быть использован для решения широкого круга вопросов. Доклад Л.В. Татауровой (Омск) *“О типологии русской посуды XVII–XVIII вв.”* посвящен изложению авторского взгляда на типологию посуды в соответствии с культурными нормами изучаемого периода. Для эпохи позднего средневековья – нового времени чисто археологической систематизации материала с выделением типов недостаточно. Типология должна быть построена с учетом принятых в культуре терминологии, назначения и применения посуды, выявленных по архивным, этнографическим и иным источникам. Исключительное внимание вызвал доклад Н.Н. Грибова (Нижний Новгород) *“Технология формовки как основа систематизации венчиков русской средневековой керамики”*, в основу которого были положены длительные экспериментальные исследования автора. Н.Н. Грибов подчеркивает недостаточность чисто формальной классификации венчиков и необходимость реконструкции технологических традиций их оформления с целью создания так называемой “естественной” классификации. По характерным технологическим приемам выделены семь типологических групп венчиков, каждая из которых, по мнению автора, представляет собой определённый этап в реализации общих тенденций эволюционного усложнения верхних частей сосудов. Важному методическому вопросу был посвящен доклад К.И. Панченко (Москва) *“Статистическая обработка керамики и достоверность полученных данных: некоторые проблемы”*. Оценивая соотношение между числом фрагментов и числом сосудов, автор приходит к выводу, что оно колеблется примерно в интервале 5:1–4:1. Поэтому абсолютное большинство закрытых комплексов содержит заведомо недостаточные для статистического анализа выборки, а предоставляют только простую информацию о наличии или отсутствии, частично о доминировании определённого типа керамической посуды. Только обобщение нескольких совокупностей керамического материала ведет повышению достоверности выводов. В докладе Е.В. Майоровой (Москва) *“Поливная керамика XVII–XIX вв. Методы обработки и возможности материала”* были проанализированы информативные возможности поливной керамики Центральной России, представлена ее подробная классификация, состоящая из 43 условных типов, на основе которой, по мнению автора, можно сузить датировку археологических объектов до 50 лет. Выявлены как региональные, так и общие черты развития поливной посуды в регионе.

Таким образом, на симпозиуме остро дискутировались различные методические вопросы изучения керамики практически всех исторических эпох от раннего неолита до позднего средневековья. Наглядно были продемонстрированы возможности и перспективы историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским в 70-х годах прошлого столетия.

Секция 2. Керамика и история. Ряд докладов касались происхождения и древнейшей истории гончарства Дальнего Востока. В частности, доклад И.С. Жуцховской (Владивосток) *“Традиции гончарства культуры Дземон: координаты пространства и времени”* был посвящен исследованию керамики стилей Нижний Энто и Верхний Энто культуры Дземон Японского архипелага. Сравнительный анализ этих стилей позволил установить, что наиболее статичным компонентом гончарства являлся комплекс технологических приемов. В морфологии посуды наблюдаются постепенное расширение разнообразия форм и некоторых морфологических черт. В совместном докладе Ю.Б. Цетлина (Москва) и М.Е. Медведева (Новосибирск) *“Гончарство осиповской культуры Приамурья (13–10 тыс. л.н.)”* приведены результаты технологического и морфологического изучения древнейшей керамики Дальнего Востока России с позиций историко-культурного подхода. Установлено, что уровень развития местного гончарства относился к *протогончарным производ-*

ствам, для которых характерно использование равнинного или горного илов в качестве основного сырья в сочетании с низкотемпературной или короткой высокотемпературной обработкой сосудов. Доклад О.В. Янишиной (Санкт-Петербург) *“К проблеме происхождения гончарства (по материалам Восточной Азии)”* содержит итоги сравнительного изучения древнейших керамических комплексов Восточной Азии. По мнению автора, гончарство разных районов в пределах этой территории имело устойчивую этнокультурную специфику. В коллективном докладе П. Хоммеля, П. Дзя (Великобритания), П. Джордана (Нидерланды) и В.М. Ветрова (Иркутск) *“За пределами датировок. Керамика, технология и ее развитие в эпоху неолита в бассейне Верхнего Витима”* приводятся некоторые результаты исследования роли специального анализа керамики для понимания условий жизни общин охотников и собирателей и значения глиняной посуды в этих обществах. Полученные данные рассматриваются в контексте современных археологических и геологических данных, а также существующих социоэкономических моделей.

Доклад М. Ле Миер (Франция) *“Начало керамики на Ближнем Востоке: вклад археометрических исследований”* касался другого региона формирования древнейшего гончарства. Археометрические исследования древней керамики Ближнего Востока дали важную информацию о применявшейся здесь гончарной технологии, типах глин и использовавшихся примесей, режимах и температурах обжига посуды. Они также способствуют выяснению особенностей распространения этой керамики и решению ключевого вопроса о происхождении гончарного производства в этом регионе. В докладе М. Снатаро (Великобритания) *“Культурные и технологические изменения керамики при переходе от раннего к среднему неолиту в Юго-Восточной Европе”* обобщены обширные данные о стилистике и технологии керамики Восточной Адриатики и Центральных Балкан. Проведенные автором минералого-петрографические и геохимические анализы подтвердили, что вид использовавшихся примесей не зависел от функционального назначения сосудов, а определялся длительно бытовавшей технологической традицией, которая отражала культурные особенности и границы существовавших здесь групп населения. Доклад Т.Н. Хорошун (Петрозаводск) *“Об изготовлении глиняной посуды в позднем неолите – раннем энеолите на территории Карелии”* был посвящен выяснению химического и минерального состава сырья, его особенностей у носителей гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики. Для этого автором использованы полный силикатный и спектральный анализы, электронно-зондовая микроскопия, петрография и рентгенофазовый анализ. Общие морфологические и технико-орнаментальные признаки в обоих типах керамики позволили сделать вывод об общей природе их возникновения от неолитической ямочно-гребенчатой керамики.

Доклад Н.Ф. Степановой (Барнаул) *“Роль керамики в изучении афанасьевской культуры”* был посвящен дискуссионной проблеме происхождения и развития этой культуры. Анализы сырья и формовочных масс керамики говорят о сложности некоторых навыков изготовления глиняной посуды не в горной местности и могут свидетельствовать о пришлое характере этого населения. Сравнительное изучение орнаментальных традиций керамики из афанасьевских памятников Горного Алтая и Енисея позволяет предположить, что эти памятники функционировали в один хронологический период, измеряемый несколькими столетиями. В докладе В.В. Илюшиной (Тюмень) *“Особенности гончарного производства у населения коптяковской культуры Нижнего Приобья”* приведена всесторонняя характеристика технологических и орнаментальных керамических традиций с позиций историко-культурного подхода. Полученные данные свидетельствуют, что традиции

гончарного производства коптыковской культуры Нижнего Притобья формировались без непосредственного участия уральских групп населения. Доклад В.И. Мухаметдинова (Уфа) *“Гончарные традиции населения Южного Урала в эпоху поздней бронзы (к вопросу о срубно-алакульских контактах)”* содержал детальный анализ приспособительных технологических и орнаментальных традиций глиняной посуды. Автором показано, что если на раннем этапе еще сложно судить о контактах этих групп населения, то на позднем этапе межкультурные контакты фиксируются по смешанным рецептам “шамот + раковина” в Предуралье и “шамот + тальк” в Зауралье, а также – по близким орнаментальным традициям.

Доклад В.Е. Маслова (Москва) *“Керамика Центрального Предкавказья в раннескифское время”* посвящен попытке выяснения причин формирования нового керамического комплекса чернолощенной столовой и тарной посуды с подчеркнутой геометризацией формы. Унификация форм сосудов на значительной территории основного ареала памятников скифского типа показывает, что новые образцы посуды стали знаковыми атрибутами, которые встречены и в погребениях скифской военной знати. Автор предполагает вероятную взаимосвязь между появлением аморфного раннегосударственного образования и быстрым формированием нового набора вещей, отразивших распространение скифской “аристократической” моды. В обобщающем докладе Л.А. Краевой (Оренбург) *“Сарматская керамика как исторический источник”* раскрывается роль керамики в реконструкции историко-культурных процессов, шедших в Южном Приуралье в VI–I вв. до н.э. Автор отмечает разнообразие гончарных традиций ранних кочевников, обосновывает преемственность гончарного производства “савроматов” (VI–V вв. до н.э.) и ранних сарматов (IV–I вв. до н.э.), что свидетельствует о преемственности этих культур, приходит к выводу о том, что в культурогенезе ранних кочевников Южного Приуралья принимали участие несколько групп населения из разных регионов, в том числе из Зауралья и Средней Азии.

Большой интерес вызвал доклад С.А. Беляевой (Украина) *“Роль керамики в изучении взаимодействия украинской и турецкой культуры XV–XVIII вв.”*, в котором было показано, что турецкое и украинское гончарство имели отдельную друг от друга генетическую основу, свой путь эволюции типологических и декоративных признаков. Вместе с тем общими чертами было использование развитого ножного круга, особое внимание к качеству сырья, значительная доля столовой посуды и ее ассортимент; широкое производство поливной керамики и т.п. Выявлены несколько путей распространения престижной османской керамики на территории Украины, формы и особенности межкультурных контактов, взаимосвязь восточных и западноевропейских художественных традиций в развитии культуры Украины в XV–XVIII вв. Доклад О.Л. Шаргановой (Москва) *“Гончарный круг в Смоленском Поднепровье в эпоху раннего средневековья”* посвящен, с одной стороны, выявлению (по методике А.А. Бобринского) конструкций гончарных кругов по следам на днищах глиняных сосудов, а с другой – выяснению связи между конструкцией круга и формой сосудов, которые на нем изготавливались. В результате было установлено, что местные гончары использовали различные конструкции гончарных кругов (грибовидный круг, круги с подвижной и неподвижной осью, ножной круг со спицами). При этом устойчивая связь между конструкцией гончарного круга и формой сосудов не зафиксирована. В докладе М.А. Ключникова (Москва) *“Редкий случай гончарной технологии”* описан очень интересный факт изготовления четырех глиняных сосудов, обнаруженных при раскопках Гнездовского поселения, из разных по степени ожелезненности и составу формовочной массы конструктивных элементов (жгутов), которые последо-

вательно чередовались друг с другом при наращивании стенок. Такие случаи встречаются крайне редко и пока трудно дать им обоснованное объяснение. Доклад И.М. Поташевой (Петрозаводск) *“Гончарство древних карел в эпоху Средневековья: лепная и круговая посуда населения Северо-Западного Приладожья”* посвящен типологии лепной и круговой керамики и ее синхронизации с типохронологическими колонками центров Древней Руси (Новгорода, Пскова и Старой Ладogi). Анализ форм сосудов способствовал выявлению традиций и инноваций в местном гончарстве, а также определению внутренних и внешних факторов, повлиявших на динамику этого процесса. В докладе Л.В. Чмил (Украина) *“Опыт применения статистических методов в изучении керамики Среднего Поднепровья XVI–XVIII вв.”* сделана попытка выделения хронологических признаков глиняной посуды. Автором использованы методики В.Ф. Генинга, И.Г. Сарачева и Г.А. Федорова-Давыдова. Статистический анализ керамики позволил выявить признаки, которые расценены автором как хронологически наиболее информативные. Корреляция этих данных с нумизматическим материалом и другими датированными источниками позволила получить абсолютную хронологию комплексов керамики и типов горшков и тарелок, а также других разновидностей керамической посуды.

Таким образом, на заседаниях симпозиума наглядно проявилась тесная связь теоретико-методических и прикладных исследований древней керамики как одного из важнейших исторических источников, позволяющих получить информацию по широкому кругу вопросов как древней, так и недавней истории человеческого общества.

В ходе работы симпозиума его участникам был показан документальный фильм о работе двух гончаров: Виталия Ивановича Середа (хутор Середа, Минская область, Белорусская ССР) и Адольфа Габриловича Койры (деревня Лоси, Швенченский район, Литовская ССР), снятый в 1969 г. сотрудниками Комплексного отряда по изучению гончарства под руководством А.А. Бобринского.

На заключительном заседании выступили академик В.И. Молодин, д.и.н. В.Е. Медведев, д.и.н. С.А. Беляева (Украина), зам. председателя Оргкомитета д.и.н. Ю.Б. Цетлин. Все выступавшие отмечали исключительно высокий научный уровень представленных докладов, четкую и слаженную работу Организационного комитета и симпозиума в целом, плодотворное и доброжелательное обсуждение докладов. По общему мнению, проведенный международный симпозиум вызвал большой интерес специалистов и в дальнейшем окажет значительное влияние на углубление, пропаганду и дальнейшее развитие исследований древней керамики как важнейшего источника исторической информации о прошлом человеческого общества, а также будет способствовать расширению творческих контактов между российскими и зарубежными специалистами по древней керамике.

1 ноября 2013 г. для участников симпозиума была проведена экскурсия в музей-усадьбу Коломенское, после которой они посетили Лабораторию “История керамики” Института археологии РАН, где познакомились с основными направлениями ее работы, а также с обширными экспериментальными, этнографическими и эталонными археологическими коллекциями.

Представленные на симпозиум материалы были опубликованы к началу заседаний в специальном сборнике “Международный симпозиум “Современные подходы к изучению древней керамики в археологии”. 29–31 октября 2013 г. Тезисы докладов. Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2013 (объем 6,4 п.л.).

Симпозиум был организован и проведен при финансовой поддержке Института археологии РАН и РФФИ грант № 13-01-14006г.

ПАМЯТИ ЮРИЯ МИХАЙЛОВИЧА ЛЕСМАНА (1954–2013)

В ночь на 23 февраля 2013 г. на 60-м году жизни скоропостижно скончался Юрий Михайлович Лесман – археолог и историк, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа.

Ю.М. Лесман родился 17 января 1954 г. в г. Ленинград. Интерес к археологии проявился у него рано. В конце 1960-х годов Юрий занимался в школьном кружке при кафедре археологии ЛГУ и посещал славяно-варяжский семинар кафедры, читал научную литературу в библиотеке Ленинградского отделения ИА АН СССР (ныне – ИИМК РАН), участвовал в археологических конференциях, ездил в экспедиции. Уже в те годы проявилась его способность к научному творчеству: школьником он составил картотеку древнерусских курганов Верхневолжья, материалами которой затем пользовался на протяжении десятилетий, постоянно пополняя ее сведениями о вновь раскопанных погребениях. Однако путь в археологию у Юрия оказался непростым (см. подробнее некролог: “Российский археологический ежегодник”. 2013. № 3. С. 703–706).

В 1971 г., после окончания математической школы № 30 г. Ленинград, Юрий Лесман поступил учиться в Ленинградский государственный политехнический институт, который

закончил в 1976 г. по специальности “Электро-вычислительная техника”. Одновременно с этим он посещал занятия на кафедре археологии Ленинградского университета и ко времени получения диплома неофициально прослушал полный курс исторического факультета. В эти годы у Ю.М. Лесмана сформировался интерес к материальной культуре средневековой Руси и проблемам хронологии древнерусских вещей (прежде всего, украшений) – темам, которые в дальнейшем станут основными в его научном творчестве. Обучение в техническом вузе дало базовую подготовку для другого живо интересовавшего его научного направления – применения методов точных наук в археологии.

После окончания Политехнического института Ю.М. Лесман несколько лет работал по распределению старшим инженером в вычислительном центре Центрального котло-турбинного института. При этом он продолжал активно заниматься археологией – проводил разведки и раскопки в Ленинградской и Калининской (ныне – Тверской) обл., участвовал в конференциях, публиковал первые статьи.

В 1981 г. Ю.М. Лесмана приняли в Государственный Эрмитаж, где он трудился до конца своих дней. Сначала он был зачислен старшим инженером в Отдел музейной информатики, а с 1997 г. перешел в сектор архитектурной археологии, где работал в должности старшего научного сотрудника. В служебные обязанности Ю.М. Лесмана входила работа по созданию музейной базы данных Эрмитажа, которую он совмещал с систематическим изучением археологических коллекций, благо многие из них хранились неподалеку, в помещениях Эрмитажа. Появилась возможность вплотную заняться любимой темой – древнерусской хронологией. В 1984 и 1990 гг. изданы его статьи “Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (принципы синхронизации)” и “Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.)”, которые стали заметным явлением в отечественной археологической медиэвистике.

В 1986 г. Ю.М. Лесман стал соискателем на кафедре археологии МГУ (научный руководитель – В.Л. Янин) и в 1988 г. здесь же защитил кандидатскую диссертацию на тему “Погребальные памятники северо-запада Новгородской земли и Новгород XI–XIV вв. (синхронизация вещевых комплексов)”.

В 1990–2000-е годы научная деятельность Ю.М. Лесмана находилась на подъеме. Он предпринимал многочисленные научные командировки по России (Москва, Новгород, Псков), ближнему (Украина, Беларусь) и дальнему (Англия, Германия, Швеция) зарубежью. Он – постоянный участник представительных конференций, семинаров и коллоквиумов тех лет. Из печати выходят многочисленные статьи, посвященные как традиционным для отечественной науки темам (славянский этногенез; хозяйство, расселение и погребальный обряд славян и их соседей; информативные возможности культурного слоя; северо-европейские традиции в материальной культуре Древней Руси), так и проблемам экзотическим (средневековая эротика). Но центральной темой оставалась хронология древностей средневековой Руси, прежде всего, украшений. Ю.М. Лесман продолжал совершенствовать методику датирования предметов и комплексов, применял полученные результаты для проверки хронологии новооткрытых и хрестоматийных памятников. На протяжении четверти века он являлся ведущим специалистом в изучении древнерусской хронологии: многочисленные ссылки на “устные консультации Ю.М. Лесмана” в работах коллег

говорят сами за себя. Многие ждали от Юрия Михайловича защиты докторской диссертации и издания монографии, посвященной хронологии ювелирных изделий средневекового Новгорода. Однако и защита, и завершение книги все время откладывались. Ю.М. Лесман не признавал формулы “лучшее – враг хорошего”: он постоянно дорабатывал рукопись и никак не мог поставить в ней точку. Кроме того, много времени у него отнимали занятия, напрямую с основной научной работой не связанные, – раскопки памятников нового времени в Петербурге (во дворах Эрмитажа и на Дворцовой площади), преподавание на кафедре музееведения философского факультета СПбГУ и на кафедре урбанистики и городской среды СПбГАСУ, градозащитная и общественно-политическая деятельность.

Ю.М. Лесман был человеком яркого критичного ума, редкой доброты и большого мужества. Без преувеличения можно сказать, что с его смертью мы потеряли одного из самых авторитетных и эрудированных специалистов по средневековой археологии Северо-Запада Руси. После него осталось около 150 опубликованных работ, два десятка статей, в разной степени подготовленных к печати, практически завершенная монография. Трудно осознать, что его нет. Но еще будут выходить из печати его статьи. Будет, мы уверены, опубликован и главный труд его жизни – “Хронология ювелирных изделий Новгорода”. А сам Юрий Михайлович навсегда останется с нами. В нашей памяти.

Ю.М. Лесман похоронен на Смоленском кладбище г. Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
Институт археологии РАН, Москва

С.В. Белецкий
П.Г. Гайдуков

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Адыгейский НИИ ЭЯЛИ	– Адыгейский научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории. Майкоп
АМА	– Античный мир и археология
ВАС	– Всероссийский археологический съезд
ВГПУ	– Воронежский государственный педагогический университет
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВДИ	– Вестник древней истории
ВСРПО	– Всесоюзное специализированное реставрационное производственное объединение
ДБ	– Древности Боспора
ИИМК	– Институт истории материальной культуры. СПб.
ИЯЛИ АН СССР	– Институт языка, литературы и истории Академии наук СССР. Казань
ИИЯЛИ УНЦ РАН	– Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук
КФАН СССР	– Казанский филиал Академии наук СССР
ЛГПИ	– Липецкий государственный педагогический институт
МАВДС	– Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР	– Материалы и исследования по археологии России. М.
МИАСК	– Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир
МОАИ	– Материалы охранных археологических исследований. М.
НПЦ	– Научно-производственный центр
РГУ	– Ростовский государственный университет
САИ	– Свод археологических источников
СГМИИ	– Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. СПб.
СГУ	– Саратовский государственный университет
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ	– Советская этнография
ХНУ	– Харьковский национальный университет
ХС	– Херсонесский сборник
AJA	– American Journal of Archaeology
BAR	– British Archaeological Report. Oxford
EA	– Eurasia Antiqua
PZ	– Praehistorische Zeitschrift
SPÖG	– Schriften der Physikalisch-Ökonomischer Gesellschaft zu Königsberg
ZA	– Zeitschrift für Archaeologie. Berlin